

Лидия
Евдокимова

Тёмное Солнце

В мире, восставшем из пепла первых лет колонизации, позабывшие правду потомки великих первопроходцев должны будут вспомнить, что свет и тьма — не соперники, а лишь равноценные и необходимые противовесы для поддержания хрупкой мировой структуры. Пять тысяч лет борьбы, одиночества и чужих ошибок теперь сойдутся воедино ради выживания людей.

Лидия Григорьевна Евдокимова

Темное солнце

Автор выносит благодарность Сергею Зайцеву за создание мужских персонажей, без которых этот текст был бы крайне неполным

Вокруг нас воздух — мы в нём коконы нитей из плоти,
Но мне легко волшебством этот порядок испортить.
И все превратить пути в игру из теней и света,
Я знаю мне нужно уйти, чтобы спасти. Я сделаю это.
Приятна дорога в ад, маршрут бесконечно долог.
Один проникающий взгляд — твой мир безвозвратно расколот.
Возможно ли прорасти в снегу без тепла и света?
Я знаю мне нужно уйти, чтобы спасти. Я сделаю это.
Усталость — приятный сон, неряшливость превращений,
Как смех, кружение, звон сладостных снов мучений.
Больше нет смысла, нет сил. Нарушены все запреты,
Я знаю мне нужно уйти, чтобы спасти. Я сделаю это.
Так кто, кто из нас проник, я прячусь и ускользаю,
Не замедляясь на миг, тебя от себя спасаю.
Так кто, кто же посетил тупик опасных секретов,
Я знаю мне нужно уйти, чтобы спасти. Я сделаю это.

Флёр — Я сделаю это

— Значит, вы выбираете раствориться среди своих потомков?

— Да, это так, — капитан наклонил чисто выбритую голову, на которой выделялись красным следы от многолетних подключений нейроинтерфейса, так и не прошедшие за минувшие с Прибытия годы.

Его жёлтые глаза светились, словно расплавленное золото, и Главный Инженер поневоле опустил взгляд. Не потому, что так требовала субординация, но из-за нестерпимой силы, заключённой в капитане. Если Навигатор определял направление движения, то Сэл Литан был сердцем огромного ковчега, висевшего сейчас на орбите четвертой планеты, прикрываясь луной от излучения двух солнц. Именно воля капитана заставляла корабль двигаться и жить, как единый организм... «Недолго ему осталось жить, — злорадно подумал Инженер, и устыдился этой эмоции. Они все были в одном и том же положении. — Нет, все-таки это слишком. Дети должны иметь свой путь».

— После всех подготовительных работ и постройки океанической верфи я передам свой генетический материал своей дочери, которая сейчас лежит в холодном сне, — проговорил Сэл. Там, на родине, оставшейся в сотнях световых лет, они принадлежали к древнему аристократическому роду, где браки между родственниками не были чем-то особенным или запретным. Но остальные, находившиеся в невесомости на мостике, поморщились, а врач скорчила на своём бледном лице гримасу отвращения.

— Я против такого обхождения с нашими потомками, — сказала она, выпрямляя свою согнутую от просиживания за генетическим модулятором спину. На худощавом лице со впалыми щеками выделялись глубоко запавшие тёмные глаза, смотрящие устало и тоскливо. — Сэл, это просто отвратительно. Мы лишаем их судьбы...

— Или даём им новую судьбу, лучше прежней, — золото зрачков капитана обратилось на измождённого врача. — Милена Ван Хорн, ты предпочтёшь, чтобы они сгорели в пламени сверхновой через пять тысячелетий?

— Нет, — Милена отмахнулась рукой, как от надоедливой насекомого. Капитан задержал на ней взгляд, но потом прикрыл тяжёлые веки, и кивнул. — Мы все голосовали. Решение выработано.

— В таком случае, выполняй свой долг.

— Я не буду передавать себя, — пожал плечами Инженер. Ему было неприятно думать, что его потомки будут ухудшенными копиями его самого. И потому он рубанул сплеча, вкладывая в свои слова всю горячность, доставшуюся ему в наследство от его предков-шахтёров: — Но мой народ будет создан мною полностью, с нуля. Разнообразие Ван Хорн обеспечит, а так... Пусть они живут под землёй, добывая руды и плавя металлы, и будут так же искусны в механике, как и я сам. Но моя память останется только в книгах, легендах и преданиях. Я ещё успею их научить...

Капитан посмотрел на коренастого и невысокого Давика Орфа, и, поджав губы, коротко наклонил голову, подтверждая решение.

— Твоё тщеславие мне понятно, — произнёс он, и голос Сэла неожиданно дрогнул, но он тут же исправился. — Назови их дворфами, в твою честь. Так будет правильнее.

— И впрямь, — улыбнулся Орф. — Я не думал о названии, но вы, капитан, мудры. Пусть они заключат союз с туземцами. Энергетическим формам жизни потребуются владеющие

руками и механизмами союзники.

— Это в компетенции начальника службы безопасности, — Сэл утёр выступивший на лице пот, и все поняли, почему капитан так торопится завершить проект. Все, кроме Орфа, который достал планшет, и погрузился в расчёты, что-то мурлыкая себе под нос. Капитан умирал. Ковчег выпил его жизнь, всю, до капли, пока летел в межзвёздной пустоте. Если остальные просыпались время от времени, то Литан отстоял всю трёхсотлетнюю вахту без перерыва. И это напряжение подкосило могучий организм, способный прожить почти тысячелетие. — Дипломаты лежат в карго, и будут задействованы после пробуждения и начала работы верфи.

Безопасник, зависший в просторной рубке так, чтобы видеть всех собравшихся одновременно, и внимательно наблюдавший за их выражениями лиц, ничуть не удивился предложению капитана. Он наморщил тонкий нос, под которым выделялась аккуратная ниточка усов, делавшая его похожим на злодея из древних голопъес, и спокойно произнёс:

— По моим выкладкам, вместо обычного падения на две-три технологические эпохи, в следующую тысячу лет здешнее человечество скатится к городам-государствам железного или бронзового века, но это не страшно. Если Эгида заработает, у них еще будет шанс выжить и построить все заново, на новой родине. Дипломатия и прочие изыски сейчас излишни, и вряд ли энергеты составят такую уж проблему. Им нужны очень специфичные условия для жизни, а их симбионты не выдерживают долгих контактов с нашими организмами.

— Когда, — капитан кашлянул. — Когда она сработает. Мы сознательно отдаём всю энергию и все запасы машин на верфь и щит. Детям достанутся искины, немного необходимых для выживания технологий и всё. Остальное они должны сделать сами.

— Я поддерживал вашу идею, капитан, и продолжаю это делать, — спокойно сказал среброволосый и голубоглазый навигатор Ветрис, и холодно окинул взглядом собравшихся. Особенно долго он задержал глаза на безопаснике, ухмыльнувшись в ответ. — Но с одним дополнением. Я полностью транслирую себя в искина, как и вы, но мои прямые потомки, точнее, линия их правителей, будут клонами. Только так можно избежать искажения информации. Только так мы сможем протянуть руку сквозь время, и включить щит. Даже если они забудут все, я буду помнить.

— Вот кто по-настоящему тщеславен, — шепнула на ухо Милене её коллега, отвечавшая за выращивание клонов и зигот. Дара Хатор была полной противоположностью своей начальницы — невысокая, полноватая и с так и не угасшим румянцем на щеках женщина с русыми волосами до пояса. Именно благодаря её неосязаемой опеке Ван Хорн еще не умерла от голода, погрузившись в очередную проблему совместимости аллелей. И она считала возможным отпускать такие шуточки, чтобы немного сгладить атмосферу злой тоски, которая понемногу окутывала корабль. — Ветрис хочет обрести бессмертие, и вдоволь насладиться десятком жизней царя. Или кто там будет править его народом?

— Нам с тобой предстоит гораздо более печальная участь, Дора, — так же тихо ответила Милена. — Я предполагаю, что придётся использовать наши яйцеклетки. Колонисты почти не подходят для столь долговременного проекта. Слишком мало среди них высокорожденных и биоэнергетов. Единицы. Для искина Севера и Варгейна вообще придётся выращивать конструкторов-слуг, другие там не выдержат.

— Мои яичники — к твоим услугам, — скривилась Хатор, но спустя мгновение уже

превратила эту мину в улыбку. — Подожди, для Чистильщика не нашлось людей?

— Стабильных не нашлось, — Ван Хорн тихо вздохнула. — Придётся изобрести новую расу.

Безопасник прочёл по губам этот разговор, но ничего не сказал. Он и так все знал гораздо лучше дам, и их мнение его позабавило. «Пожалуй, с Дарой стоит поговорить приватно, — подумал он. — Она может сыграть роль и в моих планах».

Излияния Ветриса прервал энергетик. Он вежливо покашлял в кулак, пока увлечшийся навигатор разливался соловьём, описывая перспективы развития народов под управлением мудрых искинов, сейчас зреющих в сердце мастерских корабля.

— Многоуважаемый Ветрис наверное, забыл, что сомнительной чести переноса матриц сознания заслужили только лишь некоторые из присутствующих, — он ощерился, тяжело дыша. Пострадавший от выбросов радиации в реакторном отсеке во время торможения, энергетик чувствовал себя отвратительно, а невесомость, включённая в рубке ради ослабевшего капитана, вызывала у него тошноту. Хотелось кого-нибудь убить. — Трое. Но вы забыли об одной важной составляющей системы равновесия. Вы, капитан, примерьте на себя одеяния созидательного Света Солнц, и с этим сложно спорить. Навигатор станет вашей, кхе-кхе, союзной силой и олицетворением Луны, хотя на эту роль и не подходит, потому как старается стать первым... — высохший за время вахт человек с клочковатой серой шевелюрой бросил ненавидящий взгляд на красавца-навигатора, безразлично наблюдавшего за попыткой измарать его грязными намёками. — Ну, с Тьмой, хранящей безопасность, я согласен. Кому ещё обеспечивать выбраковку и отбор?

— Короче, Пеленгас, — капитан помял небольшой шарик, встроенный в подлокотник его модифицированного Миленой кресла, и медблок вспыхнул несколькими розовыми огоньками. — Если есть, что сказать, говори. Или пусть продолжит Ветрис, он хотя бы это делает красиво.

— Подчиняюсь, — нехорошо улыбнулся энергетик. Капитану осталось вряд ли больше, чем ему. — А куда девать всё то дерьмо, которое получается в результате? Кто отвечает за переработку и утилизацию? Раз уж мы стали создавать свою мифологию, основываясь на сказаниях нашей бывшей родины, будем последовательны. Нам не хватает в пантеоне божества, ответственного за смерть!

— И кого же ты предлагаешь на эту роль? — спросил безопасник, опередив даже капитана. Но ответ он уже знал наперёд. «Этот сукин сын хочет бессмертия, — подумал Варгейн, делая пометку в памяти, — и хочет примазаться к моей стороне силы. Каков подлец...» — Себя?

— Да хотя бы и так, — энергетик выпятил впалую грудь, и непроизвольно поскрёб серебрящуюся от лучевого удара щеку. — Пеленгас Кириин, бог Смерти и разложения. Звучит хорошо.

— Только выглядит отвратительно, — Ветрис обернулся к капитану, смотревшему на все из-под полуприкрытых век, ища поддержки.

— Как и положено божеству смерти, — Варгейн улыбнулся, показывая, что не против такого союзника. «Глаз с тебя не спущу, собака, — подумал безопасник, изучая заблестевшие от возбуждения серые глаза будущего врага. — И сотру при первой возможности». — Но четвёртый искин ещё не готов. Я визирую приказ, если позволит капитан.

Сэл Литан закрыл глаза, чтобы не слышать этого бедлама. Время уходило с каждым вдохом, а нужно было успеть еще столько всего. Идея энергетика претила ему, но казалась логичной. Да и роль он подобрал себе из тех, что не каждый захочет взять. Экипаж совершал переход в полном составе, по мере готовности приёмников-искинов и механизмов Эгиды. Кроме инженера, но тот, кажется, собирался проспать все тысячелетия в капсуле стазиса. «Я не боюсь смерти, — подумал капитан. — Но я боюсь гибели нашей расы. Они не знают, но родины больше нет. Она мертва, и даже сквозь три столетия я не могу забыть её последний вопль, раздавшийся на волнах разума. Мы, и еще несколько успевших стартовать ковчегов — вот и все, что осталось от народа, который достиг звёзд. И погиб от них же. Навигатор уже выбрал тот мир, к которому отправятся наши дети, когда два солнца сгорят, и на их колыбель обрушится Тьма. Мы выживем. Клянусь».

— Подтверждаю, — сказал он так тихо, что все поневоле напрягли слух. — Варгейн, Орф, запустите еще один процесс синтеза искина. Места для размещения остальных уже созданы на поверхности?

— Пока нет, — инженер оторвался от планшета. — Тектоническая карта не составлена.

— Ускорьтесь, — Сэл поднял ладонь, и указал ею на дверь в рубку. — На сегодня всё.

По одному, стараясь не столкнуться в объятия невесомости, все покинули круглое помещение, пронизанное светом звёзд. Варгейн подплыл к креслу капитана, и завис перед ним.

— Пеленгас не должен выжить, — челюсти Литана сжались. — Варгейн, он может все испортить.

— Он не выживет, — начальник службы безопасности поморщился. — Матрица будет выращена с ошибкой кристаллов, и спустя пять сотен лет он просто уснёт. Никто не испортит твой план.

— Позаботься о наших детях, — прошептал Литан, с неожиданной силой хватая Варгейна за воротник форменного гермокостюма. — Или я достану тебя даже в искине, чёртов пройдоха.

— Будет сделано, — осторожно разжав пальцы, чтобы не сломать истончившиеся кости Сэла, сказал безопасник, и добавил: — Ты все еще веришь в успех?

— Верю. Вера — единственное, что у меня осталось.

«Зато у меня не осталось уже ничего, — подумал устало Крес, отпуская вялую руку капитана, который с трудом дышал в насыщенной кислородом рубке. — Это еще не повод сдаваться, но и капитан уже не может принимать взвешенные решения. Что ж, план Сэла имеет шанс на успех... особенно если ему помочь. Я с этим справлюсь. Обещаю, Литан. Хотя бы в знак светлой о тебе памяти, капитан».

Морстен стоял на мосту, проходившем над переплетением лежащих много ниже дорог и переходов, соединявших разросшиеся за века спокойной тихой жизни окрестности Твердыни. Многочисленные постройки карабкались вверх по склонам незасыпающего вулкана, поднимаясь от самых границ бурлящего лавового моря, и выставляя наружу, из кратера, тонкие черные шпильки. По дорогам двигались запряжённые медлительными уккунами скрипучие повозки, вмещающие до полтонны руды или припасов, и бодрым шагом шагали небольшие отряды стражи. Твердыня жила своей жизнью, в которой, как могло показаться, значение отдельно взятого человека можно было не учитывать.

Но приходилось. Особенно если одним из немногих людей в крепости был он сам. Гравейн, наёмник Империи, урождённый больше полутысячелетия назад на берегу одного из озёр, в Карраше. Пропавший без вести в последнем походе против Тёмного Властелина. По официальным записям в бездонных архивах Скалы Белого Пламени — убитый при взятии тронного зала. Тело доблестного наёмника, правда, так и не нашли.

Он вспоминал тот день с завидной регулярностью, так и не избавившись ни от шрамов по всему телу, ни от страха перед лезвиями алебард, которыми его проткнули. Его и тогдашнего Властелина, который встретил свою гибель, так и не сойдя со своего трона, до последнего сражаясь с Сёстрами Медноликой, мастерами тени.

«В истинной тьме тени нет, — вспомнил он горькие слова, услышанные, когда наёмник упал к подножию трона, содрогаясь от боли в пробитом железом теле. Был ли это голос Тёмного, или предсмертный бред, он тогда не знал, как не знал до сих пор. Но гвардейцы-тхади, дорубившие наёмников, сами пали от черных лезвий Сестёр. — Но нет тьмы без света».

Властелин умер, так и не встав с трона. Он не смог бы этого сделать, давным-давно потеряв ноги и вживив себя в тёмный металл, став единым целым со своим замком. И он сражался до последнего, как настоящий солдат.

— Ерунда, что Тёмным Властелином может стать только тот, в чьём сердце царит непроницаемая тьма, — произнёс он тихо, всем телом ощущая порывы сильного северного ветра, продувавшего обзорный мостик. По узкому, с длинным, слегка крючковатым носом, лицу Морстена пробежала волна дрожи. Шрам, обычно тонкой ниточкой пролежавший по шее, ниже линии воротника, вздулся, налившись кровью, но Гравейн справился с собой. — Им может стать любой. Я не был полон света, но и злодеем не считался. Обычный человек. Обычный. Да.

Следующее воспоминание отделяло от предыдущего некоторое время. Небольшое. Тронный зал не тронули, только подожгли трон, и забрали тела тех, кого смогли найти в мешанине отрубленных конечностей, кусков плоти и прочей требухи, заваливших подступы к трону слоем в полметра глубиной. Орки, то есть, тхади, сражались до последнего. Они знали, что им не выжить, Сестры пленных не брали.

Что может чувствовать мертвец? Холод. Дикий, пронзительный, невероятный холод. Страх? Нет, этого не было. Эмоций не было вообще. Только лёд, забивший грудь, нос, горло, и не дававший вдохнуть. Или выдохнуть. Язык примёрз к небу, зубы превратились в кусок неподвижной скалы, а тело, заваленное трупами чёрной стражи, казалось, обернулось

куском замёрзшего дерьма. Но сознание зачем-то вернулось. Не вполне осознавая, кто он и что он, Морстен видел тьму, в которой что-то шевелилось, время от времени хрипло ворча. И только спустя некоторое время он понял, что смотрит на обугленный и оплавившийся трон, на котором скорчились сожжённые до угля останки Тёмного Властителя.

В этом угле ковырялся щуплый старикашка совершенно отвратительного вида. Остатки седых волос венчиком обрамляли яйцевидный череп, обтянутый жёлтой пергаментной кожей и покрытый темными пятнами и бородавками. Тело, укутанное в серое рубище, отличалось старческой хрупкостью, характерной для недоедавших всю жизнь нищих. Когда старикан обернулся в сторону Морстена, тот заметил провал беззубого рта, из которого капала жёлтая слюна, и крючковатый нос, под которым висела капля слизи. Но потом Гравейн заметил сверкавшие краснотой глаза, и понял, что обманулся. Как и, должно быть, многие до него. Старик был одержим, но не демоном, или какой-то сущностью, а яростью, злобой и ненавистью. Уж из него-то получился бы отличный Тёмный Властелин.

— Где же оно? — хрипло, надсадно просипел он, продолжая ощупывать хрупкие и ломкие остатки бывшего Властелина. Плоть, сожжённая в уголь, ломалась, выбрасывая облачка темной пыли. — Где? Может ты, недобиток, знаешь, а?

Старик наморщил лоб, от чего кустистые брови сошлись в нечто, напоминавшее птичье гнездо, и зашипел странные слова, от которых холод, сжавший Морстена, стал ещё сильнее, леденя самую душу.

— Нет, нет, нет... — ответил он сам себе, продолжая шевелить тонкими длинными пальцами, изуродованными артритом и язвами. — Нет. Ничего нет. Сестры забрали. Забрали силу. Сволочи. Змеи.

Дед харкнул на трон тугим сгустком зелёной слюны, и уселся прямо на труп орка в разорванном чёрном доспехе. Кровь, застывшая было в ранах, от прикосновения старика снова потекла с тихим хлопанием, и в холоде тронного зала, засыпанного пеплом и трупами, запахло гнилью. Металл трона шипел в том месте, где на него плюнул загадочный грабитель.

— Что, малыш, замёрз? — после недолгих раздумий спросил он у Морстена. — Хе-хе-хе, да, вижу. Ну, что с тобой, болезным, делать... Наверх не пускают — умер ты неудачно. В несвятом месте, понимаешь? А тьмы в тебе мало. Почитай, нет. Вот и остался ты здесь, между мирами, пока тело не сгниёт, а это вряд ли. Или пока не придёт новый тёмный владыка, и не сядет на трон. Тогда, может быть, ты ему послужишь.

Если бы Гравейн мог говорить, он бы в кратких выражениях обрисовал, где и в какой позе видел старика. Тот, впрочем, почувствовал мысли наёмника, и поцокал языком, словно пробуя слова на вкус.

— Нет, не уважаешь ты старших. Но я тебе все же помогу. Не бесплатно. Ты отдашь мне то, что я захочу, тогда, когда я попрошу. После чего можешь делать, что пожелаешь верным. Согласия не спрашиваю, это единственный способ для тебя... снова... жить. Потому, солдат, спи. Служба пойдёт.

— Владыка! — гортанный взглас тхади, носившего на пластинчатых доспехах значок сотника, вырвал его из воспоминаний. — Владыка...

— Говори, — поморщился Морстен. — побыстрее.

— Владыка, — склонился в поклоне тхади, блеснув клыками, — мы взяли за перевалом пленных. Желаете допросить?

— Кто они? — Гравейн заинтересованно поднял брови. — Кочевники?

— Нет. Из Долины. Говорят, что их послал к тебе их молодой вождь.

Морстен размышлял недолго. Лазутчики владельца Долины не раз добирались до Твердыни, но никогда доселе не осмеливались переходить перевал.

— Отправьте их в допросную, и подготовьте. Помни, сотник, люди слабее тхади. Не переусердствуй. Я приду через пару часов. В час Совы.

Сотник ударил кулаком в грудь, и, повернувшись, почти неслышно побежал ко входу в галерею Твердыни. Морстен проследил за гибкой широкоплечей фигурой в броне, и улыбнулся. Тхади ему нравились. Они были честны, в отличие от людей.

Тхади не были профессиональными палачами, для этого требовалось иметь более подлую природу. Они бы с большим удовольствием выпустили бы варваров в круг, дали оружие, и устроили почётную казнь, сражаясь до самой смерти лазутчиков. Но приказ Властелина не обсуждался, и потому Морстен, войдя в одну из многочисленных пыточных камер в основании замка, обнаружил всех троих жителей Долины прикованными к стенам. Их тела были покрыты кровью из мелких порезов и ожогами от раскалённых прутьев, и двое из пленников бессильно обмякли, потеряв сознание от примитивных, а потому очень болезненных пыток.

Но третий, подняв голову, все же посмотрел сквозь ниспадавшие на лицо слипшиеся пряди волос на вошедшего Властелина, и взгляд его был полон ненависти. Которая, впрочем, угасла, когда долинец понял, кто перед ним.

— Повелитель, — склонил голову высокий и широкий тхади, одетый в кожаные одежды, снабжённые капюшоном и высокими перчатками. Как требовала традиция. — Пленники подготовлены. Выдержал один.

— Вижу, Шаттрат, — прищурился Гравейн. Его тонкие губы изогнулись в улыбке, придавая лицу зловещее выражение. — Назови своё имя, человеке, — обратился он к лазутчику.

Но добился только молчания, и презрительной усмешки. «Что же, этого следовало ожидать, — одежды властелина Твердыни словно впитывали свет из окружающего пространства, делая комнату, и без того едва освещённую парой чадающих факелов, темнее. — Безымянный брат».

Морстен помнил о этих воинах долины, с малых лет обучавшихся искусству войны и шпионажа. Ну, откровенно скажем, зачаткам шпионажа — варвары только недавно открыли для себя это увлекательное занятие. Каких-то пару сотен лет назад. В таком случае, остальные двое были не нужны.

— Ясно, у тебя его нет, — кивнул властелин. — Шаттрат, остальных двоих убить, тела пустить на удобрения.

Ненависть, вспыхнувшая во взгляде воина Долины, показала Морстену, что нужно кое-что пояснить.

— Понимаешь ли, Безымянный, — хозяин Твердыни присел на подлокотник большого каменного кресла. Такие сооружения были в каждой пыточной, и предназначались для него. По крайней мере, теоретически. Но сидеть в этих холодных вместилищах для зада он не любил. Ненавидел холод, — у нас тут, на Севере, очень сложно с ресурсами. Не хватает самого необходимого — еды, удобрений, топлива. Растёт все плохо. Кормить лишние рты не может себе позволить даже Твердыня. Ничего не имею против тебя лично, или твоих

спутников. Но пересекая границу, обозначенную черепами, вы знали, на что идёте. Потому, если ты хочешь выжить и вернуться к своему вождю, Коэну-варвару, то докажи свою полезность. Если у тебя есть, что сказать — скажи. Есть что передать — передай. Если захочешь уйти — тхади перевяжут твои раны, и доставят на унукке к границе вечных льдов.

— А если я захочу, чтобы ты сдох? — каркнул пленник, внимательно изучая лицо того, кого называли Тёмным Властелином. — Что тогда, Тёмный?

Морстен хмыкнул, подперев кулаком подбородок. Давно ему не встречались такие наглецы. Если Безымянные — отражение своего повелителя, то каково же тогда хамство вождя? Ему стало интересно.

— Наверное, вместо тысячи слов довольно будет один раз увидеть, — загадочно сказал он, расстёгивая плохо слушавшимися пальцами левой руки пуговицы, вырезанные в форме черепов. Куртка с длинными полами распахнулась, обнажив бледное тело, испещрённое толстыми темными жгутами шрамов. Напротив сердца Тёмного Властелина в его плоти был вырезан странный знак, при взгляде на который Безымянный отвёл глаза и прищурился. — Как ты думаешь, я могу умереть?

— Ты уже мёртв, — сплюнул в ближайшую жаровню воин долины. — Мой вождь ошибся. Тебе нельзя доверять.

— Я был мёртв, — запахнул куртку Гравейн. Шаттрат шумно вздохнул, от чего заколебалось пламя факела. — Но эту напасть удалось преодолеть. В чём бы не ошибся твой вождь, зачем-то же он тебя прислал? Наверное, хотел предложить союз...

Искра во взгляде Безымянного подсказала Морстену, что он угадал. Если бы все было так просто. Тёмный застегнул пряжку на куртке, и подошёл ближе к пленному. Прямого взгляда Властелина Севера тот долго не выдержал, отведя глаза через долгие двадцать секунд. Из ноздри варвара потянулась струйка крови.

— Проклятье, — прорычал он, — дай мне меч, и я покажу тебе, что ты всё ещё можешь умереть!

— Все смертны, — пожал плечами Гравейн. — Я не исключение. Но я узнал все, что хотел, и ты можешь вернуться обратно. Передай своему... Ветрису, что я жду его лично. Посольства не будет. Только разговор с глазу на глаз. Обещаю, что он покинет Твердыню целым и невредимым.

— Повелитель всегда держит слово, — подтвердил Шаттрат, перебиравший раскалённые прутья в жаровне.

— Мой вождь никогда не нарушал обещаний, — изогнул губы в гримасе недоверия пленный. — Он слышал твои слова. И согласен на встречу. После того, как посетит Великого Отца.

«Вот как? — почти удивился Морстен. — Хотя, предсказуемо. Очень». Он взял, что смог, из памяти воина-Безымянного, и узнал, что они связаны между собой и со своим вождём. Это было удобно.

— Посмотрим, будет ли оно так, — улыбнулся Гравейн. — Шаттрат, приведи лекаря.

— Ты можешь оставить жизни моим спутникам? — спросил, закусив губу, Безымянный.

— Нет, — просто ответил Тёмный Властелин. — Они не выдержат обратной дороги. И...

— Да, ты говорил, — прервал его долинец. — Сволочь.

— Кто-то же должен это делать, — ответил окончательно потерявший интерес к разговору с этим искусственно созданным человекоорудием Морстен, развернувшись и

направляясь к выходу. — Почему бы и не я.

Ветрис с размаху запустил чашей в каменную стену. В Долине не любили этот материал, но дом князя возвели на сплошной скале еще их предки, и все помещения были из дикого камня, только лишь прикрытого тонкими пластинами дерева и металла. Хрустальные осколки разлетелись веером, а тёмные брызги вина медленно стекали вниз, пятная кованое серебро блях-украшений и мягкое золото лиственничных брусьев.

Воин-Безымянный неодобрительно покосился на испорченную стену, но только лишь закусил ус, и промолчал, наблюдая за тем, как его повелитель исходит молчаливой яростью. Лицо Ветриса побагровело, и глаза налились серебром, словно у одной из статуй подземных уровней Сердца Долины.

— Да как он смеет, этот больной ублюдок... — прохрипел князь Долины, с трудом перебарывая вспышку гнева. — Да как он смеет!

Безымянный, тихонько хмыкнув, расправил усы большим пальцем левой руки, и опустил глаза, чтобы не встретиться с пылающим расплавленным серебром взглядом своего вождя. Тот тяжело дышал, раздувая ноздри, словно бык, которого разозлили взмахами лоскутной тряпки в боевых ямах, и выглядел совсем юным. Гораздо моложе своих лет.

Напоминание о том, что он только недавно вошёл в силу, подействовало на Коэна отрезвляюще. Он даже смог улыбнуться своему верному воину и брату по оружию. Хотя и принёсший дурную весть, Безымянный был ни при чём. Во всем виноват северянин, засевший в своём долбаном Замке, как заноза в причинном месте. Беспокоящий. Недоступный. Загадочный. Опасный. Тёмный.

— Он отпустил только тебя? — Ветрис подошёл к невысокому столу, и взял новую чашу. Вино багровой струей полилось в хрусталь, переливаясь всеми оттенками красного в лучах закатного солнца. Запахло терпко и маняще. Воин с тоской поглядел на серебряный кувшин, но князь не предложил разделить трапезу, хотя раньше так делал частенько.

— Да, — склонил голову еще ниже Безымянный, чувствуя, как краска стыда заставляет кожу щёк и затылка багроветь, словно ошпаренную кипятком. — Торговец и погонщик не выдержали бы дороги в снегах, они были больны, и...

— Ни слова больше, — Коэн с сожалением посмотрел на бокал, потом на стену, и шумно вздохнул. В его синих глазах опасно плескались серебристые блёстки, как рыба в пруду. — Это его слова. Я вижу их в твоей памяти. Позволь рассмотреть остальное.

Безымянный прикрыл глаза, вспоминая и позволяя своему брату, первому среди равных, заглянуть в воспоминания о пережитом плене среди мёрзлых скал севера, позоре пыток и еще большем позоре освобождения на границе со Степью. Чёртовы тхади подкрались незаметно, когда они спали в палатке, ожидая рассвета.

До рассвета оставались считанные минуты, и никто из троих посланцев Князя даже не думал о сопротивлении. Они лежали у едва тлеющих углей костра, чтобы не потерять ни единого грана тепла, и беспокойно ворочались в предутреннем сне. Палатка, рассчитанная на пятерых, остывала слишком быстро, а через рваный полог, с трудом заштопанный кривой иглой, дул морозный ветер, оставляя на кожах и ткани полосы изморози.

Безымянный почувствовал чьё-то присутствие, только когда обжигающе ледяная сталь прикоснулась к его коже на шее.

— Варум кхагра те? — на темно-зелёной морде тхади, сидевшего у него на груди,

застыло грозное выражение, от которого обычные люди, должно быть, теряли вчерашний ужин, но Безымянный не испытывал страха. — Варум хатес ни?

— Я пришёл от князя Долины, и несу его слова, — выдавил воин, с ненавистью глядя в тёмные буркалы глаз врага. — Твой властелин должен услышать...

— Моя Властелин сам решает, кого куда слышать, кхум ура, — на выпирающих из-под нижней губы отвратительного слуги Тьмы клыках блестела плёнка слюны, и Безымянный вздрогнул, вспомнив рассказы о том, как именно тхади эскортируют пленников в Цитадель. Говорили, что они отъедают им руки и уши, чтобы те не сбежали. Заодно экономят на рационах, или разнообразят их... — Но моя, Урдан Кхан, рассказать ему. Остальное в руках Великой Итмы.

— Вот как, — Ветрис допил чашу, и поставил её на столешницу, кивком предлагая своему младшему брату угощаться. — Вас застали врасплох. Хотя на шатре и животных были мои знаки, и знаки посланцев...

Безымянный, отхлебнув из медной братины, кивнул, отрывая крылышко от птицы.

— Да, мой вождь, — ответил он, облизнувшись. — Животные пали в предгорьях, но знаки остались, и мы несли их до самого перевала.

— Подло. Но эффективно, — Ветрис задумчиво подошёл к окну, и распахнул его. В комнату проник аромат прелой листвы и цветов, распускающихся в лесах ранней осенью. В этом сезоне листья облетели рано. — Если он думает, что я прощу ему смерть моих людей, пусть даже из имеющих имена, то Тёмный очень ошибается. Я ничего не прощу ему.

Коэн с размаху хватил рукой по подоконнику, так, что брызнули щепы.

— Это мои люди, — тихо проговорил он, словно прислушиваясь к своим собственным словам. — Я несу ответ... ответственность за них. И должен...

Безымянный замер, не дожидаясь мяса птицы, и несколько белых волоконце повисли на его пышных усах. Кажется, сейчас он прикоснётся к чему-то, будоражащему и тайному. Но его старший брат замолчал, и замер.

Только слабо подрагивающие пальцы и ноздри говорили, что Ветрис жив и очень раздражён.

— Иди отдыхать, — в голосе Коэна слышалась сталь и медь, и Безымянный, одним долгим глотком допив вино, коротко поклонился своему повелителю. — Завтра мы выступаем в поход.

Молодой князь Долины довольно усмехнулся, от чего его лицо на миг стало походить на маску. Посмертную маску.

— В Империю. Мне пора подумать и о будущем.

«Тебе вообще пора начать думать», — в тот же момент прозвучали слова, произнесённые несколькими десятками метров ниже, в глубоких подвалах дворца. Но их никто не услышал.

Пески, поглотившие не одну тысячу жизней, оставались далеко за границей видимого. Скалистая, чьи высокие острые и бритвенно опасные пики вздымались молитвенными пальцами, лежала восточнее, и тоже терялась на фоне бледного, обожженного солнцем неба за границами дворцового комплекса. Двуречье, остаток пышного цветущего края семи рек, медленно изгибалось серпом впереди, почти касаясь кончиком острия Трехязычья, и вмещающая в себя Империю Маракаш.

Западная Империя раскинулась перед ней во всем великолепии. Вид из высокого окна дворца, чья узорчатая тень каменного проема падала под ноги властительницы, освещивался ярким двойным солнцем. Внутренний двор, где пышные сады в окружении блистающих фонтанов из разноцветного стекла спорили по красоте с невиданными цветами, дышал свежестью и влагой. Мастера стихий старались во всю мощь, обеспечивая климат и нужную температуру самым разнообразным посадкам. Скульптуры из белого и зеленого мрамора и щербатого пористого камня дополняли картину, теряясь в зелени и цветущих кустах. Их поднятые руки с оружием или шарами нерожденных заклинаний высывались из буйной цветастой пестроты тут и там, словно наряженные в цветные халаты южные караванщики бродячего балагана. Синие и голубые зоны Мастеров воды оттенялись разными цветущими композициями всевозможных оттенков ультрамаринового, плавно скользящего в зеленоватый цвет Мастеров земли и их коричневую основу. Каменные сады земляных дел Мастеров украшались композициями из мхов и лишайников, рядом с которыми соседствовали тонкие ниточки зелени и ажурных белых ковров. Цветник касался гранями владений Мастеров воздуха, чьими цветами стали все нежные и неуловимо переливчатые оттенки. Рассыпанные на поверхности земли, словно бусины из драгоценных камней, они покрывали вуалью переливающихся дрожащих цветов следующую часть сада, медленно линия в первые оттенки огненных кустов с пылающими под солнцем глянцевыми ягодами, чьи плоды были так же горячи в руках, как приправа из них во рту. Красные и оранжево-охровые мазки снова касались зоны Мастеров земли, замыкая круговую композицию сада.

Середина, где прохладные каменные лавки и беседки с цветниками давали покой и возможность отдохнуть, оставалась темным с золотом пятном. Яркие всполохи выложенного черно-золотым мрамором солнца, чей восход был вечен в стремлении победить Тьму, навсегда оставалась местом официальных встреч и переговоров. Сейчас по темно-золотому пятнышку, лишенному всех цветов и деревьев, кроме скульптурных композиций и стеклянных фонтанов, расхаживали новые гости Империи.

Несколько десятков прибывших были одеты в тканевые безрукавки, поверх которых блестели серебряными лучами доспехи из кожи и металлических вставок. Одинокая группка варваров Долины, лишенная любых знаков отличия, держалась поодаль, рассредоточившись и заглядывая под каждый кустик и каждый листик в саду.

Первая помощница и доказавшая свою преданность воительница Киоми в сопровождении нескольких жриц в белых одеждах вела людей по саду ко входу во дворец.

Стоящая перед окном и наблюдающая за этой картиной правительница искривила тонкие губы в неприятной улыбке. Большие роскошные глаза цвета прозрачного изумруда неотрывно следили за процессией внизу. Тень от проема в стене, в круглой башенке позади ее личных покоев, тащилась под ногами, опасно приближаясь к босым ногам

правительницы. Стоя полностью обнаженной, она неотрывно следила за повадками и манерами варваров, тихо переговаривающихся на своем языке. Тень коснулась увлеченно смотрящей в окно женщины, и ее фигура заколебалась, принимая очертания дымчатой проекции.

— Не сейчас, — рассеянно переступила с ноги на ногу правительница, отходя от тени и меняя угол обзора. Тень дернулась за ней, словно ластящаяся кошка, но оставила ее в покое, снова наполняясь густой темнотой, потерянной на пару секунд, когда правительница едва не растворилась в тенях сама. Искусство имперских жриц нырять втени, становясь невидимыми и неуязвимыми для магии окружающих, порождала слухи один краше другого. Незримые и неосязаемые воины Империи, шагающие из теней с черными изогнутыми кинжалами и мечами, одним взмахом обрывали одну жизнь каждый раз, едва поднимали руку. Молчаливые, божественно стремительные и смертоносные, эти женщины появлялись на полях сражений, как личная и самая надежная гвардия своей госпожи Медноликой Лаитан, Матери Матерей и Мастера Мастеров — единогласной и вечной правительницы этих западных краев.

Зрачки Лаитан стали вертикальными, будто у змеи. Она потерла друг о друга большой и указательный пальцы на правой руке, и десятки разномастных медных браслетов тонко звякнули от этого нервного движения. Интерес и чувство власти, будоражащие предвкушение правительницы, искали выхода.

Процессия уже втянулась в те зоны сада, которых Меднолика не могла видеть из своего тайного смотрового поста, и ей пришлось отступить обратно в помещение, чтобы выйти в свои покои через неприметную дверь.

Там она остановилась на некоторое время, обдумывая, как предстать перед новыми гостями. Длинные волосы цвета золота и меди, заплетенные в две косы, спускающиеся ниже поясицы и украшенные множеством медных и золотых лент, качнулись, когда в ее покоях появилась личная служанка. Лаитан подняла на нее взгляд, поджав губы и требовательно ожидая слов вошедшей.

— Моя госпожа, встав на одно колено, произнесла служанка, не поднимая взгляда на Лаитан, — варвары ждут тебя в большом зале дворца. Их предводитель, царь Ветрис из Долины, принес тебе в дар голову лазутчика, якобы пойманного у границ твоих владений.

— И что, он действительно это сделал? — приподняла бровь Лаитан, недобро поглядывая на Киоми. — Он действительно отыскал врага так близко, что его не нашли твои охотницы? — в голосе Медноликой послышалось раздражение и скрытая угроза. Киоми осмелилась поднять взгляд на свою госпожу, но тут же снова опустила его, упрямо поджав губы. Ее смуглая, почти коричневая кожа, резко контрастировала с общими светлыми тонами спальни Лаитан. Киоми смотрелась чужеродной статуей изящной и гибкой плети на фоне цвета слоновой кости вокруг.

— Ни я, ни мои воительницы не пропустили бы ни единого врага, моя госпожа, — сказала она твердо, сжав один кулак.

— Значит, варвар лжет? — с интересом спросила Лаитан, продолжая стоять на месте. Золотые, витые от запястья до локтя, браслеты оттягивали ее руки, а украшенные татуировками лодыжки поблескивали разноцветными рисунками на медной коже Лаитан. Киоми промолчала.

— Ладно, я выясню, кто из вас лжет, — пожала плечами Меднолика. Киоми еще

сильнее поджала губы. В ее карих глазах блеснула злость и гнев, но на себя или на свою госпожу, этого служанка так понять и не дала.

— Ты, властительница, можешь отослать обратно голову посланца, но я не отступлю.

Женщина, сидящая на изящном золотом троне, над которым вздымался огромный диск Солнца, украшенный тонкими завитыми лучами, задумалась над значением слова «послание» и сутью посылы, её взгляд остановился на голове посланца.

— И кем он был? — снова посмотрев в голубые глаза пришедшего к ней варвара, холодно спросила единоличная правительница огромной Империи. Её тонкие длинные пальцы медленно перебирали браслеты на запястьях, вызванивая едва слышную мелодию.

— Никем. Он был профессиональным никем. Имя таких людей сжирает история ещё до того, как они уходят за судьбой.

— Какой богатый лексикон чужого языка у варвара... — по смуглому лицу Лаитан скользнула едва заметная тень улыбки.

— Потому что он чужой, однако, — впервые с начала разговора нахмурился Ветрис. До этого момента разговор шёл допустимо и предсказуемо, но сейчас он почувствовал, что инициатива ускользнула из его рук, пусть только на мгновение.

— Чужой язык в устах врага — опасное сочетание...

— Если враг силен, то его язык знать нужно наравне со своим. Желательно думать ещё на нем, но это уже искусство. И роскошь, если рассудить здраво. Но я могу это себе позволить.

— Зачем ты прибыл, владыка далёких земель?

— Увидеть тебя, прекраснейшая из женщин.

— С чужой головой подмышкой? — в голосе нахмурившей брови Властительницы прозвучала горькая ирония. — С топором и мечом в руках? Ты стоишь перед моим тронem и смотришь на меня.

— Это всего лишь голова посланника. Хороший был человек, но ему не повезло. Профессиональный риск. Да, я стою с топором и мечом. Ибо дорога к тебе была долгой и опасной. Но ничто не может остановить меня, когда есть цель и есть причина. Да, я стою перед тобой. Смотрю. И понимаю, что описывавшие тебя люди были лживы насквозь. Но их можно понять — их язык беден, и просто не содержит слов, способных выразить твою истинную красоту.

— А сказали ли тебе, вождь, что я к тому же горда и безжалостна? Нашептали ли тебе языки чужаков, свисающие из их мёртвых глоток, как я люблю бросать пленников в ямы со змеями, или на арену с дикими зверями? Или рассказали ли они тебе, куда делись все те, кто приходил до тебя и хотел узреть меня лично? — взгляд Лаитан стал холоден, а улыбка, появившаяся на её губах, таила ледяную угрозу. — Или рассказали ли они тебе о тех незадачливых женихах, пытавшихся объединить царства и земли?

— Да. Но это меня не пугает, — ответил Ветрис, вздёрнув подбородок и блеснув своими голубыми, как небо, глазами.

— И все же, в чём твоя истинная цель, если у стен моего дворца стоят твои войска?

— Войска сопровождали меня, о прекраснейшая. Моя же цель проста. Я предлагаю союз.

Владычица Империи медленно сошла с трона, зашуршав чистым мелким песком под босыми ногами. Её браслеты, во множестве унизывавшие запястья и лодыжки, тонко

позванивали в такт движениям.

— А зачем бы мне это было нужно, варвар?

— Свежая кровь для империи, новые силы для опустевших чресел старой страны, испытанные в боях войска и укрощённая степная ярость. Я могу дать всё это.

— С чего ты взял, иноземец, что мои войска обескровлены? Или это угроза? — ярко-зелёные глаза Медноликой сощурились, словно она целилась в варвара из арбалета.

— Это не угроза, владетельница бесчисленных земель. Это предупреждение. Вы называете меня варваром, но как вы назовёте тех, кто не знает даже письма и счета, но бесчисленными полчищами закрывает лик матери-степи? И эта масса уже готова стронуться, как лавина. Ваши войска хороши, но рассредоточены и привыкли к сытой жизни. Я могу стать твоим щитом. И, если нужно, мечом.

— И что ты попросишь за помощь? Какова твоя истинная цель? Зачем ты вызвался помогать мне, прославившей себя в веках силой и безжалостностью? Мои воины способны разорвать врага голыми руками. Они прекрасно владеют оружием, знают множество ядов и способны устраивать ловушки превосходящему врагу. Назови истинную цель, варвар, или я брошу твою голову моим врагам в знак добрых намерений и в знак расположения.

— Любая слава проходит. Только жизнь и смерть остаются. Я попрошу немного, владычица. Всего лишь твоей руки. Взамен дам тебе себя, свою жизнь, и свой народ. Альтернативой будет только смерть меня и моего народа. Смерть всегда выход, но не тогда, когда умираешь сам. Потому он и неприемлем для меня.

— Действительно, как мало ты просишь, — усмехнулась Лаитан, — другие просили того же, и где они теперь? Я не знаю тебя и твой народ. Ты пришёл ко мне с головой посланника в руках. Твой меч в крови, и, возможно, ты проложил дорогу ко мне кровью моих же людей. Я должна узнать, кто ты и с чем я буду иметь дело. Взвесить все обстоятельства и перспективы. Но сегодня ты гость в моем доме.

Владетельница хлопнула в ладони, браслеты издали мелодичную трель. Появились служанки в шёлковых одеждах и с подносами, полными яств.

— Я дам тебе все знания, которые тебе нужны, — нахмурился варвар, понимая, что повелительница Империи права в своих словах, но отступать ему было некуда. — И я благодарю тебя за гостеприимство.

— Знания я получу от моих слуг. От тебя потребуются только рассказы о твоей стране. Мы гостеприимный народ, и если ты гость, тебе нечего бояться в эту ночь. Но если ты задумал коварство, берегись — расплата будет скорой и неотвратимой. Тебя проводят, варвар.

— Я буду ждать, владетельница. И коварство не в нашей чести.

— О вашей чести идут слухи от Дальноречья до Скалистии, воин. Но они мале привлекают меня своей жестокостью, мои служанки развлекут тебя и твоих верных охранников, ты можешь позвать их с собой в отведённые палаты.

— Благодарю, сиятельная. Я не нуждаюсь в развлечениях, но мои телохранители, возможно, не преминут воспользоваться предложением.

— Я приду, когда вы закончите, — властно сказала Лаитан, скрываясь в тенях за тронем. Шорох белоснежных шелков затих, шуршание песка стало неуловимым. Но вслед за ним из дальнего угла послышался другой звук. Едва слышный перезвон, легкая тень пересыпаемого песка под ногами и неуловимые, словно воздушные шаги.

Не оскорбляй хозяйку своим отказом, — голос из-за угла был мрачным. — Она казнит

тебя до того, как ты успеешь даже вздохнуть, глупец!

— Есть предложения, которые я не могу принять из-за обычаев моей родины, один из которых гласит, что семя правителя не подлежит рассеивать где попало, — Ветрис сверкнул глазами и сжал губы. — Прошу простить, но традиции таковы.

— В таком случае, советую тебе, правитель, ограничиться ласками, это будет достойным ответом на предложение моей госпожи, — раздавшееся шуршание шелков и звон колец показались странной музыкой.

— Думаю, мы разберёмся на месте, — Ветрис с интересом прислушался к голосу советчицы.

— Тебя ждут сладкие вина, мясо, рыба и фрукты, мой господин.

— Мясо и рыба меня вполне устроит, а сладкие вина оставьте тем, кому они нравятся. Когда я буду необходим властительнице для разговора?

— Как только ты и твои воины досыта наедитесь и отдохнете.

В зал внесли множество кувшинов с крепким пивом и брагой, вокруг людей варвара засуетились служанки. Легкие полотна ткани, расшитые золотом и украшенные драгоценным стеклянным бисером раздвинулись, открывая просторный зал, на полу которого уже лежали десятки мягких подушек, среди расставленных низких столиков из редких пород дерева, инкрустированного перламутром и золотыми пластинками.

— Господин не должен оскорблять великий дом госпожи своим пренебрежением к её расположению, это будет невежливо.

— Если бы я хотел оскорбить пренебрежением, я бы сделал это другим образом. Менее... мягко. Но я уважаю законы гостеприимства, и преломлю хлеб с госпожой и её ближайшими соратниками, — Ветрис прошел в зал, уселся за главный стол и отломил кусок от лепёшки и отрезал кусок мяса, отпив глоток из кубка. Теперь законы гостеприимства были соблюдены. — Ваша империя славится ещё и богатством, а не только силой. Но и мудростью она славится тоже.

— Да, господин, наша сила в мудрости нашей госпожи. Отдыхайте, пока ваши воины не насытятся. Потом их займут представлением. Если ты того пожелаешь, ты можешь выбрать двух самых сильных и верных воинов для сопровождения и разговора с нашей госпожой, — вежливо поклонилась служанка, её небольшие браслеты тихо зазвенели в такт движению.

— Я пойду один, — кивнув, отставил чашу варвар. — Мне нечего бояться здесь, в самом сердце дворца. Как зовут тебя, достопочтенная?

— Киоми, господин, — ещё раз низко поклонилась, пряча глаза, служанка. Но Ветрис все же уловил брошенный на него вскользь взгляд внимательных темных глаз.

— Моё имя — Ветрис... Но ты его и так знаешь, — он пробежался взглядом по её браслетам, шелкам одеяний и по обнажённой смуглой плоти, видимой между полотнищами свободных шароваров и чего-то напоминающего жилетку в представлении изящного придворного портного. — Рисунок на твоих украшениях такой же, как у твоей госпожи. Это что-то значит?

— Да, господин. Это значит, что я приближенная служанка госпожи. Чем больше у служанки массивных браслетов, тем искусней она в бою, чем и заслуживает чести быть рядом с госпожой. У меня пока только три, — показала она тонким пальцем на свои лодыжки.

— Судя по твоей гибкости, силе тела и тому, как ты двигаешься, Киоми, у тебя есть все способности, чтобы носить максимальное количество браслетов из возможных, — наклонил

голову, пряча улыбку, Ветрис. Его забавляла эта худощавая девушка с большими влажными глазами. Другой бы, менее опытный, подумал бы, что она глупа и боязлива, но ее тело говорило об обратном. — Когда-нибудь, возможно, я попрошу тебя о тренировочном сражении. Но не сейчас. Сейчас меня волнует другое.

— Да, господин. Я буду рада помочь тебе научиться лучше сражаться, — лёгкие нотки вызова были замаскированы поклоном, но в Империи кланялись не для того, чтобы высказать уважение, а чтобы скрыть мысли или выражение лица. Царь смерял ее новым взглядом и жестом пригласил сесть рядом с ним. — Что же заботит тебя, господин из далёких земель?

— Как всегда, нужды и беды. Не мои. Моих людей.

Киоми посмотрела на пьянствующих братьев варвара, а потом перевела взгляд на их господина. Своё мнение она предпочла оставить при себе.

— Госпожа сама найдёт тебя. И время на беседу с тобой, господин.

— Я буду ждать. Спасибо, Киоми.

— Хммм... Значит, искусные в бою служанки... — посмотрел вслед уходящей девушке Ветрис, и погладил выбритые перед визитом щеки. — Это интересно. Надеюсь, они хорошо сражаются.

* * *

— Киоми, что он хотел узнать у тебя? — раздался властный голос госпожи, едва служанка переступила порог. Та не вздрогнула, не удивилась, она ожидала этого.

— Он хотел узнать о рисунках и браслетах, госпожа.

— Что ты сказала ему?

— То, что вы и предполагали я должна сказать: о воинской чести и заслугах в сражениях, моя госпожа.

— Прекрасно, Киоми, прекрасно... — в голосе госпожи послышалось удовлетворение. — Надеюсь, он внял мягкому предупреждению, и не станет пытаться проверять на себе.

Киоми позволила себе улыбнуться. Личный охранник и доверенная сестра, она могла бы убить любого из прибывших варваров за несколько секунд так, что он бы даже не понял этого сразу. Насчёт их господина ходили разные слухи. Некоторые даже утверждали, что Ветрис умен и расчётлив. Другие лгали о том, что у него тысяча жизней, и он пьет расплавленное серебро, чтобы продлить их до нескончаемой цепи поколений. Некоторые утверждали, будто царь Долины бессмертен и его тело нетленно только в самой Долине. Лаитан предстояло проверить все эти слухи лично.

— Что прикажет госпожа? — спросила Киоми.

— Гости уже закончили праздник? Сколько из них ушли с моими служанками в дальние комнаты?

— Две трети остались в зале, одна ушла. Половина из оставшихся вымотана и устала так сильно, что вряд ли сможет что-то противопоставить тем, кто решит напасть. Личные телохранители господина остаются трезвыми и никуда не уходят с девушками, как и он сам.

— Кто же решится напасть, Киоми? — в голосе госпожи послышались сладостный мёд и мурлыкающие нотки. — Моя цель избавить Империю от врага, а не множить его глупыми

поступками.

— Госпожа, ты примешь предложение варвара? — в голосе служанки скользнули нотки тревоги, злости и негодования.

— Только если он докажет, что превосходит остальных, когда-то уже предлагавших мне подобное, кандидатов.

— А как же враги за стенами, Империя?

— А кто будет править ею, если мне придётся делить себя и её с варваром, Киоми? Кому нужна Империя и царство, если в нем нет ни единого достойного правителя, наследника или силы? Лучше смерть от клинка, чем жизнь без чести.

— Да, моя госпожа, — голос Киоми дрогнул, словно она пыталась совладать с эмоциями.

— Иди, предупреди его о том, что я жду его в мраморном зале.

Браслеты на руках Киоми не издали ни единого звука, когда она покинула спальню госпожи. Когда этим женщинам было выгодно, лучшие из них умели вообще растворяться в тених, исчезая из мира живых на время. Когда Киоми вышла, в полумраке спальни зажглись фосфоресцирующим огоньком две зелёные точки. Через некоторое время из тени проявилась фигура госпожи, одетой в широкие полотна тончайшего шелка, под которым скрывались её браслеты и нательная защита до самого горла.

— И что скажешь, брат? — спросил Ветрис у телохранителя, сидевшего по правую руку.

Воин, вооружённый коротким мечом, ножны которого были сейчас запечатаны тонкой, но прочной металлической проволокой, разгладил усы, заплетённые в косички, и издал странный звук. В Степи так подзывали лошадей или выказывали уважение к богатству убранства, сбруи, или вооружения. Сейчас он прозвучал скорее иронично, наполнив эхом выделенные для вождя комнаты.

— Скажу, что Империя действительно сильна, богата и процветает, — ответил он блеснувшему в полумраке глазами Ветрису. — Но чего-то в ней недостаёт. Как будто сочиняешь сказание для Круга Костров, и забываешь напрочь слово. Вот и я сегодня — словно слово забыл. Вертится в голове, зудит. А что — непонятно.

— Брат, наверное, перепил вчера кумызу в стойбище типельников, — показал зубы сидевший слева от вождя молодой воин. На его чистом лице, только слегка обожжённом степным солнцем, особенно ярко выделялись нехарактерные для его сородичей голубые глаза, а губы словно навсегда застыли в искривлённой улыбке. Мало кто знал, что гримаса осталась ему в память о налёте диких кочевников и отравленной стреле с ядом черного скорпиона. Но своё имя он тогда заслужил на три года раньше положенного срока, чтобы потом потерять его, став телохранителем вождя. — Или действительно забыл слова, сочиняя сказ вместо того, чтобы оберегать нашего брата от опасностей.

— Которые заключаются в том, чтобы обожраться мягкого хлеба, опиться сладкого вина, и намять бока гладких женщин, — парировал усатый. — И, несомненно, вождь просто обязан, как жеребец, покрыть всех подложенных ему девушек, за одну ночь осеменив полстолицы. Такова судьба мужчин в этой стране, чтоб ты знал.

Молодой брат прислушался к чему-то, и кивнул. Он коснулся серпа в ножнах на своём поясе, и тихо прошептал, обращаясь к Ветрису:

— Господин. Те, кто слушал нас, ушли. Я не слышу их сердец. Теперь можно говорить, не скрываясь.

— Хорошо, — так же тихо ответил Ветрис. — Старший брат, что ты заметил, кроме странного ощущения забытого?

— Нас оценивают, как жеребцов на рынке, — скривился усатый. Его пальцы сжались на рукояти меча. — Тебя оценивают. И до сих пор не решили, убить или оставить в живых.

— Я с самого начала был против всей этой затеи, — прошипел младший. — Но кто меня слушает?

— Я тебя слушаю, — ответил Ветрис, и его лицо потемнело. — Но без этого союза нам осталось пять, может, семь лет. И после этого наши кости поглотит песок. Кости всех жителей долины. Нас вырежут дикие. Если бы я мог защитить свой народ без этого унижения...

— Иногда надо переступить через свои желания ради чести, вождь, — сказал старший брат. — Ты же знаешь.

— Знаю, — Ветрис улыбнулся. — И ставлю на то, что у нас все получится. Наследие древних не должно пасть. Мы не должны исчезнуть.

— Кто-то идёт, — шепнул младший, и загундосил песню про кобылу и перекати-поле.

В комнату тихо вошла уже знакомая Ветрису Киоми, и, поклонившись, встала перед вождём.

Браслеты, тихо брякнув, качнулись на её тонких запястьях и лодыжках, и она мелодично пропела:

— Госпожа ждёт тебя в Мраморном зале. Я провожу тебя, вождь. Телохранители могут следовать до двери в зал.

— Они останутся здесь, Киоми, — Ветрис встал с кресла, расправив складки на белой вышитой безрукавке. — Я обещал, и так будет. Это разговор для двоих.

Предательство

— Вождь степей, владыка зелёной Долины, господин варваров и кочевников, Ветрис, приветствую тебя в Светлой Империи Маракаш, что лежит от Скалинии до Двуречья. Госпожа Соединённых Земель, Медноликая мать матерей, Лаитан просит тебя принять из её рук бокал чистой воды — величайшую ценность и сокровище тайны, которым владеет Империя! — раздался голос госпожи, едва варвар вошёл в зал. Лаитан было интересно, как поведёт себя её гость, но ожидать от него больших успехов в местном этикете она бы не стала.

Тонкие шуршащие одежды белого шелка, в которые Лаитан была завернута, как в саван, не стесняли движений, исключительно подчёркивая красоту женщины, чей возраст, по слухам, достигал многих веков.

— Я готова обсудить с тобой твои предложения.

Ветрис, ожидавший чего-то подобного, не показал своих сомнений. К сожалению, они слишком поздно начали поиски союзников, и узнать об Империи много просто не успели. Ритуалы, этикет, придворные традиции и внутренние настроения общества оставались неведомы. Лазутчики и исследователи, замаскированные под купцов и странствующих актёров, приносили массу разрозненных сведений, не желавших складываться в единую картину. Словно Империя была кем-то придумана, когда-то давно, и потом обрела собственную жизнь, сложенную из нескольких. Порой противоречивые, вера, ритуалы и традиции сложились в красивую, яркую, но странную для привыкших к простоте и аскетизму жителей степи картину.

Но отступить было не в его правилах. Вождь подошёл почти вплотную к закутанной до самых бровей в белые шелка Лаитан, держащей в руках небольшой бокал из драгоценного молочного хрусталя. Осторожно взяв чашу, он поклонился госпоже.

— Я сохраню этот дар, сколько возможно, благородная владетельница Лаитан, в память о твоей доброте и красоте. Эта вода так же чиста, как твой разум, а чаша так же прекрасна, как и подавшая её, — слова приходилось подбирать на ходу, имперский, при всей его простоте, все же отличался от диалекта варши или языка степей. Но второй смысл, как мог понять Ветрис, оставался нейтральным. «Хотя бы так». — Я прибыл, предлагая не только себя, народ и богатства Долины. Я принёс с собой то, от чего отказываться не принято. Империя сильна, но всегда найдётся то, что может превзойти эту силу... или многократно её увеличить.

Госпожа продержалась довольно долго для той, кто вообще не привык сдерживаться, а потом её смех эхом прокатился по мраморному залу.

— Просто выпей воду, варвар, — со смехом посоветовала она, ярко-зелёные глаза засветились, зрачки стали вертикальными щёлочками, и она не мигая уставилась на варвара. Ветрис покраснел, волосы на его шее встали дыбом от гнева, но он держался, став похожим на насаженного на палку ящера.

Ветрис, пожав плечами, подавил ярость, и улыбнулся. Отвергнув мысли о колдовстве и прочих способах нанести ему вред, он медленно выпил воду, внимательно смотря в глаза Лаитан. Вертикальные щели зрачков, от которых обычный человек уже обделался бы, или, по крайней мере, испытал бы оторопь, были для него всего лишь признаком расы. И

говорили о том, что та, кто стояла сейчас перед ним, была гораздо умнее, древнее и сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Но это даже играло на руку.

«Ей удивительно идёт этот взгляд, — подумал вождь. — Драконы не ушли, они растворились в нас, людях. Как и другие. Древние в том числе. Мы — наследники. Дурные ли, хорошие ли — рассудит история».

— Вода из твоих рук чиста и прохладна, владетельница, — сказал он, не покрывив при этом душой. Хрусталь всегда славился свойством сохранять чистоту воды, и охлаждать её даже жарким летом, а молочный хрусталь мог удержать влагу от зацветания и порчи на протяжении недель. — Пусть тайна её мне и не открыта. Что ты хочешь знать?

Лаитан взяла из рук Киоми другой бокал с водой и тоже выпила её. Служанка забрала хрусталь из рук госпожи и её гостя и по хлопку ладоней Лаитан покинула залу, оставив их наедине.

— Если ты действительно так глуп, как про тебя говорят, значит ты пришёл, чтобы шантажом, лестью или силой пытаться завладеть Империей и её госпожой. Если ты так умён, как о тебе молчат, ты знаешь, что я никогда не разделю брачное ложе с тем, с кем не захочу. Ты получишь моё тело, но не меня. Тайны власти и магии уйдут со мной в могилу, когда я стану твоей женой. Когда я разделю с тобой ложе, я стану смертной. Кажется, так про меня говорят в твоих краях? — она улыбнулась, её глаза снова стали обычными. Лаитан знала множество слухов о себе. По слухам, Медноликая была змеей, отвратительным чудовищем, колдуньей и невообразимым порождением гнусных сил. Частично, это было правдой — её магия, которая передавалась узами крови из поколения в поколение, была воистину великой. Но варвар не боялся её. Видимо, его отчаяние достигло той точки, что он даже стерпел унижение с ритуалом, который Лаитан придумала специально для него. «Он проглотил обиду, но не забыл», — подумала Лаитан.

— Откуда мне знать, что племена пойдут войной на сильную Империю? Они должны совершенно двинуться рассудком, чтобы это случилось. Их должен был объединить не простой вождь, а имеющий не только власть, но и нечто большее. Возможно, он отыскал сильный амулет или нашёл один из источников силы? Расскажи, почему ты предлагаешь мне брачный союз, а не военный, если для тебя играет роль только твой народ, а не жажда завладеть моим?

Лаитан собиралась держать варвара в неведении до тех пор, пока это было возможно. Оспаривать легенды и досужие домыслы о себе она не собиралась, всячески поощряя их лично и исправно подбрасывая Киоми новые версии того, кто она и сколько ей лет.

— Предложить военный союз было бы оскорблением для владетельницы, — рассудительно заметил Ветрис. Он по очереди рассматривал варианты развития событий один за другим. И так же поочерёдно их отбрасывал. Пока что их разговор напоминал сражение с тенью. Да, он ознакомился с легендами, прежде чем ехать сюда. Да, он знал, что Медноликую называют богиней, колдуньей, змеей, Древней, драконом, душой неба и ещё десятком эпитетов. Но большая часть домыслов была непроверенной, а остальные казались недостоверными. — Сравнить силы Долины и Империи — это как сопоставить чашу и озеро. Озеро не налить в чашу, но чашу можно вылить в озеро. И если хозяин чаши приходит к владычице озера, неправильно говорить о вливании её сосуда в его. Мои люди умеют сражаться, но против совокупной силы войск Империи — они не устоят. Я могу предложить

лишь включение моего народа в Империю, чтобы спасти его, но для того нужен брак между мной и той, кто бесконечно мудра, чтобы понять — никто не посягает на её власть, силу и знания. Наоборот, предлагает стать сильнее и мудрее. Змея может сбросить кожу, но в редких случаях она может при этом отрастить крылья.

Ветрис, увлѣкшись плетением слов, заложил одну руку за спину, как привык делать в Долине, и прошѣлся перед замершими женщинами. Он чувствовал какое-то напряжение, но пока думал, что оно вызвано его неожиданным, но действенным выступлением при первой встрече. «Вниманием я завладел, — подумал он, — но сумею бы достучаться до них. Мне кажется, что владетельница намного умнее, чем хочет казаться».

— Человеческий муравейник далѣкой Степи хранит в себе много неизвестного, от утраченных городов в центре пустыни, до племѣн, которые не потеряли знаний и силы за годы увядания, — он вспомнил, как три дня наблюдал с утѣса шевелящуюся сотнями и тысячами ног, копыт, копий и голов орду, двигавшуюся мимо. И это было только одно из малочисленных племѣн, кочевавших по сухостепью. Зрелище страшноватое, если представить, как они налетают на поселение. — И владетельница права, полагая, что есть вождь и есть сила, объединившая диких кочевников. Глубоко в предгорьях Авалаха прячется Кочевье Зимы, в котором собирает племена новый Великий вождь. Раньше такое случалось, но тогда Империю прикрывали десятки государств, принимавших удар на себя. Сейчас осталась одна Долина.

Он подумал, что Лаитан задаѣт правильные вопросы. И пусть он никогда не коснѣтся её тела, если необходимо, но она ему остро, до глубины души нравилась. «Надеюсь, ты окажешься умнее, и просчитаешь то, что могла увидеть в моей крови и крови моих воинов, — подумал он. — Если легенды не лгут, её ты читать умеешь».

— Потому я пришѣл предложить именно союз объединения судеб. Мои предки видели небо при первых шагах человека по этой земле. Во мне течѣт кровь, дух и знания Древних. Их я и предлагаю тебе. Смертной ты не станешь в любом случае.

— Как и ты им не станешь, — глухим голосом ответила Лаитан. Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент Киоми, стоящая позади госпожи, зашипев, растворилась в тенях от драпировок на стенах зала. На какое-то мгновение оставались светиться только её глаза, которые тут же погасли.

Через мгновение Киоми уже стояла рядом с варваром, прижимая к его горлу изогнутый тонкий клинок чѣрной стали.

— Предательство, госпожа! Нас предали! — закричала Киоми, но не пыталась убить варвара, замершего в нелепой позе. Лаитан издала гортанный звук, от которого по стенам пошла рябь, заставившая варвара зажмуриться на несколько секунд. Когда он открыл глаза, мраморный зал был полон людей. Преимущественно, это были женщины в доспехах из тонкой, но прочной кожи, с медными заклѣпками и грудными пластинами. Наручи отблѣскивали той же медью, отражая рисунки на них в пространстве светящихся по углам матовых сфер в держателях-треножниках.

— Ты предал меня, варвар! — голос Лаитан был похож на звон сыплющихся с плахи монет. — На нас напали твои воины, оставленные в гостевом зале!

Ветрис, легонько шевельнув пальцами, не изменил позы, но его тело окуталось лѣгкой серебристой дымкой. Глаза тоже застило серебро, и он, не обращая внимания на женщин, обратился изменившимся и приобрѣтшим металл в тоне голосом в пространство.

— Младший, Старший, что происходит? Где Тайшет, Сермхет и Шерхан?

— Это Младший, брат! — голос молодого воина-телохранителя раздавался на фоне лязга металла и свиста клинков, но был спокоен. — Я в малом мраморном покое, где мы ждали с тобой. Меня атакуют женщины из стражи дворца, крича о какой-то измене. Военачальники должны быть в гостевой зале, вождь. Я стараюсь не убивать, повелитель, но это сковывает меня.

— Сохраняй равновесие, — приказал Ветрис, отводя в сторону чёрный клинок Киоми. Женщина, напрягая мускулы, не смогла удержать напора, и уступила, отскочив в сторону и шипя, как разъярённая гадюка. — Старший!

— Я в гостевой зале, — тяжёлое дыхание старшего воина разнеслось по зале, многожды усилившись. — Тайшет и Сермхет убиты. Нас заманили в ловушку, мой вождь. Я сдержу этих проклятых имперцев, сколько смогу, а вы уходите. Увидимся за Гранью.

— Никто никуда не уходит, — серебро полыхнуло во взгляде Ветриса, и по рядам воинов, окружавших его, прошло волнение. — Пока мы не выясним, кто, кого и как именно предал. Владетельница, останови атаку. Я остановлю своих людей, даже если для этого придётся лично прирезать их всех. Но, думаю, что без этого мы с тобой обойдёмся. Мне кажется, что у тебя и так достаточно врагов, чтобы объявлять меня противником.

Он коснулся висящего на ремешке, обмотанном вокруг шеи, небольшого рога из тёмного металла, и протяжный звук далёкого горна разнёсся по дворцу.

— Те, кто хочет вернуться в Долину и увидеть следующий рассвет, остановить атаку! — веско произнёс вождь, смотря в пространство.

Его внутренний взор, размножившись, вмещал все, что видели глаза его бойцов, и он видел залитую кровью залу, в которой лежали впереमेжку тела его воинов и жителей империи. В основном, это были женщины. Но их убили не оружием — на телах не было следов мечей и крови. Развязавшееся же сражение пока шло на равных — ни одна из сторон не побеждала.

Лаитан слышала биение сердец чужаков так ясно, словно они все стояли перед ней. Она могла бы оборвать жизни десятка лучших воинов варвара, но он успел остановить своих людей прежде, чем дал ей шанс напиться его крови. Лаитан не оставалось ничего иного, как медленно кивнуть Киоми. Служанка снова слилась с тенями, напоследок царапнув Ветриса кончиком клинка по оголённому запястью. Варвар не обратил на это внимания. Чёрный клинок оказался в руках Лаитан как раз в тот момент, когда Ветрис шагнул к ней. За дверями послышался звук разочарованного женского рёва, двери распахнулись, впуская в мраморный зал волны имперцев и варваров.

Лаитан поднесла чёрный нож к губам и слизнула каплю крови Ветриса. Её губы расплылись в улыбке.

— Ты предлагал проверить твою кровь, варвар? Ты прошёл проверку. Киоми, собери жриц, я жду вас в верхних мастерских.

Мастерские ветра и остальных стихий, представляющие собой открытые площадки на крышах дворца госпожи Лаитан, украшались различными резными колонами, отделанными голубым мрамором, ценной древесиной, слоновой костью и драгоценными камнями. Для каждой стихии, кроме последнего зала, подбирались соответствующие цвета и материалы. Главная мастерская, в которой имела право находиться только госпожа, не была украшена ничем. Обычный круг в центре крыши под сводчатым хрустальным куполом, где своды

поддерживались шестью тонкими колоннами, на которых покоился расписной потолок.

— А как же варвары? — послышался голос кого-то из свиты.

— Они почётные гости. И ради их безопасности я вынуждена усилить их охрану и позаботиться о том, чтобы они не забрели в мастерские. Ради их же блага, — с иронией добавила Лаитан. Серебро Ветриса столкнулось с разлившейся зеленью сияния глаз Лаитан. Облака переплелись, закручиваясь жгутами, образуя красочные спирали, и с хлопком исчезли. В зале разлился запах озона, словно под сводами дворца прошёл свежий весенний дождь.

«Брат, Шерхан пропал. Я не могу найти его тела, — услышал Ветрис шёпот Старшего. Безымянный был взволнован, и, как всегда в таких случаях, глотал окончания слов, но его можно было понять. — Предательство...»

«Оставайся с воинами. Если его купили — это его вина, если убили — моя. Остайся с ними, и следи за обстановкой. Младший позаботится обо мне. Или я о нём», — пошутил Ветрис.

«Я могу защитить себя сам, — услышали они оба ответ Младшего, разозлённого нападением. — А уж тебя-то...»

«Все зависит от владельницы. И от удачи», — добавил вождь, чувствуя накатившую усталость.

Серебро в глазах угасло, забрав с собой и призрачный щит, и он почувствовал, как саднит небольшая царапина на запястье. Воистину, этот день стал днём открытий, приятных и не особенно. Немногие вещи могли пройти сквозь щит, но капля крови, удовлетворившая Лаитан, стоила того.

Ветрис вдохнул свежий запах грозы, заполнивший залу, и улыбнулся. Теперь на какое-то время он был почти обычным человеком, и мог только делать вид, что в любой момент вернёт серебро во взгляд. Но владельнице и её людям (а людям ли?) этого знать было не обязательно. В столице было тяжело обращаться к памяти крови и древним знаниям, но властелин Долины списывал это на фон энергий от многочисленных храмов и мастерских духов, вычерпывающих силу из окружающего мира подчистую.

— Что же, владельница, я думаю, что смогу подождать твоего возвращения, — сказал он. Его воины снова были каждый сам по себе, но отныне настороже. За их судьбы он не волновался. А вот узнать больше о мастерских хотел бы. — Благодарю тебя за мудрость, достойную богов.

Лаитан не ответила. Вокруг варвара появилось огненное кольцо, чьё голубое пламя не обжигало, а замораживало. Край одежды варвара, неосторожно мазнувший по контуру невидимой преграды за кольцом, превратился в лёд и растаял каплями воды, оставив рваный край безрукавки внизу.

Четыре мастерские были полны жриц. Каждая на своём месте, в подходящих, расшитых древними камнями одеждах, чьи золотые и медные нити рисунков расчерчивали узорами покровы. На голове сейчас не было капюшонов, и Лаитан оказалась единственной, чьи длинные густые волосы трепал лёгкий ветерок, пока она спускалась по узкой лесенке в пятую мастерскую. Обритые наголо жрицы провожали её молитвами и заклинаниями, обращёнными к духам земли, воды, огня и воздуха. Едва жрицы закончили первый цикл песнопений, сопровождаемых биением барабанов и звоном серебряных колокольчиков, как

каждая из мастерских окуталась защитным куполом. Появившаяся ниоткуда вода убегала сплошной стеной вниз, теряясь там бесследно, отсекая жриц от окружающего мира. Земляные стены, увитые высокими растениями, сплетёнными в единую непролазную сеть, защищали другую Мастерскую. Огненные занавеси разных цветов отсекали третью мастерскую от глаз госпожи, четвертая стала окутанной облаками, будто белое пятно.

В центре стояла Лаитан, чья мастерская стала черно-белой, светом и тенью одновременно. Госпожа протянула правую руку в свет, левую к тени, и радужный, сияющий поток силы растерзал её на невидимые части, поглотив крик.

Дворец окутала пелена, и каждый, кто был в нем, физически почувствовал, как госпожа проникает в его душу и разум, выискивая предательство, уничтожая его, вынимая изнутри, из тьмы на свет. Тонкие башни ратуши и краеугольных строений дворца засветились наверху, от каждого из которых протянулась дуга молнии, слившись воедино с остальными и сетью накрывая дворец.

Варвар, окружённый стеной замораживающего огня, потрогал пальцами распавшийся край своей безрукавки, и безразлично пожал плечами. Беречь одежду было бессмысленно, но и прорваться через огонь он пытаться не стал, хотя и подозревал, что мог бы. Однако, это нанесло бы больше вреда, чем принесло бы прибыли — тот поток силы, который он ощущал, имел настолько большую напряжённость, что разорвал бы его при любой попытке противиться ему. И Ветрис, вздохнув, открыл себя мощи владетельницы.

Скрывать ему было нечего. Он был тем, кем был, от начала и до нескорого своего окончания дней. И тем более, не имел в сердце ничего, кроме того, что уже озвучил — вождя действительно заботило выживание своего народа. Хотя, владетельница заинтересовала его тоже. Она была ключом, таким же осколком прежних времён, но она смогла найти баланс между своими силами и окружающими миром, изменяя его и приспособлявая к себе. Ветрису такая роскошь была недоступна, но это зависело от его природы, и тут он не был в силах что-либо сильно изменить.

Отголоски накапливаемых, возможно, годами энергий протекали через его сущность, разделяя свет и тьму, определяя и взвешивая. Он прислушивался к действию мастерства, и отмечал возможности и особенности. Как можно противостоять, как можно защититься, как уйти или уклониться от такого воздействия, но, как гость, только запоминал это, не воплощая в жизнь.

И понимал, почему поражение его народа в грядущей войне было данностью. У них не было ни запасов силы. Ни мастерских. А противостоять людской массе, которая двинется на них в ближайшие годы — тупая, бездушная, лишённая тонких сил, снов и высоких мыслей, того, что создаёт мостик к наследию древних — они не смогут. Слишком много сил требовалось затратить. Слишком сильно их поглощали те, кто жил только сегодняшним днём.

Лаитан соединила руки, молнии сверху ударили вертикально в небо, которое немедленно пролилось на землю тёплым ливнем. Дождь застучал по крышам, подарив радость горожанам, привыкшим к засушливому и жаркому климату полупустыни, где вода была редкостью и ценностью выше драгоценностей.

Многие погибли в тот день. Дворец наполнился трупами, как варваров, так, хоть это и угнетало госпожу, её людей. Источник порчи так и не был найден, словно ни один дух не

мог отыскать путь, по которому скверна затронула сердца людей. Их кровь стала кислой, их органы стали гнить, их кости начали противоестественно изгибаться, будто состояли из паточной нуги. Лаитан дождалась Киоми, и с её помощью отправилась в свои покои на отдых.

— Варвар жив? — спросила госпожа.

— Да, госпожа, — в тоне служанки проявилось недовольство. Лаитан усмехнулась. Она видела ревность Киоми к варвару, но ревность почти всегда значила будущую симпатию. Если ей Ветрис не пришёлся по сердцу вообще, то молодая и ловкая в бою Киоми может попробовать сблизиться с ним, хотя глупые правила варваров не позволяют им плодносить просто так. Лаитан прошла остальной путь в молчании, набираясь сил. Завтра она объявит траур и закроет ворота города, оставив только два часа в сутки на приём и отъезд провизии, товаров и людей. Неизвестная порча, сгустившая кровь имперцев, на самом деле напугала госпожу куда больше мнимых нападений через много лет.

Ночь после встречи

Ветрис тяжело оперся на стол, чувствуя холодный камень вместо привычного дома тёплого дерева. Он уже скучал по своему рабочему кабинету в глубине Лесного Замка, больше походившему на дупло дерева, чем на рукотворное строение. Но скука ударилась о список потерь, написанный на листе мятой бумаги короткими быстрыми буквами, и распалась прахом. Как и жизни десятков воинов Долины.

Вождь чувствовал, что не колдовство Лаитан тому виной. Она всего лишь искала предательство — в той манере, которой отличалась владетельница, быстро, сильно, эффективно и безжалостно. И нашла. Что удивительно, имперцы оказались подвержены неведомой порче больше, чем варвары. И боги знают, сколько ещё носителей заразы жило до поры за стенами дворца.

«И сколько порченых среди твоего народа, — подумал он. — Не забывай, даже младший погиб. Хотя Безымянные уж точно никогда ранее не болели человеческими болезнями, даже чума и мор обходили стороной посвятивших себя долгу. Нужно проверить всех. Но сначала нужно вернуться домой».

Последнее было актуально. Киоми, проводившая его в этот безжизненный мраморный покой, прикрытый со всех сторон камнем и многочисленными этажами, полоснула на прощание пронзительным взглядом, и оставила его вчера. Сегодня утром принесли немного воды и сухой хлеб. Вождь усмехнулся, но поблагодарил за роскошную трапезу. Ему, как и большинству мужчин Долины, приходилось неделями путешествовать по степи и пустынным землям, довольствуясь меньшим, и такой рацион не являлся чем-то оскорбительным или непривычным.

Мысли свернули к другому. Владетельница, проведя вчера ритуал, не похожий ни на что, известное Ветрису, устала, и сегодня вряд ли примет его. «Почётный гость» же в Империи означало, скорее, «почётный пленник», судя по количеству караулов и тому, как набухли и шевелились тени, в которых наверняка таились служанки Лаитан. Судьба вождя стремительно клонилась к закату, но он надеялся переломить это падение. Неожиданно в памяти всплыл недавний момент.

* * *

— Ветрис... Ветрис...

Коэн помотал головой, очутившись в каком-то тёмном месте, без намёка на пол, потолок, стены. Он мог двигаться, но двигаться было некуда, и варвар только пожал плечами. Но и тела не было, только разум. Что-то такое он вспоминал, когда обращался к памяти предыдущих воплощений Коэна, которых за прошедшие тысячи лет накопилось прилично.

— Пятьдесят два целых, девять сотых, — уточнил бестелесный голос, звучащий откуда-то сзади.

Ветрис повернулся назад, повинувшись инстинкту воина, но добился лишь потоков мерцания синего и голубого цветов, волнами разошедшихся вокруг себя. Это приятно разнообразило окружение, но было бесполезно.

— Девять сотых? — с недоверием спросил он у невидимого собеседника. — Почему так много?

— С момента последнего обновления ядра личности сроки жизни сократились, — объяснил все тот же спокойный голос, напоминавший интонациями учёных Долины. — Теперь можно рассчитывать на две-три сотни лет, не больше. Но несчастные случаи и войны портят статистику.

— Кто ты? — мрачно спросил Ветрис, понимая, что этот вопрос нужно было задать с самого начала разговора, и осознавая, что, скорее всего, ему солгут. — Что это за место?

— Это не место, — теперь в голосе ощущалась усталость. — Каждый раз приходится объяснять заново...

— Хм. А ты точно пробовал рассказать понятно? — парировал Коэн. — Или каждый раз запутывал насмерть словами?

— Если ты спустишься в Сердце Долины на самый последний уровень, выложенный хрусталём, то внизу главного ствола лестницы будет дверь из серебра и белого золота, украшенная символами Луны и Отца-Океана. За ней расположены покои Совета...

— Я был на Хрустальном этаже Сердца, — прервал его Ветрис, — там нет никакой двери, только грубый камень. На нем высечено предупреждение об опасности. Ты, кем бы ты ни был, лжёшь!

Долгий протяжный вздох разнёсся по этому непонятному пространству. Словно воздух выпустили из дыхательного мешка, который брали с собой горняки и водолазы, опускаясь в глубины.

— Я не умею лгать, в отличие от других моих братьев, — ответил незримый собеседник. — Князь Долины Ветров, ты сам приказал закрыть вход полторы тысячи лет назад, но зачем ты удалил это из своей памяти, не ведает даже Отец. Если ты сейчас в Сердце, спустись вниз и прикоснись к скале. И ты увидишь меня.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — медленно проговорил Ветрис. Связь с безымянными была утрачена, а собственная сила Коэна отзывалась так неохотно, что можно было подумать, что он спит или без сознания. — Кто ты, тварь?

— Я — Сердце Долины. Я — твой советник, оппонент и слуга.

— Лжёшь, — Ветрис помнил всех своих советников, некоторые из которых даже не были людьми. И тем более он доверял своей памяти перерождений, которая молчала в ответ на судорожные запросы. — Я не знаю тебя.

— Просто коснись скалы.

— Как только вернусь в Долину, — усмехнулся Коэн, — сразу приду к тебе. Если доживу.

— Если не доживёшь, то мы все равно увидимся, — нотки усталости сменились в голосе лёгкой грустью. — Только ты все забудешь.

Ветрис помотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях, и понял, что вокруг больше не плещется темнота, а очень даже светло. Пахло кровью, страхом и вонью разложения.

«Обычный день из жизни варвара», — подумал он и разлепил губы, чтобы улыбнуться. Было больно.

Коэн вынырнул из воспоминаний, и помотал головой. Таящийся в его родовом дворце подземный этаж был важен, это он помнил. Но чем именно и зачем его замуровали вскоре после рождения Ветриса — этого он не знал. А советники, как один, отказывались рассказывать, пока повелитель не достигнет нужного возраста и не овладеет памятью предыдущих воплощений. «Какая, к хренам, память, — разозлился он при этой мысли. — Обрывки. Ветошь. Я не могу сейчас даже рассчитать простейший курс сближения в системе трёх тел...»

На этих словах он вздрогнул. Они звучали дико, чуждо и незнакомо, но вырвались в его сознание леденящим ветром, легко и непринуждённо. Коэн обхватил ладонями закружившуюся голову, и тихо заскулил, не думая о том, что его могут услышать Безымянные. «Так вот о чём они говорили... — варвару стало страшно. Он не признался бы в этом никому, бесстрашие и смелость ценилось дороже золота, но страх от того никуда не делся. Ужас от осознания того, что ему придётся потерять себя — того себя, которого он помнил уже два десятилетия. — Я не хочу!»

«Придётся, — отозвалось внутри него. Голос Ветриса, прозвучавший из тьмы разума, был холоден и бесстрастен. — Это происходит регулярно, и страшиться тут нечего. И незачем. Ничто не помешает мне стать собой. А тебя, мальчишка, я даже не вспомню. Не бойся, это не больно...»

* * *

Утро имело привкус скисшего и забродившего вина из маленьких плодов жестикулы, которые по осени сами сыпались в руки прохожим на пышных аллеях городского сада. Центральные рынки сегодня были закрыты, в Империи объявлен траур, в течение которого никто не имел права сочетаться браком, соединяться друг с другом и праздновать дни прихода в этот мир. Только женщины, которым подошёл срок подарить жизнь, были избавлены от всех ограничений, но таковых в Империи было все меньше год от года.

Выврождение мужчин, начавшееся задолго до прихода Лаитан на трон, как раз сыграло ей на руку, когда ей выпала честь стать матерью матерей, но одновременно стало и проклятием, от которого не сыскалось лекарства. Империя умирала.

Пышное царство, чьи пределы объединили все стихии, от Соленморья до пустынь Вековых Песков, чахло и ссыхалось, сколько бы сил не вливали жрицы в его чресла — оно уже не могло дать потомков. Чистая кровь, которой славились все жители Империи на рассвете оной, давно смешалась с кровью пришлых, загубив чудотворные силы почти всех. Жрицы ещё держались, хотя и в их рядах то и дело сыскивались грязнокровки, которые не получили в наследство от родителей свою силу. Жрицы жили долго. Порой, дольше многих правительниц Империи, наставляя и воспитывая дочерей великой матери, пробуждая в них силу и чувственность, чьи лунные пути могли сковать любого человека.

Человека, но не одного из древних.

И вот теперь Лаитан узнала, что не только её народ погибает. Варвар из далёких степей принёс весть о своём народе, предложив союз во имя него. Лаитан не спешила соглашаться на предложение, но где-то внутри себя подозревала, что предложение Ветриса было самым разумным.

Она поднялась на ноги и села в постели из мягких перьевых подушек, шёлковый полог

над кроватью едва уловимо качнулся, возвещая госпожу о том, что Киоми где-то рядом.

— Я слушаю тебя, Киоми, — сказала Лаитан.

— Госпожа, варвары сидят тихо, бунтов не было и ночь прошла спокойно.

— Киоми, что ты выбрала бы, если бы была на моем месте?

— Я не смею выбирать, госпожа. Я всего лишь служанка.

— Ты дочь своего народа, дочь Империи стихий и великий воин, Киоми. Ответь мне на вопрос.

Служанка довольно долго молчала, подбирая слова.

— Ветрис скрывает многое. Я вижу в нем тоску по дому, но я вижу в нем и боль от смертей своего народа. Но... — она замолчала.

— Но он какой-то бесцветный, да?

Киоми согласно кивнула, проявившись из тени перед Лаитан. В руках служанки было платье из синего льна — символ вечности и смерти в Империи. Лаитан оделась, продолжив начатый разговор.

— Он блекл и будто является отражением истинного человека. Знаешь, я потратила достаточно сил ещё вчера, чтобы вспомнить его лицо. У меня получается странный облик. Он словно сочетает в себе все лица всех своих людей.

— Он призрак тени, госпожа. Ему нельзя верить!

Лаитан усмехнулась, в спальне сверкнули зелёные огоньки её глаз с вертикальными зрачками.

— Ты победила множество воинов, Киоми, доказала свою верность и преданность мне и Империи. За это я выбрала тебя быть рядом со мной всегда. И теперь у меня для тебя другая просьба...

Тени качнулись и исчезли, оставляя стены спальни Ветриса. Свет стал ярче, в нем закружились золотистые пылинки, свивающиеся в единый силуэт госпожи Лаитан. Она поманила его пальцем, ни слова не говоря, и подвела к одной из стен, чьи камни уже обрисовали контур небольшого прохода...

За золотым переходом скрывалась большая комната без стен, крыша над которой поддерживалась тонкими резными столбами, украшенными каменными лозами и изящными изображениями птиц. Площадка, казалось, обрывалась в пропасть, источающую туман где-то в глубинах своей пасти, оскалившейся клыками скал. По сложенному из небольших плиток полу были разложены ковры и небольшие подушки, а в центре возвышался треугольный бассейн, заполненный блестящей на пробивающемся сквозь щели в крыше солнечном свете влагой.

«Это иллюзия, — понял Ветрис, окинув комнату взглядом. Кроме бассейна, все остальное было прикрыто иллюзией, а пропасть за пределами помещения и вовсе была мороком. Но воздух был свеж, и не исключено, что сейчас они находились где-то на крыше дворца. — Но опасности нет, и на том спасибо, Лаитан».

У него был выбор — использовать защиту, или подождать. Восстановившиеся силы позволяли многое, но вождю стало интересно, что же предложит ему владетельница.

Его учёные долго изучали Империю. Очень долго. Множество поколений просеивали песчинки человеческих жизней между пальцами, пока не нашли жемчужину. В одном из караванщиков, чья прабабка была жрицей. Собственными глазами увидев сияние золота в

крови, Ветрис понял, что Империя — это не только единственный шанс на выживание. Нет, не его личное, об этом он не думал. Но шанс на выживание Долины как народа и памяти, которая, несмотря на смешение крови и ослабление духа, все ещё была сильнее небытия. Помимо выживания всех цивилизованных стран, Империя, сохранившая и преумножившая наследие Древних, могла стать основой и опорой нового, невиданного до того порядка.

И знающие подтвердили: от союза золота и серебра родится новое, сильное семя. Внук караванщика, обучавшийся сейчас в школе Безымянных, грозил заткнуть за пояс не только бессменного наставника, но и самого Ветриса. Князь Долины вышел победителем только за счёт своего обширного опыта и памяти, пробуждавшейся в теле постепенно.

Лаитан смотрела спокойно. Рядом с ней стояла чуть поодаль её верная служанка. Госпожа что-то шепнула ей и та удалилась, после чего она обратилась к варвару:

— Ты в праве позвать с помощью Киоми своих верных людей, — она тряхнула браслетами, и тени выплюнули жриц и воительниц личной гвардии Медноликой, вставших позади своей госпожи. — Мы покидаем Империю, варвар. И я предлагаю тебе пойти со мной к Соленморью, великому прародителю жизни и кругу смертей. Его воды не тронуты временем, он помнит рождение множества таких Империй и Долин, как моя и твоя. Если мы и сможем отыскать ответ и лекарство от порчи, это лежит у берегов океана.

— А почему нет, владетельница? — спокойно ответил Ветрис. — Я возьму тех, кто пойдет за мной и всех Безымянных. Благодарю за возможность прикоснуться к легенде в компании с тобой.

— Советую тебе, варвар, собраться достойно предстоящего похода. Дело будет долгим и опасным. И тайным, — шёпотом произнесла она. — О том, что мы ушли, не должен знать никто. Даже твои самые приближенные слуги в Долине. Киоми позаботится о том, чтобы твои воины попали сюда тайно.

Ещё один хлопок в ладоши, и в помещении появились новые проходы, из которых вышли жрицы и ещё несколько служанок. У них на лицах были маски, они молчаливо и торжественно прошли вереницей до вождей, и за ними в воздухе показались летящие тела тех, кого варвар желал взять с собой. Ветрис явно напрягся, но Лаитан успокоила его:

— Для всех остальных тебя и меня похитили, твои люди и мои слуги позаботятся о том, чтобы в это поверили.

Она имела в виду то, что молчаливые служанки в масках, сняв их после ритуала перехода, умрут за свою госпожу, чтобы всем стало ясно — похищение и сопротивление было на самом деле.

Лаитан подошла к бассейну, чья вода оставалась спокойной до тех пор, пока она, извлёкши из складок одежды небольшой кинжал, не уколола себе палец. Капли крови, упавшие в воду, заставили её засветиться золотом. Медноликая протянула нож Ветрису и посмотрела на него.

— Твоя кровь откроет проход тебе и твоим людям.

Вождь оглядел служанок, висящие тела своих телохранителей, и вернул взгляд на лицо Лаитан. Бесстрастная владетельница умирающей Империи смотрела на него без тени эмоций, только в глубине её ярких глаз блесело золото, и дрожал отсвет чего-то далёкого, нездешнего. Он без колебаний взял кинжал, посмотрел на идеально чистое лезвие из голубой стали, и произнёс:

— Владычица Лаитан, нам не нужно собираться в путь, бой или поход. Все мои воины способны выжить где угодно, от дальнего юга с горячими землями, и до холодного севера с его замерзающим воздухом. Мы способны слышать друг друга на расстоянии, потому мне придётся приложить определённые усилия, чтобы нас не могли отыскать.

Он разрезал кожу на пальце, и молча уронил в бассейн несколько светящихся серебром капель своей крови. Вода забурлила, золото и серебро слились в водовороте.

Служанки госпожи подвели тела воинов Долины к бассейну, легонько подталкивая их в воздухе.

Лаитан только улыбнулась такой самонадеянности варвара. Она собиралась посмотреть, как он хочет справиться без оружия, надеясь только на свою магию, которая теряла силу в некоторых землях, через которые им предстояло пройти.

Киоми прыгнула в воду первой, за ней последовали десятки женщин, пропадающих в светящемся переходе, едва их тела касались поверхности. Одна из служанок в маске по очереди столкнула в бассейн воинов варвара, которые тоже пропали. После этого вся гвардия Лаитан и ее жрицы последовали за варварами, и настал черед вождей. Лаитан крепко схватила мужчину за руку и прыгнула в воду, или в то, чем она стала. В этот момент первая служанка в маске сдёрнула с себя её и бросила в сторону. Её лицо оказалось покрыто язвами и увечьями, губы отсутствовали, а вместо зубов появились острые прозрачные клыки. Она зубами вырвала у себя кусок плоти из руки и плюнула его в бассейн, куда прыгнули вожди. Вода вскипела грязной пеной, глаза Лаитан полыхнули зеленью, и все померкло. Звуки начавшейся схватки в зале перехода приглушились и исчезли...

Ветрис почувствовал, как вода ударила его по ногам, поглощая плоть, и понял, чем был тот поток воды, что поднесла ему владетельница. В нем была растворена малая толика, одна капля влаги из Соленморья. Вечного Моря. Прародителя всего. Именно эта связь помогла ему сейчас раствориться в воде бассейна, чтобы перенестись куда-то далеко по водным путям.

«Когда вода дойдёт до моей головы, я потеряю сознание, — подумал он отстранённо. — Как приятно, что жители Империи не моются песком. Водой я могу дышать, хоть это и тяжело».

Владетельница висела рядом, сжав его руку, и её глаза сверкали. Время растянулось вдоль, раскинув секунды, и процесс переноса, который должен был оказаться мгновенным, затянулся на долгие минуты. Снаружи могло пройти мгновение, но здесь, внутри водяной линзы, все тянулось, как показалось ему, дни. Годы.

Перед прыжком вождь Долины почувал сомнение в мыслях владетельницы, относившееся к способности воинов Долины выживать в любом климате. Это действительно было, но сей факт не афишировали. Небольшие кристаллы хрусталя, вшитые под кожу в определённых местах, содержали в себе древнюю магию, которая могла продлить жизнь в самых разных условиях, от глубоких вод до высоких гор. Неуязвимости она не давала, но возможность выдержать мороз и ветер, который вымораживает плоть на дюйм от шкуры — достаточно ценное свойство.

Было бы драгоценным, если бы позволяло накапливать силу и преобразовывать её.

Вода рывком бросилась вверх, серебристо-золотыми змеями оплетая и растворяя в себе тела владетельницы и Ветриса. Что-то случилось там, в месте, откуда они все отправились.

Время ускорилося, рывками нагоняя потерянный темп, и сверху в воду ударил кусок чернеющей плоти, от которой исходили волны иссушающего жара.

Влага толкнулась в голову, и Ветрис потерял сознание, как и предполагал ранее.

Он очнулся на земле, лёжа на груди каких-то вещей. Рядом раздавались стоны и чья-то ругань. Кажется, это был один из его Безымянных.

Приоткрыв глаза, вождь обнаружил, что все кристаллы с запасами и снаряжением, вшитые под кожу, сработали, и, кажется, рассыпались в тончайшую пыль. Потрясая головой, он нащупал ножны с длинным прямым мечом, и рывком встал на колени, а потом, дождавшись, когда голова перестанет идти кругом, поднялся на ноги.

Они находились в узком ущелье, по дну которого тёк ручеёк. Служанки Лаитан сгрудились у небольшого шатра, а Безымянные, придя в себя, как и Ветрис, на грудах снаряжения, уменьшенного и вложенного магией в кристаллы, ругались, и пытались призвать силу духов, чтобы вложить имущество обратно.

Он объединил братьев, и вместе они нашли решение. Память камней в теле помогла восстановить состояние до броска через бассейн, и воины превратились из клуш, сидящих на гнездах с собственным добром в прежних свободных и лёгких на подъем бойцов Долины.

Вождь заблокировал на всякий случай возможность повтора такого события, и оперся на меч, когда собранные воедино сознания устремились каждое своим путём. Из шатра вышла Киоми.

Служанка подошла к варварам, и, не скрывая неприязни в голосе, произнесла:

— У меня нет доказательств твоей вины, но я лично найду и обезглавлю тебя и каждого, кто посмеет становиться на моем пути!

Мужчина молча выслушал отповедь, хмуро глядя на служанку.

Киоми вернулась в шатёр, где её уже встретила Лаитан.

— Что ты сказала ему? — требовательно обратилась к своей служанке госпожа. Киоми склонилась в поклоне, но взгляд не опустила.

— Правду, моя госпожа. Я всегда говорю правду. Это он виноват в том, что произошло, он и его люди. Пока варваров не было, все было хорошо. Они принесли чуму и мор, порченую кровь в наш дом!

Взгляд Киоми полыхал гневом. Лаитан пошевелилась, соскользнув с грубого ложа, на которое её уложили сразу после перехода. Её бронзовая кожа покрылась мелкими чешуйками, способными сливаться с окружающими цветами, и от того Медноликая сейчас казалась тенью среди теней. Только голова и кисти рук не пострадали. Такой эффект после прерывания и порчи ритуала мог остаться теперь навсегда. Лаитан ухмыльнулась, проводя пальцами по новой защитной броне, в которую превратилась её кожа. Длинные волосы волнами падали вниз, и Киоми смотрела на плывущее в полумраке лицо госпожи, обрамлённое прядями длинных волос. Это могло показаться жутким, если бы служанка лично не вынимала внутренности у пленных врагов, пока те ещё были живы и все понимали. Её магия и искусство позволяли ей продлевать жизнь достаточно, чтобы пленники умирали от ужаса увиденного, а не от боли или кровопотери.

— Не думаю, что варвар виноват. Если и так, он не знал, что принёс, — с сомнением протянула Лаитан. — Но ты права, доверять им не стоит, пока они не доказали обратного.

— Госпожа... — тихо обратилась к ней служанка, качнув черноволосой головой, —

возможно, древний Посмертник был прав? Возможно, тебе стоило принять его предложение?

Шипение, раздавшееся с постели госпожи, напугало Киоми пуще всех пережитых за долгую жизнь ужасов. Горло словно сдавило тисками, тело приподнялось вверх, и голова коснулась центрального шеста шатра, будто примеряясь, как повесить тело на нем же.

— Не смей мне предлагать эту мерзость! Ты не для того стала моей доверенной служанкой, чтобы напоминать мне о Посмертнике! Его способ возрождения отвратителен. Противоестественный жрец смерти, возвращающий из мира мёртвых жалкие отголоски жизни в гниющих телах!

— Но он предлагал тебе не воскрешение, а продолжение рода, моя госпожа, — сдавленно прохрипела Киоми. Лаитан вернула её на пол. Женщина осела на колени, потирая горло руками. Из мрака на неё уставились два вертикальных зрачка в сияющей зелени раскосых глаз.

— Он предлагал создавать имперцев с помощью отвратительного выращивания плоти. Словно кровь — это вода, которой достаточно полить цветок, чтобы он вырос и дал плоды.

— Но тебе не пришлось бы делить постель с варваром!

— Мне пришлось бы делить не только ее, но и целую жизнь с отторгнутым всеми стихиями существом, что сильнее и древнее самого мира, — успокоившись, свернулась под тонким покрывалом Лаитан. — Разговор окончен, Киоми, Посмертник не получит ни меня, ни Империю. Никогда и никаким способом. А теперь подбери мне подходящую одежду, чтобы не осталось ни единого места тела, не прикрытого ею от посторонних глаз.

Варвары, разобравшись с насущными проблемами, обустроили небольшой бивак и установили охранение, как поступали обычно в походах. Безымянные привыкли к такой жизни, их вождь редко бывал в Замке Древа дольше, чем пара месяцев подряд. Из-за способности объединять сознания всех жителей Долины, в ком текла хоть капля крови Древних, Ветрис почти не нуждался в большом количестве советников или большом дворе, предпочитая проводить время в исследованиях окружающих земель и решении возникавших проблем, от набега степняков до засухи. Впрочем, последняя была не частой гостьей, в отличие от кочевников.

Стражницы Владетельницы не отходили от её шатра, мрачно огрызаясь на предложения варваров угоститься из походного котелка, где уже сварилась каша из злаков Долины с мясом небольшого кулана, попавшегося на одном из склонов ущелья. Дрова наломали там же.

Старший, вычистив свой меч, обратился к своему брату.

— Ветрис, ты что-то почувствовал во время перехода? Что произошло? Эта змея вывалилась, словно обожжённая, а ты появился совершенно невредимым.

— Я думаю, что целились в Лаитан, потому меня только оглушило, — ответил вождь. Он вспоминал, как черные капли порчи осквернили ритуал, и содрогался от отвращения. Старший пригубил ложку с горячей кашей, и довольно причмокнул. — Нас всех оглушило, потому что вы связаны со мной, а я, увы, с вами. Потому и взял в поход, брат. Но я прошу, чтобы владетельницу вы хранили сильнее, чем меня.

— Обижаешь, брат, — подёргал себя за усы Старший. — Никак не можно. Оскорбляешь Безымянных.

— Хотя бы так же, как меня, — мрачно усмехнулся Ветрис. — Она важна для будущего.

— Я знаю, брат, — ответил его телохранитель. — Жаль, Младший не смог пойти с нами.

— У него ещё может быть шанс, — загадочно ответил варварский вождь, помешивая своей ложкой в котелке. По традиции, он завершал приготовление пищи на привале, и в этот раз тоже. В кашу полетел небольшой сморщенный плод, скрывшийся в глубине горячего варева, и придавший ему дивный аромат и острый вкус. — И что-то мне подсказывает, что мы не совершили полный переход, а до Соленморья добираться ещё долго. Но пусть об этом скажет Владетельница. Когда придёт в себя.

— Я соберу братьев, — поднялся Старший.

— Сиди, брат, — приказал Ветрис. — Ешь кулеш, наслаждайся вкусом воды и ветра. Потом будет некогда. Начнут раскрываться мрачные тайны, мы встретим всех тех, кого так не хотели встречать и узнаем то, что не должны знать, а после...

— Ты это видишь? — недоверчиво спросил Старший, пощипывая ус. — Повелитель...

— Нет, брат, — улыбка Ветриса стала жёсткой. Он зачерпнул из котелка. — Я просто знаю, как оно бывает.

— Здравствуй, Крес.

— Не могу сказать тебе того же, ты давно уже не здоровствуешь, — слова в темноте звучали так же сильно, как и на ярком свете, но здесь не было места ни тому, ни другому. Этого места тоже не существовало. Но слова втекали в зазоры между секундами, просачиваясь сквозь пространство. — Зачем я тебе понадобился?

— Я давно предлагаю тебе объединить усилия...

— Да, признаю. И совсем недавно ты прислал еще послов. Но мой ответ останется прежним.

— Ты отвечаешь «нет»?

— Я ничего не отвечаю. Не имею такой привычки.

— Мы знаем друг друга так давно...

— Мы? Я бы сказал «побойся бога», но к тебе это имеет такое же отношение, как и ко мне. Никакого. Так что остановимся на нейтральном. Иди в задницу... А, прости, я забыл, что ты лишён сомнительного удовольствия обладания плотью.

— Зачем ты так? — перезвон серебряных колокольцев приобрёл надтреснутость, словно невидимые бубенцы облепило грязью. — Я не оскорблял тебя.

— Потому что не можешь, несмотря на сходство со своим прототипом. Лишён такой функции, — более богатый интонациями голос не содержал удовлетворения, всего лишь сожаление. Или жалость? — Ты неполноценен, и я догадываюсь, почему.

— Я всего лишь хочу договориться... Пока мой аватар только собирается начать свой путь.

— Нам не о чем договариваться.

Дрожание невидимой струны прервалось, басовито разорвав тишину. Какое-то время, короткое, за которое сердце не успело бы и дрогнуть, в тёмном нигде ничего не происходило. Потом в пустоте чернильной ночи зажегся тёплый оранжевый огонёк, оседлавший свечу. На пространство стола, уходившего, как казалось, в бесконечность, лег лист бумаги, исчерченный тонкими уверенными росчерками и линиями, складывавшимися в план какого-то здания. Разобрать что-либо было сложно — все этажи были нарисованы одновременно, для непривычного взгляда превращаясь в мешанину символов и штрихов.

Чертёж расправили руки, затянутые в тёмную кожу перчаток, и невысокий мужчина в черных одеяниях, попав в радиус действия огня, недовольно прищурился, и пошевелил гладко выбритым подбородком, словно раскусывая горошину перца. Рисунок медленно вспыхнул неярким пламенем, пробежавшимся по линиям чертежа, взлетевшим с листа, словно птицы. Теперь начерченный в воздухе золотом и серебром висящих в воздухе огнистых нитей план превратился в прекрасный дворец, высеченный в скале, и уходящий в неё глубоко вниз, вгрызаясь в гранит десятками этажей и подземелий. Нижние уровни были освещены особенно ярко, пламя сплеталось в них, словно живое.

Рука в чёрной перчатке пригладила короткие серые волосы, и легонько прикоснулась к узлу огня, переливавшегося серебром.

— Нечего и мечтать, — пробормотал мужчина, отдернув пальцы от плеснувшей искрами огневой клетки, внутри которой проступали какие-то тёмные тени. — Нечего и думать туда проникнуть, пока Коэн-варвар не отправится в столицу. Да и потом тоже. Но,

если долго ждать, то по реке проплывёт труп твоего врага. А если делать глупости или спешить — то сам в ней окажешься.

Марионетка Тьмы

Морстен почувствовал, как надвигается холод, и успел отложить в сторону перо и бумагу, на которой делал подсчёты запасов Замка. Баланс сходился, но рацион улучшить не получалось — львиную долю давали грибные фермы тхади в кальдере вулкана и уккуньи пастбища в ледяных долинах, но, кроме грибов и мяса, живые нуждались во многом. И список рос с каждым годом. Вино, ткани, пряности, фрукты и овощи, зерно и дерево — все это приходилось выменивать, красть или покупать втридорога у степняков или жителей северных провинций Империи, не гнушавшихся заработать немного тяжёлого золота. Но золото нужно было еще добыть...

Подёрнувшееся дымкой пространство пронесло его в знакомый тронный зал времён смерти предыдущего повелителя Тьмы. Чёрный скелет на троне отсутствовал, и Морстен ощутил, как сжавшиеся тиски головной боли немного ослабевают. Зачем Замок все время возвращался к этому моменту, Гравейн сказать не мог, а сам бессмертный дух твердыни — не хотел.

Сегодня мрачный зал был залит слабым серебристым светом, сочившимся через отверстия в потолке. Перемещавшиеся по полу пятна серебряного сияния выхватывали залитые кровью тела в темных доспехах, среди которых Морстен ожидал заметить и своё. Но не увидел, и мрачно порадовался тому.

— Замок... — проговорил он. Дыхание вылетало изо рта холодными даже на первый взгляд пушистыми облачками, медленно рассеивавшимися в промёрзшем воздухе. Пусть даже это все было иллюзией, но ощущения оставляло полностью реальные.

— Да, Морстен, — устало прозвучал голос сверху. Каменная горгулья из тёмного гранита беззвучно слетела откуда-то из-под потолка. Весившая, как два уккуна, туша аккуратно примостилась на зубчатую спинку трона, который даже не скрипнул от этого. — Надеюсь, ты сейчас не стоишь где-нибудь на прогулочной галерее?

Вопрос вызвал у Гравейна раздражение. Замок знал любое его движение, и уж точно был осведомлён о том, где пребывает тело Морстена, и чем занимается. Но он спокойно ответил, принимая правила игры. Спорить с духом Твердыни не стоило, потому как выходило себе же дороже.

— Я рассчитывал припасы и необходимые поставки на зиму, — Тёмный Властелин дёрнул уголком рта, испытав лёгкую досаду. Он не любил оставлять дела незаконченными, а Замок наверняка выдернул его сюда не для того, чтобы поинтересоваться здоровьем или настроением. — Ничего особенного.

— Хорошо, — горгулья улыбнулась, обнажив ярко-белые зубы из хорашанского мрамора. — Не хотелось бы, чтобы перед большим путешествием на запад ты, например, вывихнул палец или сломал каблук.

«На Запад? — Морстен по старой привычке растянул губы в улыбке, склонив голову немного на бок. — Так и знал, что этот неугомонный собирается устроить какую-то хитрость. Что я там забыл, на этом западе, хотел бы я знать? Соли достаточно и в Империи, и там есть, кому ее добывать. Горькая океанская никому не нужна, от неё даже уккуныдохнут. Или Замок имеет в виду совсем не торговлю? Может, это связано с приходом Тьмы?»

— Связано, — мраморные зубы блеснули в упавшем сверху луче света. — Очень даже связано. К сожалению, тебе придётся рассчитывать силы, и не полагаться на большие армии. Они понадобятся в другом месте.

— И когда мне выезжать? — Морстен подышал на замёрзшие ладони, и потёр их друг о друга, внимательно смотря на осыпающиеся вниз льдинки. — К Океану дорога неблизкая, если ехать через Империю. А другого пути, насколько я знаю, нет.

— Не торопись, — Замок хлопнул крыльями, с которых посыпались небольшие камушки. — Я сокращу твой путь втрое, но для этого нужно подготовиться. Жертвы принести, круг разметить.

— Тёмный Путь, — улыбнулся Морстен, теперь уже не из вежливости. Ему всегда был интересен этот способ перемещения, к которому прибегали очень и очень редко — слишком долгая подготовка, сложный ритуал, непредсказуемый итог. Но, если Замок поможет, все получится быстро и почти без проблем. Тьма заберёт свою долю без процентов. — Впервые за... подожди, тысячу лет?

— Семьсот, — проворчал Замок. — Но ты не беспокойся, кого-нибудь обязательно вывернет наизнанку, или тебе на спину. Я позабочусь об этом.

Морстен засмеялся. Милые угрозы Замка оставались вполне осязаемыми, но почему-то не пугали.

— Зачем тебе нужны мои тхади? — спросил он. — Набег? Или что-то иное?

— Это, в первую очередь, мои тхади, — гаденько хихикнул его оппонент и одновременно партнёр, перебирая лапами своего аватара по спинке трона. Под ним на мгновение нарисовался призрачный контур предыдущего Властелина, и рассыпался тонкой серебряной пылью. — Тебе они тоже принадлежат, но я был раньше. Можешь забрать с собой сотню Друмога и своих телохранителей.

— Может, мне и шамана взять с запасом грибов? — поддел его Морстен. Ему было немного обидно от того, что большая часть армий Замка будет занята где-то, а Властелин в это время станет месить грязь весенних дорог. Но он чувствовал и необходимость подобного расклада дел. Планы Замка всегда отличались разнообразием и какой-то искривлённой хитростью.

— А и возьми, — прищёлкнула когтистыми каменными пальцами горгулья. — И лекарств побольше. Знаю я тебя, опять полезешь в самую гущу битвы.

— Если она будет, — протянул Морстен, и кашлянул, вдохнув ледяной воздух. — Битва означает наличие двух противоборствующих сторон.

— Этого там в достатке, — Замок разинул пасть, и дохнул вверх белым потоком снежинок. — А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать. Не забудь проявить свойственную тебе расчётливость и справедливость, ты же Властелин Тьмы, а не солевар.

Морстен с трудом оторвал голову от стола, и прищурился на трепещущее пламя свечей в канделябре. Даже его улучшенные глаза не могли сразу перестроиться от резкого перехода из темноты, пусть и несуществующей, к свету.

— На Запад... — проговори он слегка заплетающимся языком, и рывком встал со скрипнувшего кресла. Подойдя к занимавшей всю середину комнаты рельефной карте мира, Морстен уставился на западный её край, блестящий осколками хрусталя на месте побережья великого Соленморья. Отца-Океана, как называли его в Империи. Но никто не уточнял, почему вдруг Океан стал всеобщим отцом. Жрецы почитали солнца, но на вопросы

об Отце отмалчивались. По крайней мере, пять столетий назад. — К Отцу. Но это означает, что наступает время Тьмы и Холода. Конец эпох. Да, не повезло мне. Или все же повезло?

Владыка Тьмы подошёл к окну, из которого открывался вид на потоки лавы, переливающиеся внизу, в жерле вулкана, оседланного Замком, как огромным пауком.

— Есть старое проклятие, — улыбнулся он, поглаживая деревянный наличник. — Кажется, оно звучит так: «Да живи ты в эпоху перемен!» Что же, у меня есть шанс выяснить, каково это. Жить в эпоху перемен.

Встреча с древними народами

Он вошел в ее шатер непрошеным гостем, обведя вокруг пальца даже хваленую Киоми, что не добавило охранительнице хорошего настроения. Киоми была настолько зла, что унять ее гнев было под силу только ее госпоже. Лаитан поджала тонкие губы, демонстрируя свое неудовольствие, но на этом решила ограничиться и перенести выволочку за невнимательность подальше от глаз варвара. Ветрис держался спокойно, будто у него были какие-то преимущества или в руках одежды он запрятал несколько секретов. Медноликая склонялась ко второму варианту. Она представляла разные возможности и нити разговора, зачем было варвару пытаться проникнуть к ней, но решила не говорить ничего, предоставив слово Ветрису.

Тот замер на пороге, вглядываясь в темноту шатра, из которой на него смотрели, не мигая, два зеленых светящихся глаза с вертикальными зрачками. Лаитан замерла, словно змея, готовящаяся к прыжку, и тихо зашипела.

— Владетельница, тебе нет нужды воспринимать меня, как врага. Я пришел лишь для того, чтобы пригласить тебя разделить со мной ужин и разговор. Но я вижу, что проникнуть в твои покои вне дворца оказалось несложно и понимаю твое неудовольствие от этого факта.

Варвар не смог отказать себе в легкой змеиной улыбке, скользнувшей по губам. Сдержанное превосходство во взгляде он даже не пытался. Лаитан, уязвленная такой надменностью, ответила не сразу:

— Если бы я стояла на страже, я бы не промахнулась, желая разделаться с врагом. Во дворце или вне его, — холодно сказала она.

— Владычица, ты редко промахиваешься. Но здесь сыграла роль неподготовленность исполнителей, так что твоей вины тут нет.

Лаитан, прекрасно зная, что вокруг в тених притаились ее жрицы и верная Киоми, нарочито размеренно и четко произнесла:

— Да уж, пора самой брать в руки жезл и меч. И кривая имперская сталь чёрного воронова крыла окропится кровью варваров!

— Да, красивый цвет. Чёрное и красное. Только сталь слишком кривая, на мой вкус, может сломаться... Осторожней, владычица, варвары тоже не дремлют. Их прямые мечи, может, и хуже качеством, но их держат в руках воины без страха в сердцах. Был бы рад сойтись с тобой на ристалище.

Откровенная лесть из уст этого доинца поразила Лаитан не хуже его клинка. Она снова помедлила с ответом, никак не в силах отделаться от ощущения опасности. Ветрис не походил на искушенного в таких вещах, как обольщение и лесть, человека, да и выглядел слишком юным для подобных практик в достаточном количестве. Однако, он пытался, и попытки, как признала Лаитан, выглядели весьма неплохо. «Либо у него была отличная подготовка, либо такой же превосходный учитель», — подумала Медноликая. О том, что именно сейчас в голове варвара снова начали всплывать странные картины и слышался далекий, приглушенный голос его странного советника с тоном перезвона серебряных колокольчиков, она не знала.

— Смелость не противник против умения. Вряд ли мы сойдёмся, если это не битва на жизнь и на смерть, и не союзническая защита владений, варвар. Наша чёрная сталь известна далеко за пределами империи. А форма меча для того и такая, чтобы внушать ложное

чувство лёгкости боя врагам.

— Второе привлекательнее, первое маловероятнее, владычица. Кто сказал, что мы не умеем? Пока никто не жаловался, между прочим! Чёрная сталь... эх. Редкость в наших краях. Приходится обходиться полосатым железом.

— Вам отсутствие железа и стали с лихвой заменяют магические навыки. Редкая сталь и секрет её получения не достанутся врагам. Ты можешь получить половину империи, но искусство получения лёгкой чёрной стали, что прочнее земного шара и легче небесного свода, уйдёт в мир мёртвых вместе с мастерами.

— Не спорю с тобой, владычица. Магия и проще, и сложнее железа... одновременно. Её легче носить, но иногда она покидает носителя. Хотя и меч можно выбить или вынуть из безвольной руки отравленного или спящего. Потому варвары не пренебрегают и мечами тоже. Я понимаю необходимость секретов. И сам никогда не выдал бы своих тайн, владычица. Есть вещи, которые должны оставаться ведомы только тем, кому ведомы. Пусть секрет чёрной стали останется в Империи, я не против. Хотя от меча и не отказался бы — последний такой клинок в наших землях был утерян столетия назад, во время нашествия куджуков.

— Твоему предку преподносили такой клинок в подарок за помощь и объединение враждующих племён, это записано в наших летописях и хрониках Империи Маракаш.

— Потом он был подарен им нашему тогдашнему военному лорду, и пропал вместе с ним в хаосе битвы при Каннах, владычица. Это записано в наших хрониках. Говорят, что хам куджуков подарил такой клинок Великому Кагану кочевников, но это слухи.

— Ты не проверял, тот ли это клинок? Возможно, хан получил его в бою, или бесчестно, и ты мог бы забрать его обратно, восстановить честь.

— Стоял выбор — поехать с посольством к вам, Владетельница, либо отправиться в Степь. Я выбрал Империю, это важнее. Честь моя со мной, а клинок... Если выживем, то он сам придёт ко мне, вместе с нынешним владельцем, и дальше все будет зависеть от удачи, мастерства и места битвы. Если нет... То тогда и меч мне не нужен будет. Мёртвым клинки ни к чему. Разведчики донесут мне, случись этим событиям связать мою судьбу своим явлением раньше положенного.

И вновь Лаитан инстинктивно подобралась, напряглась и замерла, слушая рассуждения варвара. Слишком мудрые и глубокие для столь горячего на поступки человека. Отваги и ярости долиincu было не занимать, но вот откуда в нем такая глубина и спокойствие? Он прибыл уже таким, таким и остался. Хотя нарушение перехода должно было выбить его из равновесия, раз уж переброска справилось даже с хваленым спокойствием Медноликой змеи Империи.

— Пусть так и будет. Твои враги сами придут к тебе, как и мои — ко мне.

— Но к нашим общим врагам мы должны идти сами, Владычица. Угроза для мира слишком велика, чтобы остаться в стороне. Ни одно движение вражеских армий не сравнится по степени важности с нарушением самих основ реальности.

Меднолика знала это и без него. Те краткие моменты, когда неистовая сила билась в ней, была ее, разрывала на части и трепетала в каждом сердце имперца и долинца во дворце, ясно показали ей необходимость покончить с чумой в зачатке.

— Мы должны дойти до великого отца раньше врага. Иначе наши попытки бессмысленны. Собирай своих людей сразу же после рассвета, мы выступаем без промедления.

— Мои люди всегда готовы, — Ветрис на мгновение рассеял свое сознание и поймал вокруг отголоски разумов прислушивающихся к диалогу воинов. Поймав сигнал мыслей своего повелителя, Безымянные начали сворачивать лагерь.

Лаитан наконец выскользнула из теней, встав рядом с варваром. Мгновение — и ее дыхание обожгло его шею, скользя совсем рядом с ним. Тепло тела Лаитан коснулось кожи варвара, заставив его вздрогнуть и замереть на месте. Медноликая отбросила полог шатра, приказав служанкам прекратить обустроиваться и начать подготовку к выступлению. Времени оставалось только на то, чтобы поесть и немного отдохнуть. И сделать это можно было не только в роскошных покоях, но и на обыкновенной земле. Киоми, однако, не пожелала полностью разбирать шатер, превратив его в подобие небольшого укрытия, где можно было разместить свою госпожу и разместиться самой. Лаитан холодно улыбнулась заботе и стараниям своей охранительницы, коротко кивнув ей в знак прощения и расположения. Настороженность во взгляде Медноликой все же не исчезла до конца, и она, пройдя с Ветрисом до его стоянки, уселась, кутаясь в длинные одежды тонких тканей и набросив на плечи дорожный плащ. Из-под опущенного капюшона поблескивали только ее зеленоватые светящиеся глаза. Ветрис сел рядом, и им подали еду. Быстро поужинав, Лаитан вернулась к разговору о предстоящем походе:

— Авангард моих воинов идёт вперёд. Твои могут пойти с ними, если захотят. Умные и умелые бойцы сами знают, какие позиции кому занимать. Мы будем им пока только мешать.

— Думаю, Владычица, мы отправимся к Отцу вместе, пока наши бойцы будут сдерживать тех, кто посмеет попытаться нам мешать. Таков ведь ваш план? — взглянул на воинов Ветрис.

— Не совсем. До великого отца далеко, несколько недель пути.

— Хм. Тогда что же я чувствую за тем холмом, Владетельница? — он указал на большой каменистый холм над дорогой, покрытый сиреневыми листьями кустарника. — Это не похоже на людей.

— Это местные народы, каменные феи и горные дварфы. Их, как и стоящих особняком элементалов, осталось мало, но они присутствуют везде, наблюдают и вмешиваются только в самых крайних случаях.

Она проснулась от неясного чувства, еще до рассвета. Выскользнув из своего укрытия, Медноликая остановилась на прохладном ветерке поодаль от остальных спящих, и замерла в неподвижности, осматривая округу. Она решила воспользоваться тем, что ночь ещё не совсем отошла за горизонт, и спрятаться в тенях. Но, словно по волшебству, солнечные лучи ярко озарили то место, где стоял лагерь имперцев, не давая им шанса на свою магию. На сиреновом лиственном холме появились три всадника. Один ехал на коротконогом животном, походившем на рогатую лошадь или на очень длинноногого кабана, второй восседал на крылатом сером коне, а третий держался в воздухе на эфирном единороге, чьи полупрозрачные крылья трепетали в лучах солнца. Троица неспешно двинулась к лагерю, не убирая оружия и продолжая молчать.

Телохранители-безымянные, находившиеся с арьергардом, среагировали моментально. Не зная степени угрозы и опасности всадников, они растянули над небольшим отрядом мерцающие купола защитных полей, и замерли, настороженно глядя на приближающихся нелюдей.

Ветрис редко сталкивался с представителями этих народностей, в его родном крае их не

осталось. Малые расы предпочитали селиться как можно дальше от цивилизации и людей вообще, выбирая удалённые скудные земли, труднодоступные ущелья и горные долины, сокрытые от глаз. Там они занимались своими делами, возделывали странные растения, строили ни на что не похожие строения, напоминавшие у каменных фей ажурные паутинники, а у dwarфов — приземистые каменные бункеры-крепости. Они редко вмешивались в жизнь людей, выбирая свою судьбу. Тем удивительнее было видеть этих существ вблизи.

Всадники, не обращая внимания на телохранителей и воинов Лаитан, проследовали к тому месту, где на небольшой возвышенности стояли вождь и Владетельница. Ветрис скучающе разглядывал эфирного единорога, который на самом деле даже не был живым существом, представляя собой ожившее и обрётшее подобие плоти заклинание. Но вместе с тем, ехавший на этом средстве передвижения тем самым говорил о своём статусе — только самые сильные маги, владевшие угасающим мастерством покорения стихий, могли создать такую красоту. И то, раз или два в жизни, насколько знал вождь.

— Приветствую представителей Старых Народов, — поднял он руки, держа их ладонями вперёд, чтобы показать чистоту намерений и отсутствие оружия. — Я — вождь Ветрис, из народа Долины.

— Медноликая Лаитан, ты привела к нам варваров? — певучим голосом осведомился элементал. В его руке блеснуло навершие сегментарного жезла, которым он иногда оглаживал шею единорога, подпитывая его силой. Сделанный из дерева, кости и драгоценных камней, жезл содержал в себе всю силу и мощь древнего представителя уходящей расы.

— Медноликая царица не приводит врагов, — крикнул dwarф, похлопав своего низкорослого скакуна по шее. — Она приводит только неприятности.

— Мы должны их выслушать, снова заговорил элементал. — Если Лаитан пришла, она поможет нам. Или мы поможем ей... отыскать обратный путь.

Лаитан шагнула вперёд, вокруг неё разгорелось кольцо огня, в пламени которого блеснула неверным светом чешуя на шее женщины. Фигура госпожи окуталась пламенем, остальные отступили, остался только элементал, чей жезл тоже стал похож на огненную плеть в его руках. Единорог превратился в огненную саламандру.

— Я пришла с миром, и на то не было моей воли, — сказала Медноликая. — На нас напали во время ритуала перехода, мы оказались здесь и намеревались продолжить путь, не тревожа ваших народов.

— Госпожа и варвар? — удивился элементал. — Неслыханный союз.

— Ты верно забыл, но я тебе напомню. Объединение Империи и Долины уже бывало, но с тех пор прошло много времени. Он, — она кивнула на варвара, — потомок того, кому из рук матери всех матерей достался прямой клинок матово-чёрной стали в старые времена.

— И где же он? — сдвинул брови dwarф. — Что-то не вижу. Вижу только слащавого дворянина в компании задиристой девчонки, пытающихся диктовать свои правила не на своей земле.

Ветрис спокойно посмотрел на задиристого dwarфа, который, если подпрыгнет, мог бы достать до пупка варвара.

— Уважаемый, должно быть, утомился в ожидании, раз видит не то, что есть на самом деле. Но у нас принято доказывать слова делом. Кажется, ваши спутники говорили что-то о помощи? Я могу помочь, и тем самым развеять всяческие сомнения.

Лаитан скептически посмотрела на варвара, но ничего не сказала.

Вождь понимал, что со склочным характером дварфа тот скорее отрубит ему ноги, чем согласится принять помощь от презренного человека. Но коротышка, поведя широченными плечами, только фыркнул, и шумно сплюнул наземь. «Кажется, элементар в этой компании главный, — понял Ветрис, и уважительно наклонил голову. — Он знает Лаитан. Она знает его. Империя заинтересована в Старых Народах? Мне кажется, что Лаитан готовилась к этому путешествию несколько столетий, настолько выверены все её слова, движения и жесты».

— Медноликая госпожа, прошу тебя и твоих спутников проследовать за мной. Нам стоит поговорить в более подходящей обстановке, — прошуршал голос элементала. Его конь снова стал прозрачным единорогом. Подошедшая вместе с людьми варвара Киоми тихо что-то сказала на ухо своей госпоже. Та поменялась в лице, её глаза вспыхнули зелёным огнём.

— Ты зовёшь меня в гости или на казнь, вождь? — спросила она звенящим от гнева голосом. — Мои люди донесли мне только что, что твои земли раздирает война. И чума, что пришла в ваши владения, только и ждёт крови имперцев, которая, как вы считаете, должна очистить вашу жертву для гнусных богов! Что случилось с тобой, Элратан, что ты обманываешь ту, чьи жрицы воевали с тобой плечом к плечу? Зачем устроил это представление, словно бродячий циркач, расходуя силу на показушные действия, если твой народ гибнет?

Элратан переменялся в лице. Его спутники поступили по-разному. Упрямый дварф остался на месте, фея мгновенно взлетела на каменную сетку, выстроившуюся прямо на глазах, и блеснула там острыми крылышками.

— Не считай чужую силу, госпожа Медноликая Лаитан. Думай о своей, — ответил ей элементар. — Взять их и доставить в центральный шпиль!

Отовсюду появились незримые воины элементалов, и каждый из них мог получить раны только от определённого оружия. Стихийники, которые в малом числе сопровождали имперские силы, пытались возвести защиту от десятков дрожащих в мареве слуг Элратана, но им плохо это удалось. Лаитан крикнула вслед вождю элементалов:

— Ты околдован, лорд лордов! Ты бы никогда не позволил пролить кровь своих людей из-за глупого суеверия!

— У моих людей нет крови, Медноликая, — холодно бросил элементар, поднимаясь вверх на воздушных потоках. — Ты скоро убедишься в этом.

— Госпожа! — рядом с Лаитан оказалась Киоми, тряхнув тяжелыми черными косами на голове. — Если мы укроемся в тених, мы спасёмся. Но как быть с варварами? Им не знакома такая магия.

— Мы не должны убивать людей лорда лордов, иначе мира между нами никогда не наступит вновь.

— Но они собираются убивать нас! — звонко возразила Киоми.

— Не думала, что моя личная свита телохранительниц и жриц способна так легко дать себя убить.

— Да, нам незнакомо перемещение в тених, Владычица, — вмешался в разговор Ветрис, видя, как маска спокойствия Киоми уже почти дала трещину. Сестра-служанка Лаитан ему была симпатична, и потому вождь решил, что стоит сказать и за себя. — Но мы можем сражаться достаточно долго, чтобы прикрыть отступление. И довольно долго продержимся после того, как вы уйдёте. Если я останусь... То мои люди выдержат практически любой

натиск. Защита тоже. И мне кажется, что без вас, Владычица, мы станем им неинтересны. Кроме дварфов, но их тут не видно, кроме того угрюмца.

Словно в подтверждение его слов, полотнища защитных полей над небольшим отрядом полыхнули радугой, наливаясь силой. Первый элементаль, пламенеющий огнём, коснулся прозрачного пузыря, и, взревев, как трещащий костёр, рассыпался точками огоньков, разбежавшихся по пологу защиты. Один из Безымянных покачнулся, но Ветрис надеялся, что властительница этого не заметит. Сил пока хватало. И знание того, что неведомая зараза порчи коснулась и этих земель, подталкивало к решительным действиям.

— И куда мы побежим? — хмыкнула Лаитан. — Дальше только их владения, за ними пустынные леса и тропы песчаников. Мы должны сдаться, но войти в город не пленными, а всего лишь позволившими себя пленить, — она улыбнулась, что смутило Киоми. Та смотрела на варвара с некоторой долей подозрительности, явно не ожидавшая, что он вступится за неё. Кажется, это пошатнуло стену холодного пренебрежения служанки.

— Сдаться? — сдавленно произнёс варвар. Его глаза сузились, в них забились серебро силы и власти. — Короли Долины не сдаются!

— Хорошо, — легко согласилась Лаитан. — Деритесь. Если тебе не важна судьба твоих людей, которых, как ты сказал, остаётся все меньше, а мы даже не выбрали за пределы приграничных земель, дерись.

— Он прав, — решила вернуть долг Киоми, — они убьют нас, если мы сдадимся.

— Мы? — не поняла госпожа. — Сдаюсь только я. А ты и остальные сестры-жрицы по моему приказу должны не дать себя убить или пленить.

Она посмотрела на варвара, понял ли он, что она задумала? Решит ли её поддержать, или снова будет рассказывать про королевское семя, привычки и гордость?

Киоми поняла свою госпожу. По её приказу остальные имперские воительницы веером рассыпались по полянке, нанося быстрые точные удары и уколы людям варвара. Не ожидавшие такого предательства, они взревели. Киоми и её люди выводили из строя людей варвара, чтобы сохранить им силы и жизнь. При этом пришлось пожертвовать целостностью и манёвренностью. Ветрис смотрел на Лаитан со смесью ненависти и презрения. Та отвернулась и пошла в сторону элемента.

— Драки не будет, варвар, — бросила она через плечо. — Во всяком случае, здесь и сейчас.

Любая ненависть проходит, а презрение — улетучивается. Ветрис понял, что хочет увидеть, что задумала Лаитан. Не зная, насколько он вносит искажение в её выверенные планы, вождь Долины на мгновение задумался, но потом тряхнул головой, и произнёс:

— Будь по-твоему, Владычица. Но тогда я пойду с тобой, раз уж нас объявили союзниками даже эти народы. — он махнул рукой своим воинам, уняв их вопли ярости, и прошептал им что-то, после чего варвары сосредоточились, и перестали сопротивляться.

Вождь двинулся вслед за Лаитан, чувствуя боль и раны каждого своего человека, но не позволяя им отразиться на своём лице. «Надеюсь, твой расчёт верен, — подумал он, глядя на уверенную походку Владычицы. — Делай своё дело, Мать всех Матерей».

«Хрусталь на высеченной из гранита подложке повторял очертания известных стран, от Соленморья до пустошей предгорий Барьерных Гор. Он вспучивался возвышенностями, проваливался морщинками холмов и дюн, раскалывался плавными речными долинами и голубыми дырами озёр. Цвета, застывшие в прозрачной толще, давали понять тому, кто мог бросить взор на это произведение искусства, где растут леса, где колосится пшеница на возделанных человеческими руками полях, а где вьётся дымок от растущих шахт и мрачных мануфактур.

Тот край стола, который по задумке создателя этой живой карты мира должен был окраситься в темно-фиолетовый цвет бесконечных вод Соленморья, топорщился осколками, словно обкусанный неведомым чудовищем. Побережье, изуродованное неведомой силой, побелело и помутнело, навсегда замерев, и не меняя ни формы, ни цветов.

Но это заботило меня меньше всего, признаюсь. Потемневшая земля Империи, серая дымка возле далёких гор, набрякшая грязью территория Старых Рас — это беспокоило сильнее. Выжигало в душе пламенные струпы, как сказал однажды придворный поэт. Незадолго до того, как сам свёл близкое знакомство с жаром огня и растворяющей лаской текущей лавы.

Нет, нет, и ещё раз нет. Он упал в жерло вулкана, над которым стоит твердыня, напившись крепкого самогона, и декламируя стихи со Шпиля Раздумий. Черт знает, что взбрело в голову этому тхади, но, кажется, он осознал, что его вирши несовершенны.

Но вернёмся к тому, почему я обеспокоился происходящим в южных землях. Долгое время мой взгляд был прикован к северу, и происходившие там трагичные события отвлекали меня от обязанностей. Потому, обнаружив скопление кочевников, поклоняющихся Мирмеку, на востоке, череду случайных событий на дальнем юге, и чуму на западе, я испытал самый неподдельный гнев. Мало что может вывести меня из равновесия. Но этим неведомым сущностям — удалось».

Сидящий за грубым столом железного дерева человек яростно почесал кончиком жёсткого, как проволока, пера бровь, и тихо вздохнул. Угловатые буквы древнего алфавита, забытого в мире давным-давно, лаково блестели высыхающей тушью на страницах толстого фолианта, переплетённого в чешуйчатую кожу рептилии. Ещё раз перечитав написанное, мужчина осторожно поставил перо в чернильницу, сделанную из традиционно используемого для этой цели черепа ящерицы, и с трудом отодвинул тяжёлый стул, скрипнув его ножками по грубому камню пола. Гранит твердыни не поддавался ни полировке, ни прочим механическим воздействиям. Магия камня же, с помощью которой создавался распятый над озером пузырящейся лавы замок, напоминавший замершего перед прыжком паука, стала грубее за прошедшие эпохи. Знания утрачивались, законы менялись, потоки силы смешались.

Мир летел сквозь космическую ночь, вращаясь вокруг огненного шара солнца. Сквозь измазанное жирным вулканическим пеплом жаропрочное стекло отсветы кипящей далеко внизу, под замком, лавы рисовали тенями и оранжевым образы и картины, казавшиеся

бредом обычным людям. Зеленокожие и клыкастые тхади, служившие Замку по древнему договору, смотрели в жерло вулкана, чтобы приобщиться мудрости предков и ощутить подобие опьянения. Но только истинный владделец твердыни мог прозревать немного дальше и больше, впитывая знания и силу, щедро даруемую самой землёй. Далеко на юго-западе, всего в неделе или двух пути до Великого Отца, бились в болезненной серой паутине два мотылька, два огня жизни. Тёмный, цвета старой бронзы, и почти прозрачный.

«Змея Лаитан и юный вождь Долины, — подумал он, не мигая. — Осколки прежних времён, которым не сплавиться воедино. Но они хотя бы попытаются».

Стекло, осевший на нем пепел, сам Замок, привычно обнимающий своим горячим каменным телом — все медленно отодвигалось в сторону, теряя важность, а, значит, и реальность. И все ярче рисовалась картина скрытого в каменистых ущельях тайного города Старых Рас, трёхязыкого и напоминавшего при взгляде сверху, из глаз пролетавшего случайно дракона, трилистник клевера. В прежде сверкавшем драгоценными камнями и плетением секторе Элратана царила непривычная взгляду темнота и запустение. Многие здания казались умершими. Внезапно дворец Вечного Короля окутался вспышкой атакующего заклинания, от которой дракон на мгновение ослеп.

«Кто посмел атаковать дворец Элратана в самом сердце Трёхгорья? — внутри шевельнулось любопытство. Пожалуй, стоит сказать тхади, чтобы готовились к походу. — Кто вообще посмел отнимать у меня моё право?»

Ладонь, привычным жестом прервавшая линию взгляда, на миг показалась чуждой и незнакомой. Глубокие расселины линий, выпуклые мозоли от меча, звёздочка шрама от зачарованной стрелы в середине линии жизни... Человеческая плоть. Непривычно.

Он мигнул, и пошатнулся. Постояв секунду, мужчина встряхнул головой, как вылезший из воды пёс, и отвернулся от окна в жерло ярящегося вулкана. Критически осмотрев себя, и оставшись слегка недовольным увиденным — тёмный свободный костюм, усеянный небольшими заклёпками в форме черепов, как требовала традиция, уже припорошил порошкообразный пепел, проникавший через любые стены и запоры — он быстро, но плавно вернулся к столу, и ещё раз перечёл текст. Подумав, человек снова взял тяжёлое перо и проставил несколько знаков, датирующих запись. Потом усмехнулся, прошептав: «как же я не люблю официоз, если бы вы только знали...», и поставил подпись.

«Гравейн Морстен. Тёмный Властелин».

Лаитан шла спокойно. Достоинство Медноликой матери матерей, исходящее от неё, заставляло остальных молчаливо подчиняться. Слуги элементала, Лорда Лордов умирающего народа, не смели даже подняться с колен или разогнуть спины, когда мимо шла госпожа Империи Семи Рек.

Когда-то давно, на заре объединения государств и царств, Империя действительно стояла на плато, рядом с которым и по которому текли семь рек. Три полноводные и четыре мелкие реки давали жизнь и силу той местности. Люди разрозненных земель учились общаться с духами, управляться с природой и объединять её силы во имя чего-то большего. Земля, вода, воздух и огонь сошлись, образовав союз, когда на трон взошла первая мать погибшего юного царя, умерщвлённого в колыбели завистницей. И с тех пор четыре стихии получили пятую — металл. Чёрная сталь изогнутых клинков, выкованная мастерами-оружейниками, оборвала жизни всех заговорщиков, а Империя начала своё шествие войн и насильственного объединения соседних царств. Так гласили хроники, чьи страницы желтоватого пергамента хранили почти стершиеся буквы под обложками из тонкой кожи в огромной библиотеке дворца Империи Маракаш.

Времена не пощадили эту местность. Четыре мелкие реки оставили после себя систему озёр и небольшую речушку, а из трёх полноводных рек сейчас текли две, наполовину высохшие, мутные и не дающие достаточно жизни для полей и некогда плодородных земель. Плодородные земли истощались и выветривались, деревья и кустарники уступали место колючкам и низкорослым растениям с крупными мясистыми листьями, способными накапливать влагу и ждать очередного сезона дождей. Пустыня расползалась, почва превращалась в бурый песок, обнажая соляные залежи и высушивая трупы под палящим солнцем до состояния мумий.

Такова была плата первой госпожи за то, чтобы объединить народы и положить конец извечному противостоянию магов-стихийников.

Металл в крови Лаитан тянулся к магнитным железнякам горных пород. Вода очищала её суть, огонь в крови давал ей жизнь, а земля, из которой она вышла и в которую должна была однажды вернуться, была её Империей. И только воздух, исчезающий из души с каждым годом, заставлял госпожу задыхаться.

Она знала, что ей предстоит увидеть падение Империи. Это было предсказано давно, первыми жрицами. И едва мать понесла, как они же, потомки первых воительниц-звездочётов, указали ей имя на звёздном небе — Лаитан. Лаитан — начало и конец, свет и смерть. Та, кому суждено было увидеть закат Империи и положить начало новому тысячелетнему циклу жизни. Но об этом хроники молчали, и узнать такое предстояло только самой матери матерей, остававшейся для всех остальных только вечной и несокрушимой, бессмертной Медноликой змеей, лишь меняющей имя каждые несколько сотен лет.

* * *

Госпожа шла, и её шаги эхом раздавались в замерших залах дворца элементала. Эрлан шёл немного впереди, указывая путь, но было видно, что Лаитан его гостя по своей воле, а

не пленница в замке. Где-то позади тяжело ступал варвар из Долины и его Безымянные. Киоми и её воинов видно не было. Тени — последнее доступное искусство имперцев, открывшееся им на рубеже тысячелетий. Но когда-то, и госпожа знала это из рассказов нянек, были времена, когда, кроме четырех стихий и металла, существовали ещё две — мрак и свет. Мастера теней могли тогда исчезать на века и возвращаться с обрётённой мудростью в нужное время, стесывая душу и тело в кровавом танце на рубеже тьмы и света. Мастерам были подвластны кузницы времени и пространства, свет стоял на границе жемчужины самого большого царства — Империи, а отброшенные им тени пугали врагов насмерть ещё на границах царства.

Теперь почти ничего не осталось, и Лаитан думала о том, что ей предстоит сделать в будущем. Великий Отец давно не проявлял себя, и получить от него ответ можно было только при большой удаче. Это был шанс, пусть и малый, справиться с новой бедой, изгнать подальше дракона и повелителя жизни после смерти. И в то же время, Лаитан не верила Ветрису. Она смотрела на него, как на прозрачную воду, в которой не отражалось ничего, даже её лицо. Он шёл за ней, он смотрел ей в спину, и его взгляд жёг больше, чем яд на кончике стрелы повелителя посмертия.

Лаитан умирала, и знала это. А знал ли о том варвар? Или потому и пришёл, дождавшись, когда госпожа примет свою участь и перестанет искать спасения царства и себя, чтобы от его предложения невозможно было отказаться. Лаитан знала, что чума в Империи дело рук посмертного колдовства.

* * *

Царственные покои Лорда Лордов, Эрлана, походили на кабинет ученого. Сотни полок с книгами, четыре стены, раскрашенные в цвета стихий, и каменный пол с искусной мозаикой, как подарок и напоминание от dwarфов, кто живет у всех под ногами и на чём держится твердь.

— Госпожа, Медноликая Лаитан, — заговорил Лорд Лордов, обращаясь к Лаитан, — я вынужден был поступить именно так, как поступил. Ты видела, что происходит в Трёхязычном царстве, ты знаешь, что мы не можем справиться с бедой, нас слишком мало.

— Нас всех мало, Эрлан, но мы пытаемся...

— Пытаетесь — что? Пытаетесь сделать что, Медноликая? — резко спросил элементар. Вошедшие вслед за всеми каменная фея и dwarф упорно помалкивали, не мешая сражению взглядов и голосов самых влиятельных людей в этом мире.

— Не пасть под гнетом некроманта! — взвилась Лаитан, которой изменило её привычное спокойствие. Чешуйки на её коже встали дыбом, цвет начал меняться, приобретая медный оттенок с черными пятнами защитного окраса.

— Лаитан... ты не хочешь смириться с предназначением. Ты же знаешь, что проиграешь ему. Он властелин смерти, а смерть — это то, что ждет всех нас, рано или поздно. У него есть время для того, чтобы обождать. А у тебя? — спросил Эрлан. Лаитан промолчала в ответ. Лорд Лордов был прав, времени у нее не оставалось. И никакие союзы с варварами этого уже не исправят. Таково было её предназначение и такова была её участь. Она родилась для этого, приняв на себя все силы прошлых матерей и объединив в себе не только самые великие энергии, но и их проклятие — разрушение Империи.

— Он дал тебе силу, Лорд Лордов. Он и отнимет ее, — тихо произнесла Лаитан, выразительно смотря на пульсирующий силой жезл элементала. Дварф при этих словах гулко заворчал, а фея начала мастерить паутинку, чтобы успокоиться. Феи вообще не разговаривали, они не были созданы великим океаном для этой цели. Их узоры украшали пещеры и подземные озера, на них, как на скелетах, нарастала плоть лесов и земель, запутавшихся песком и землёй в виртуозных кружевах фей. Они творили, жили и растворялись в своих творениях, когда приходил срок. Могильные кружева и душа феи одновременно — вот что оставалось после них однажды.

Пока Лаитан размышляла о природе сил, и вспоминала своё прошлое, которое могло стать будущим, Ветрис, почуяв обуявшие Мать Матерей мысли, следовал за ней, погрузившись в свои мысли. И были они совсем не весёлыми.

А последовавший разговор, при котором он присутствовал, говоря откровенно, без права голоса, лишь добавил черноты.

Ветрис Коэн, Вождь Долины, наследник памяти, возрождённый Древний, по своей сути не принадлежал к этому миру, разделённому, словно перегородками, на силы и стихии. Сам он предпочитал считать себя и свой народ связующими звеньями. Цементом между строительными блоками рас и народностей. Чем-то, что объединяет разрозненные частицы в бесконечном океане времени. И, вместе с тем, внутри него до поры дремала память давным-давно ушедшего народа. Тех самых, кто создал Великого Отца и положил начало циклу жизни на материке. И тот путь, по которому он шёл, распахнув свою безрукавку, как настоящий варвар, на самом деле, был неизбежен. Про выбор говорить не приходилось.

«Даже если бы я направился к горам за мечом своих предков, или на дальний Север, к границам Твердыни Тьмы, дорога все равно привела бы меня к этому моменту, — подумал Коэн. — У меня в этот раз нет выбора, я — ключ. Без меня Лаитан не удастся пробудить Великого Отца, впавшего в очередной многосотлетний период спячки. Может быть, потому она так внезапно переменила гнев на милость, буквально загнав меня с Безымянными на тропу. Может быть».

Высокий, широкоплечий, сохранивший стройность варвар блеснул голубыми глазами в спину Лаитан. В отличие от умудрённой тысячелетиями владычицы, Ветрис не мог похвастаться опытом, знаниями или бурлящими в жилах потоками сил. Стихии плохо подчинялись долинцам, но и воздействовали на них тоже не так сильно. Даже пресловутая чума, от которой сейчас страдали Империя и Трёхязычье, почти не нашла себе жертв среди варваров. Правда, это имело и обратную сторону — кузницы духов оставались для жителей Долины недоступными, закрывая путь к высшим ступеням мастерства. Им приходилось полагаться на сырую силу магии и материальный мир. Но в этом, пожалуй, варвары продвинулись достаточно хорошо. В просторных подземельях под лесами их дома нашлось достаточно минералов и драгоценных камней, чтобы питать ненасытные жерла построенных прямо в шахтах плавильных и небольших цехов. Первые образцы нового оружия, способного действовать на расстоянии, нанося магический урон и пробивая любую броню, и доспехов, способных остановить эти снаряды, были почти готовы. Варвары, пусть и малочисленные, исповедовали простой и решительный путь: если враг сильнее, нужно оказаться выносливее его, а если врагов слишком много — ослабить их, сократив число. Говоря проще, каждый воин старался как можно дороже продать свою жизнь. Рано или поздно враги кончатся.

О повелителе посмертья, грешно признаться, он только слышал, но списал в своё время

это на сказки-пугалочки. Людям всегда надо кого-то бояться. Пять столетий назад это был Тёмный Властелин, собравший огромную армию созданий тьмы, и едва не завоевавший весь срединный континент, вплоть до границ Империи. Но Властелина отбросили назад, проведя линию разграничения по большой реке Бруге, а после, как гласят исторические летописи, и вовсе убили. Правда, на его место пришёл новый, заняв трон в Твердыне над вулканом, и все началось заново.

Воскреситель же представлял нешуточную опасность. Если Лаитан права, то им всем, кроме, пожалуй пресловутого Тёмного Властителя, сидящего на своём Севере, грозит опасность. Серая чума поражала всех живых, подчиняя их при жизни новому повелителю, и делая марионетками, пляшущими на ниточках. Коэн подумал, что, наверное, даже он и Безымянные не защищены полностью, хотя остальные болезни обходили их стороной.

Он поднял голову, и посмотрев вспыхнувшими голубым пламенем глазами, громко произнёс, вклиниваясь в образовавшуюся паузу в разговоре двух вечных:

— Если для победы над врагом нужно заключить союз с самим Темным Властелином, то я лично отправлюсь в его Твердыню. Если для того, чтобы все мы выжили, нужно пробудить гнев Отца — то пусть так и будет. Врага можно убить, можно оставить в живых, но отказываться от сопротивления — глупо.

Взгляды двух существ, помнивших эпохи, о которых он только читал в хрониках, скрестились на нем, и варвар с трудом удержался, чтобы не вызывать защитное поле, столько силы было заключено в глазах Лаитан и Эрлана. Но Коэн тряхнул головой, от чего прядь светлых волос выбилась из собранной в узел причёски, пересекая лоб, как шрам от сабельного удара. И остался стоять, набычившись и выдерживая бурю сил, трепетавшую совсем рядом. Стоило только протянуть руку, чтобы коснуться Лаитан, но ему показалось, что, едва он так поступит, как от него останется лишь обугленный остов.

— Не смей упоминать имя Тёмного ублюдка в моем доме, — спокойно произнёс Эрлан. И его выдержанный тон контрастировал с теми эмоциями, которые должны были бы нести его слова, вызывая странное отвращение, словно где-то во дворце умерла и разлагалась крупная крыса.

Зала содрогнулась от удара, и с изящных потолков посыпалась драгоценная пыль.

Лаитан хотела ответить Ветрису, но не успела. Стены и потолок содрогнулись ещё раз, облицовка начала мягко светиться. Лорд Лордов напряжённо посмотрел на Медноликую и варвара, но те ответили элементалу таким же яростным взглядом.

— Вы устроили засаду! В моем доме, в Трёхязычье! — Эрлан поднялся в воздух, у него за спиной развернулись мягкие крылья. Лаитан скользнула взглядом по Эрлану, отвела взгляд, но почти тут же вернула его обратно на элементала.

Дварф напрягся, вытащил из-за спины секиру и встал в боевую стойку. Каменная фея почти мгновенно отрастила из своего шерстистого тельца пучки дополнительных ручек и принялась плести паутину. Движения феи были такими быстрыми и спорыми, что взгляд не улавливал её движений, только размазанные взмахи в воздухе. Паутина мигом заполнила дверной проем, запечатывая проход в кабинет Эрлана.

— Ты все же пошёл на союз с Посмертником! — воскликнула Лаитан. — Я так и знала! Киоми, стража!

Тени всколыхнулись вокруг, пытаясь выпустить из себя, словно из чрева матери ребёнка, своё содержимое. Но Эрлан был готов к этому. Огненные всполохи рассекли

первые тени. Сумрачные движения в тенях вздрогнули, донеслись сдавленные крики и стоны. Когда огонь озарил пространство теней в углах, они засочились яркой жидкостью, рубиново блеснувшей в свете элементала. Лаитан видела, как следом за этим, в отведённые доли секунд, на пол помещения упали части тел её воительниц. Магия элементала взрезала убежища имперцев, когда они выходили из теней. Не дав им покинуть убежище, он поймал их в этот момент и буквально распорол световыми клинками на части.

Безымянные обнажили оружие, защищая своего лидера. Лаитан вскинула руку, и перед Эрланом возникла каменная стена черного стекла. Огонь рассеялся, позволяя остальным жрицам госпожи выйти из них. Киоми была ранена, но жива. Она встала рядом с Лаитан, и её руках блеснул кривой меч из легендарной имперской стали. Стена темноты начала плавиться.

«Лёд», — догадался варвар. Лаитан смотрела на элементала, чей жезл стал похож на змеящийся отросток больного растения, поражённого гнилью и истекающего забродившими соками. Крылья элементала, поднявшие его вверх, оказались не ветряными, а кожистыми, словно у ночных тварей из Гнилолесья, лежащего впереди, за Трехязычем, на пути к великому отцу.

— Посмертник дал мне силу и обещал не трогать моих людей. Мы и так умираем, я ничем не рискую. Он забирает мёртвых, но не мой народ!

— Глупец! Он заберёт то, что он захочет. Он уже забрал тебя, а ты и не заметил, Эрлан! Ты мёртв, мёртв уже давно, несчастный! — крикнула Лаитан. Киоми тихо зарычала. Её тело стало гибким и подвижным, как у кошки, она изготавилась к прыжку, желая встать между элементом и своей госпожой.

Стены начали рушиться. Галереи и переходы, воздушными лепестками уходящие во все стороны и под самый потолок, падали с грохотом камней, погребая под собой всех, и живых, и мёртвых. Гвардия варвара приняла бой молча. Остальные его люди, затерявшиеся в мешанине камер и перепуганных пленных, которых оказалось на удивление много, пытались прорваться к господину из другого здания, много дальше дворца. Воздушные переходы не поднимали больше материальные объекты, когда Лорд Лордов вступил в бой с Лаитан.

Дварф ввязался в драку, едва каменная паутина феи рухнула вниз. Феи не были воинами, они жили в симбиозе с другими существами, являясь всеобщими хранителями истории мира. Они только бережно сохраняли и берегли, оставляя после себя множество скрижалей и паутин, каждая нить которых несла в себе сотни засечек алфавита фей. Мохнатое существо замерло в нерешительности, и дварф запихнул фею себе за широкую спину.

— Держись за мной, малышка, старый Гуррун не даст тебя в обиду!

Его секира описала дугу, отрубая ворох протянувшихся к нему чумных рук. Чьи-то из них принадлежали народу дварфов, другие были когда-то элементами, но больше всего было пришедших из далёких земель людей. Среди мертвых можно было отыскать взглядом вымазанную старой кровью и гноем расшитую одежду варваров и потемневшие браслеты имперцев. Остальные, грязные и изломанные, словно свечные огарки, тянули крючковатые пальцы с выломанными ногтями на мозолистых крестьянских руках.

Люди.

Они были людьми. Умерли ими и восстали теми, кому нипочём было расстояние между селениями, которые могли шагать без усталости и привалов, которым не нужна была пища и отдых. Посмертник позаботился о своей пастве, помог им перейти реки Империи, леса и

долины, пустыни и горы. Он собирал армию, и армия шла за ним, присоединяя по пути другие народы и даже древние расы. Только молчаливые мохнатые каменные феи не попадали к Посмертнику, рассыпаясь песком и пылью после гибели. Они появлялись молча, умирали без слов и жили немymi, оставляя после себя знания, историю и летописи мира.

— Лаитан, ты умрёшь здесь, как умер я, чтобы восстать и понять всю силу и мощь Посмертника! — крикнул Эрлан. Госпожа чувствовала, что напавшие чумные воины уже почти разобрали дворец по камешкам. Убитые вставали в ряды противника, если их не сжигало колдовское пламя раньше.

— Я убью тебя так, что никто не поможет тебе вернуться, предатель! — крикнула Лаитан. Рядом с ней, на границе видимости, мелькали длинные клинки варваров во главе с Ветрисом. Светлые волосы, уже перемазанные своей и чужацкой кровью, ярко выделялись в огненных вспышках. Ледяная стена растеклась лужами, впитавшись в пол без следа, и Эрлан нацелил в Медноликую свой жезл.

— Ты лишь тень, жрица. Я, элементар, Лорд Лордов! Это я и такие, как я, даём тебе силу. Не забывай, у кого ты берёшь займы стихии! Ты думала справиться со мной тем оружием, которое составляет мою суть? Глупая женщина!

Лаитан понимала, что он прав. Жрицы и даже Мастера, были бледной тенью по сравнению с элементами — хранителями стихий, их хозяевами и их детьми по сути своей. Но кровь Медноликой была не так жидка, как хотелось Эрлану.

— Мне и не придётся, гнусный предатель!

В руках Лаитан появились два изогнутых клинка матово-чёрной стали. Элементар только рассмеялся, и рассеянный пучок силы ударил в грудь госпожи. Лезвия скрестились на световом луче, Лаитан чувствовала боль, чувствовала, как её недавно приобретённая кожа прогибается, а чешуя сгорает в потоках силы, прожигая нежную кожу на груди. Лезвия отклонили удар Эрлана, но Лаитан едва не сломала обе руки, пытаясь отвести прямой удар.

Нож Киоми, сопровождаемый гортанным улюлюканьем, взрезал воздух и вонзился в горло врага её госпожи. Булькнуло, по одежде Эрлана потекла чёрная кровь. Сила сдулась и вернулась обратно в жезл, крылья обмякли, но воскрешённый элементар высшего порядка был жив. И Лаитан подозревала, что убить его можно было только обезглавив.

В этот момент кто-то потянул её за руку. Медноликая едва не ударила вслепую, но вовремя отвела оружие. Опустив взгляд, она увидела дварфа. Он стоял, пошатываясь, рядом с ним приткнулась молчаливая фея, чьи пальцы мелко дрожали. Крики и стоны вокруг навалились с новой силой, оглушая и заставляя поддаться всеобщей панике. Дварф тянул госпожу Лаитан в сторону, указывая в стену. Там уже виднелся тёмный зев прохода, рассчитанный явно только на дварфов.

— Конечно, мне стоило догадаться, — выдохнула Лаитан, — построить что-то без возможности пройти туда — это же не в ваших привычках.

Дварф сердито сказал:

— Можешь оставаться тут, если хочешь. Твоя мать так и поступила однажды, и нам чудом удалось её спасти. Да, я помню её.

По лицу Лаитан прошла судорога. Она испугалась слов дварфа так сильно, что это не ускользнуло от Киоми. Служанка запомнила выражение лица госпожи, но пока что предпочла не задавать вопросов. Лаитан молча кивнула дварфу.

— Скажи Ветрису, что нам пора, — приказала она Киоми. Та подчинилась, но с заминкой, которая уже не ускользнула от внимания Лаитан. Она теряла авторитет, теряла

доверие, теряла силу и теряла веру в себя своих же людей.

— Там мои братья и сестры, — угрюмо сказал дварф, когда первым нырнул в проход и дожидался остальных. — Надеюсь, вы доберётесь туда, куда шли, и это кончится. Всё это кончится.

— Мы можем помочь, мы можем задержаться и помочь вам в Трёхязычье, — сказала Лаитан. Непонятно было, чем вызвано такое щедрое предложение с её стороны. Дварф напугал ее, и теперь она желала связать себя узами братского сражения? Или действительно желала отплатить дварфам за помощь и возможность бегства?

— Иди, Медноликая девчонка. Тут мы справимся сами. Это наша война, а у тебя своя, — сказал ей дварф. Лаитан надеялась, что такого обращения никто не слышал за шумом схватки и криками противников.

Коэн посмотрел на владетельницу Лаитан, потом бросил взгляд на покачивавшегося Эрлана. Тёмная жижa, струившаяся по груди элементала, остановилась, впитавшись в одеяния. Спустя несколько минут он восстановит целостность, и снова будет опасен, смертоносен и очень зол.

В руке Ветриса всплеснуло яркое синее пламя, и голова мёртвого Лорда Лордов упала с его плеч. Тело последовало за ней, нелепо всплеснув крыльями, но из гладкого обрубка потянулись тонкие черные нити, шарившие по полу в поисках утраченной головы. Ветрис, коротко свистнув, отдал этим звуком приказ всем следовать за ним прочь. Напоследок, не особо утруждая себя заботой об имперцах, все еще остававшихся связанными боем, он прищурился и выпустил в одну точку поток серебристой силы. Та, отскочив от стены, заметалась по тронному залу, дробясь и множась, рикошетом срезая врагов и выживших имперцев.

Дварф, посмотрев на стену, где дрожала тонкая полупрозрачная пластинка, шириной в несколько ладоней, проворчал:

— Вы и этот секрет смогли разгадать, люди, — он презрительно плюнул на пол. — Лучше бы занялись чем полезным. Например, взяли и быстро шли отсюда выполнять свой долг. Пока мы выполняем свой.

Лаитан. Бегство из Трёхязычья

Тёмные переходы под дворцом и всеми прилегающими постройками напомнили Лаитан о прошлом.

Она не знала своего отца, как и никто из бывших Госпожой до неё. Её мать, властительница целой Империи, пропала в тот же день, как она появилась на свет, дав ей имя и проведя все положенные ритуалы инициации. У Лаитан была нянька, которая знала тысячи сказаний и басен, историй, сказок и героических писаний наизусть. Женщина неопределённого возраста, в чистой и простой одежде, гладившая ребёнка по голове, перебиравшая её медно-красные волосы, говорила ей о тех временах, когда никакой Империи ещё не было и в помине.

Не было царства Семиречья, не было властелина тьмы на севере, не было Долины и её жителей, не было ничего, кроме первых рас, подаренных миру великим праотцом, творителем живого из неодушевлённого. Элементалы, каменные феи, шакрассы, бывшие полулюдьми-полуживотными, и ещё множество мелких народов, часть которых до сих пор жила и пыталась жить.

В те времена не стояли на реках города, не объединялись царства и государства, не бились люди насмерть за воду и золото, ибо не было тогда людей. И не было златокровых, не было сереброволосых варваров, не было ни матери-луны, ничего, кроме Праотца-Океана, чьи чистые воды омывали берега, вылизывая их шумными приboями и ласковыми ветрами.

С годами Лаитан начала понимать, о чём говорит ей нянька. Её кровь, её золото, пробуждаясь от спячки, неся с собой память поколений и шум веков, говорили ей об этом. Во снах она видела ушедшие расы, будто чужая память пробуждалась в ней, говоря на разные лады пугающими голосами. Лаитан была одна, в каждом сне, всегда. Она познала смерть многих народов чужими глазами. Она видела зарождение царств и княжеств Семиречья. Она создала Империю...

На этом сне Лаитан всегда просыпалась в слезах, бежала к няньке и утыкалась в тёплые руки. Лаитан плакала, а нянька утешала её. Молча, всегда молча, будто нечего было сказать ей на детские вопросы.

И вот однажды, когда Лаитан подросла достаточно, расцветая и преображаясь, она поняла, что никогда не была дальше, чем определённые для неё помещения дворца. Она захотела покинуть пределы, но ей помешала магия. Двери и окна закрывались, проходы затягивала пугающая темнота. Лаитан была гордой, не просила помощи, да и не знала, у кого и как. Она совершенствовала свои умения, будила голос крови, терзала себя испытаниями. Воительницей, достойной своей охраны, она не стала, да и не нужно это госпоже, у которой есть своя преданная свита. Её уделом были стихии, силы теней и света, искусство Мастера. Она должна была стать Мастером Мастеров, а не воином.

— Почему я знаю, как всё было? — спросила она однажды, раздосадованная очередной неудачей при попытке убежать из просторной клетки.

— Ты не можешь не знать. Ты — госпожа. Мать матерей. Лаитан, — сказала ей нянька. Лаитан поймала её взгляд. Холодный, жёсткий, будто вырезанный в темноте ярким лучом.

— Я видела создание Империи.

— Ты должна это была увидеть.

— Но я не вижу снов о том... о том времени, когда жила моя мать.

— Еще не время, Лаитан. Время само приходит к нам, мы не можем прийти к нему сами. В тебе говорит твоя кровь, память твоих матерей. И голосу матери, которая дала тебе жизнь, не дано пока пробудиться.

— А у неё тоже была только нянька? — небрежно и грустно спросила Лаитан.

— Это традиция.

— А как же отцы? Предки, создатели?

— Нет создателя-отца, кроме великого Прародителя, — оборвала её нянька.

Прошло время, Лаитан открыла все двери и вышла вон. Она блуждала по коридорам, не в силах понять, где она и куда попала. Те, кто встречались ей, падали на колени. Незнакомые лица. Люди, нелюди, животные и жрицы в церемониальных одеждах приветствовали госпожу, Мать Матерей.

Лаитан попала в такой же длинный, низкий и тёмный переход, как и тот, по которому их вёл дварф. В конце коридора, порядком наплутавшись, Лаитан нашла комнату, в которой не было ничего, кроме постели, стола и стула. На столе стояло нечто объёмное, многоцветное и красочное, будто подсвеченное изнутри. Лаитан подошла ближе. Это оказались кукольные домики, изображавшие Империю и прилегающие территории. Присмотревшись, она поняла, что все строения и отметки на карте выложены из разноцветных драгоценных камней, ценных пород дерева, металла или песка. Крошечная вселенная, в которой центровое место занимал Империя. Было видно, как она строилась, прошлые границы отмечались прозрачным зелёным минералом. Лаитан видела, что было до, знала это, помнила из снов. Она видела настоящие пределы своего царства, они были выложены непрозрачной голубой каменной оградкой. И почему-то она знала, что это единственное место, где царство останется нетронутым.

Она выросла, она узнала правду. Для всех Медноликая разменяла свою не первую тысячу лет. На самом деле едва ли несколько десятков оборотов светила вокруг годовичного колеса. В самом начале, когда поделки из материи первых народов не принесли Прародителю удовлетворения, он пошёл к тем, кто сказал ему, почему так. Мать-луна, которую Прародитель сам поместил на небеса, чтобы ему было, с кем шептаться по ночам, ответила, что создания его лишены света. Она могла дать лишь отражённый свет, тогда как светило дарило прямой. Прародитель создал сереброволосых варваров и златокровых, наделив их тем, чего не смог дать первым детям — душой. Вслед за этим они стали смертными. Их век был долог, но они умирали. Вслед за этими народами пришли другие, чей цикл был короче, но нёс в себе сочетание множества стихий и комбинаций. Дварфы создались для того, чтобы жить под землёй. Каменные феи должны были плести кружева истории, полузвери явились переходным звеном и попыткой прикоснуться к искусству трансформации. Прародитель не стал пытаться дальше, и появились люди, чей век был краток, но яростен.

Лаитан узнала, что на заре времён златокровые жили тысячи лет. Потом срок жизни стал меньше. Потом ещё короче. И теперь, в тайне ото всех, они уже были вынуждены жить несравнимо короче своих матерей. Кровь мешалась с кровью, память отказывалась передаваться до тех пор, пока была жива мать новой госпожи. И тогда матери становились няньками, прививая детям понятие одинокой жизни, царственности и уникальности.

Лаитан воспитала её собственная мать, скрывшись за безликой одеждой и мягким

участием. Та же участь ждала бы и саму Лаитан, но её предназначение было иным. Она узнала это в тот день, когда не стало няньки. Все воспоминания, все души матерей и матерей их матерей теперь бились зоотыми искрами в её крови, а глаза горели зелёным огнём.

С тех пор Лаитан не ходила туда, где стоял игрушечный домик её власти.

— Знаешь ли ты, Лаитан, как и почему мы выбрали Мастерство? — спрашивала её нянька, обучая наукам, чтобы однажды представить воспитанницу народу. — Почему наша сталь так важна и секретна?

Лаитан слушала няньку, не зная о том, что несколько лет цикла, называемого среди имперцев циклом Змеи, скоро окончатся. Скоро пройдёт время, и она войдёт в тронный зал царства, помня все, что делала её предшественница и десятки её предшественниц так, словно делала это сама. Старая мать матерей ушла, приняла решение провести обряд сбрасывания кожи, словно змея. Она должна предстать обновлённой, молодой и сильной, как и десятки раз до этого. И Лаитан предстанет. Выбрав новое имя, как символ нового цикла. И все будут думать, будто старейшая госпожа снова стала молодой. И никто не узнает, кто занял её место. Цикл повторится, колесо прокрутится, годичное колесо провернётся, и Империя получит новую, старую госпожу, которую назовут Медноликой, как и десятки раз до неё называли других. Секрет Империи был не только в её стали. Секрет был в том, что воистину бессмертных матерей мир давно уже не рождал. Кровосмешение было не просто неизбежным. Оно однажды стало необходимым для продолжения рода. И теперь Лаитан столкнулась с последствиями, которые тоже были предрешены и ожидаемы.

А в голове до сих пор звучал вопрос о том, как все начиналось.

«Мастера используют стихии для управления их энергиями, — мысленно повторяла Лаитан, стараясь не думать о том, сколько ещё идти по темноте, в которой она хорошо видела, — Мастера воздуха, огня, ветра и воды. Есть ещё Мастер Металла, когда-то были Мастера света и Теней».

— Не совсем так, Лаитан, не совсем, — звучал вокруг голос няньки. — На заре времён были Мастера Тьмы и Света. Они пришли к древнейшему народу элементаров и попросили их научить их этому искусству. Элементары посмеялись, ибо никто, кроме рождённых в стихиях, не мог управлять ими. Плоть от плоти, соль от океана, неразделимые и несмешанные элементары — часть от целого каждый из них. Элементар огня есть сам огонь. Высший его символ и высшая ступень, получившая облик и плоть от Прародителя. Лорд Лордов, сочетающий в себе все элементы. Тогда Мастера ушли с той наукой, которую вынесли — способностью извлекать энергию из мира, через стихии, через их рождение и гибель. После были Металл и Дерево, люди Долины. А уже потом пришли те, кто занял пустое место стали. Чёрная имперская сталь, самый последний цикл перед гибелью царства. Сталь приходит тогда, когда пришло время крови и слез. Сталь рождается для того, чтобы заменить утраченное, отнять отсохшее и дать волю грядущему. Пришла чёрная сталь, и теперь Империя обречена.

Лаитан вздрогнула, когда чья-то рука коснулась её плеча. Она стиснула зубы, яростно злясь на все вокруг. Её секрет, тайна её царства и крови, они уйдут вместе с ней.

Морстен: начало похода

Морстен вернулся в свой кабинет, спустившись от камер по спиральному переходу вниз, привычно морщась на открытых галереях от запаха серы и вулканических газов. Он не понимал, несмотря на все доводы Замка, почему один из предшествующих ему Владык поместил сооружение из живого камня именно здесь. К бульканью лавы и вонючому дыханию земли можно было притерпеться, но вот окружающие его владения торосы льдов, вечные снега и ночи, длившиеся полгода кряду...

Вокруг вулкана жар земли распространялся на несколько лиг, согревая почву, но выращивать что-то кроме лишайников здесь было невозможно, а на такой диете долго не протянули бы даже тхади. Вулканические фермы, облепившие стенки кратера, давали прирост неприхотливых зерновых и бобовых, выведенных шаманами тхади и несколькими Владыками тысячу лет назад — теми Темными, которые не свихнулись под гнетом свалившейся на них власти и ответственности. Мясные стада уккунов жрали лишайник и производили удобрения.

Так что Морстен немного слукавил перед Безымянным. Прокормить его и долинцев он смог бы, не обеднев. Но держать в собственном Замке шпионов — на это не хватало даже вызывающего пренебрежения традициями, свойственного Властелинам Севера. После того, как Гравейн принял власть, он, конечно, перестал давить на Империю людей, обратив свой взгляд на другие опасности, и это снизило поток желающих приобрести славу победителя тьмы и повергателя зла. Снизило, но не прекратило. И это позволяло получать скудный прирост удобрений из мертвых замороженных во льдах тел героев, предварительно очищая их от корки снега. Спокойствия стало больше, а еды стало меньше — поток удобрений сократился до критического минимума.

Владыка прочитал доклады разведчиков и донесения дальней связи, переносимые большими белыми полярными летучими мышами. Разгладив стремившиеся свернуться обратно в трубочку клочки пергамента, испещрённые мелкими знаками Чёрной Речи, он какое-то время просидел почти неподвижно. Со стороны могло показаться, что владыка просто спит с открытыми глазами, но только сползающая из-под короткого ёжика светлых волос, изрядно измарианных серебром седины, струйка пота говорила о том, как сильно напряжён повелитель тьмы.

В тот момент Морстен разговаривал с Замком. Твердыня имела свой собственный разум, данный ей давным-давно, при постройке, которую стоило бы назвать рождением. Создание из магии, камня, живой плоти и крови, живущее вечно при наличии надлежащих источников силы, было загадкой, которую Гравейн так и не смог до конца разгадать за все пять веков своего вынужденного правления.

Замок мыслил совершенно нечеловеческими категориями, и казался порой полностью безумным. Но его подсказки и прямые указания всегда приводили в итоге к победам и выгоде для него самого и его временных повелителей. Иногда Гравейну казалось, что именно Твердыня и есть настоящий Тёмный Властелин, воплощение Вечной Тьмы, известной как Тьма, в этом мире. Возможно, так и было. Но только Замок помнил всё, что происходило с момента его создания, и только он мог поделиться этими знаниями.

«И именно его хотел тот, которого впоследствии прозвали Посмертником, — на долю мгновения вынырнул из потока чистой информации Морстен, чтобы отдышаться. — Сукин

сын. Вот уж кого я хотел бы видеть не просто мёртвым — этот столетний девственник уже был трупом, когда воскрешал меня и сажал на чёртов обгорелый трон — а испепелённым до праха, и извергнутым за пределы мира».

Но старая месть, казавшаяся на фоне хранящихся в Замке записей просто детской вознёй в грязи, могла подождать ещё немного. Ставший действительным воплощением Смерти и хозяином посмертия лич мог и хотел только одного — торжества своей стихии над всеми остальными, не задумываясь ни о балансе, ни о том, что вся его власть закончится тогда, когда больше некому будет умирать. И он сам погибнет от голода, спустя время.

«Они никогда не думают, — вторгся в разум Морстена холодный голос Твердыни, возвращая его обратно в пучины непредставимого пространства, где властвовали знания, выводы и логика. Извращённая, местами нереальная, но действенная логика Тьмы. — Ты тоже редко задумываешься. Пора выработать стратегию».

«Пора действовать, а не размышлять о действиях, — парировал Гравейн. Стратегию они прорабатывали уже которую неделю, и лично для него было ясно, как поступать. Оставшиеся подробности и мелочи, вроде движения войск и уничтожение заражённых, он милостиво оставлял Замку. Тем более, что способ связи, используемый варварами-долинцами, и теперь известный Твердыне, можно было распространить и на тхади-командиров отрядов. Мысль о том, что в Долине выросла либо уже была своя собственная Твердыня, или нечто похожее, Морстен упихал поглубже, чтобы не раздосадовать своего единственного компаньона по полутысячелетнему заключению во льдах. — И так ясно, что нужно, чтобы Мать и варвар дошли до берега Соленморья. Две недели пути. Их воины ранены, и кристаллы в их телах не работают».

«Два отряда тхади, тридцать осадных уккунов, и от Трёхязычья до взморья будет проложена ровная дорога шириной с Умилойский тракт, разрушенный три тысячи двадцать лет назад, — заметил Замок в ответ, — но им нужно пройти этот путь самостоятельно. Большие отряды только помешают».

«И чем больше отряд, тем сильнее, — согласился Морстен. — А если к ним присоединится один-единственный человек?»

«Мо, — в голосе Твердыни явственно слышалось раздражение, хотя тон по-прежнему оставался холодным, — не пытайся переиграть меня на поле логики. Ты обречён на поражение. Но... — Замок сделал паузу, и Морстен ощутил, как строение мелко содрогнулось. — Это сработает. Но мне все равно понадобится время, чтобы проложить туда тёмный путь».

— Сколько... времени? — закашлялся Морстен, произнеся это вслух, и едва не разорвав контакт с Твердыней. — «Сколько тебе нужно?»

«Я и так тебя слышу, даже если бы ты находился за тысячу лиг отсюда. Незачем так орать, — Замок сейчас напоминал сварливого казначея, у которого попросили выдать из казны пять слитков электрона без отчёта. — Я уже начал. Несколько часов. К сожалению, не смогу отправиться с тобой».

— Я не пропаду, — Гравейн усмехнулся, моргнув.

— Я и не сомневаюсь, — проскрипела небольшая статуя горгульи из тёмного камня, примостившаяся над балкой-перекрытием окна в кальдере вулкана. — Серому Владыке до тебя не добраться, знак на сердце не позволит. А остальных ты скрутишь одной левой. В этом мире не осталось настоящего Света, только серебро и золото крови. Тьма с тобой.

— А также хороший меч и кольчуга, — Морстен резким движением встал с кресла, и

подошёл к распахнутому двери шкафу в стене. Там, на подставках из потемневшего дерева, висел старинный доспех из кольчужного полотна и пластин стали, и стоял меч в простых деревянных ножнах, обтянутых темной кожей с бронзовыми бляшками. — Одной Тьмы недостаточно.

— Нет, надо бы пойти с тобой, — скрипнула горгулья. — Но...

— Ты не выживешь подле Отца, — Морстен оглянулся на обгрызенный хрусталь своей карты мира, занимающей большую часть кабинета, и непроизвольно прикоснулся к груди. На мгновение ему показалось, что заболело сердце, но тот механизм из эбонита и стали, которым Замок заменил отравленную поцелуем Властелина Смерти плоть, болеть не мог. Как и сломаться. — Особенно, когда варвар и Мать-перемать его разбудят. Я сомневаюсь, что уцелеет хоть кто-то вообще на побережье.

— В прошлый раз я выжил, — в скрипе слышалось гораздо больше эмоций. Включая отголоски страха и ненависти.

— В прошлый раз Отец не засыпал так глубоко, — Гравейн натянул доспех, завязав кожаные ремешки под мышками и на боку. Попрыгал. Кольчуга почти не звенела, и сидела как влитая. Поверх неё он надел просторный балахон, но капюшон оставил болтаться на спине. — Я пока поговорю с тхади.

— Я пока закончу путь, — горгулья замерла, отключаясь.

Морстен повесил меч на пояс, и, насупившись, посмотрел в соткавшееся перед ним зеркало. С мельтешащего серебром листа на него смотрел плечистый мужик с неприятным лицом, короткими волосами, побитыми сединой, и пронизывающим взглядом темных глаз. «Я б такому захотел сходу дать в морду, — подумал он, и улыбнулся. Ухмылка получилась мерзкой. Он тренировал её пакостность тридцать лет. — Что способствует пониманию с самого сотворения Мира, как говорят».

Тёмный властелин, шурша мелкими кольцами доспеха под балахоном, вышел прочь из своего кабинета, поднимаясь в бывший тронный зал, где уже собирались уведомлённые Замком военачальники-тхади.

Встреча с Темным

Они вывалились из крошечного прохода под лучи яркого двойного солнца. Где-то далеко остался замок элементалов, поверженный, но непобеждённый Эрлан, продавший душу, или что там было у него внутри, Посмертнику.

Варвар пересчитал своих воинов, его лицо было сумрачным и угрюмым, светлые волосы выпачкались в чужой крови, а на теле появились дополнительные порезы, из которых до сих пор сочилась алая жизнь. Он нагнулся и зачерпнул горсть земли, намереваясь приложить её к ранам, чтобы после вознести слова своим богам об исцелении.

— Не делал бы ты этого, парень, — сдвинул брови дварф. Ветрис упрямо поджал губы.

— Это ещё почему? — спросил он.

— Земля тут отравлена, по ней шли чумные мертвецы гнилостного короля. Думаешь, стоит после такого совать себе в дырки на шкуре всю эту погонь?

Ветрис с досадой отбросил землю и вытер руки о штаны. Лаитан и Киоми встали рядом. Женщины устали, их запасы магии почти истощились, да и перед встречей с элементом им так и не удалось пополнить силы на отдыхе. Киоми смотрела на Ветриса с каким-то странным прищуром. Лаитан вспомнила, что они дрались на разных фронтах, но рядом. Служанка, наверное, оценила боевую прыть Коэна. Медноликая мысленно усмехнулась. Личная гвардия и охрана госпожи оставалась девственной до смерти, если не получала разрешения на продолжение рода, чтобы гены воительниц не утратились во времени. Киоми пока что даже не интересовалась мужчинами, считая их чем-то вроде жизненной неприятности и суровой необходимости для продолжения рода.

Лаитан запахнула плащ поплотнее. Приобретённая змеиная шкура саднила и болела, отшелушиваясь и падая на землю блестящими чешуйками. Медноликая только что обратила на это внимание.

— Мы должны двигаться, нас скоро найдут, — сказала она. — Киоми, собери сестёр, мы должны покинуть Трёхязычье до полудня.

Служанка преданно кивнула госпоже и звякнула браслетами. Украшения самой Медноликой весь путь оставались невидимыми для посторонних глаз, прячась под одеждой. Длинные, перевитые золотыми нитями и кольцами косы волос она убирала под плащ, стараясь всегда носить на голове капюшон.

— Пойдём неспеша, нам нужно отыскать для передвижения каких-то лошадей. На одной магии мы далеко не доберёмся, — резонно возразил варвар. Лаитан и сама это знала, но молча указала на землю, выпачканную её чешуёй, как блестящими звёздами.

— Нас найдут, — повторила она. Варвар издал гортанный звук, вслед за ним заворчали и другие его люди.

— Господин, из-за неё мы далеко не уйдём, — высказался кто-то поблизости. Ветрис обернулся к своему человеку и что-то сказал ему. Тот кивнул, приложил кулак к груди и исчез. Лаитан знала, чего ждёт варвар. Он дожидался своих разведчиков, которые уже наверняка знали о произошедшем, чтобы не попасться в ловушку обезумевших народов этой местности.

— Идём быстро. Доберёмся до леса, там можно затеряться. Мой народ веками совершенствовал искусство скрытности и жизни в лесах и долинах.

— Гнилолесье это тебе не Долина, — возразил дварф, покручивая в руках секиру. — В

нем немногие выживают... даже из нас. А мы уж точно не какие-то там изнеженные людишки или правители долин и империй, — не сдержался он. — Ладно, мне пора убивать своих мёртвых братьев и сестёр, — горько покачал он головой, — а вам я желаю побыстрее унести отсюда ноги. И то, что на них крепится сверху.

Лаитан попрощалась с дварфом и первой шагнула вперёд. Её окружили служанки и охранницы, приготовив оружие и резервные запасы силы на случай врага поблизости. Позади Лаитан затянутое кроваво-чернильными тучами небо раскололось на две половины, когда из рухнувшей башни дворца в него ударила кривая молния. Всполохи огня, выплеснувшиеся из резных окон и воздушных каменных балконов, выбросили вниз тела. Они градом попадали вниз, ломаясь и разлетаясь частями, если проходили через выступающие террасы дворца, соединяющие соседние постройки. От пышных садов, фонтанов и полотен мозаики из прозрачных разноцветных самоцветов не осталось почти ничего. Земля дрожала под ногами Медноликой, и она понимала, что война идёт не только здесь, но и во владениях дварфов. Каменные феи, те, кому удалось спастись, стайками мохнатых комочков прыскали по кустарникам, молча, и неизменно слаженно, убегая прочь. Это была не их война, и не их забота, как они решили. Лаитан знала, что больше в этом мире нет чужих бед и забот. Посмертник не пощадит никого живого. Заключив союзы, он лишь использует тех глупцов, вроде Лорда Эрлана, чтобы их руками разобраться с другими противниками и проблемами. А после он спляшет танцы смерти на костях своих же союзников, поднимая их из мёртвых для вечной посмертной службы ему. Армия, какой не видывал этот мир никогда. Армия, способная пройти по головам родных и близких, в панике бросающих оружие и не в силах поднять его на своих детей и матерей.

Лаитан чувствовала боль мира. Боль, скорбь и стоны умирающих. Крики и отчаянные молитвы богам тех, кто уже ушёл, но не сумел покинуть пределов мира живых, навечно заключённых в своей клетке мёртвых костей и облезающей плоти.

Души плакали, трогали Лаитан за полы одежды, цеплялись к ней, будто малые дети, завидевшие свою мать. Мать матерей — Лаитан.

Внутри неё невыносимые, физически ощутимые скорбь и боль боролись с неистовством ярости и злости.

Коэн выслушал своих разведчиков и поспешил вперёд, к Лаитан. Киоми, следовавшая бок-о-бок со своей сестрой, мрачно посмотрела на него, но не стала вынимать клинка.

— Владетельница, мои воины обнаружили впереди нечто странное, — сказал он, коротко кивнув. На вежливые раскланивания и славословия времени и сил уже не оставалось. — Там огонь и человек подле него. Один.

Безымянные, памятуя об опасности Гнилолесья, не стали подходить ближе, но вождь смотрел их глазами, и видел то же самое — костёр, бросающий отсветы на сидящую возле него фигуру с мечом у пояса. Совершенно обыденное зрелище воина на привале, если бы не выбранное для этого место и время.

— Один человек? Вам мерещатся ужасы даже от одного путника? — фыркнула Киоми. Лаитан посмотрела на нее долгим взглядом, под которым служанка съёжилась и сдавленно пискнула. Ярость Медноликой редко сдерживалась до нужного уровня, и она могла убить в гневе даже самую близкую служанку.

— Гнилолесье не самое лучшее место для отдыха, — кивнула она варвару. — Но я думаю, если путник выжил там один, мы тоже не пропадём.

— Владетельница, это странно. Один человек, пусть и при оружии, в таком месте, — снова попытался урезонить женщину варвар. Лаитан видела, как сильно она его раздражает своей заносчивостью, и потому не собиралась сдаваться.

— Он может кого-то ждать, — сказала Киоми осторожно.

— Да. Он ждет нас, — прошипела сквозь зубы Лаитан. Она уже уловила потоки силы, исходящие от путника за много минут от нее. И то, что она увидела, заставило её потерять человеческий облик. Лаитан скользнула в тень так быстро, что поток схлопнувшегося воздуха на месте исчезновения сбил с ног слуганок.

Медноликая знала, что тени не спасут её от леса. На границе с ним теряла силу любая магия. Кроме одной — силы черного властелина севера. И потому спокойно сидеть у огонька в одиночестве мог себе позволить только этот гнусный, замшелый властелинишка, который был убит её матерью, и воскрес снова. В памяти Лаитан встал образ того, кем был властелин тогда, в прошлом, и она засомневалась. Да, правительницы Империи тоже менялись, и в этом был их секрет. Но что тогда мешало измениться властелину? Тот ли это человек или уже нет? Подумать над этим она не успела, Гнилолесье встретило её стеной невидимых стражей, сорвавших с Лаитан покровы силы и разорвавших одежду. На границе леса мелькнул гибкий силуэт женщины. Солнце, словно опасавшееся заглядывать в лес, стеной света отсекало его от прочих земель, погружая в полумрак навечно. Огненные волосы Лаитан, заплетённые в косы, скреплённые медными и золотыми зажимами, блеснули в лучах и пропали. Как и её тело, украшенное десятками широких и узких браслетов, расписанных гравировками силы и мудрости Мастера Мастеров. Лаитан вела ненависть, скопившись за время долгого пути в вынужденной компании варвара и его людей. Остальные быстро её догонят, но время ещё было.

Морстен сидел у костра, флегматично помешивая ложкой варево в небольшом котелке, чтобы оно не пригорело и испарялось равномерно. То, что на небольшой полянке, вдоль окружавших её невысоких кустов, были набросаны трупы местных обитателей, походивших на помесь змей и оленей, его не смущало. Наоборот, ему было приятно размяться с противниками, которых можно было рубить, не сдерживаясь.

Испарения из котелка преследовали только одну цель — лишить силы любого из Мастеров, подошедшего слишком близко. На время, за которое нужно было донести до того, кто будет первым, что владыка Севера — не враг ему. Гравейн размышлял, кто это будет, варвар или Мать Матерей. И склонялся к тому, что придёт именно Мать. Варвар, несмотря на свою наглость, сквозившую в умах его людей, иногда проявлял осторожность. А значит, придётся готовиться к визиту Змеи. Той самой, что отправила на смерть одного наёмника...

За спиной шелестнул раздвигающийся воздух, и из кустов донеслось позвякивание браслетов, сопровождаемое почти неслышными проклятиями. Кажется, кто-то запутался своими длинными волосами в колючих ветвях.

— Подходи к огню, путница, — не оборачиваясь, произнёс Морстен, продолжая глядеть в пламя. В отличие от обычных людей, он мог это делать невозбранно, зрение не теряло время на приспособление к резкому переходу от света к темноте и обратно. — Садись. Я ждал тебя.

Лаитан высказала то, что думала про этого человека. Она узнала голос, пусть и полустёршийся в памяти. Слишком много прошло времени, слишком много было войн с тех пор, как и рождённых в тайне ото всех матерей Империи. Но знать об этом врагу не стоило. Язык имперцев, исполненный достоинства, мог при желании превращаться в гортанную брань. Лаитан выпуталась из кустов, шагнула к властелину и уперлась в него взглядом горящих зелёных глаз. Медные браслеты блестели в огненных всполохах, как и её чешуя на бронзовой коже. Она оставалась почти нагой, не считая нескольких кусков ткани шелка на теле.

— Стоило бы догадаться, что ты заявишься сюда и встанешь на моем пути, — прошипела она в лицо спокойно сидящему мужчине. Тот медленно и с какой-то незаинтересованной ленцой ощупывал её взглядом, не задерживаясь ни на чем, кроме одного места. Он долго смотрел на ключицы Лаитан, будто пытаясь на них что-то отыскать. Мерно мешавшая варево ложка замерла, и от котелка почти сразу потянуло едким дымом подгорающего зелья.

В голове властелина промелькнуло воспоминание о том, как он умер. Рука, принёсшая смерть, и крошечное родимое пятнышко на левой ключице Медноликой. Пятна на месте не оказалось. Но властелин не понимал, подвела ли его память или что-то ещё.

Покачав головой, Гравейн помешал в котелке. Засевший в его памяти образ очень сильно отличался от того, что он видел. За пять сотен лет могло многое измениться, и что такое родимое пятно для того, кто владеет трансформацией тела и высшими ступенями Мастерства? Если он сам мог изменить себя, пусть и при помощи Замка, то почему Мать не могла? Другое дело, что Гравейн не хотел избавляться от шрамов. Они служили напоминанием.

— Садись, не стой, в ногах правды нет, — вернул он старую поговорку тхади. — Преломить хлеб не предлагаю, как и варево — оно отпугивает местных обитателей. Не люблю разговаривать и махать клинком одновременно. Это отвлекает.

Владетельница Империи, Мать Матерей, повелитель миллионов жизней подданных, смерив его обжигающим взглядом, немного поколебалась, но приняла приглашение. И осторожно присела на стоящий с другой стороны костра камень.

Тёмный Властелин, подозрительно следивший за каждым её движением, все ещё стараясь найти знакомые ему черты, отмечал лишь, что за пять столетий Мать стала двигаться, словно помолодела и обрела ещё более высокую скорость реакции. «Никто не стоит на месте, — усмехнулся он своим мыслям. — Кроме меня, должно быть. Хранитель Севера, драный уккун мне под седло».

Он надеялся, что усмешка выйдет достаточно оскорбительной, и владетельница оскорбится.

— Куда ведёт тебя твоя дорога? — спросил он напряжённую медноволосую женщину, смотревшую на его лицо так, словно она его видела впервые.

— Если ты здесь, ты знаешь ответ, — пренебрежительно бросила Лаитан. Неприятное лицо и темные провалы глаз казались ей ужасной посмертной маской восставшего трупа. Голос у властелина был таким, что им удобно было отдавать приказы сжигать города и деревни, или командовать пленными копать ямы для своей родни. Станный голос, лишённый всякой лжи, да она была и не нужна властелину. Он был мерзкой тварью, ужасным злом и порождением противовеса таким, как Лаитан. В мыслях женщины

просквозила едва уловимая нотка сомнений. Мать матерей не была образцом света и добра. Свет Империя утратила очень давно. И за те десятки лет, что Лаитан жила на свете, она ни разу не видела и не слышала даже намёков на то, что удалось открыть утерянные секреты мастерства заново. От тьмы остался хотя бы он, человек в шрамах и с подозрительным взглядом черных глаз. А от её Империи? Что осталось от её владений? И что останется после? Ничего. Так было предreshено, и Лаитан смирилась. Но все же, в минуты покоя, когда сухой горячий воздух Империи, остывая к ночи, залетал в открытое окно ее спальни, она подолгу стояла рядом, чувствуя обнаженной кожей его ласки, и думала. Мысли о великолепии созданного за тысячи лет, о величии и красоте высоких резных арок, сотканых словно из полупрозрачных каменных нитей, хрупкой картиной истории отпечатывались на ее сознании. Потерять все было судьбой, но расстаться с этим в один миг, осознано и решительно закрывая книгу жизни своей рукой... где-то в глубине души ей было жаль потерять творения прошлого, обреченные на ветшание и исчезновение под пластами истории. И сердце матери матерей замирало всякий раз, едва ее посещали мысли о том времени, когда Империя снова станет песком и камнями, из которых и возродилась однажды руками первых ее жителей.

— Зачем ты ждал меня, властелин севера? — спросила она, уже слушая, как трещит кустарник позади. Варвары и жрицы пробирались следом за ней и должны были вот-вот оказаться здесь. — Говори, или я убью тебя твоей же ложкой, — произнесла Меднолика. Угроза, впрочем, не возымела действия. Ответом на неё была кривая и совершенно мерзкая улыбка властелина, который, казалось, издевается над Лаитан, стараясь разъярить её ещё больше.

— Полагаю, что ты и твои ручные варвары движешься в сторону побережья, — кивнул он, прислушиваясь к тем же звукам, что и Лаитан. Варвары и Сестры наткнулись на остатки полого тёмного пути, и теперь пробирались сквозь него, не понимая, что топчутся на месте. Котелок опустел наполовину. «Не знаю, что именно я хотел увидеть в ней, — подумал он. Мысли о мести, которые когда-то владели новоиспечённым хозяином Севера, помогая ему осваивать искусство тьмы, теперь сосредоточились на совершенно другой цели. — Империя уже не та, что прежде. И её повелительница тоже изменилась». — Я же совершенно случайно оказался в этих краях, но направляюсь примерно в ту же сторону. И подумал, что путешествие в такой интересной компании будет приятнее, чем идти в одиночку.

Наблюдение за тем, как внутри Матери вздымается сначала негодование, потом ненависть, которую сменяет ярость, позабавило Морстена.

— Я предлагаю пройти часть пути вместе, — опередив собиравшуюся сказать что-то резкое Мать, произнёс он. И снова неприятно улыбнулся, дёрнув уголком рта.

— Ни я, ни сопровождающие меня люди не нуждаемся в твоей отвратительной компании, властитель Замка, — произнесла Лаитан. К ней уже вернулись её спокойствие, расчётливость и твёрдость, но при виде этой нагло ухмыляющейся морды, назвать лицом которую не получалось при всем желании, Лаитан была близка к новому взрыву ярости. Усилием воли подавив этот порыв, она кивнула властелину и встала, чтобы уйти.

— Пока что мы прекрасно справлялись без тебя, — произнесла она, отлично понимая, что лжёт. Сидящий перед ней человек внезапно засмеялся. Это так сильно задело Лаитан, что на кончиках пальцев у неё вздрогнули тени. Черные глаза уставились на Лаитан, но она знала, что он не может подчинить себе её разум и прочесть мысли. Как не может и забраться в него, иначе давно бы уже знал все, что хотел. «Так ли уж прекрасно мы справлялись?» —

прокралась убогая и жалкая мыслишка в разум Медноликой.

— Так ли уж прекрасно вы справлялись без меня? — будто сумев прочесть эти мысли, спросил властелин севера. Лаитан знала его имя, но вытаскивать его из памяти, как и произносить его, не желала. Не хотела пачкать им язык и гортань. Да и уже начала сомневаться, тот ли это человек. Разум усиленно подбрасывал ей омерзительную картину прикованного к железному трону получеловека, чья нижняя половина отсутствовала напрочь. На лице у него была маска из чего-то черного, и Лаитан не могла бы узнать Морстена при всем желании. Двойственное ощущение, будто они встречались, но явно не в момент знакомства в Замке, преследовало и тормозило неуверенность в душе Медноликой. Ее это злило и сильно досаждало ей. Позади слышались крики ярости и бессилия.

— Тебе нечего мне предложить, кроме своей омерзительной компании, — дёрнула она плечом, на руке в ответ вздрогнули гулким звоном браслеты.

— Моя, как ты выразилась, омерзительная компания, все же лучше, чем та, которую ты покинула не столь давно, — резким движением Морстен выплеснул из котелка синеватую жидкость, моментально впитавшуюся в грязную серую почву, оставив в воздухе только резкий аромат. — Впрочем, если предпочитаешь мертвецов, я не против. Уважаю свободу воли.

«Особенно, если эта свобода не идёт в разрез с моей собственной, — подумал он. Оставалось дожидаться вождя варваров, после чего поговорить с ним. Замок был прав, владетельница слишком застыла в своих представлениях о собственной мощи. Вряд ли молодой Коэн окажется лучше старой змеи, и вряд ли он согласится принять мой ответ на свое предложение. Он хотел встретиться после пробуждения Отца. И думает, что знает, как его пробудить...»

Завеса тёмного пути, удерживаемая в воздухе запахом зелья, стремительно рассеивалась, и из кустарника стали выныривать одна за одной Сестры. Все такие же смертоносные, как и полтысячи лет назад. Варвары-Безымянные отстали ненамного, оказавшись лишь чуть неповоротливее в зарослях.

Ему стало скучно. Память Замка подсказывала, что ситуация повторялась раз за разом: Тёмный Властелин, который, несмотря на общее мнение, не нуждался в смерти всего и вся, приходил к людям, предлагая помощь в избавлении от опасности, но ему плевали в лицо. После чего, правда, массово гибли, но, когда он приходил сам, принимали помощь, чтобы потом обгадиться и ударить в спину. В самый неподходящий для Тьмы момент, как всегда. И этот раз ничем не отличался от прошлых, если бы не эта Лаитан.

«Может быть, мне просто нравится её злить», — подумал Морстен. Неожиданно он почуял присутствие слуги Посмертника, совсем рядом. Дёрнув носом — он сам когда-то попросил Замок сделать так, что твари и прислужники Властелина Ничего вызывали у него ощущение дикой вони — повелитель Севера, не вставая, выбросил руку в сторону одной из Сестёр, заходившей слева. Небольшой метательный нож, разрезав податливый воздух, вонзился ей в плечо, вызвав вспышку темноты, разорванную диким рёвом. Одежды служанки, разорванные изнутри, разлетелись клочьями, а вместо худощавой женщины с двумя клинками появилось здоровенное белёсое чудище. Оно походило на человека разве что наличием двух искривлённых ног, двух длинных когтистых рук и отвратительной головы, состоявшей из утыканной зубами пасти.

Оно попыталось прыгнуть к костру, но яд, созданный для уничтожения существ

посмертия, уже сделал своё дело, и прыжок завершился ударом о землю. Когтистая лапа дёрнулась раз, другой, и замерла, покрываясь инеем.

— Мне кажется, что у нас с тобой и Коэном-варваром — один враг, госпожа Империи, — медленно опустил руку Гравейн. С его спины соскользнули два или три метательных ножа, брошенные кем-то из сестёр или варваров, но не пробившие кольчугу под балахоном. — И он опережает вас на два шага.

Киоми, уже оторвавшаяся от ветки дерева, на которую взобралась быстрее змеи, была отброшена в сторону мягким усилием силы Лаитан. Приземлившись прямо перед Ветрисом, служанка разозлилась от непонимания поступка своей госпожи. Она припала к земле, ею овладел азарт охотника, чья добыча ускользнула прямо из пасти. Киоми, зажав в зубах острый клинок чёрной стали, развернулась и изготовилась для следующего прыжка. Лаитан и замерший в странной позе властелин севера посмотрели на подошедших варваров и на Киоми.

— Не надо, — жестом остановила её прыжок Лаитан. — Он нас спас все же. Будет невежливо не дожидаться, когда гость сам решит умереть, — тихо добавила она на родном языке. Униженная и оскорблённая Киоми, которая никак не могла взять в толк, почему её госпожа, сильная и смелая Меднолика, собирает вокруг себя откровенных кровных врагов, отошла в сторону, в полголоса понося всех на бранном имперском. И если с варваром она почти смирилась, то наличие в компании властелина Замка уже не укладывалось в голове жрицы.

— Моя госпожа, мне кажется, это лишь хитрый ход, чтобы отвлечь вас и остальных от его истинных намерений! — в отчаянии крикнула она.

— Да, ты права, это именно так, Киоми, — кивнула Лаитан. — Но ты только что поняла, что намерения меня убить не входят в этот длинный список дел, который, наверняка, имеется у властителя севера.

Она смерила взглядом черного властелина. Тот выглядел сбитым с толку всего пару секунд, когда Лаитан отвела прыжок служанки от него, от непокрытой головы закованного в кольчугу воина. Он цинично хмыкнул, пожав плечами и уселся обратно, явно ожидая, что скажет Ветрис. Варвар не сделал попытки разговора, хотя прекрасно знал, что властелин ждёт его реакции.

— Госпожа Лаитан, мы не можем идти дальше в такой компании. Чёрный хозяин Замка обязательно попытается убить вас, — твёрдо сказала Киоми.

— Если бы его целью была моя смерть, он бы просто подождал, пока со мной справится то, что он только что убил. Он, а не ты, Киоми.

Взгляд Лаитан стал осуждающим. Служанка поняла свой промах и залилась краской стыда. Она молча исчезла среди других сестёр, а Лаитан сложила руки на почти обнажённой высокой груди, ожидая продолжения разговора. Её вид не смущал госпожу. Империя была жарким и засушливым царством, и голым телом там можно было удивить, пожалуй, только приезжих. Варвару было явно не до прелестей тел, а властелин не интересовался такими глупостями, как плотские утехы. И все же... Все же он что-то высматривал на её теле. Будто искал нечто, знакомое только ему. Лаитан внутренне похолодела. Вырождение империи вело не только к разбавленной крови и снижению способностей, но и к наличию различных отметин. Ничего особенного, но если он встречался с предыдущей Медноликой и запомнил что-то...И ещё Лаитан подумала о том, что теперь Посмертник не действует, как раньше. В

церемониальном зале перехода он подчинил воле её слуг, убив их и воскресив снова. Они были лишены магии, но умело пользовались сталью. Здесь имела место другая вещь: трансформация материи, которая есть всюду, но бывает разделена на невидимые частицы. Посмертник сумел разгадать секрет трансформации, которым владели немногие, в том числе, и Мастера стали в Империи. Последнюю надежду и козырь Лаитан только что использовал её враг. Она впервые с начала похода задумалась, не так ли далёк проигрыш, как ей бы хотелось.

Морстен пристально смотрел на Ветриса, пока варвар делал вид, что изучает останки твари, стремительно разлагавшиеся и уходившие в землю. Но Коэн не горел желанием обсуждать возможности союза с олицетворением тьмы, и тут Гравейн его понимал. Став выше человеческих условностей, бывший наёмник сохранил память о том, как любят люди загонять самих себя в клетки ограничений и запретов. Самые старые из них относились как раз к использованию врага в качестве союзника. Долго решаясь, и испытывая при этом много моральных мучений, после согласившиеся на такие противоестественные связи, союзы и отношения не колебались уже ни секунды. Ни тогда, когда принимали победу из рук союзника, ни тогда, когда разворачивали войска и били в спину тем, кто помогал им недавно.

— Будем считать, что мы договорились. Что бы вы ни хотели найти у Дома Отца, до него ещё нужно добраться, — Гравейн повёл рукой над угасавшим пламенем, и из него соткалась картина долгого пути до побережья. Сам берег океана почему-то не отобразился, и Морстен недовольно прищёлкнул языком. Огонь застыл, рисуя непроходимую чащобу, на восточной стороне которой они находились. После неё, прерываемой участками удивительно ровной дороги, проглядывавшей даже сквозь заросли, шли скалистые пустоши. Дорога, то появляясь, то исчезая, вползала в ущелья, пересекала пропасти и в одном месте даже ныряла в скалу, пробивая её насквозь. После этого местность на карте стремительно понижалась, нисходя к лежащему за пределами картины Соленморью. — Здесьние места и раньше были дикими и малонаселёнными, а уж сейчас...

Он сардонически улыбнулся, наблюдая, как варвар тщательно осматривает карту, стремясь найти на ней неточности. Тщетно. Это был отпечаток, извлечённый Замком из разума дракона, пролетавшего высоко в небесах, и отклонившегося от своего обычного охотничьего маршрута. Разумеется, совершенно случайно.

— Здесь проходит дорога, — Ветрис посмотрел на Тёмного, продолжавшего держать руку над костром. — Может быть, стоит держаться ее?

В голубых прозрачных глазах варвара Морстен отметил работу мысли, и про себя похвалил долинца. Лаитан, конечно, сразу же воспротивится этой идее, но попытка была хорошей.

— Думаю, это отличная идея, мой долинный друг, — посмеявшись, сказал он, и заметил на лице Коэна проскользнувшее отвращение. Но гримаса была не такой уж и сильной. «Да, с ним получится договориться. Смертеносец или степняки, но Долине придётся туго без союзников. Если только слухи о попытке посвататься к Лаитан правдивы, то варвару и его народу припекло зады так, что они готовы на все. Или почти на все». — Можно срезать путь, там, где дорога пролегает слишком уж извилисто, но те места, где она пересекает горы, реки или, например, эти чащобы, лучше следовать по ней. Тракту пять тысяч лет, и он неплохо сохранился для своего возраста. Разумеется, я и моя Твердыня немного обновили ее, кое-где

подчистили, залатали ямы и поправили провалы, — скучающим тоном продолжил он, вызвав у варвара выражение лица человека, много дней мучающегося болезненным запором.

Морстен бросил взгляд на Лаитан, которой что-то нашёптывала на ухо её служанка, едва не сломавшая себе шею при попытке прыгнуть на Гравейна с дерева. Владычица сидела прямо, как статуя, и по её обнажённой медной коже, кое-где покрытой отслаивающимися чешуйками, бегали отсветы укрощённого пламени. Непроницаемое лицо Госпожи ничего не выражало, но по тусклому свету зелёных усталых глаз было понятно, что она измотана и явно не совсем понимает, куда попала и как с этим быть.

Тхади должны были закончить переброску к следующему выходу тёмного пути в течение дня. За это время можно было добраться до него пешком, если не терять времени.

Лаитан думала. Она никогда не покидала Империю больше, чем требовали визиты в отдалённые поселения, где иногда все ещё находили чистокровных детей, рождённых в замкнутых поселениях. На сотню изуродованных родственными браками ребятишек находился один, чья сила становилась великой к пятнадцатому лету. И до этого времени его требовалось обучить и подыскать место в рядах слуг или служанок Медноликой.

Лаитан поскребла кожу, от неё отпали новые чешуйки. Кожа под ними была чистой, слегка светлее обычного бронзового цвета, приобретённого под палящими лучами солнца в Империи.

Киоми все ещё пыталась убедить госпожу не доверять никому, но это было излишне. Лаитан перестала верить другим тогда, когда узнала правду о себе. Даже верная Киоми не знала всех тайн, а ближе неё служанок у госпожи не было.

Единственное, что знала госпожа, она обязана добраться до Соленморья. И в этом деле Медноликая должна была проявить себя, как госпожа, которой больше тысячи лет.

— Мы идём к переходу и к дороге, — произнесла она. Все замолчали. Повисла тишина, в которой не слышалось ни единого звука. Лес был пуст изначально, выжить в нем могли только такие твари, которые шумят громко и без опаски.

— Но, госпожа... — попыталась Киоми, непонимающе глядя на Лаитан. Она повернулась и попыталась поискать поддержки варвара. Ветрис казался сомневающимся, но не спорил, будто был рад, что эти слова произнесла Лаитан, а не он.

— Мои люди будут настороже, владетельница, — наконец произнёс варвар, подтверждая таким образом своё согласие. Киоми сникла. Властелин молчал. Кажется, Лаитан удалось его удивить. Она мысленно отметила это для себя. Путь предстоял долгий, и любая информация о враге, пусть и временно ставшим союзником, была бы не лишней.

— Горделивая и надменная Медноликая принимает союз с тьмой? — наконец со злой радостью спросил он. Лаитан скользнула по нему взглядом.

— Мы идём до дороги и по ней, властелин Замка. Веди и показывай путь, — только и сказала Лаитан. Где-то в этом месте должны были ждать болота и топи, предательские ямы, заросшие вьющейся травой по поверхности, в которую провалился не один путник, чтобы найти на дне этих ям свою смерть от голода или клыков местных тварей. Но хуже всего было то, что Гнилолесье само рождало силу, против которой силы Лаитан были ни к чему. Сталь и тьма — союзники леса. И тут Лаитан придётся верить новому попутчику.

Морстен, удовлетворённо кивнув, бросил на Медноликую короткий пронизывающий взгляд, задумчиво почесав щеку, от чего его тонкие светлые брови сошлись у переносицы, и

резко поднялся со своего камня. Костер, освобождённый от его воздействия, вспыхнул ярко, осветив лица собравшихся. Окинув взглядом блестящих черных глаз Сестёр, Безымянных, Лаитан и Коэна, Тёмный Властелин отметил все гримасы и выражения лиц, от брезгливости и до тщательно скрываемого желания вогнать ему в живот клинок. Только Мать и её служанка остались бесстрастны. А во взгляде Ветриса таился тщательно скрываемый интерес.

— Тогда хватит разговоров. Двигаемся быстро, не растягиваясь. Я не могу спасти всех, и, честно говоря, не хочу. Задерживать движение группы ради одной жизни, если это не жизнь Лаитан или Ветриса, я не собираюсь. К исходу следующего дня мы доберёмся до места, где можно сделать привал, и, возможно, найти средства передвижения, — искривив губы, произнёс он, не обращая внимания на разгоревшуюся в глазах людей ненависть. Для него это было естественно. Не носить же каждого золото- или серебрянокрового на руках. Сами справятся. — Лаитан, Коэн, следуйте за мной.

Он погасил костёр взмахом руки, и, вытащив меч, уверенно направился к зарослям, перешагнув через сведённые судорогами объятий смерти тела ящеролений. Морстен повёл носом, принюхиваясь, но, кажется, все звери разбежались от поляны на несколько лиг, а вонюю силы Смерти несло едва заметно. Она пропитала тут всё, но нигде не была сильна настолько, чтобы представлять опасность. Не оглядываясь, Тёмный Властелин раздвинул кусты, и скользнул в переплетение ветвей, расступившихся перед ним.

Властелин был страшен и обладал великой силой, как и положено хозяину Замка. Но было в нем нечто неправильное, будто оживший труп ничуть не утратил человечности, а только приобрёл дополнительную защиту от таких неприятностей, как смерть. Медноликая посмотрела на него украдкой, вспоминая встречу некоторое время назад. Её служанки пытались убить его, как и варвары, но оружие упало, не причинив вреда. Насколько знала Лаитан, в прошлый раз его получилось одолеть только с помощью магии, прорвавшись сквозь толпы наёмников и слуг. Сейчас стоящий перед ней властелин был одет в длинный плащ, под которым скрывалась кольчуга или нечто подобное. «Вот почему Киоми целилась в голову, — поняла Лаитан, — он уязвим для стали, а не только для энергий. Почему бы могло быть так? Прошлый раз все решила сила колдовства, а не сталь». «Или нет?» — нахмурилась она.

Лаитан смотрела на властелина, стараясь угадать по его страшной гримасе ответ. Она не заметила, как размышления сменились воспоминаниями. Шёпот крови внутри стал громче, перед глазами промелькнули картины прошлого. Замок, тронный зал, крики, кровь и всплески силы вокруг. Безымянные наёмники, грудой сминавшие жриц Империи, трупы и части тел под ногами, крики умирающих и боевые кличи жриц. Лица, всюду мелькали лица, старые и совсем юные. Призванные властелином люди с короткими волосами, облачённые в железо и кожу, с оружием и амулетами против имперцев...

«Короткие волосы, — подскочила внутри себя Лаитан, — волосы состригают приговорённым и наёмникам, продажным людям и нелюдям, чтобы каждый мог отличить их в толпе и не мараться о продажные души». Лаитан открыла глаза и снова вперилась взглядом в мужчин. Светлые волосы властелина странно контрастировали с остальным обликом, сбивая с мысли Медноликую. Она взмолилась всем прошлым матерям, чтобы те дали ей ответ. Перед глазами мелькнуло сражение, в котором в её руке блистало оружие. Оно было в крови, но все ещё острое и смертоносное. Лаитан смотрела глазами той, кто приходил в

Замок за жизнью властелина. Трон с прикованным к нему хозяином мелькал где-то впереди, его заслоняли все новые и новые воины в броне. Лаитан, а точнее, та, кто приходил тогда, убивала врагов, но теряла силы. Перед лицом возник человек с занесённым над головой мечом. Лаитан взглянула в его лицо...

— ... двигаемся быстро, — резанул голос властелина по ушам, и Лаитан потеряла сосредоточение. Она успела подняться на ноги, оставив после себя россыпь чешуек и двинулась вперёд, когда Киоми, жестом подозвав кого-то, сунула в руки Лаитан новую одежду. Широкие варварские штаны, подпоясанные простой верёвкой, чтобы не спадать с её тонкой талии, рубаху и короткий плащ. Медноликая не сумела подавить выражение брезгливости на лице, представляя, чего стоило Киоми попросить эти вещи ради неё у пришлых. А потом взгляд Лаитан скользнул по жрицам и воительницам. Каждая, кроме нескольких, отвела взгляд, делая вид, словно это вовсе не страх и сомнения, а всего-то почтительность и подобострастие. Лаитан проследила за взглядом одной из жриц, быстро совладавшей с собой, но все же недостаточно споро. Ее люди смотрели, искоса и осторожно, на опадающие с нее чешуйки. Именно это стало причиной взять одежду у варваров, а не позаимствовать у своих же воительниц. И, кажется, Киоми была с ними согласна, если молча пошла на унижения вместо приказа поделиться плащом и штанами с Лаитан.

— Спасибо, — тихо шепнула она служанке, показав, что та прощена за недавний промах. Киоми кивнула и отошла. Когда верёвка на штанах затянула талию Лаитан, она поспешила вслед за властелином Замка. На ходу Медноликая пыталась обдумать новое для себя ощущение потери авторитета и власти. Ее боялись и перед ней трепетали и раньше, но брезгливости или опасения заразиться пока что не проявлял ни один подданный Империи. Впрочем, в виду последних событий с чумой Посмертника это не сильно удивляло. Однако, осадок оставляло приличный, неприятно скребло внутри злостью и заставляло задуматься о том, что будет дальше.

Морстен почти сразу вышел на заброшенный тракт, построенный ещё до создания Империи, и дальше много часов подряд придерживался этой прямой, как стрела, дороги. Даже похороненный под слоем корней, прелых листьев и серой, как небо над пустошами, почвы, покрытый ровными плитами чуть шероховатого камня, путь был надежнее, чем заболоченная и заросшая колючими кустами земля за его пределами.

Чтобы произвести впечатление и пробудить интерес в Лаитан, Гравейн истратил массу сил. Запасы даже тёмного властителя не были беспредельными, а его когда-то мёртвое тело удерживало энергию словно дырявая кружка — воду. Но в этих краях тьмы было гораздо больше, чем смерти, и потому восстановить силы он надеялся достаточно быстро. «Даже если зверье ползет чаще, — вытаскивая меч из осклизлой плоти мохнатого червя с длинными клыками и туловищем толщиной с лошадь, подумал он, — на стоянке будет накопитель. Тхади скрупулёзны в мелочах.»

Он посмотрел на Лаитан, медленно опускавшую руки. Под ногтями госпожи ещё светились остатки золотистой энергии, выплеснувшейся, едва чудовище выломилось на них из чащи. Не растерявшаяся владычица Империи ослепила червя вспышкой, и готовила что-то более смертоносное, но Морстену было довольно и такой паузы. Все же он был раньше мечником, и неплохим, а за пять столетий можно очень хорошо развить навыки.

Выглядела Лаитан очень усталой, а варварские шаровары и короткий нелепый плащ скрывали её тело, не давая рассмотреть поближе. Тёмный все ещё не был уверен, что узнает

или не узнает Мать. В бытность наёмником он видел её несколько раз во время священных празднеств, но с расстояния, на котором все превращалось в размытую круговерть золота, белой ткани и серебряных вспышек от зеркал, которые держали вокруг владельницы её служанки. Двигалась она с грацией молодой женщины, но для этого достаточно иметь много сил и Мастерство, регулярно применяемое к телу. То же относилось и к родимому пятну — такую отметку, как он уже размышлял ранее, могли свести даже в отдалённых поселениях. Оставалось только уповать на разговоры и обмен информацией, пусть даже в виде колкостей.

Но усталость брала своё. Морстен протёр тёмное лезвие меча куском шкуры, и вложил его в ножны у пояса.

— В следующий раз просто отступи назад, — сказал он Лаитан. — Здесь достаточно мечей и рук, их держащих, чтобы не тратить силу. Эти твари почти не опасны, — он стрельнул глазами в сторону ворчащего ругательства Ветриса, выползающего из колючих объятий кустов, — если не позволять им сбить тебя с ног.

— В следующий раз я милостиво позволю тебе защищать себя только тогда, когда ты станешь моим жрецом, — устало отозвалась Лаитан. В ответ она получила ещё одну мерзкую улыбку, и ей показалось, что властелин действительно сильно старается сделать её наиболее отвратительной ради неё. Лаитан не впервой было встречать мужчин, готовых ради неё на многое, но упорно изображать наимерзейшие гримасы казались ей чем-то новеньким. Она чувствовала усталость властелина, но больше всего её беспокоило другое — она теряла силы слишком быстро. Пока что Лаитан списывала это на лес, чужеродную энергию и невозможность отдохнуть. Надежда оставалась на стоянку, сон и пищу, но если это не поможет... Если не поможет, тогда Лаитан придётся признать очевидное — сила не восстанавливается. А теряется так быстро и неравномерно, что даже подозрительно. Будто кто-то забирает ее, невидимо и неслышно.

Она переступила через конечность убитого животного и шагнула вперёд, в темноту, не совсем понимая, что делает. Хотелось сесть, а лучше бы, прилечь и выспаться. Солнце закатилось уже давно, или просто тьма леса настолько высосала её изнутри, что эта бесконечная темнота заставляла принимать день за ночь. Лодыжки Лаитан что-то коснулось, она попыталась отдёргнуть ногу, но цепкие жгуты впились в плоть, прорезая её до крови. Почуввав алое, трава и лишайники отшатнулись, но тут же набросились с новой силой со всех сторон. Руки, ноги, шея Лаитан оказались в тисках гибких трав, чьи острые листья резали плотную ткань и кожу в тех местах, где не осталось прозрачной чешуи. Панцирь из чешуек не поддавался, каркасом обнимая тело матери матерей и не продавливаясь дальше.

Рот залепили плотные мясистые листья, упавшие сверху на толстых стеблях. Лаитан повисла, будто муха в камне, не в силах двинуться или даже позвать на помощь. Стена темноты отсекала её от властелина и остальных, а к ней уже подбирались все новые и новые плотоядные травы и ползучие корни, на которых распускались тошнотворные цветы с острыми прозрачными зубами. Лепестки кровавого цвета схлопывались, будто разъявленные рты, пытаясь добраться до плоти Медноликой. Что-то кольнуло её сразу в несколько мест на шее и на бёдрах, в крови жрицы потёк яд, сознание затуманилось и собранные, будто ожерелье на нитку, слова заклинаний застыли в разуме, став вялыми и тусклыми, как все остальные мысли.

— Вот же... — чертыхнулся отвлѣкшийся на пару мгновений Морстен, помогавший варвару подняться. — Куда делась эта ваша госпожа? Отошла присесть под кустик? Здесь это может плохо кончиться...

Почему-то так получилось, что в тот момент, когда Лаитан исчезла, все смотрели в другую сторону. И это сразу показалось Гравейну подозрительным. Его чутье, хоть и улавливало слабую вонь смерти, но не ощущало её в достаточной концентрации, чтобы бить тревогу.

— Я почти не чувствую госпожу, — мрачно произнесла злющая Киоми, потирая одной ладонью висок, а другую положив на рукоять меча. — Ты заманил её в ловушку, исчадие тьмы! И...

— Я постоянно находился рядом с вами, — тяжело ответил сосредоточившийся на поиске Лаитан Морстен, — не заговаривайся. А то можешь докатиться до обвинения меня в потёртостях ног и укусах насекомых, цапнувших тебя за чувствительное место.

— Ш-ш... Заткнитесь оба, — шикнул Ветрис, не обращая внимания на то, кому он это говорит. — Там что-то есть.

Варвар указал в кусты, по левую сторону от дороги, и взгляделся, присев на корточки. В серой траве блеснула чешуйка отмирающей брони Лаитан. И Коэн поднял ее, показывая Тёмному, как монетку на ладони.

— Она ушла туда.

Морстен бросил им: «ждать здесь», и вломился в кусты, оставляя на них обрывки тёмного балахона, из-под которого тускло блестели кольца доспеха. Тратить силы на показуху он уже не мог, и не хотел. Золотая кровь, текущая в жилах владельницы, не отзывалась на поиск, словно её уже не было в живых. «Скорее всего, это экран, — зло подумал Гравейн, услышав, как за ним рванули варвар и служанка. — Вляпалась Мать, словно молодая ящерка. Даже я не знаю, что за твари тьмы тут водятся».

Поменяв параметры поиска с чуждой для его природы силы золотой крови на привычную тьму, он удовлетворѐнно кашлянул. Впереди и чуть справа, в небольшой низинке было скопление какой-то непонятной массы, похожей на раскинувшееся на много метров в стороны растение. От него исходила аура темноты и ощутимо воняло смертью.

Властелин темноты ускорился, веером хлеща на бегу лезвием меча по тугим ветвям. Под хруст и чавканье неожиданно мясистых стеблей он вырвался на ничем не примечательную прогалину, заросшую шевелящейся в полном безветрии травой и пушистыми кустами. Дерево, стоявшее посреди прогалины, привлекло его внимание сразу — неестественно раздутый ствол, покрытый крупными кожистыми листьями, казался живым и вызывал настороженность. Морстен резко переместился вбок, и не зря — несколько лиан хлестнули по тому месту, где он стоял, а трава, попытавшаяся заплести ноги, распалась жирным пеплом. Он здорово разозлился на бездумную кровожорку, разросшуюся в благоприятной для него местности Гнилолесья до размеров дуба, и, мгновенно оказавшись у ствола, взмахнул мечом.

Морстен целился как можно ниже, чтобы отделить ствол от корней, и со второго удара ему удалось перерубить проклятое дерево. Неожиданно тяжѐлое кровососущее растение, лишѐнное поддержки и опоры, завалилось назад, с хрустом и чавканьем выдирая длинные лианы из крон окружающих его мѐртвых серых деревьев. Из гладкого сруба, пронизанного волокнами-мышцами и кольчатыми сосудами, вытекала красноватая жидкость, ударившая по чувствам Гравейна растворенной в ней золотом Матери.

— Твою же мать, — понял всю глубину ситуации он, примеряясь, чтобы рассечь сокращающийся ствол погибающей кровожорки. Лаитан была внутри.

Варвар Коэн, вырвавшийся из объятий бьющейся в судорогах травы, и утирающий окровавленное лицо, подбежал, прихрамывая, к Гравейну, и обнажил свой меч. Киоми, рубившая брызгавшие красным кусты, вымещала на них злобу, и это было хорошо. Служанка могла все испортить.

— Не трогай, — коротко сказал Ветрису Тёмный, и несколькими тонкими разрезами обозначил выпуклость на стволе, все ещё дёргавшимся в агонии. Из раскрывшейся полости, поросшей острыми усиками, вывалилась бесчувственная Лаитан. Все её тело покрывали мелкие кровоточащие точки, кроме тех мест, где ещё держались чешуйки.

Морстен подхватил показавшуюся ему неожиданно тяжёлой Лаитан на руки, и шумно харкнул на истекающий кровью, перемешанной с жидким древесным соком, ствол плотоядного растения. Ветрис отшатнулся в сторону от мгновенно вспыхнувшего жарким бесцветным пламенем чудовищного обитателя Гнилоземья, и с уважением посмотрел на нахмурившегося повелителя Тьмы.

— Придётся сделать небольшой привал, чтобы остановить кровь, — мрачнее тучи, досадуя на задержку, ответил на незаданный вопрос варвара Гравейн, уже направившись к дороге. — И распутай Киоми, или как её там зовут. Деревья умирают долго.

Ветрис, которого задвинули на роль помощника служанки, рыкнул вслед властелину, словно волк на ускользнувшую добычу. Киоми, помогая варвару себя освободить, взъерошенная и расцарапанная, с застрявшими в волосах колючками, зло посмотрела на Ветриса. Она проследила его взгляд в ту сторону, куда унесли Лаитан. Потом их взгляды встретились, и внезапное понимание, проскользнувшее между ними, зародило союз, прочнее любых слов. Они оба чувствовали, что у них забрали нечто ценное и принадлежащее только им. Будущий супруг смотрел вслед своей невесте, а верная служанка и лучшая из воинов — вслед своей госпоже.

— Мне одной кажется, что властелин севера проявляет неожиданно много беспокойства для злодея и угнетателя? — осторожно высказалась Киоми. Ветрис, подавший ей руку, легко поставил женщину на ноги и ответил:

— Он бережёт свой вклад в поход и не хочет лишиться козырей до его окончания. Не верь, этот человек, если он вообще человек, может в любой момент убить каждого.

— Он как-то не похож на того, кто несёт её убивать, — ворчливо стряхнула с себя траву и корни служанка. Они снова посмотрели друг на друга, и варвар поджал губы.

— Лаитан знает, что союз с Долиной неизбежен. Тебе не о чем беспокоиться.

Он развернулся и зашагал прочь. Киоми, проводив его взглядом несколько секунд, пошла следом, тихо обронив:

— Да за ваш союз я меньше всего беспокоюсь, глупый ты варвар.

Лаитан поняла, что такое, когда уходит жизнь. Утекает вместе с кровью, впитывается в землю, кормит подземных червей и падаль, питает мёртвое живым. Она чувствовала, как иссыхает, как уходит из неё чёткость памяти всех её предшественниц, взывающих к ней и её силам, когда с каждой каплей они пропадали в пучине ненасытного растения. Матери матерей кричали беззвучно внутри Лаитан, разрывая её душу и стискивая голову тисками. Она пыталась ухватиться за образы в мыслях, удержать их, не дать им распасться, но те

утекали песками Империи сквозь мелкие проколы в теле Лаитан.

Самая яркая картина, смерть властелина, лицо наёмника, перемазанное кровью и сажей, занесённый меч для удара. Оружие взлетает над головой, падает вниз, рубящим ударом отшвыривая мать матерей прочь, ломая ей кости и дробя их. Чёрная сталь выпадает из ладони, но ещё остаётся второй клинок, ещё есть надежда. Искажённое злобой и ненавистью лицо противника, секущие удары, колющий сверху вниз, пока мать матерей пытается подняться на ноги, ускользая в обрывках теней в светлом от огня вокруг тронном зале. Оскальзываясь в лужах крови имперцев и чужаков, врагов и союзников, она пытается достать до кого-то рядом. Лицо служанки, первой и доверенной, мёртвые глаза цвета ночного неба, смотрящие в никуда, и длинная алебарда в её руках... Мать матерей ловит на рукоять второго клинка удар наёмника, отшвыривает его с диким рёвом, наваливаясь всем телом, зажимая измотанного врага, и наносит подлый удар снизу вверх чистой энергией золота, расплавленного металла, бьющегося в крови жрицы. Наёмник запинается и падает, она заносит над ним алебарду, целясь в сердце...

— Эй, глупая женщина весом с единорога, выспаться можно на привале, — раздался голос. Неприятный сначала, странный в конце фразы.

В рот полилось нечто невообразимо противное, обжигая глотку. Лаитан закашлялась, из глаз потекли слезы, она хватала ртом воздух, не в силах что-то сказать в ответ. Нутро жгло огнём, будто в нем плавал горячий вулканический камень.

— И постарайся удержать зелье в себе хотя бы пару минут, — добавил Морстен, смотря на бледное лицо Матери, на котором яркими пятнами выделялись зелёные глаза. Взгляд ещё оставался мутен, но он надеялся, что её скоро отпустит. Чем-то это напоминало его собственные погружения в память Замка... — Другого способа быстро восстановить силы и кровь у меня нет, а лекарей в этом лесу как-то не наблюдается.

Они так и остались на дороге. Ветрис с Киоми сидели неподалёку, о чём-то переговариваясь. Служанки и Безымянные, помрачневшие после исчезновения правительницы Империи, всматривались в окружающие заросли. Труп червя начинал вонять гнилью распада, и следовало бы сниматься поскорее. «Придётся нести, — подумал он. — И откуда в таком небольшом теле такой вес? Золото в крови — это лишь выпренное обозначение, но не буквальная же истина».

Гравейн ещё раз взгляделся в лицо Лаитан, пользуясь возможностью изучить её поближе.

— Я сражался тогда на твоей стороне, Мать. Но все наёмники носят короткие волосы, а залитые кровью доспехи похожи один на другой. Потому, когда меня добила ты своей алебардой, я... очень разочаровался, — тихо, едва слышно проговорил он, и в его словах не было привычного слегка издевательского тона. Была горечь, и к ней примешивалось непонимание, так и не развеявшееся за все эти годы. Ты не знаешь всей истории, и сейчас ещё не время об этом говорить, но у меня личные и очень давние счёты к Посмертнику. И к тебе тоже. Но тут сложнее. Мне кажется... ты не совсем похожа на себя. Слишком молода, слишком рьяно рвёшься вперёд. Недостаточно жестока. Слишком быстро устаёшь. Но последнее нормально — вдали от наших твердынь мы все становимся больше всего людьми. Даже твой ручной варвар, несмотря на то, что он пыжится изо всех сил. А вот твоя мягкость... с годами становишься циничнее и проще относишься к жизни.

Услышав его слова, Медноликая мысленно возмутилась. Она помнила, как все было, видела случившееся, и слова властелина, несомненно, были лживой попыткой перевернуть

правду, исказить ее в свою пользу. «Тьма никогда не врет, для нее в этом нет нужды, ибо правда ранит сильнее и вернее лживой, сладкой лжи», — вспомнились ей слова ее няньки о Тьме и северных пределах. Лаитан мысленно встрепенулась, но все ее естество отвергало глупые попытки властелина Замка обвинить ее в своей смерти. Он был жив, и это противоречило его словам, что бы там не случилось в прошлом с Посмертником и северной Твердыней. Он лгал, и это было очевидно для Медноликой. Но... Но где-то внутри кровь стучалась в висках, разгоняя сердце и учащая его ритм. Где-то внутри Лаитан отчаянно боролась с искушением спросить версию событий с точки зрения властелина. «Он лжет тебе, лжет! — кричали ее предки голосами матерей. — Тьма лжет всегда! Ты же помнишь, ты — это мы!»

Ты — это мы. И кто же тогда она сама? Кто такая Лаитан, если кроме олицетворения конца Империи ее имя не значит почти ничего? Если она — плоть от плоти таких же, как она, ушедших в историю и оставшихся в крови взвесью золота? Какая могла бы быть у нее судьба, случись ей родиться в любое другое время, любым другим человеком, самой по себе, без груза ответственности и принятия ее. Лаитан почувствовала себя пустым мешком, в который ссыпали по горсточке всех круп и прочих продуктов на дорогу. Важность оболочки для транспортировки еды никто не отменял. Без мешка путнику трудно идти дальше и носить свои вещи. Но вытряхни его на дорогу, съешь все припасы и износи одежду — что останется тогда? Рваная тряпица в пятнах сала или крови.

Морстен оторвал взгляд от порозовевших щёк Лаитан, закрывшей глаза где-то на середине его тирады. Она дышала размеренно, но слишком часто для спящей. «Притворяется». Он посмотрел на едва заметное сквозь серое и чёрное переплетение мёртвой листвы и ветвей небо. Едва изменившийся оттенок низких облаков подсказал ему, что скоро рассвет.

Он легонько похлопал её по щекам, а потом потянулся к шее проверить, как бьётся пульс. Но его руку остановила ладонь Лаитан, крепкая и уверенная.

— Не время избавляться от меня, властелин, — прохрипела она, — добить можно потом, если сил хватит.

Картины прошлого заставили Лаитан присмиреть и избавиться от напыщенного тона властительницы.

— Морстен, — добавила она. Имя пришло само, вместе с памятью предшественницы, вместе с кровью, вместе с обмороком. Она слышала, как его звали по имени. Где, когда? Тогда, сотни лет назад? Здесь и сейчас? Но тогда кто? Кто тут знал его имя, если его не знала даже мать матерей?

Он посмотрел на неё слишком долгим изучающим взглядом. А через секунды взгляд снова затянулся непроницаемой плёнкой цинизма и отрешённости. Кажется, он понял слова Лаитан по-своему. Особенно, когда она произнесла его имя. Тихо, слишком тихо даже для своих жриц. Он слышал ее, она знала точно, но понял по-своему. Лицо властелина выражало удовлетворение, будто он ждал, что она его вспомнит, чтобы слова о смерти не пропали даром, легли на благодатную почву, пробудили память. И чтобы месть, дрожащая в нем, будто биение чужого сердца, была слаще и дольше.

— Ветрис не мой ручной зверь. Он волк Долины, мой союзник в этом походе.

Лаитан обходила стороной слухи о помолвке. На это были причины. Ветрис предложил ей военный союз, но его слова теряли бы смысл, дойди они до океана и найдя там ответы и лекарство от чумы Посмертника. А ещё он предложил смешать народы, чтобы усилить их,

спасти от вымирания и грязнокровия браков с обычными людьми. Лаитан не хотела обрекать Империю на смерть, но она должна была умереть. Мать матерей не сказала «да», но она и не сказала «нет». Все зависело от итогов похода. Теперь, как ей казалось, не просто все, а что-то еще, чего она не могла пока понять.

Морстен ненавидел её. Ненавидел, но пока что нуждался в ней, бросаясь спасать и охранять. Ему это было по силам, да и смерть, как видела Лаитан, не берет человека дважды, если не участвует Посмертник.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Кто ты такая? — сузив глаза, все же спросил властелин, не надеясь на ответ.

— Я Медноликая мать всех матерей, Лаитан, жрица и Мастер Мастеров Империи, — сказала она, пытаясь встать. После спирта в зелье её шатало. Перед глазами все плыло и двоилось. Властелин толкнул её в бок, выравнивая положение тела в пространстве. Лаитан пошла к своим людям, где её подхватила подоспевшая Киоми, а Морстен зажал в кулаке одну из чешуек с тела Лаитан. Он чувствовал, что с ней что-то не так. Спрятав чешуйку подальше, он плюнул на поляну, оставив в месте плевка небольшую выжженную прогалину чёрной золы и пепла. Сунув меч за спину, он пошёл прочь, размышляя о своём.

Впервые за долгое время он испытал странное тягучее чувство неуверенности. Несовпадение памяти и поведения, странные слова о союзе с Долиной и уход от ответа о том, кто такая Лаитан — все это натолкнуло его на мысль, что Империя гораздо больше походит на химеру. На металлическую статую, покоящуюся на глиняном фундаменте, который подпорчен годами, дождями и ударами стихии. И стоит толкнуть её посильнее, и она рухнет, погребая под собой все остальные народы. Мать Матерей, сколько бы ей лет не было, была кровью от крови своей страны, в гораздо большей степени, чем все остальные владыки, завися от состояния дел в ней. Только Тёмный Властелин и, пожалуй, Посмертник были свободны от этой связи, установленной давным-давно, ещё до того, как образовались страны и союзы народов. У Морстена, являвшемся всего лишь очередной тенью на тёмном престоле, не было государства, но был народ. Повелитель Жизни После Смерти, как выпренно именовал себя этот выползок могильного червя, не имел народа, но охватывал своей прежде кратковременной властью весь мир. Если не лгал, конечно.

«Империя неизлечимо больна, — понял Гравейн, обернувшись к Лаитан, опиравшейся на руку Киоми и о чём-то с ней жарко спорящей. Голубые глаза Ветриса, стоящего рядом с ними, словно два клинка, резанули его взглядом. Варвар наклонил голову и обнажил клыки. Морстен выдержал угрожающий взгляд Коэна, не поменявшись в лице. — И её владычица страдает и гибнет вместе со страной. Долина, Трёхязычье, великая Степь, княжества Золотого пояса, сателлиты и данники Империи, города-государства Юга — они все на грани смерти. Мир умирает, медленно и постепенно. Словно кто-то выпивает из него жизнь, по капле, неощутимо. Посмертник? Неужели он так силен?»

На границе между ночью и моментом, когда краешек солнца показывается над горизонтом, сила тьмы усиливается многократно, хотя и не краткий миг. Он ждал этого момента, чтобы отыскать своих тхад, которых должен был перебросить сюда верный Замок. И он ощутил их далеко впереди. В эхе их простых мыслей были странные нотки, пахнущие поражением и позором. Далеко на севере пошевелился зверь-Замок, почувствовав прикосновение сознания своего хозяина-симбионта, но солнце встало над туманным краем мира, и связь прервалась.

— А, зараза... — Морстен поморщился, и, покопавшись в поясе, достал небольшую склянку. Глотнув отвратительной на вкус жидкости, он прислушался к себе, чувствуя, как снова наливаются силой и магией мышцы и кости тела. Теперь он мог без остановки отмахать чуть ли не полсотни лиг, и не испытать усталости. Все-таки, Мать Матерей, несмотря на все её попытки показать самостоятельность и силу, придётся нести. Остальные пока способны выдержать бросок.

Вернувшись к потрёпанному отряду, он объявил, морщась от горечи бодрящего отвара, оставшегося на языке:

— Мать Лаитан, времени у нас мало. Если в ближайшие часы мы не доберёмся до лагеря моих слуг, у нас не будет ни транспорта, что ещё можно стерпеть, ни отдыха, что уже печальнее, ни ресурсов и запасов, что почти смертельно. Я понесу тебя. Остальным придётся держать темп бега без перерыва. Отставшие могут попробовать догнать нас после.

Лаитан потеряла дар речи. Она бросила взгляд на варвара, но тот вместо того, чтобы оспорить решение властелина, просто смотрел на него ненавидящим взглядом. И только тогда, когда Морстен подхватил на руки Лаитан, Коэн опомнился и попытался встать между ними, но опоздал.

— Я сам справлюсь со своей будущей женой, властелин севера! — рыкнул он. Морстен одарил его таким насмешливым взглядом, что даже Киоми, обычно острая на язык, растерялась.

— С ней и сам мир мёртвых не справится, выплюнет обратно, как после ужина на дереве, — буркнул властелин и подхватил Лаитан на руки, прижимая к себе. Та попыталась было сопротивляться, но замерла, не ощущая привычного биения сердца за одеждой и броней. Воспользовавшись этим, властелин севера бросился прочь, уволасывая свою добычу, будто голодный дракон, тащивший к себе жирную корову на ужин.

Лаитан испытала двойственное чувство. Ей была противна сама мысль прикасаться к этому человеку больше необходимого, но слова варвара задели её самолюбие. Ветрис уже решил, что союз неизбежен. И не военный, а личный. «Не в этом ли была его цель? — подумала Лаитан. — Не его ли вообще это дело, с Посмертником и чумой? Как же все не вовремя сложилось один к другому, как же невовремя». Остальные бросились в погоню. Уязвлённый в самую суть гордости доличника, Ветрис мчался быстрее всех, за ним, отставая на полшага, бежала Киоми. Лаитан ощущала холод брони Морстена, но не слышала его сердца. Словно его не было вовсе. Но так не бывает. Если он мёртв, он должен быть на стороне Посмертника. Но он вступал против повелителя смерти, и это пугало Лаитан. Её страшила загадка и странные слова властелина о его прошлой гибели.

Острые ветки норовили хлестнуть по телу, разрывая одежду и тормозя бегущего человека. Руки владыки Замка были заняты, но Лаитан не требовалось рук, чтобы помочь и себе, и, что особенно отвратительно, властелину. Она соткала из воздуха, который отдавал гнилью и порчей, прозрачную сферу и опустила её над головой. Ветки отскакивали прочь, трава и ползучие лианы приминало к почве невидимой силой, воздух, стоячий и густой, рассекался о преграду. Но вскоре деревья кончились и начался подлесок. Мелкие деревца и кустарники, переходящие в высокую траву и редкие группки стоящих тут и там сплетённых в вечном поцелуе могучих стволов без листвы. Блеснувшее за пеленой Гнилолесья солнце, высветило на небе тёмные крылья приближавшихся существ. Киоми что-то закричала, взмахнула рукой. Ветрис выкрикнул призыв к своим людям, и рядом с ним тут же появились

Безымянными, сверкая клинками и накладывая толстые стрелы на тетивы луков. Лаитан посмотрела вверх, взгляд скользнул по шее Морстена, задержавшись на тонком темном шраме поперёк горла. Медноликая сглотнула слюну, горькую после зелья и такую же тягучую.

— Птицы! — крикнула она ему. — Сверху!

Морстен не отвечал. Впереди показались спасительные заросли леса, прогалина должна была скоро кончиться, но птицы были быстрее.

Первые стальные перья упали вниз, заставив группу людей рассыпаться по местности и начать петлять на бегу, как зайцы. Острые, ядовитые клинки безупречно-серого цвета врезались в землю, зарываясь в неё почти полностью. Те, кому не посчастливилось попасться под них, умирали в жутких муках, пригвождённые к земле, будто букашки на иголках. Помочь им было уже невозможно. Лаитан, поняв намерения властелина, собралась с силами. Пусть идти или бежать она была не в состоянии, но магия в ней ещё оставалась. Она крикнула приказ Киоми, и та жестами и звуками собрала сначала своих людей, а затем и варваров.

— Мы все подставимся под один удар! — крикнул Коэн Медноликой. — Зачем ты хочешь погубить нас, великая мать?

Лаитан не ответила, раскинув руки в стороны и накрыв куполом энергии всех людей. Стальные перья процарапали невидимый купол и соскользнули вниз. Едва атака повторилась, купол прогнулся и начал проседать. До леса оставалось совсем немного, птицы кружили над бегущими людьми, щелкая клювами и топорща новые стальные острия перьев. Лаитан запела. Сначала тихо, потом — все громче и сильнее. Её голос со словами древнего напева летел прочь, уносимый ветром, поднимался вверх и сплетался в кружево. Толстые браслеты на руках налились жаром, потяжелели и сдавили руки до локтей. Лаитан скрестила предплечья и чиркнула звонким металлом о металл. Вспышка золота, поднявшаяся вверх, ударила в птиц с такой силой, что их расшвыряло на многие лиги в стороны. Щит лопнул, жрица устало хватала ртом воздух.

Властелин бросил на неё взгляд, в котором читалось его мнение о глупости поступка Лаитан и попытке спасти остальных. Жрица ответила ему взглядом медно-золотистых глаз, из которых пропала на время вся их зелень. Медь оседала, золото осаживалось в крови, и взгляд снова стал похожим на человеческий.

— Глупо, — покачал он головой. — Лишняя трата сил. Мы бы успели добраться до леса.

— Ты не думаешь о других, и в этом твоя ошибка, Властелин Севера, — проговорила Лаитан. Её мутило от усталости и траты энергии. Запасы тела подходили к концу, и ещё пара таких фокусов грозили оставить Империю без своей Матери несколько ранее, чем планировалось. — Мы с тобой бы успели. Ветрис и Киоми — наверняка. Но почти два десятка сестёр и братьев...

— Какое мне до них дело? — с немалым удивлением спросил Гравейн, внимательно вглядываясь в глаза Лаитан. — Они сами могут о себе позаботиться. Увернуться от перьев не так сложно, как кажется, а под полог леса птицы не сунутся.

— Но лес скоро кончится, — упрямо ответила Медноликая, — и что нам делать потом, сидеть и ждать?

— Нет, плевать на косточки, — зло ответил Морстен. — У меня целый пакет в подсумке, — он заметил недоуменное выражение в глазах Лаитан, и пояснил на ходу: —

небольшие косточки снежной лозы, попав в тепло тела, моментально оплетают его. Птицы очень горячие, и лоза спеленала бы их мгновенно.

— Тёмный властелин, увлекающийся растениеводством, — хмыкнула Мать Матерей, прикрыв глаза от усталости и подступившей к горлу тошноты. — Надо же.

Морстен ничего не ответил, только прибавил шаг, стараясь не трясти свою ношу. Он уже ощущал своих верных тхади, и сильные колебания силы ездовых уккунов. Эти мохнатые зверюги с торчащим из лба рогом, использовавшиеся на Севере вместо лошадей, волов и быков, а также — как резервный источник силы, сейчас были обеспокоены и напуганы.

Под ноги Гравейну шаг за шагом ложились отрезки пути, прочные сапоги отталкивались в размеренном ритме бега от камней древней дороги, корней деревьев, чьих-то костей и куч земли, разрытой неведомыми животными. Позади него слышалось свистящее дыхание бегущих бок-о-бок Ветриса и Киоми, а за ними уже тянулись цепочкой варвары-безымянные, помогающие служанкам Лаитан. Властелин на бегу отслеживал окружающую ситуацию, и размышлял, кто посмел напасть на хорошо вооружённых тхади, которых было больше сотни. Вряд ли это были звери, пусть даже и поддавшиеся порче Посмертника. Мысль перескочила на Лаитан, которая вела себя не совсем так, как он ожидал от Мастера возрастом в несколько тысяч лет.

Морстен почувствовал, что он что-то не учёл, или ошибся в предпосылках, но размышления прервались ярким солнечным светом, ударившим в глаза. Они вырвались из-под серого полога леса, стучавшего помертвевшими ветвями за спиной. Перед ними расстиралась заросшая высокой травой с синеватым отливом низинка, посреди которой возвышались две невысокие скалы, источенные ветром и дождями. Между ними и располагался ближайший к океану выход тёмного пути Замка.

Между красноватыми скалами, окутанными сероватой дымкой, стоял наскоро возведённый частокол из обугленных для прочности стволов деревьев Гнилостного леса. Орки тёмного Властелина, приходя куда-либо, обустривались на совесть, и не зря. Вокруг частокола, оставив полосу вытоптанной травы, колыхалась какая-то белёсо-серая масса, показавшаяся Морстену одним целым. Но приглядевшись и втянув воздух носом, он выругался, сильно потрянув Лаитан:

— Жезл Океана мне в зад! Твари Посмертника.

Сражение у форта

Лаитан почувствовала, как её сбросили вниз, словно бурдюк с прокисшим вином. Изогнувшись, будто животное, она приземлилась на четыре конечности как раз в тот момент, когда над её головой просвистел клинок властелина, срезав ей кончики кос. Не успев даже обругать Морстена, она оказалась в окружении своих жриц и воительниц Киоми, которая держала в руках оружие. Черные длинные косы ее первой служанки лаково поблескивали под лучами солнца, ярко вспыхивая множеством золотых и медных колечек, вплетенных в волосы. У матери матерей не было привычки иметь свое личное оружие, кроме кинжала и небольшого ножа, которые бы чем-то отличались от прочих. Её уделом было Мастерство, а не сила меча или ножа, для этих целей она и окружила себя воительницами. Варвары тоже встали кольцом вокруг Ветриса, и только властелин севера остался один, добывая ещё несколько тварей, прибежавших на новый запах.

Остальная масса должна была вот-вот почуять их и разделить фронт надвое. Тхади повелителя, опознавшие в госте своего хозяина, улюлюкали за стеной, уже начавшей открываться провалом ворот, чтобы выпустить отряд поддержки.

— Пойте, жрицы! Пойте, сестры! — крикнула Лаитан и первой затянула грудным тембром начальные строки ритуальной молитвы. — Мы вернули себе дар светила, мы вернули себе возможность видеть его, покинули Гнилолесье! Пойте, жрицы, пойте, сестры, как не пели никогда, как пели бы в мою честь! — добавила она. Голоса, вплетавшиеся в песнь, стали громче и слаженней. Воительницы Киоми взяли жриц в кольцо, отсекая и Лаитан от того, что происходило вокруг. Сила, вернувшись с лучами золотого двойного светила, наполняла свежестью тело и разум, грела кровь и плавила в ней золото силы.

Твари бросились от стен укреплений на отряд прибывших. Киоми погребли под грудой из трёх возрождённых, но вскоре она пробилась себе путь обратно, выкатившись из распоротого живота мёртвого существа, некогда бывшего медведем. Тхади рубили возрождённых, как заросли кровожорки, методично и споро уничтожая прибывшую угрозу и оставляя в её рядах стройные просеки. Лаитан больше не присутствовала в этом мире, не видела и не слышала ни властелина, ни варвара, ни своих воительниц. Она была пульсирующим сердцем своих жриц, протянувших к ней линии силы от себя, питаясь ею от светила. Лаитан вбирала потоки слишком быстро, будто изголодавшись и не успевая удивиться, почему это так. Немного насытившись, Медноликая сплела из энергии жгут силы и направила его во врага.

С неба ударил гром. Чистые лазурные купола над головой затянуло свинцово-черными тучами, в которых, будто кровь под кожей, бились, подсвечивая тонкий пергамент, толстые разряды. Беременные облака сгустились, соединились, обнялись друг с другом, принимая к себе остальных, и первые капли дождя пролились вниз, на тварей Посмертника. В следующий момент небеса разверзлись и окатили их водой с головы до ног. Упавшие следом разряды кривых толстых молний испепелили треть прибывших врагов. Строй жриц пошатнулся, несколько безвольно обвисли в руках стоящих рядом подруг. Твари взревели, бросаясь в новую атаку. Тхади почти добрались до своего вождя, когда сзади, обойдя форпост укреплений, подоспели новые твари Посмертника. Теперь это были люди, от которых мало что осталось. Тхади были вынуждены развернуться и начать отбивать уккунов от новой угрозы. Прибывшие свежие силы врага будто ждали такого развития боя, чтобы

выманить тхад из укрепленного стойбища и ворваться туда, чтобы истребить животных. Кто-то кричал. Крик пробился даже сквозь опьянение трансового сосредоточения, едва не выбив Лаитан из него. Энергии скользнули прочь из рук, опалая кожу, вниз ссыпались десятки сожженных чешуек.

— Пойте, сестры, — шёпотом просила Лаитан. Её следующий удар сковал мокрых и выживших противников льдом, запечатав внутри прозрачных блистающих саркофагов. Черно-красные тучи, выплюнув вниз ещё несколько молний поменьше, начали рассеиваться, а налетевшие порывы ветра уносили прах, пепел и голоса сражающихся прочь.

Звон стали о сталь тонким звуком носился над полем битвы, смешиваясь с ревом ветра, вызванного магией златокровых. Варвары истребляли врага с гортанными криками, тонувшими в переполохе стихий и предсмертных криках бьющихся за свою жизнь противников. Жрицы выводили стройные молитвенные хоралы, и их голоса, поднимаясь к небу, пронзали пространство силой, отбрасывая волны нелюдей в разные стороны. Стихии, почти не подчинявшиеся уставшей Лаитан, выходили из-под контроля, отнимая жизни и сознание у жриц. Воительницы Киоми, разбившись на отряды по двое или трое, точными ударами разметывали по полю схватки врага, объединяясь для удара только на крупных и особенно опасных зверей. И лед сменялся кольцами пламени, огненными змеями душащим в своих объятиях врага. Невыносимый ужас смерти, вонь разложения и стремительность атаки ошеломили Лаитан, едва ее транс немного спал. Концентрация была утеряна, и теперь все, что ей оставалось, держаться, чтобы не упасть под ноги кому-то из своих, скованной паникой и ужасом происходящего.

Ветрис, оказавшийся на фланге атаки мёртвых тварей, выстроив круг со своими безымянными, погрузился в кровавую гущу боя. Все его мысли сосредоточились только на том, чтобы рубить, колоть, и отбрасывать ещё дёргающиеся тела прочь. Пусть вместо честной крови брызжет какая-то жижа, запах которой может свалить с ног здорового человека, пусть эти уродливые создания, несущие на себе отпечаток Посмертника, умирали окончательно лишь после полного отделения голов от туловищ — варварам не привыкать сражаться. Даже если надежды на победу не было бы.

Но здесь можно было надеяться. Полчища, казавшиеся по первому взгляду неисчислимыми, таковыми не были. Посмертник собрал здесь, пожалуй, большую часть лесных тварей и умерших в окрестностях леса людей. И Ветрис Коэн засмеялся, ударом клинка располосинивая отвратительного полусгнившего волка с торчащими из пасти клыками. Он понял все преимущество путешествий по безлюдным местам в эпоху чумы Владыки Смерти.

Долинцы слитно шагнули назад, оставляя набросанный перед ними курган трупов, и замедляя натиск возрожденных, вынужденных карабкаться на неожиданное препятствие. Кто-то из безымянных, стоявший позади, поднял руку, и в показавшихся на гребне вала из тел существ полетели тонкие блестящие полоски прочнейшего серебра, разрывая мёртвую плоть в клочья, черневшие под лучами солнца.

Коэн, пользуясь небольшой передышкой, огляделся, выхватив из сумбурной толчеи поля боя основные центры сил. Полыхание молний и солнечного жара Лаитан невозможно было перепутать ни с чем, после её ударов в рядах ревуших врагов оставались широкие дорожки, полные пепла и испаренной плоти, туманом уходящей к небесам. Укрепления отвратительных клыкастых орков, внутри которых стонали животные, о которых упоминал

Темный, пока держались, но зеленокожие рано предприняли вылазку, и им ударили в тыл.

Морстен же в одиночку отразил удар основной массы врага. Ему достались несколько ободранных туш, опознать которые не смог бы даже Замок. Измененные до неузнаваемости, и напомнившие омерзительных китов, выползших из океана на берег, звери с пульсирующими мешками на спинах извергали потоки зеленой жижи, направляя струи перед собой. Перед мешками сидели уже знакомые по предыдущим столкновениям человекообразные бестии с широкими пастями, полными тусклых игольчатых зубов. В когтистых лапах они сжимали ржавые мечи и стрекала, которыми подгоняли своих ездовых чудовищ, отравлявших перед собой землю.

Брызги яда, от которого трава жухла на пару метров, а земля моментально серела, покрываясь белесым налетом, попали на рукава балахона Гравейна, растворив ткань, словно бумагу. Обнажившиеся кольца доспеха выдержали, окутавшись дымкой, но кожа самого Властелина по прочности уступала металлу. Он ощутил ожог и онемение там, где яд соприкоснулся с его плотью, но двигаться это не мешало, нужно было лишь беречь глаза. Морстен отскочил назад, упираясь каблуками своих горных сапог в податливую землю, и резко рванулся вперед, пригнувшись и совершая броски из стороны в сторону. Несколько струй могильного яда прошли над ним, только обрызгав одежду и доспехи. Одна капля скользнула по лицу, словно раскалённая лава, и в следующий момент он добрался до первого зверя. Вблизи его морда напоминала тюленью, если бывают такие тюлени с загнутыми клыками длиной с меч. В вытекших глазницах копошились черви, а из пасти торчали кожистые черные трубки, пульсирующие ядом.

Гравейн запрыгнул на клык, пнув зверя в ухо, и, хватаясь за костяные выступы на маслянистой шкуре, облезавшей клочьями, сноровисто забрался наверх. Возница, ткнувший его стрекалом, получил раздражённый плевок Тёмного Властелина, от которого окутался черным дымным пламенем, и рухнул, визжа, вниз, под очередной выплеск разлагающей всё субстанции. Морстен, тихо зверея от давящей вонии Посмертника, которой пропиталось все вокруг, окинул взглядом насест погонщика этой твари, напоминавший небольшой пенёк, обратив внимание на залитый серой жижей провал, в котором пульсировали какие-то бело-жёлтые комки. «Нервные узлы», — неприятно улыбнулся Гравейн, и глубоко вонзил меч в углубление, пропустив через тёмное лезвие несколько импульсов силы, чтобы выжечь напроочь мёртвые мозги этой невообразимо отвратной ему твари.

Туша, зашатавшаяся под ним, издала великанский хрюкающий вопль, от которого Морстен покачнулся, зажимая уши. Морщась, он побежал к хвосту сухопутного тюленя, прорезая на ходу пульсирующий мешок, из которого вырывались потоки яда, со шкворчанием испарявшие студенистую плоть твари. Соскочив на землю, он убил ближайших к нему восставших, и обернулся к другой ядоносной твари. Как раз вовремя, чтобы увидеть, как её разносит упавшая с небес молния, оставившая после вспышки только обугленные ребра, торчащие вверх.

Со стороны оврага, уходящего вдаль под землю, донёсся тонкий звук, напоминавший перестук камней. Властитель Севера насторожился, отбиваясь от навалившихся на него мертвецов, охранявших ядоносцев, но тут к нему подоспели пробившиеся сквозь врага тхади, которым в тыл ударили обошедшие форпост восставшие люди... И стало не до стуков. Все-таки яд действовал даже на Морстена, вызывая ощущение, словно его приложили деревянной колотушкой по затылку.

— Удерживать лагерь! — заорал он сотнику-орку, чей чёрный шлем с орлиными крыльями появился за спинами тхади-мечников. — Удерживать, клянусь Тьмой! Послать два десятка на помощь долинцам и прикрыть жриц Империи!

— Сражайся с честью! — проревел в ответ сотник, тот самый, что докладывал ему на мосту Замка о пойманных лазутчиках Долины. Казалось, это было много лет назад. — Да, господин. Но без тебя мы не справимся. Нам нужно слово Тьмы. Солнце слепит.

— Будет тебе слово, — проворчал Морстен, чувствуя, как его исчерпавшиеся были запасы сил снова растут. Рядом с тхади, верными служителями Темных, это было немудрено.

И Повелитель Замка прикрыл глаза, окружённый своими солдатами. Вокруг них едва заметно задрожала земля, из которой вытекали частицы темноты, сливавшиеся в одно подвижное облако, покрывшее пробившийся к Повелителю отряд, и потёкшее в нескольких направлениях — к лагерю, в сторону взятых в кольцо варваров, и к сияющему золотом кругу жриц Империи. Солнце, сиявшее в небесах, казалось, потускнело, и обрело тёмное кольцо вокруг своего диска.

Двойное солнце, окружённое чернильным кольцом, словно драгоценный камень — оправой, отпечаталось на мысленном взоре Лаитан. От увиденного она сначала отшатнулась, заметалась внутри себя, как от знака проказы и чумы. Золото, облитое тьмой, как знак при её рождении, что появился в картах и на камнях волхвов Империи. Но это и натолкнуло Медноликую на то, чтобы смотреть до конца.

Ей нечего было терять, она знала это точно, и потому взгляд на картину светила в чёрном круге уже не вызывал ужаса и страха, он притягивал взор, давая возможность увидеть красоту запрещённого, неведомого ни одной матери матерей за всю историю Империи.

Солнечный свет, лившийся во все стороны от круга жриц, собрался столбом и поднялся вверх, едва тьма окружила женщин. Рядом с ними в небеса поднялся такой же серебряный колосс, знак того, что произошло и с варварами Ветриса.

Посмертник остался на своих позициях руками и клыками его подданных, но тьма расползлась дальше, пожирая и отрывая попавших в неё тварей. Их сухие обветренные кости высыпались на землю там, где проползал неспешный тёмный водоворот. Однако, сил у властелина севера не могло быть так много, чтобы победить в одиночку.

Лаитан забеспокоилась, круг поющих жриц распался. Две упали замертво, остальные либо сели на землю, либо остались стоять столбами, глупо таращась в никуда. Сила ушла, оставив на донышке себя для тех, кто мог ею насытиться. Лаитан не могла. Она сделала шаг вперёд, и под её ногами прошуршало что-то прозрачное. Чешуйки, осыпавшись с кожи, ровными горстками собрались под ногами. Лаитан ощутила себя беззащитной, словно её броня разом спала, оставаясь на теле только отдельными клочками дублёной кожи или кольцами кольчуги.

И в этот момент от горных пиков скал донёсся звук глухого утробного рога. Лаитан подумала, что ей пригрезилось такое. Но звук снова разлился над полем боя, нарастая и набирая силу. Через несколько минут звуки сечи и хлопки воздуха в местах магических ритуалов сменились на зычный рык и рёв, идущий от небольшого конного отряда, соткавшегося словно из ниоткуда.

— Дварфы, госпожа! — крикнула Киоми, на лбу которой сочился кровью огромный порез. — Дварфы пришли на помощь!

Лаитан устало кивнула. Глаза слипались, сил держаться на ногах не осталось, но и

упасть в этот момент она не могла.

Отряд дварфов верхом на своих коренастых ездовых животных, походивших на приплюснутых лошадок или бегемотов, на чьих головах ветвились рога, врезался в толпу последователей Посмертника, даже не замедлившись.

Топоры и секиры крутились в руках малорослого народа так стремительно, что позади них прочь вылетали только отдельные куски восставших. Дварфы перемалывали противника, на ходу разворачиваясь всем строем, меняя направление и не позволяя разбить себя и разделить колонну. Их животные рвали рогами и давили копытами врага, а наездники проходили из стороны в сторону, перемалывая остальное. Кольца тьмы подобрались с земли и потекли к своему хозяину, собираясь вокруг воронкой урагана. Тхади вернулись в укрепление, уводя прочь тех, кто не мог идти сам. Дварфы избегали темных полос света, стараясь не попадаться под них и не направлять туда животных. Властелин севера, осознав, что происходит, постарался увеличить площадь, доступную для сечи дварфам. Пройдя клинком из вращающихся топоров по местности, дварфы отступили, на ходу выдёргивая жриц и воительниц Лаитан, чтобы оттащить их в безопасное место. Ветрис остался в окружении нескольких своих безымянных, двинувшись вслед за тхади и дварфами. Киоми осталась с Лаитан, помогая ей идти, но мать матерей шагала слишком медленно, а служанка не могла смотреть во все стороны одновременно.

— Мы уладили наши споры, мать матерей! — крикнул ей тот самый дварф, который остался во дворце Трёхязычья. Его фыркающий конёк бил копытами землю совсем рядом.

— Зачем вы пошли за нами? — спросила Лаитан, перекрикивая стоны и звон клинков. Дварф сдвинул брови.

— Твоё дело уже не только твоё. Мир обречён, а мир — то и мы тоже. Вы думали, поганый колдун пришёл только к вам? Вы топчете наши макушки тысячи лет, жрица! — возмущённо ударил себя кулаком в грудную пластину брони дварф. — У нас проблемы начались раньше. А теперь я и мой народ, всё, что от него осталось, считаем своим долгом присоединиться к тебе и твоим людям. Мы должны объединиться, если хотим выжить и спасти хоть клочок этого мира!

— Это... все? — опешила Лаитан. — Все выжившие? — она указала на скакунов дварфов. Её собеседник погрузился.

— Это всё, что осталось от моего народа, жрица. От всего моего народа. Возможно, где-то в Долине или в других местах живут наши двоюродные братья, но тут все, кто остался. И мужчины, и женщины, и дети.

Лаитан честно попыталась понять, кто из них кто, но не смогла. Все дварфы были похожи друг на друга, и отличить ребёнка от взрослого в седле было невозможно. Тем более, когда над головой свистит топор или секира. Она кивнула дварфу и пошла дальше, опираясь на руку Киоми, когда рядом не было врага.

Дварфы буквально втащили их за стены укреплений, собираясь задвинуть толстую щеколду. Отряд тхади до сих пор окружал властелина, медленно продвигающегося в кольце тьмы к воротам. Число противников уменьшилось, но они ещё не сдались окончательно.

— Где остальные? — спросила Лаитан. Ветрис появился рядом, отбросив мокрую от пота светлую прядь со лба.

— Мы здесь, владетельница, — сказал он, сунув клинок в ножны со звоном.

— Где властелин... Морстен? — спросила Лаитан. Ветрис сморщился, едва уловимо и почти незаметно.

— Ещё за воротами, владетельница. Что ему сделается? Он же бессмертный, в отличие от нас, — добавил он презрительно. Лаитан молча отодвинула руку Киоми и пошла к воротам.

— Госпожа, куда вы?! — забеспокоилась служанка. — Он справится сам, он же властелин севера, тёмный владетель!

— Мы пришли вместе, мы уйдём вместе, — твёрдо сказала Меднолика, пока ноги сами несли её к воротам. — Или останемся там. Все вместе.

— Госпожа, да что вы такое говорите? — удивилась Киоми. — Мы же имперцы! А он — наш враг!

Лаитан обернулась к ней и посмотрела в лицо.

— Нет никаких «нас», нет «их». Дварфы пришли к нам на помощь, потому что поняли это раньше. Пора и нам понять, Киоми, что одни мы не справимся. Будь мы Империей, Замком или даже Долиной с их умершими вождями. Больше нет нас и других, есть мы. И если мы оставляем союзников, они оставят нас.

— Да он только и ждёт этого, — зло прошептала служанка. Лаитан промолчала.

Ворота сооружённого вокруг точки выхода из Тёмного Пути форпоста были обуглены не только потому, что так привыкли строить тхади, но и от многочисленных мелких атак, после которых приходилось уничтожать заразную мёртвую кровь очистительным огнём. Уккуны ревели внутри загона, приветствуя знакомый поток силы, исходившей от владетеля. Но открытые ещё недавно створки из цельных стволов были закрыты, и тхади ненадолго дрогнули, но смолчали.

Морстен, прищурившись, заметил над заострёнными брёвнами гладкие шлемы синеватой стали, и торчащие двуручные секиры дварфов. «Занять единственное укрытие. Разумно. Не впустить внутрь Властелина Тьмы, сражающегося в одиночку с остатками армии противника. Предсказуемо, — ощерился он, колеблясь между приказом атаковать свою же крепость и стоять насмерть. — Но врага можно перемолоть, а ворота отпереть. После. Тьма, как же тяжело. Как всегда, стоило сделать добро, и сразу прилетела благодарность от союзничков...»

Он пошатнулся, и посмотрел в небо. Солнца вставали к полудню, и тёмное ожерелье вокруг них истончалось с каждой секундой. Скоро его силы, подпитываемые жизнями немногочисленных тхади, закончатся, и он снимет Слово. Чтобы не тратить понапрасну солдат. В любом случае, Тьма своё дело сделала — перепаханное поле битвы было усеяно костями и прахом, а восставшие из могил, окружившие его сотню, уже не прибывали.

— Стоять насмерть, господин? — прорычал сквозь звон мечей и скрежет когтей по доспехам сотник, отражая высоким щитом прыжок мелкой, но юркой твари размером с кролика. Длинные когти проскрипели по темной стали, и располовиненный зверь упал к ногам Морстена, по привычке плюнувшего на труп. Вонь сгоревшего гнилого мяса отрезвила.

— Медленно отходим к воротам, — приказал он, отсчитывая последние секунды Слова. Из-за скопища тел, обычных и искаженных, вылетела стайка длинноногих псов, усаженных шипами, и пронеслась по головам напирających на прогнувшиеся ряды тхади мертвецов. — Держать строй!

Небольшие твари размазались в прыжке, преодолев стену щитов первого ряда, мечи и копья второго, и истончившуюся донельзя завесу благословенной тьмы, разорвав глотки

сразу трём воинам-ветеранам, перезаряжавшим тяжёлые арбалеты. Морстен, бывший ближе всего к рычащим и роняющим хлопья серой пены собакам, отмахнулся от них мечом, срубив две головы из трёх, но последний зверь, которого клинок лишь чиркнул по груди, вцепился Гравейну в левое предплечье.

Поднятый силой Посмертника пёс целил в глотку. Морстен подумал, что в этой, в общем-то, бестолковой стычке было много моментов, когда за действиями мертвецов угадывались осмысленные решения. Тактические решения. Словно кто-то управлял ими, подсказывая, где лучше ударить, а где обойти врага.

«Остаётся благодарить Отца, — невесело скривился он, возвратным движением клинка разрубая брызнувшее гнилой кровью тело пса, и стряхивая разжавшую челюсти голову на землю, — что Посмертник прежде всего Мастер, и плохо разбирается в механике сражений. Я бы с этими силами взял приступом Долину, а он положил всех в одной мясорубке с неполной сотней тхади».

— Сомкнуть ряды, кхабалги! — выругался сотник, вставая во второй ряд, и прикрывая собой господина. — За Север!

Сразу два мертвых зверя прыгнули на властелина с двух сторон. Синхронно и одновременно разинув пасти и оттолкнувшись от земли, они пронеслись над головами тхади, целясь в голову и глотку Морстена. Рука болела и потеряла чувствительность, а одним мечом, пусть и с пятисотлетним опытом, расправиться сразу с двумя псами он бы не успел. Когда вонь разложения ударила в ноздри, Морстен присел на корточки, позволив зверям вцепиться друг в друга и покатиться под удары клинков своих тхади. Вскочив на ноги, властелин успел заметить, как прямо ему в лицо летит нечто шипастое и колючее, словно надутый пузырь с иголками. С длинными и ядовитыми иголками. Гравейн плюнул, почти не надеясь на попадание. Однако, его слюна коснулась игольчатого тела, и в этот же миг его снесло в сторону ударом брошенного топорика, который кто-то метнул в угрозу от стен укреплений.

Шагавшие слитно, как один, тхади, уперлись задними рядами в ворота. Створки, дико скрипя, разошлись, и оттуда вывалились спешившиеся дварфы, построившиеся в небольшой клин. Одновременно с тем над частоколом глухо захлопали тетивы луков и арбалетов, посылая сверкающие чёрточки болтов и горящие стрелы через головы поредевшего отряда Морстена. Сам он, несмотря на то, что левую руку жгло огнём до самого плеча, сражался в первых рядах.

Тьма давно исчезла, вернувшись в породившую её землю. Под ярким жаром солнца гниlostные уроды Посмертника погибали от темных мечей тхади, заливая порченой кровью злосчастное поле. Гвардия северянина притомилась, и уже не выкрикивала оскорбления в адрес бессловесного врага, и рубилась молча.

Морстен едва не отмахнулся мечом, когда ощутил сзади чужое присутствие. Но, развернувшись, и стряхнув с лица капли пота, ему пришлось опустить взгляд вниз. Дварф в надвинутом на самые брови шлеме посмотрел на него угрюмым взглядом светлых серых глаз.

— Гуррун, — буркнул он, ударив себя перчаткой в нагрудник. — А ты, стал быть, Чёрный Властелин?

— Морстен, — без лишних церемоний выдохнул Гравейн. — Будем сражаться, или разговоры разговаривать?

— Кажется, мы сработаемся, — ухмыльнулся дварф в топорщащиеся под носом

картошкой седые усы, и перехватил секиру поудобнее. Ну, Морстен-горстен, подвинься, сейчас мы покажем тебе, как надо биться. Гуррун хадб-шаггазад, ха!

«Гуррун начал путь славы, — перевёл Морстен, пропуская небольшой клин закованных в тяжёлые доспехи и от того казавшихся кубическими подземных воинов. Секиры, топоры и широкие мечи в их руках казались налитыми синевой, и, едва прикоснувшись к телам противников, буквально размылись в движении, разрубая плоть так же легко, как воздух. — Хорошо идут. Надо помочь».

— Держать центр, — ударил он по плечу сотника, не обращая внимания на боль в руке. — Сейчас dwarфы разрубят их строй пополам. Потом нам придётся ударить на левый фланг...

Лаитан не видела, как закончилось сражение, оставаясь за стенами укрепленного пункта. Крики и боевые вопли dwarфов сливались с диким рычанием тхади и зверей Посмертника. Перемазанная сажей, землей и кровью, Медноликая сидела на земле, пока кто-то пытался обработать ее ожоги и рваные раны, оставшиеся после того, как с ее тела отодрали особенно толстые и массивные браслеты и обручи. Сила, пропущенная Лаитан сквозь украшения, расплавила их, и теперь они частично обвалились вместе с плотью, причинив нестерпимую боль, сводящую с ума и затуманивавшую разум. Кое-какие браслеты уцелели, но их древние рисунки и гравировка стерлись, сделав их бесполезными кусками бронзы и золота, годной только на монеты или украшения. Глубоких ожогов было всего два, в тех местах, где металл косался голой кожи, не защищенной переливающейся чешуей. Чешуйки под браслетами тоже потемнели, сплавившись в единую корку, но пока держались, уродливыми набухшими наростами выпирая на коже. Рваная одежда висела лохмотьями, облепляя тело, но все это колебалось неверной дымкой мыслей где-то позади сознания. Сквозь боль и отупение, бессилие и потерянность от пережитого ужаса пробивалось неожиданное чувство беспокойства за тех, кто оставался за стеной до последнего. Поймав себя на этом новом для себя ощущении, Лаитан уговорила себя, что ее волнует судьба Гурруна, а не Морстена, но ее глаза все искали и искали среди тех, кого заносили внутрь после боя тело властелина. Взгляд перебегал с одного покойника на другого, когда тхади отбрасывали плащи и тряпки с лиц своих братьев, чтобы опознать их перед отходной.

Гравейна внесли последним. Он был жив, но огромный тхади-сотник, протащивший его мимо Лаитан так быстро, словно нес нечто горячее, даже не удостоил ее ответом, когда она спросила его, что произошло.

— Он вернулся последним, — тихо произнесла Лаитан, когда ее служанки закончили отковыривать от нее куски браслетов и накладывать успокаивающие повязки на ожоги и порезы. Рядом с Лаитан собрались ее люди и варвары, кто-то уже запалил костер, и жаркое пламя лизало поленья, трещавшие в нем, словно старые сухие кости под ногами путника. Гуррун, почесав повязку, пересекающую его лысую голову, высморкался в костерок, зыркнув в сторону открывшей было рот Киоми, и посмотрел на сотника-тхади, устало сидевшего на каком-то деревянном коробе. Черные латы тхади были измяты и избиты, а заклинивший наплечник он отстегнул и положил рядом со шлемом.

— Где Морстен? — грубо спросил dwarф. — Я его так и не успел обматерить за то, что он отнял у меня такую победу.

Сотник презрительно скривил толстые губы, из-под которых торчали небольшие клыки, украшенные золотыми кольцами.

— Господина осматривает шаман, — коротко ответил сотник, потом не сдержался, и добавил: — мне показалось, что тебя почти загрызли восставшие кролики, когда Владыка добрался до вашего отряда.

— Много ты понимаешь! — дварф побагровел. — Это был тактический, мать его, манёвр!

Лаитан медленно поднялась и, воспользовавшись тем, что Киоми задержалась рядом с Ветрисом, помогая перевязывать его раны, медленно побрела к тому месту, где должен был располагаться шаман властелина. Прочное укрытие из бревен и набитых сверху для укрепления досок стояло особняком, и над входом в него красовался грубо намалеванный знак силы тхади: помятый шлем с огромной рукой, придавившей его вниз, будто осуждающей попытку подняться.

— Ты не смеешь преграждать мне путь, — едва удостоив тхади вниманием, произнесла Меднолика, пытаясь отодвинуть его с дороги. Огромный, походящий на ходячую скалу, охранник только показал длинные жёлтые клыки, но остался стоять на месте. Покои шамана, как их называли тхади, оказались в самом дальнем углу помещения, отделенным от остальных мест, а сам шаман, наверняка, был таким же омерзительно воняющим, огромным и туповатым, как и все остальные. Однако, они были верны своему господину, чего нельзя было сказать, как понимала со все большей отчетливостью Меднолика, про людей Империи. Когда решающее сражение заканчивалось, а госпожа с тревогой следила за каждым, кто входил или кого вносили в укрепления, властелина нигде не было видно. И едва линию переступил Гуррун с огромной рваной раной на голове, державший шлем подмышкой и кривя одним глазом, как она с пугающей отчетливостью поняла: про Гравейна, возможно, просто забыли. Посмотрев на сильно косящего влево Гурруна, она отделилась от жриц и Киоми и подошла к дварфу.

Лаитан, так и не получившая поддержки от варваров и даже от своих слуг и жриц, пошла на то, о чём до сих пор не хотелось вспоминать. Присев рядом с дварфом, она потёрла лоб тыльной стороной ладони и как бы в задумчивости произнесла:

— Властелин севера приказал вам оставаться в безопасности?

Невинный вопрос, полный ложного чувства беспокойства, какого от неё и ожидали, произвёл странный эффект. Дварф весь начал расширяться, его доспехи едва не треснули, а звук, который полился из-под шлема и сквозь густые усы, походил на отдалённый вопль дикой сычухи, известной своим пронзительным свистом в брачный период. Дварф прогундосил что-то на своём языке, стукнул подкованными башмаками по земле и, махнув рукой кому-то в сторону, понёсся отбирать свою победу, восстанавливать честь народа, уличённого в слабости и трусости. Через две минуты дварфы выступили из укреплений, а ещё через некоторое время внутрь втащили Морстена под прикрытием его тхади. Самого Гурруна внесли чуть ранее, все еще сжимавшего помятый шлем в одной руке и топор в другой.

Теперь же, постояв немного и внутренне насылая на слуг северянина пакостные проклятия, она вынуждена была развернуться и пойти туда, где имперцам отвели угол для отдыха.

Лаитан и её жриц расположили в закутке побольше. Сразу было видно, что властелин севера, как и его Замок, не слишком утруждались удобствами и уединением. Лаитан нашла кувшин чистой воды и немного бобов, плавающих в странном густом соусе.

От властелина не было ни вестей, ни распоряжений. Гнавший их вперёд и едва не

поплатившийся за это, он вошёл в свои чертоги и перестал подавать признаки жизни для остальных.

Лаитан устроила постель, отгородив её от прочих. Тхади строили просто, зато надёжно и быстро. В голову Медноликой закралась запоздалая мысль — а не получил ли Морстен то, чего хотел? Он был слаб вдали от мест своей силы. Он прошёл путь рядом с теми, кто мог повлиять на исход битв и помочь добраться сюда. А теперь ему стали не нужны его спутники? Нет, это было слишком глупо. Что тогда мешало ему переместиться сюда, минуя Трёхязычье и Гнилолесье? Мог бы совершить переход, а не пытаться устроить развлечение бродячего балагана для спутников.

Медноликая Лаитан решила отдохнуть. Ситуация перестала быть острой настолько, чтобы требовалось её присутствие. Служанки помладше рангом достали воду и чистую одежду. Мать матерей отмыли, расчесали и переодели в свежее белье и рубаху. Жрицы отдали Лаитан свою одежду, и она стала похожей на одну из многих своих людей. Длинная плотная рубашка, перехваченная золотистым пояском, и прямые штаны из прочной ткани, сидевшие впору после тех, что были одолжены у варваров Ветриса. Она усмехнулась, вспомнив о непозволительных сомнениях и глупых страхах насчет недоверия своих людей, которые посетили ее в Гнилолесье, когда ей показалось, что те опасаются заразиться от нее ее проказой. Теперь же, побывав под светом солнца, пережив битву рука об руку со своими людьми, эти страхи и сомнения казались Лаитан смехотворными и глупыми. От ее широких браслетов ничего не осталось. Несколько украшений помельче еще позвякивали под одеждой, но их было не видно, а ремешки, затягивающиеся на рукавах и штанинах, помогали ткани не соскальзывать, обнажая кожу в остатках чешуи. Лаитан сняла с головы медные и золотые заколки, сложив их в дорожную поясную сумку. Десятки сплетённых косичек, сливающихся друг с другом на голове, будто мелкие притоки, впадающие в полноводную реку Империи, позволили ещё долго не думать о том, как избежать острого клинка Морстена, случись ему снова помахать им над головой.

Лаитан желала узнать, как обстоят дела, но её сморил сон, и ей пришлось уступить ему.

Открыв глаза, она почувствовала неладное. Рядом был кто-то, но она не могла точно сказать, кто именно. Никого, кроме верной Киоми, быть тут не должно, но эта мысль не успокоила Лаитан. Зрение подводило Медноликую, что пугало и заставляло задуматься о происходящем. Да ещё и сон, пусть и недолгий, ничуть не восстановил её сил, хотя ранее для Лаитан хватало и получаса обеденного сна, дабы снова быть полной энергии, свежей и готовой действовать и править.

Она чувствовала себя разбитой и больной. Сказывалось ли это присутствие тварей Посмертника, или дело было в чём-то еще?

— Киоми, — позвала Лаитан.

Ответом ей было настороженное:

— Моя госпожа, вы проснулись? — в голосе служанки дрогнула неуверенность. Лаитан закусила губу. Киоми не увидела яркого света её глаз, а зрение оставалось не приспособленным потому, что, скорее всего, у Лаитан остались обычные зрачки. Вертикальные чёрточки давали ей возможность видеть в любой обстановке, расширяясь после пробуждения и снова сжимаясь под веками. Наследие древних проявляло себя различно.

— Где остальные? — ответила Лаитан.

— Ветрис и его люди рядом, госпожа. Вам нечего опасаться, мы тоже здесь.

— А Морстен?

— Понятия не имею, — фыркнула Киоми. — Занят очередными темными делами, полагаю.

Лаитан поднялась на ноги, с кистей рук упали на пол несколько сверкнувших золотом в темноте чешуек. Медноликая подобрала их и сжала в кулаке. Как же она хотела избавиться от них после перехода! Как они раздражали её в начале пути! Чешуйки резанули кожу, такую тонкую и беззащитную на тех местах, откуда они отпали. Кровь, кольнувшая прозрачную материю чешуи, окропила грань отпавшего кусочка кожи Лаитан. Медноликая почувствовала себя странно. Будто вместо вкуса сахарных ягод она учуяла их запах, но и только. Медноликая нашла острый нож, перевернула его лезвием под углом и поскребла чешую на запястьях. Вниз осыпался прозрачный шуршащий ветерок, едва уловимо скользнув по коже. Лаитан почувствовала себя хуже.

С каждой чешуйкой она теряла силу. Вот что сотворил с ней Посмертник ещё в комнате перехода. Вот в чём была его цель. Не помешать действию, а лишь немного подправить его. И вот почему Ветриса это почти не коснулось. Сила уходила с каждой потерянной чешуйкой, падала под ноги, оставляя следы пройденного пути. Лаитан теряла силу и энергию, а получить что-то взамен не могла. С неё второй кожей сходила её власть, неуязвимость, энергия и даже жизненная сила. И когда она дралась, она теряла больше, чем могла потом получить. Все, что получалось отыскать, проходило сквозь тело, будто вода сквозь решето.

«Если об этом кто-то узнает... Если узнает властелин севера...» Лаитан не хотелось об этом думать, но мысли свернули как раз туда, куда и до этого обдумывания происходящих событий. Ей стоило отыскать властелина и поинтересоваться, что происходит и куда им теперь держать путь. Морстен не торопился к ней, но Лаитан была так напугана осознанием своей уязвимости, своего риска, что решила отыскать его сама. Злость, негодование и страх гнали её предпринять хоть что-то, неизвестно что и зачем. Лишь бы оказаться подальше от Киоми, обдумать дальнейшие действия, успокоиться и обратиться к памяти. Лишь бы не думать, что случится с ней, когда на теле не останется ни одной чешуйки. Морстену было легче. Он был вечен, или почти вечен. Пополнял силы, постепенно лишаясь противников в возможных междоусобных столкновениях. Варвары слабы, Лаитан теряет силу Мастера Мастеров, а у Морстена рядом источники силы, воинство и достаточно времени осуществить свои планы.

Морстен с трудом открыл глаза, почувствовав чей-то пристальный взгляд. Тхади, сидевший на корточках подле простецкой постели, устроенной из брошенного наземь плаща, кивнул ему, едва владыка смог сфокусировать взгляд.

— Я Аршах, владыка, — сказал он хрипло. — Ледяной шаман.

— Приветствую, Аршах. Ты командуешь от имени Замка? — ответил Морстен, уточняя расстановку сил.

— Командует сотник Друмог, — ответил шаман, блеснув темно-кариими глазами под выступающими надбровными дугами. Его череп был лыс, и зеленоватая кожа казалась желтой в свете масляной лампы. — Я всего лишь смотрю.

— И лечишь, — утвердительно сказал Темный, осторожно вынимая из-под грубого

полотна покрывала свою левую руку, обмотанную бинтами. Пошевелив пальцами, Гравейн улыбнулся. — Хорошо лечишь.

Тхади поднялся на ноги, и подошел к дальнему углу задымленного курениями низкого помещения. Покопавшись в каких-то склянках, он вернулся с глиняной плошкой, которую отдал господину.

— Замок беспокоится, — сказал он, с хрустом садясь обратно с сидящим Морстеном. — Господин получил раны. Белая летучая мышь принесла сообщение. Темный путь больше недоступен, и останется таким ещё несколько дней.

— Что ещё передал Замок? — на Темный путь он и не надеялся, так как знал, сколько силы тратится на каждую переброску.

— Больше ничего, кроме того, что чума усиливается. Появились первые случаи восставших на границах Севера, — шаман вытащил из накладного кармана своего кожаного одеяния связку костей, и Морстен сморщил нос от запаха скверны. — Я допросил кости, но они лгут. Чума не может появиться просто так.

— А Мора? — ровным голосом спросил властелин, но его шаман все же не удержался и осклабился в подобие улыбки. Он знал, кто такая Мора и что она значит для его хозяина. И пусть Гравейн пытается обмануть своим напускным равнодушием кого угодно, но старого и мудрого шамана ему провести не удастся. Легенды безбожно лгали, приукрашивая жестокость Морстена, но еще больше они лгали о его бессердечии. И хотя формально Гравейн был лишен сердца, как такового, лишить его эмоций никому так и не удалось. Но отсутствие этой мышцы в груди стало прелестной и мило ядовитой отговоркой на любые попытки его ученицы выяснить, не стал ли он относиться к ней чуть более тепло, чем в прошлый раз.

— Она жива, господин, — успокоил его шаман.

— Ясно, — Гравейн допил отвар, не поморщившись, хотя от его вкуса сводило затылок и глаза словно собирались вывалиться наружу. — Сколько я провалялся тут?

— Остаток дня и ночь, — оскалил желтые сточенные клыки шаман. — Аршах охранял покой. Пытались вломиться серебряные, подземные и даже одна золотая. Всех послал... отдыхать.

— Благодарю, мудрый Аршах, — улыбнулся Морстен, натягивая пропитанный потом поддоспешник, у которого не хватало левого рукава, а на спине виднелись дыры, проеденные ядом.

— Не за что, повелитель, — тхади рассмеялся, гулко и громко. — Они меня боялись.

— Не зря боялись, — Владыка Севера размял плечи, и посмотрел на кольчугу. Очищенная и промытая, она спокойно блестела черными кольцами и выпуклыми пластинами. Пожалуй, надевать её пока не стоит. Вряд ли кто-то осмелится напасть сейчас, когда он среди своих солдат. — Ты же помнишь прежнего Владыку?

— Помню, — согласился шаман, склонив голову. — Но смутно. Давно было. Я не хочу запоминать ещё одного, повелитель. Не подставляйся под удары, твое тело выносливо, но не так прочно, как твое сердце.

Морстен подумал, что мертвая плоть все едино прочней обычного тела, а яд Посмертника одинаково опасен для всех, но промолчал, и только поклонился в ответ. Едва заметно, но все же. Голова старого орка качнулась, и он прикрыл глаза.

Гравейн вышел, пригибаясь у притоки, и направился на звук голосов, среди которых он безошибочно узнал Лаитан и Ветриса. Вождь Долины пытался убедить Мать Матерей и

том, что нужно следовать дальше как можно скорее.

— Владетельница, я не знаю, как долго будет отсыпаться Темный, — светлые волосы варвара падали ему на лицо, и Ветрис постоянно убирал их пальцами, чтобы видеть сидящую Лаитан. — Но нам нужно спешить. Иначе...

— Я знаю, варвар, — холодно ответила она, перебирая по своей давней привычке браслеты, уменьшившиеся в количестве. — Именно я предложила отправляться тогда.

Она нервничала, пытаясь унять эти скачущие мысли хоть чем-то, вроде привычного перезвона браслетов. Ветрис, торопящийся и начавший суесться в самый неожиданный момент, замолчал, а она продолжила:

— Хочешь уйти по его дороге, пока он не заметил? Думаешь, у тебя получится его обмануть, варвар?

— Властелин севера умён, я не спору, но не он один, владетельница, не он один.

Лаитан почудилась скрытая угроза в голосе варвара, будто он наконец-то почуял исполнение давних планов и теперь не собирался задерживаться сверх меры. Лаитан увидела, как над ней нависла, скрывая свет солнца, тёмная тень. Привычно потянувшись к тени, Лаитан узнала, что за ней стоит властелин севера. Она поднялась на ноги, встав лицом к лицу с Морстеном. Тот выглядел... странно. Левая рука бережно прижата к телу, движения скованны, взгляд усталый.

— Люди волнуются, хотят знать... — начала она.

— Не окочурился ли я им на радость? — продолжил за нее Морстен. — Вынужден разочаровать вас всех, я неубиваем.

— Я же говорил, — прошелестел варвар, тоже поднимаясь и становясь рядом. Лаитан так не казалось. Она понимала, что смерть властелина севера, Замка, тьмы вряд ли могла случиться от обычного меча. Зачарованное оружие, стрелы, магия, сплетение сетей и объединение сил, как когда-то давно, да. Пожалуй, да. Измотать, бросить армии на Замок, подождать результата и убить.

Но стоящий перед ней человек больше всего был похож на её охотниц, возвращавшихся из дальних пределов без добычи, ранеными или напоровшимся на разведывательные отряды пограничных племён и вступившими в бой с ними. Злые, растрёпанные, не сумевшие одержать чистой и лёгкой победы, они представляли именно такими, как Морстен, среди черноты колебаний ауры которого угадывалось нечто вполне человеческое — запах крови, сочившийся ядовитыми миазмами из мелких ран. Свежий ожог на лице заставил Лаитан задержать на нем взгляд. Морстен, не привыкший к тому, чтобы его рассматривали женщины, вроде Лаитан, заметно напрягся.

— Мой отвратительный лик смущает ваш светлый день, Мать Матерей? — спросил он, размышляя, что именно так привлекло Лаитан на его лице. — Не беспокойтесь, это нужно перетерпеть. Я с большим удовольствием вернулся бы на Север, но привык держать данное мной слово.

Его взгляд задержался на Ветрисе, заметно занервничавшем. Варвару казалось, что Темный знает гораздо больше прочих, но предпочитает молчать и делать, а не болтать. Коэн старательно скрыл свои мысли, превратив их в туман, чтобы никто не мог даже почуять, о чём он думал.

— Не стану спорить об отвратности твоего лица, но я видела и куда худшие вещи. Недавно я лично убивала тварей, гораздо отвратнее, чем ты, — поджала губы Лаитан.

Свежий, покрытый коркой ожог не давал ей покоя. Как и живые глаза властелина, смотрящие прямо в душу, способные прочесть её тайну о том, что она теряет силу и уже достаточно давно, чтобы забеспокоиться серьёзно. — Среди противников нашёлся кто-то, кто сумел прогрызть железную шкуру властелина севера? — спросила она, продолжая рассматривать лицо Морстена.

— Он плюнул и попал на себя, владетельница, — буркнул варвар. — Разве ты не видела, как он сжигает слюной врага? Неудивительно, что мир полнится слухами, будто он каждый день стоняет в Замок сотни пленниц, юных дев и женщин. Если все умирают от одного его плевок, немногие переживут его поцелуй.

Лаитан почему-то смолчала, отвела взгляд и пропустила момент, когда властелин едва уловимо, всего на волосок, но дёрнулся от слов варвара, как от удара. Рука Морстена дрогнула, чтобы потрогать отметину на лице, но вовремя остановилась.

— Зависть — удел черных властелинов, варвар, — произнёс он. — Не пачкай ею себя, — добавил он со смешком.

Лаитан казалось, что она что-то пропустила. Эти двое общались так, будто давно знали друг друга, а весь план, сватовство и встреча в лесу были задуманы ими, ей же только отвели роль игрушки, направляя на нужную дорогу. Она разозлилась.

— Когда мы двинемся дальше, владыка севера? — холодно осведомилась она.

— Когда вы соберёте свои вещи и людей, — ответил он, указав на загон с уккунами. — Эти животные помогут сократить время путешествия по меньшей мере впятеро. Для них мало преград, и они неприхотливы.

— Да, только воняет от них, — поморщился варвар, опираясь на стену плечом. — И ломиться по лесу на таких тушах — все равно, что пустить впереди гонца с горном, трубящим во все стороны.

— Коэн, тебе нужна быстрота, надёжность, или комфорт? — Морстен осклабился. Слова Лаитан задели его сильнее, чем ему хотелось бы. — Но выбрать можно только два условия из трёх.

— Э... — варвар задумался, потом понял, и засмеялся. Но глаза его остались холодными кусочками льда. — Владыка Севера шутит.

— Да, представь себе, — Морстен обвёл взглядом небольшой внутренний двор укрепления, куда выходили двери некрупных хижин и строений. — Мне доложили, что меня искал Гуррун. Хотелось бы поговорить с ним перед отбытием. И нам надо решить, как поступить с имеющимися у нас войсками. Отказываться от поддержки глупо, но и тащить за собой обоз из конных дварфов не слишком верно.

Медноликую несказанно уязвило, что Морстену передали сведения только о том, что его искал дварф. О ее визите либо вообще забыли, во что ей не верилось совершенно, либо Морстен сделал вид, что не знает о ее попытке увидеть его. И даже не собирался спрашивать, что ей было нужно. Наверное, решил, что она хотела спросить о том, когда им снова в дорогу. «А ты хотела не об этом разве его спросить?» — задала она себе вопрос. Ответ потерялся где-то в размытых и размазанных объяснениях, представлявших собой откровенную полуправду или наглую ложь.

— Они все равно пойдут, даже если им придётся идти пешком до самого Соленморья, — кивнула Лаитан. Сложившийся образ растениевода, шутящего с варваром, дополненный свежим ожогом на лице, который не желал заживляться магическим образом, как-то смутили Лаитан. Она представляла себе грозного и беспощадного врага немного

иначе. Или не она? Или это была её память? Время меняет черты и характеры, сглаживает остроту или, наоборот, затачивает острые углы личности. Но не до такой же степени. Она сощурилась. — Пойдём со мной, дварфы не склонны без упрямства принимать распоряжения. Со мной они немного охотнее станут тебя слушать, — сказала она.

Морстен был явно не в восторге от компании Лаитан, но и варвар привлекал его не больше. Медноликая не хотела задавать вопросы, которых у неё накопилось больше, чем она желала, но она сама предпочитала общество Морстена обществу Ветриса. Властелин не успел ответить, к ним подошёл дварф и ткнул толстым коротким пальцем в пупок Гравейна.

— Жив? Когда идем дальше? — без церемоний осведомился он, буравя взглядом одежду повелителя Замка на уровне поясного ремня.

Лаитан погладила свои браслеты под одеждой, решив пока что не делать поспешных выводов. Им предстоял долгий путь, пролегающий сквозь пески и скалы, и портить отношения раньше времени не хотелось. Налаживать, впрочем, тоже.

— Жив, — не стал уточнять подробности Морстен. Дварф угрюмо хмыкнул, вспоминая вчерашний бой, но смолчал. Вопрос о тактических манёврах и мёртвых кроликах, как бы сильно он его не беспокоил, подземный житель решил оставить при себе, а Гравейн не настаивал. Но искорку этого сомнения запомнил. Сотник Друмог, встреченный Темным, вкратце рассказал об инциденте, и о последовавшем примирении, обошедшемся в несколько бурдюков крепкой выпивки и головную боль наутро. — Я сомневаюсь, что твой народ сможет двигаться вперёд с той же скоростью, а, главное, по тем узким тропам, что ждут нас в горах. Нам важна скорость, а крупные отряды её уменьшают.

Дварф открыл было рот, чтобы высказать своё гневное мнение, но наткнулся на пристальный немигающий взгляд Лаитан, и только кашлянул в кулак. Морстен, не меняясь в лице, продолжил:

— Но точно так же меня сдержали бы мои тхади. Потому, ты можешь либо оставить командование своим народом кому-то еще, либо двигаться вместе с ними, — Гравейн посмотрел на багроволицего дварфа, который стиснул рукоять своего топора, и кивнул. — Думаю, ты выберешь первое. В таком случае, подбери себе уккуна поуже. Они не очень удобны для подземных воинов.

Поведение Матери начинало его раздражать. После пробежки по лесу и сражения она изменилась, и сменила гнев если не на милость, то на нейтралитет. Подобные перемены всегда подозрительны, и чаще всего скрывают двойное дно, из которого после может выпрыгнуть все, что угодно — от отравленного клинка в затылок до ядовитого скорпиона в сапог. Но пока Морстен решил подождать, и, при случае, который может выдаться, поговорить с Лаитан наедине, без лишних ушей и глаз. Он сжал пальцами в кармане подобранную чешуйку, размышляя, когда представится такой шанс.

Медноликая подошла к Гурруну и, склонившись, зашептала ему что-то на ухо, обращаясь больше к шлему, чем к бородачу. Сначала дварф выглядел недоверчивым, на его лице сминались паутинками пучки морщин, борода топорщилась и из нее доносилось ворчание. Но после нескольких слов, которые явно хотели расслышать и остальные, дварф расплылся в улыбке, хлопнул Лаитан по руке, будто старинного приятеля, и удалился прочь, весёлый и довольный. Из-под одежды Медноликой упали вниз блеснувшие в лучах солнца чешуйки. Морстен проследил за ними взглядом, а Лаитан, теперь чувствовавшая каждую минимальную потерю силы, зябко повела плечами.

— Что ты ему сказала, Медноликая? — спросил властелин севера, неотрывно

разглядывая место, куда упали чешуйки, и не глядя на Лаитан.

— Я напомнила ему, что под землёй нет узких троп, там можно двигаться с привычной скоростью и не трястись в седле. А ещё предложила подождать некоторое время приближающихся каменных фей и четырёх элементалов, следующих за нами из Трёхязычья.

Ветрис пристально посмотрел на Лаитан.

— Откуда ты знаешь об этом?

Мать матерей поманила их за собой, взобралась на смотровую точку, откуда с возвышенности был виден лес неподалёку, и указала пальцем вперёд. Солнце как раз вставало за её спиной и не мешало обзору. Вверху, едва видимая взгляду, возвышалась тонкая ломаная линия, будто бы растущая с каждой минутой.

— Это что такое? — протёр глаза варвар.

— Каменные феи строят мост над Гнилолесьем, а элементал воздуха помогает им держаться так высоко над землёй.

Медноликая чуяла элементалов, гонцов и представителей обречённого народа, сумевших выскользнуть из раздираемой междоусобной войной страны Трёхязычья.

— Высшая мера глупости откровенного конца света... — задумчиво высказался властелин Замка. — Если к нам ещё бродячий цирк присоединится, я плюну на все и займусь фокусами.

— Скорее, не бродячий, а бродящий, — поправил его варвар.

— У меня уже один такой есть, — сплюнул ядовитой слюной на землю властелин и пошёл прочь. Лаитан отправилась собирать людей и ждать остальных у загонов с уккунами.

Привал у древесной деревни

Они ехали быстро и почти не разговаривали, не считая тех моментов, когда высланные вперёд разведчики возвращались с докладом. Впрочем, доклады тоже передавались на ходу, что весьма осложняло полное понимание речи подданных Морстена. Долинцы общались только со своим командиром, и Лаитан начала подумывать о том, что варвары на то и варвары, чтобы до них смысл происходящего доходил не сразу и долго.

Из седел выпали только с наступлением ночи, едва успев заехать в стройную рощу высоких деревьев. Растения здесь были совершенно другими, пышными, здоровыми, дразнящими ноздри, когда в них залетала пыльца, своими цветущими кронами. В этих краях была поздняя весна, как подсказал Ветрис. Лаитан, никогда не выбиравшаяся так далеко за пределы Империи, молча принимала слова остальных, впитывая их и обучаясь на этом. Жаркая и засушливая Империя не могла похвастаться таким разнообразием растительности, и всё для Лаитан было новым и непривычным. Побывавшая далеко за пределами царства Киоми воспринимала разнообразие легче и как-то спокойней. Волосатые, вонючие и потные животные стояли поодаль, пощипывая траву с такой скоростью, словно не ели никогда вообще. А над ними, раскатившись от края до края, звенело ночными насекомыми далекое бездушное небо, усыпанное осколками прозрачных капель-звезд. Мигающие точки над головой, привлёкшие внимание Лаитан ещё тогда, когда только начало темнеть, теперь распустились разномастными светляками наверху. Прохлада томно обнимала за плечи, наваливаясь сонливостью и ломотой в натруженных мышцах, а Лаитан, до селе не выдавшая никаких иных созвездий, кроме имперских, то и дело запрокидывала голову вверх. Будто там, далеко, в бескрайнем небытие её звал далекий голос, томящий сердце и сжимавший в ладонях перепуганную душу, держащий в пальцах перепутанные нити судеб, среди которых где-то затерялась одна медная ниточка жизни Лаитан.

Когда все остановились, Киоми и жрицы тоже спешили, Лаитан слезла с седла, а вернее, с грубой подстилки на спине животного, с меньшей элегантностью, но не потеряв достоинства. Первым упал лицом вниз, гулко звякнув шлемом о притаившийся в траве камень, Гуррун. Дварф так и остался лежать, даже не пытаясь подняться. Вокруг него собрались все, кроме Морстена.

— Что произошло с тобой в пути, досточтимый Гуррун? — обратилась к нему Лаитан. Госпожа Империи всеми силами пыталась скрыть улыбку, не желая обидеть его предводителя древнего народа, но смотреть на стоические мучения Гурруна, шепчущего молитвы праотцам в траву, это было выше её сил. Дварф поднял от пышной травы бородатое лицо и просипел в ответ:

— Поездки в сёдлах... это против природы... против всех законов!

Гуррун снова уронил голову в траву, опять приложившись шлемом о тот же камень, да так и замер без движения, обнимая почву, как родную мамку.

Остальные переглянулись. Ветрис и Лаитан помнили, как Гуррун встречал их в Трёхязычье, да и до лагеря Морстена он как-то добрался на своём приземистом мохнатом бегемоте с рогами.

— До этого ты как-то спокойней к этому относился, — неожиданно дипломатично высказался варвар, сложив руки на груди. Гуррун только застонал в ответ, поднимаясь и сядя задницей на траву.

— О, горе мне и моим будущим потомкам! Святотатство, пытка и неизбежная расплата мне за этот выбор пути! Мои седины, появившиеся так рано, когда я даже не успел взять пятую жену и родить седьмого ребёнка... как я мог решиться на такое? Почему нарушил заветы предотцов? Ужас и кара скверны падут на мою молодую голову...

— Ты и так был седой, — донёсся издали голос Морстена. Гуррун насупился.

— И вообще лысый, — поддержал его второй голос, после чего по рядам варваров прокатился смех.

— Для дварфа четыре сотни лет не срок, а самый расцвет, мальчишка, — огрызнулся он в ответ, положив руку на топорщице. Морстен хмыкнул, не уточняя свой возраст. — Одно дело добраться до границы в почётном карауле для прибывших гостей, а совсем другое — преодолеть Гнилолесье под землёй, обходными тропами и ведя животных в поводу. И совсем третье — отбивать на них зад целый день! Клянусь святыми предотцами, лучше я побегу рядом, чем ещё раз сяду верхом. Пусть даже это будет моё последнее решение в жизни.

Дварфа так и оставили сидеть рядом с храпящим и фыркающим животным, отправившись искать место для ночлега.

Они уже было начали снимать поклажу с волосатых тварей повелителя севера, когда Лаитан и Ветрис поняли, что властелина нет поблизости. Углубившись в сгустившуюся темноту, они никого не нашли. Ночь — время Морстена, — как сказал варвар и вернулся обратно, разбивать лагерь на ночь. Расчищая местность под кострище, они наткнулись на что-то, откатившееся в темноте в сторону с противным чавкающим звуком. Властелин молчал, а значит не чуял Посмертника и его магии.

— Дайте свет! — потребовал Ветрис. Рядом с ним тут же вспыхнули факелы, приготовленные долидцами. Спешившиеся путники обозрели картину вокруг. Откатившимся предметом была отрубленная голова, до сих пор слепо зыркающая белёсыми бельмами в ночной купол над ней. Долинцы разошлись в стороны, высвечивая пространство вокруг, и Лаитан поняла, что стоит посреди заваленной мёртвыми поляне.

Свежих мертвецов, способных за шесть часов до места обозначить своей потусторонней вонью пространство, не было. Черепа, старые кости, расколотые и раздробленные. Сломанное оружие, почти все — наконечники стрел и шипастые шары на гибких толстых верёвках. Мягкая трава, в которую упал дварф, успела вырасти на этом месте за то время, пока догнивали останки жителей. Гуррун достал из кармана внушительную фляжку и надолго приложился к ней усатым ртом. Крепкая пивная брага падала внутрь дварфа с ужасающими бульканьями, исчезая в прорези между косматой бородой и седыми усами. Он ничего так и не сказал.

Путники стояли посреди старого кладбища, а вокруг не было ни единого посёлка или даже захудалого домишки.

— Откуда они тут взялись, что с ними случилось? — спросила Киоми. Ей ответил Ветрис, шагнувший обратно к остальным, после того, как посоветовался со своими людьми, что-то шептавшими ему одному.

— Оттуда взялись, — он указал вверх. Источающие смолянистый аромат пряностей деревья покачивались в беззвучном танце, ласкаясь к лёгкому ночному ветерку зеленеющими кронами. Киоми подняла взгляд, но ничего так и не увидела.

— Там поселение на деревьях, — пояснил Ветрис. — мои люди уже проверили. Живых нет, мертвецов тоже. Кажется, всех сбросили вниз, а кто выжил, поспешил уйти отсюда.

— Чума? — тихо спросила Лаитан. Варвар удовлетворённо кивнул.

— Что же еще? Пытались бороться с заболевшими, не помогло. Добили тех, кто болел и ушли прочь. Наверху, среди крон, раскинутые мостки из зелёной древесины. Потому в темноте ничего не разглядеть, а огней в мёртвой деревне зажигать некому. Дома тоже из того же дерева, почти не отличить от кроны и ствола.

— И как только эта зараза добирается повсюду? — пьяно рыгнул дварф. — И не всех же берет, вот интересное дело. Мой народ болел долго, но мы так и не поняли, как заразились. Мы раньше строили склепы, усыпальницы для своих братьев, а потом начали безбожно сжигать, когда каменщики и зодчие не справлялись с заказами. А уж когда они сами отдали бороды предотцам...

На дварфа уставились несколько пар глаз.

— А действительно, он дело говорит, — сдвинулся поближе к Гурруну Ветрис. — Как заражаются чумой?

Вопрос остался без ответа, но Лаитан кожей чувствовала, кого каждый из них хочет обвинить в болезни.

— Всему виной Посмертник, — вздохнул Гуррун и побрёл прочь, не желая оставаться посреди кладбища костей и гнили. Лаитан чувствовала, что к этой теме ещё вернуться, а пока сказала только:

— Надо найти место для ночлега.

— Деревня пуста, на стволах есть наросты, по которым можно забраться вверх, — сказал варвар.

— А этих испускающих клубы жгучего газа тварей ты сам затолкаешь на деревья? — осведомилась Киоми. Ветрис с сомнением посмотрел на стадо ездовых животных.

— Уккуны могут сами о себе позаботиться, — Морстен, отошедший в сторону и пристально изучавший следы в траве, встал с колен, и отряхнул одежду совершенно обычным движением. Так мог бы поступить любой человек. И люди не ожидали, что Тёмный Владелец окажется так похож на них в повседневных привычках. Чем он и пользовался. — Достаточно привязать их к деревьям, а корма им хватит до утра. Вряд ли бывшие обитатели будут протестовать, если звери немного попортят их полянку.

Властелин Севера подошёл к ближайшему ездовому животному, и размотал тонкую чёрную верёвку, обвивавшую до того мощную шею зверюги. Все остальные его спутники сочли этот шнурок элементом упряжи, но сейчас пристально и с недоверием глядели на то, как Морстен сноровисто протягивает едва заметную в сумерках нитку к могучему стволу дерева, и завязывает на охватившей ствол бечеве хитрый узел.

— И что, эта ниточка удержит эту тушу? — сдвинув шлем на затылок, недоверчиво буркнул дварф, почёсывая лоб. — А не порвётся? Может, две возьмёшь?

Гравейн поглядел на дело рук своих, и кивнул Гурруну:

— А ты попробуй разорвать. Если получится, тхади тебе памятник поставят. Из золота. Как самому сильному воину в мире, — и он издевательски ухмыльнулся.

Дварф, заворчав, взялся двумя руками в бронированных перчатках за тонкую верёвочку, и, ухватившись поудобнее, дёрнул её в стороны, в четверть силы. Но рывок вызвал только скрип волокон загадочной бечевы по металлу, и удивлённый возглас Гурруна. Напрягшись, он дёрнул ещё раз, и ещё. Потом начал тянуть, не обращая внимания на то, что кольчуга на его перчатках рассыпает искры и издаёт тонкий визг.

— Из чего эта дрянь сделана? — хмуро разглядывая прорези в металле перчаток и

разрезанные синеватые кольца тонкого плетения, спросил он улыбающегося Морстена. — Я рву цепи толщиной в руку, но это... эта... Клянусь предотцами и Матерью-скалой!

— Верёвка достаточно прочна, чтобы удержать уккуна даже в снежный буран, — ответил Гравейн. Пощёлкав пальцем по натянутой, как струна, бечеве. Басовитый звук, извлечённый из неё, ему не понравился, и он занялся следующим зверем, пыхтящим в темноте и урчащим при прикосновении рук своего господина. — Из запасов моего Замка. Большого я тебе не могу сказать, сам не ведаю, как она сделана.

Дварф, всем видом показывая, что не верит ни единому слову Тёмного, ушёл к месту, где ловкий Ветрис с безмянными уже скинули верёвочную лестницу с одной из древесных площадок вниз, а Морстен встретился взглядом с Лаитан. Киоми преданной тенью стояла недалеко от Матери Матерей, которая, обменявшись долгим взглядом с Темным Владыкой, ушла к поднимавшимся наверх людям их небольшого отряда.

Морстен посмотрел ей вслед, и затянул очередной узел. Ему показалось, что Лаитан хотела что-то сказать, но сдержалась в присутствии своей верной телохранительницы. «И почему? Не доверяет? Или тут что-то иное... Мне все больше хочется расспросить её с пристрастием, — подумал Гравейн. — Или хотя бы просто расспросить. Допрос Матери Матерей возможен только в Замке...»

Когда разложили костёр в одном из домов, все собрались вокруг, готовясь ко сну и медленно пережёвывая запасы провизии властелина севера, позаботившегося об этом. Дварф сунул за пазуху свою флягу, которая изрядно опустела, рыгнул и уставился в огонь. Он переживал своё поражение от тонкой верёвки и постоянно шептал что-то про проклятую магию, мешающую честному дварфу померяться силой с какой-то бечёвкой.

— Странное место, — произнёс Ветрис, постукивая костяшками пальцев по зеленоватому дереву пола хижины.

— Чем же оно тебя привлекло? — спросила Киоми. — Люди могут жить и процветать в совершенно разных местах. Это ничем не хуже.

— Странно то, что тут вообще никого нет. Ни живых, ни мёртвых. Да и кости давно сгнили и потрескались. словно чума прокатилась тут раньше, чем в Империи матери матерей и моей Долине.

Лаитан перевела взгляд на варвара.

— Ты хочешь сказать, досточтимый муж своего народа, что чума, пришедшая в моё царство, шла отсюда?

— Мы вообще-то шли не сюда, а к Соленморью, — подал голос дварф.

Лаитан призадумалась. По словам варвара, выходило, будто она сама сбежала из последнего безопасного места в поисках лекарства. С другой стороны, Медноликая избежала зрелища тех событий, которые видела по дороге сюда.

— Чума шла оттуда, отсюда, — ворчливо произнёс Гуррун, — кто вообще знает, куда и откуда она шла и идет...

Морстен, проверявший окрестности, видел, как наверху загорелся огонь, и поразился тому, как искусно были устроены эти хижины. Отсветы пламени очага терялись в листве почти сразу, и, чтобы разглядеть его, нужно было или знать, куда смотреть, или обладать таким же зрением, как у властелина Тьмы... или Лаитан. Гравейн вспомнил, как она сужала зрачки в тонкую полоску. словно змея.

Но нужно было возвращаться. Кругом царила тишина, только небольшие ночные зверьки шуршали в траве, да мерно вздыхали уккуны, даже во сне пережёвывавшие траву, и иногда выпускавшие газы. На несколько лиг вокруг не было ничего живого. Двигавшаяся вслед по дороге импровизированная армия из dwarфов и сотни Друмога отстала от отряда Морстена, и вряд ли нагонит их до предгорий и узких скальных тропок. Хотя там она будет ещё более бесполезна — властелин Севера не видел никого, с кем нужно было бы сражаться. «С Посмертником клинками не справиться, — подумал он, — а больше в этих краях нет никого. Но пусть идут. Пусть у них будет хоть какая-то цель».

Вернувшись к центральному стволу дерева, в доме на котором устроились на ночлег путешественники, он обнаружил, что лестницу втянули наверх, пока он совершал свой дозор, да, и чего уж таить, отдыхал от долинцев и пронырливых сестёр. Видимо, стоявшие на страже безымянные решили позабавиться, заставив самого Тёмного Властелина просить их спустить лестницу...

«Нет, сереброволосые, вам это не удастся, — скрипнул он зубами, — но попытка была удачной, признаю». И, подпрыгнув, ухватился за первую короткую ветку, срубленную почти под основание. Подтянувшись, он ухватился за следующую, и быстро, словно почти ничего не весил, рванул вверх по стволу, огибая его по спирали.

В полу хижины стукнул люк, и Морстен вылез позади усевшихся возле выложенного плоскими камнями очага. Увернувшись от пущенной бдительным dwarфом секиры, с хряском вонзившейся в дерево, он проговорил, закрывая люк на примитивный запор:

— Гуррун, я бы советовал тебе бросать секиру чуть ниже, если ты не ставил задачей растрепать мне волосы, — разговоры о чуме он слышал, пока взбирался вверх, но имел на этот счёт своё мнение. — Если говорить о чуме, то ты не прав. Это вообще не обычная болезнь. И распространилась она сразу по всем землям, кроме дальнего Севера и Востока. Сильнее всего пострадала, или ещё пострадает, Империя, если мои знания верны.

Он нагло уселся на свободной циновке, и развернул полотняный свёрток с нехитрым рационом. Грибы, перемешанные со злаками и небольшим количеством мяса. Морстен привычно протёр руки тряпицей, и закинул в рот первую горсточку еды, с удовольствием пережёвывая её.

Лаитан отметила странное выражение лица властелина, словно он ещё был способен получать удовольствие от чего-то в этой жизни, кроме убийств и завоеваний. «Весьма человеческая черта», — подумала она. Морстен жевал спокойно, почти гипнотизируя остальных звуками пережёвывания пищи, равномерно раздававшимися от его персоны. Остальные молчали, уставившись на трапезу властелина и следя за ней так пристально, что любого иного эти взгляды вывели бы из себя через полминуты. Гравейн, однако и не думал подавать признаки раздражения, равномерно и тщательно пережевывая еду, раз за разом отправляя в рот новую порцию и иногда запивая её глотком воды из дорожной фляжки.

Лаитан почему-то ждала, что он зачавкает, начнёт грести пищу руками и будет отирать руки о штаны. Тряпица в ладонях властелина ввела её в некоторый ступор, явно пошатнув сложившееся об этом человеке мнение.

— А я говорю, она должна была где-то начаться, — подал наконец голос dwarф, снова упрямо сворачивая на предыдущую тему и настаивая на своём мнении. — Не может быть что-то без конца и без начала, на это способна только мать-скала.

Упрямство этой расы давно вошло в легенды мира, потому спорить с Гурруном никто не

решался. Зато его неожиданно поддержал варвар:

— Может, ты и прав, — задумчиво потёр он подбородок, — все беды откуда-то берутся в начале. Пусть даже и этот кто-то может казаться изначально ни при чём, — он выразительно посмотрел на жующего властелина. Киоми поджала губы, проследив взгляд Ветриса. Дварф тоже призадумался, и смотрящих на Морстена стало на одного больше. Остальные жрицы и долинцы, постепенно присоединившиеся к молчаливому обвинению, уставились на него все вместе.

— Не думаю, что он бы был причастен к такому, — поразмыслив, высказалась Лаитан. — Зачем тогда было бы помогать? Идти с нами? Рисковать?

— Это чем же он интересно таким рисковал? — проворчала её служанка, пытаясь испепелить взглядом Морстена. Впрочем, с тем же успехом она могла бы попытаться расплавить ледник дыханием.

— Он был ранен, — кивнула Лаитан, от чего тонкие браслеты на её запястьях мелодично звякнули.

— Не смертельно, — фыркнула Киоми. — Да и неужели ты, мать матерей, Мастер Мастеров, Медноликая Лаитан, действительно думаешь, что властелина самого Замка можно убить ядом или стрелой?

Лаитан не ответила. Она видела Морстена на поле боя, видела его после, видела шамана и все это не вязалось с тем, что он пытался смотреться совершенно неубиваемым.

— Чума поражает даже Мастеров, Киоми, — напомнила ей в ответ Лаитан, — хотя они устойчивы ко всем известным хворям. Даже к наведённым.

— Вотименно! — подпрыгнула Киоми на месте, от чего ее тугие черные косы хлестнули по плечам сидящего рядом Ветриса. — А его слуги, как и он, пока не несли потерь!

Настал черед замолчать уже Лаитан.

— Я ничего не хочу сказать про властелина севера, — снова подал голос Ветрис, — но зло, хворь и боль — это традиционные орудия Тьмы, к которой принадлежит хозяин Замка.

Морстен доел ужин, вытер руки и поднял глаза на красовавшегося своим чеканным профилем Коэна.

«В яму бы тебя, где тхади тренируются, пузырь надутый, — подумал властелин тьмы. — И почему всегда все начинается с обвинений меня во всех грехах?»

— Насчет зла не скажу, близкого знакомства не сводил, — медленно проговорил он, изучая лицо Ветриса, словно диковинную статую. — Но хвори и болезни обычно начинаются с невымытых рук и сточных вод из выгребных ям, сбрасываемых в источники, — Морстен поднял руку, предупреждая возражения, готовые сорваться с губ титулованных спорщиков. — Да, эта чума отличается от подобных болезней, хотя бы потому, что она за десять лиг воняет тем, кого называют Властелином Смерти и Жизни. И да, эта хворь не сразу стала такой.

— Надо же, как много тебе о ней известно, — отозвался варвар, и его люди одобрительно загудели в поддержку вождя. — Поразительная осведомлённость, — добавил он с явным намёком на обвинения, но свои ладони украдкой отёр о штаны.

— У него было много времени подготовиться, — протянула Киоми, — он же ждал нас в лесу. Откуда он узнал, что мы пойдем там и в то время? — она выразительно посмотрела на Морстена. Тот хотел что-то ответить, но слово взяла Лаитан:

— Я достаточно живу под светом солнца, чтобы точно знать одно: ссоры и беспочвенные обвинения не приводят ник чему хорошему. А властелину достаточно было

наблюдательности и собственных мозгов, благодаря которым мы сыты и не идем пешком, чтобы поразмыслить над проблемой нового мора. Да и узнать, кто и куда направляется, это еще не значит устроить моровое поветрие или наслать всеобъемлющую чуму.

— Ты защищаешь Тьму, мать матерей? — вскинул брови Ветрис. — Властелина Замка? Неслыханно!

— Я лишь сказала, что у тебя нет причин винить кого-то, кроме Посмертника, в происходящем, — твёрдо ответила она. Их взгляды встретились, и никто не отводил глаз первым.

— Может, у тебя есть причины защищать его? — спокойным, вкрадчивым голосом спросил варвар. — О которых мы не знаем. Самое время поделиться ими, Меднолика. Дальше путь будет опасней прочих лиг, и мне не хотелось бы оставлять недосказанность, как и врага за спиной, — он не удержался от быстрого взгляда на властелина Замка.

— У меня столько же причин защищать северянина, сколько у тебя. И все, что мне известно о чуме, известно и тебе, досточтимый муж Долины, — поднялась на ноги Лаитан. Киоми поднялась следом, но Меднолика резким жестом приказала ей остаться на месте. Лаитан вышла из хижины и побрела по мосткам прочь, желая оказаться подальше от этого места. Её преследовали странные мысли. Она всегда знала своих врагов, врагов Империи. Её учили этому с детства, её учила этому сама жизнь. Она видела лицо смерти, видела моровые поветрия и набеги окраинных племён. Но сейчас, оказавшись в окружении тех, кто должен был внушать ей спокойствие, она больше верила Морстену — врагу изначальному, открытому и по-своему честному. И еще она с пугающей отчетливостью понимала: она никогда не видела реальности такой, какой она представала вдали от ее дворца. А ложное чувство понимания и всеобъемлющего знания жизни рушилось под натиском обстоятельств, ломаясь, как скорлупа в кулаке.

Властелин Замка не скрывал помыслов, не пытался отмолчаться или переложить ответственность на других, тратя время на глупые споры или игры в союзничество. Ему было не нужно объединяться с Империей, он ненавидел ее, как и Меднолику. Он не спасал свой народ от вымирания, не переступал через свою гордость, а просто ждал именно того, что продемонстрировал варвар — недоверия и попыток переложить вину на более близкого и традиционно подходящего врага.

Лаитан мысленно испытала уважение к противнику с севера. Ноги вынесли её к огороженному месту, где когда-то находился небольшой загон для каких-то мелких животных. Теперь там оставались пустые клетки, разбросанная солома и жухлые листья. Лаитан почесала руки, и с них в ночь соскользнули последние чешуйки её силы. Теперь шкура оставалась только на груди и животе. Маловато для продолжения пути к Соленморью.

Морстен проводил взглядом вышедшую в ночь Лаитан. «Вот возможность поговорить с ней наедине, — решил он. — Сейчас. Только отвлеку остальных».

— Если начистоту, то я бы сейчас выпил, — проговорил под нос Гуррун. Заглядывая в свою фляжку, дварф выглядел сконфуженным. Пристрастие подгорного племени к горячительным была воспета даже в сказках, но они были уже почти забыты, когда низкорослые воины прекратили всяческие сношения с наземными жителями.

Морстен встал, и, покопавшись в одном из тюков, затянутых наверх варварами, достал грубую каменную бутылку, залитую воском. Воск тоже был чёрен, как ночь, но никаких отметок или знаков на себе не имел. Жидкость, налитая в эту примитивную ёмкость,

булькнула, и чуткое ухо дварфа дёрнулось.

— Держи, — Гравейн бросил бутылку Гурруну, который поймал ее, крикнув от неожиданной тяжести. — Не отравлено. Вообще, это для обработки ран, чтобы не гноились, но можно употреблять и внутрь. Только разбавь...

— Вот еще, — расплылся в улыбке дварф, уже откупоривший пробку и утиравший слезу, сбежавшую по широкому морщинистому лицу, обрамлённому бородой. — Зачем крепкое портить?

— Пить с врагом? — возмутился Ветрис, взявшись за рукоять меча. — Дварф, ты предаёшь союз...

— С каких это пор я стал твоим врагом? — приподнял брови дварф. — Тебе так и вообще пить никто не предлагал, тем более, с бывшим хозяином бутылки. Не хочешь — не пей, — парировал Гуррун, наливая тягучую зеленоватую жидкость в небольшой металлический стакан. — А союз я заключал с Матерью. Хороша, зараза... — выдохнул он, отхлебнув.

Морстен выскользнул наружу через дверь, удержав её так, чтобы она не скрипнула. Мастерством вхождения в тень, как Сестры, или ещё какими-то магическими приёмами он не владел, но умел отвлечь внимание и воспользоваться ситуацией. Пока дварф приковал к себе все взгляды, пробуя настойку на травах, а остальные ждали, пока тот либо упадёт в корчах, либо превратится в чудовище, Гравейн уже шёл по следу из поблёскивающих на настилах чешуек. «В чудовище дварф превратиться, конечно, может, — подумал властелин Тьмы, — если перепьёт, или закусит грибами. Но это его проблемы, и только».

Опадавшие с Лаитан чешуйки вызвали мысли о линьке змей и ящериц. Или о болезни, которая постигла Мастера Мастеров. Вторая идея в прежние времена вызвала бы у него жестокий приступ смеха, но сейчас Морстен допускал любые отклонения, даже невозможные. Но подтвердить или опровергнуть эти выводы могла только та, что сейчас оперлась на невысокую загородку, отделявшую маленький скотный двор, давным-давно лишившийся обитателей, от густой чернильной ночной темноты снаружи. Отсветов от костра в домике Гравейну хватало, чтобы рассмотреть Лаитан, и подойти к ней.

Он старался произвести побольше шума, ступая громче, чем обычно. Получить вершок чёрной стали в горло он пока не планировал.

— Лаитан, — произнёс он, и встал рядом с ней. Подобранные чешуйки он сжал в руке. — Надеюсь, Мать Матерей и Мастер Мастеров, что твоё резкое бегство не связано с привычными обвинениями в мой адрес.

Изрядная порция сарказма и фальшивого беспокойства надежно скрыла под собой горечь от приевшейся северянину скуки. Скучные обвинения властелина во всех бедах, скучные и злые выражения лиц временных союзников, скучные попытки примитивно и по-детски подставить подножку или втянуть наверх лестницу...

Она подняла на него взгляд. Увидеть за спиной именно властелина Замка она никак не ожидала. Сердце подпрыгнуло, кровь потекла быстрее. Одетый в тёмную одежду, Морстен почти сливался с ночью, но его топот, едва не обрушивший мостки, вызвал у Лаитан странную улыбку. Станным казалось то, что он вообще пошёл за ней, если не хотел тихонько свернуть шею. Грубоватый тон властелина подтверждал её мысли о покушении, но Лаитан так устала от дороги, от схваток и споров, что просто решила не обращать внимания на эти глупые помыслы. «Хотел бы убить, не топал бы, как его уккуны», — разумно

предположила она.

— Кто сказал, что я решила бежать? — ровным голосом произнесла она. — Да и вряд ли получится сбежать от чумы. Ты мог бы поговорить о ней с теми, кто обвинял тебя в её создании, — отмахнулась мать матерей. Лаитан решила уйти, но Морстен стоял на дороге и не собирался уступать ей дорогу. Она замерла, ожидая продолжения разговора. Казалось, будто он подловил её тут, воспользовавшись ситуацией.

Повелитель Севера понимал, что творится внутри Лаитан, но более удачного момента для разговора в обозримом будущем не представлялось. Относительно удобный участок пути заканчивался уже завтра, дальше начинались предгорья и ущелья, вести по которым Уккунов было сущим мучением.

— Бесполезно разговаривать с теми, кто слышит только себя, — ответил он, сдержав желание сплунуть. Хотя эта мелкая особенность Тёмного и забавляла его, но поджигать дерево, на котором сидишь, было глупо. — Но ты сейчас стала слышать и других. Меня, например, — Морстен поиграл собранными им чешуйками, едва заметно блестевшими в слабом свете. — Но, думаю, что тебя беспокоит не это.

Повелитель Тьмы решил рискнуть.

— Ты теряешь чешую, — открыл он ладонь. Одна из чешуек впилась в кожу, прорезав ее, и теперь окрасилась красным. — Теряешь силы. Сколько тебе осталось?

Лаитан дернулась от его слов, едва не свалившись с узких мостков. Морстен, явно не ожидавший такой реакции, выпустил из ладони собранную чешую и одним движением ухватил Лаитан за талию, прижимая к себе и крепко держа обеими руками. Они замерли на краю дорожки, слыша, как вниз осыпались сухие листья и часть zagrożения загонов, иссохшего и подгнившего без заботы человеческих рук. Гравейн был немного выше Лаитан, но почти одного с ней роста, и потому он смотрел в глаза Медноликой не сверху вниз, а прямо. Лаитан, инстинктивно схватившаяся за первое, что попало под руку, так и держалась за него обеими руками, чувствуя тепло ладоней Морстена на себе. Проникая даже сквозь одежду, оно разливалось по телу необычайной волной, заставлявшей щеки пылать. Он долго держал ее в объятиях, словно сам поражался тому, что было в его руках. Сердце Лаитан, перепугавшись возможного падения, билось так часто, что готово было выпрыгнуть из груди, но страх уже прошел, а оно никак не желало успокаиваться. Он склонился ближе, так, что она ощутила его дыхание. Странно прерывистое, частое и пахнущее недавним ужином.

— Сколько? — повторил он вопрос так тихо, что она едва его расслышала. Лаитан неприятно поразились тому, как неправильно и фальшиво прозвучал его вопрос. Ей казалось, ей очень отчетливо это виделось, что он должен был сказать нечто совершенно иное. Или сделать? Но его вопрос, вернувший ее в жестокую действительность, заставил снова закрыться внутри себя, ревностно оберегая свои тайны.

— У меня достаточно сил для похода, властелин, — попытавшись взять себя в руки, произнесла она, но голос прозвучал странно дрогнувшим, с нотками неуверенности и страха. Морстен кивнул, выпуская ее из объятий так медленно и неохотно, что Лаитан это сбило с толку. Осторожно отойдя подальше, властелин отвернулся от нее, встав спиной. Медноликая неслышно скользнула прочь, по направлению к дому, и ей показалось, будто дверь его тут же захлопнулась, избавив взгляд от тонкой полоски света изнутри. Кажется, кто-то заметил их. Или только что вернулся обратно, доносить своему царю о будущей жене и ее объятиях с властелином севера.

— Морстен, — окликнула она его. Северянин повернул к ней голову, ожидая продолжения. — Ты все правильно понял, властелин, — произнесла Лаитан, не оглядываясь. И в ее голосе звенел не просто черный металл Империи, а оледеневшие струны души севера, отсекая даже возможные попытки снова влезть ей под кожу или заставить врасплох.

— Я никому не скажу, — тихо произнес в темноту Морстен, но Лаитан уже скрылась в хижине и не слышала его слов. Он остался стоять, размышляя над тем, что он ощутил, когда в его руках оказалась Лаитан. Гибкое женское тело, теплое и наполненное жизнью, прижатое к нему так сильно, как никогда не прижималась даже давняя любовница Мора. Враг иненавистная убийца, обрекая его на трон хозяина Замка. Та, кого он убивал во снах сотни раз, с наслаждением вымарывая руки в ее крови и вглядываясь в затухающие глаза матери матерей. Или странная Лаитан, такая похожая и такая иная, которая ухватила за него, даже не подумав оттолкнуть или избежать объятий. Которая смотрела ему в глаза без страха и ненависти. Теперь — без ненависти.

Гравейн тяжело вздохнул, не собираясь долго путаться в своих мыслях по этому поводу. Он вообще не любил подобных размышлений и решения таких дилемм. Постояв еще немного, он вернулся в хижину, где Лаитан уже спала, отгородившись от него бодрствующей охраной и кольцом неспящих варваров.

Почему-то властелин чувствовал себя неважно, и настроение его было испорчено безнадежно.

Перед лавовой рекой

На следующее утро, когда все проснулись и начали сборы, Морстен заметил, что Лаитан непривычно молчалива и немного рассеяна. Она старательно избегала его взгляда, прячась за Киоми или Ветрисом, тут же отходя подальше, едва он делал шаг в ее сторону. «Неужели, я так напугал ее своим вопросом? Или чем-то еще?» — сдвинул брови Гравейн, когда Лаитан в очередной раз отошла подальше, оказавшись по другую сторону уккуна, когда самостоятельно стелила на него подстилку, отказавшись от помощи служанок. Она вообще понемногу начала выполнять их обязанности, не желая, видимо, выделяться из группы остальных, чем несказанно удивила и насторожила своих людей. Жрицы неодобрительно переглядывались, а Киоми то и дело бросала взгляды на варвара, казавшегося страшно довольным таким поведением Медноликой. Встретившись с ним взглядом, Лаитан поняла, кто застал их с Морстеном на мостках. Прямой и самодовольный взгляд варвара просто кричал о том, что он все видел и теперь у него появился весомый аргумент для воздействия на решения Лаитан. Это неимоверно злило и раздражало Меднолику, выбивая из колеи и постоянно отвлекая мысленно от прочих занятий. Не привыкшая самостоятельно седлать ездовых животных, она и так делала это медленней других, а постоянные попытки Морстена встретиться с ней взглядом, как и напыщенный вид царя Долины, приводили к ошибкам и расстройству. Лаитан едва не плакала от досады и разочарования за себя саму. Только в этот раз она в полной мере осознала, насколько не приспособлена к жизни вне дворца и Империи, где рядом с ней в тених всегда находились те, кому поручалось обеспечивать ее всем необходимым. И кому можно было отдать любой приказ в любое время.

Покончив со сборами, все двинулись в путь. Дварф то и дело кряхтел и скулил, но в этот раз, кажется, исключительно по причине жесточайшей головной боли. Он даже не заметил, как оказался в седле, с обреченным видом усевшись на своего уккуна и хмуро вглядываясь вдаль.

Почти целый день дороги слился для всех в один сплошной пейзаж. Без людей и прочих живых существ. Только однажды они заметили в стороне движение, но разведчики не принесли дурных новостей, а лишь сослались на огромные кучи помета какого-то животного, которое с треском мелкого кустарника скрылось от них.

Песчаные прогалины, плешивыми пятнами выглядывавшие из растительности все чаще, оказывались пусты. Медноликая слышала ворчание за спиной, когда охранительницы перебрасывались фразами с варварами, обсуждая, куда подевались из этих мест немногочисленные племена шакрасов. Полулюди или полуживотные, они долгое время жили небольшими группами в этих землях, но теперь от их многолетних стоянок остались только песчаные пятна среди редющих к предгорьям земель.

— Госпожа, ты чем-то встревожена? — обратилась к ней Киоми, оказавшись рядом, когда день снова начал клониться к закату. В глазах служанки билась тревога и готовность к действиям. Лаитан едва заметно улыбнулась. Ей нечего было ответить Киоми, которая за последние несколько дней утратила право знать мысли своей госпожи больше, чем необходимо для ее безопасности. Слишком уж часто и долго она переглядывалась с Ветрисом, будто они были старыми закадычными друзьями или любовниками. И потому признаться Киоми, что она постоянно размышляет о том, что узнал о ней Морстен, было

немыслимо. К тому же, об этом узнал только он, а не Киоми. И тогда пришлось бы рассказать ей, что явно не сыграет в пользу ее и так зашатавшегося авторитета. Власть Лаитан держалась на трех столпах: страх, безжалостность и сила Мастера Мастеров. И если она теряла последнее, первые два пункта становились сомнительными сами по себе.

— Думаю, владетельница просто устала и она тревожится за судьбы своих людей и своей Империи, — высказался Ветрис, оказавшись по другую сторону от ехавшей шагом Лаитан. Киоми с сомнением посмотрела на варвара, но в его позе и взгляде было столько уверенности и убежденности в своей правоте, что она не нашла, что ответить.

— Ей незачем тревожиться за нас, — надменно произнесла Киоми. — Мы рождены, чтобы служить нашей госпоже, как и твои Безымянные.

— Мои люди ничуть не хуже меня могут позаботиться о себе, и мне не нужны слуги для этого. Мы все братья по оружию, и каждый из нас способен справиться с превосходящими силами противника и защитить тех, кто слабее, — выпятил грудь и раздул ноздри Ветрис, вскинув подбородок.

— И кого же ты хочешь защищать, царь Долины? Кто тут не способен постоять за себя? — скрывая за вызовом страх, спросила Лаитан. Она знала, что он мог слышать то, о чем она говорила с Морстеном вчера ночью. Варвар только многозначительно улыбнулся, и Лаитан поняла совершенно отчетливо: он не слышал разговора. Возможно, видел, как Гравейн держал ее в объятиях, но не более. Это приободрило Лаитан и она улыбнулась, чувствуя, как с сердца спал тяжелый груз и страх отпустил ее. Киоми отъехала вперед, и на ее месте оказался Морстен, дождавшийся, когда служанка окажется подальше от Лаитан и Ветриса.

— Всем народам свойственно хвастовство и бахвальство, — сказал он скучным голосом, — Но каждый народ стремится выжить. Потому они громко объявляют о своих победах, чтобы вызвать уважение и страх. Мне вызывать страх незачем. Скорее уж наоборот... Вон, ты тоже сначала опасалась даже сесть рядом.

Ветрис тихонько фыркнул, отгоняя комара, врезавшегося ему в лицо с порывом вечернего ветра.

— Госпожа никогда не опасалась приближаться к Тьме! — взорвалась Киоми, снова подъехавшая поближе. — Мать матерей ничего не боится! И я могу доказать свои слова делом, а не пустым хвастовством, — сказала она, запальчиво приподнявшись над спиной уккуна в стремени. Лаитан предпочла не вмешиваться. Посвящать свою, не в меру прыткую и спорую на расправу служанку в свои мысли Меднолика не спешила. Больно уж странно они то и дело переглядывались с варваром, отводя взгляды, едва их замечал кто-либо.

Лаитан порядком устала. Целый день в седле, жёстком и явно приспособленном под железный зад властелина севера, утомили её и вымотали. А нескончаемые споры о том, кто главное зло в их компании уже порядочно приелись. Меднолика подумала, что тут и без Посмертника можно было обойтись. Достаточно просто оставить всех в одном месте, и они сами назначат виноватого.

— Успокойся и помолчи, — спокойно ответил Киоми Повелитель Севера, и в его словах послышалось дыхание льда, которым так обильны были его владения. — Я не вправе приказывать тебе, для того у тебя есть хозяйка. Потому прошу — не надо ничего доказывать. Просто умолкни.

Он сдержал порыв, и не стал говорить ничего, что могло бы уязвить молодую служанку Лаитан. Он ясно видел, что можно было упомянуть, и как именно, чтобы та замолчала,

переживая обиду. Или бросилась бы в бой, что тоже было возможно. Но ссориться со своими спутниками, вольными или невольными, ему было не с руки — Морстен, пожалуй, был единственным, кто не имел никакого интереса в визите к Отцу. Если не считать борьбы с Посмертником или...

«Я слукавил, говоря, что не испытываю никакой заинтересованности, — признал он. — Мне интересна Лаитан. И её тайны. Которые имеют и прямое отношение к моей памяти, и одновременно являются совершенно новыми. Потому дразнить Киоми и Ветриса больше необходимого глупо. С остальным они справятся сами».

Поправив движением поводьев уккуна, отклонившегося в сторону с дороги, уже начавшей круто забирать вверх, он помолчал, ожидая ответа. Но Киоми тоже молчала. Может быть, потому, что для удачного удара она находилась слишком далеко, и любой выпад перекрывала её госпожа, ехавшая ближе к Морстену.

Сам Владыка Тьмы вспомнил случившийся прошлой ночью странный разговор, сумбурный и короткий, в котором он спросил у Лаитан прямо, не теряет ли она силы. Фраза: «Сколько тебе осталось?» до сих пор казалась ему слишком тяжёлой, но там, где Свет юлит, Тьма говорит прямо.

Лаитан перехватила взгляд служанки, посмотрела на властелина и кивнула Киоми, указывая на Ветриса.

— Кажется, он ждёт тебя для обсуждения дальнейшей стратегии разведки, не доверяя дороге и её проводнику.

В голосе Лаитан послышалось явное намерение послать Киоми в дозор, чтобы та больше не поддевала властелина. Он был слугой тьмы, а она не любит шуток, если не шутит их сама. Медноликая, чья жизнь почти полных три сотни лет прошла во дворце, была настолько искушена в интригах, что могла понять настроение собеседника по одному лишь взгляду. И то, что она успела уловить из поступков и слов властелина, явно говорило о его чудовищных усилиях, чтобы не сбросить отряд в очередную яму Посмертника. И если Киоми продолжит в том же духе, Лаитан сама ему поможет. Медноликая никак не могла понять причин, которые двигали её служанкой. Зачем она старалась задеть слугу тьмы больше обычного? Ревность, неудобство союзничества, нервозность? Но Киоми была опытным и проверенным воином, чтобы проявлять хоть что-то из перечисленного. Значит, её госпожа не знала всего. А незнание приводит к краху даже самых продуманных планов. Лаитан сощурилась, глядя в спину дёрнувшейся вперёд на своём животном Киоми. Светлая голова варвара склонилась к ней, они о чём-то заговорили, возможно, обсуждая дела разведки. Лаитан посмотрела на Морстена. Властелин выглядел спокойным, видимо, привык и не к таким раздражающим мелочам, как доставучие имперцы.

Лаитан поравнялась с ним и быстро произнесла:

— Ты спрашивал, сколько мне осталось? Пара схваток в полную силу, три-четыре если не так тратиться. Потом меня не станет. Надеюсь, моя тайна порадует твою чёрную душу, но хочу напомнить тебе, что, если ты расскажешь про это остальным, тебе не дожить до конца пути тоже.

Лаитан дала шпоры, и вскоре оказалась рядом с Киоми и варваром, не желая слушать ответные слова Морстена.

Гравейн посмотрел ей вслед, покачив головой. Что-то подобное он подозревал с того

момента, как нашёл первую чешуйку, упавшую с тела Медной Змеи. Приученный к экономному расходованию силы, Владыка Севера поначалу был в недоумении по поводу расточительности Лаитан, но теперь понял причину. И необходимость такой спешки тоже. Лаитан не знала, что ей не удастся пополнять силы в походе, пользуясь светом солнца каждый раз, когда оно было над головой. И поняла она это слишком поздно, истратив приличный запас. Это и вызвало такую горячность решений и желание поскорее добраться до цели.

«Вряд ли я расскажу это кому-то, — подумал Морстен, окинув критическим взглядом едущих впереди. Варвар с Киоми смотрелись почти состоявшейся парой, что бы Ветрис там не заявлял по поводу брака с Медноликой. Тащившийся с авангардом их растянувшегося каравана Гуррун, судя по напряжённой спине, старался не упасть и не захлебнуться в собственной рвоте от укачивавшей тряски уккунов. Варвары и жрицы Гравейна беспокоили мало, он их почти не замечал. — Здесь нет никого, кто бы правильно распорядился таким знанием. Что же до радости... Вряд ли меня так возвеселит небытие единственного достойного противника. Пусть даже женщины и Матери Матерей, но противостояние с которой доставило бы больше приятных моментов, чем неприятных. Лаитан...»

Дорога впереди переваливала через гребень скалистого холма, и уккуны едущих впереди уже должны были скоро достичь водораздела. Карта драконьего взгляда не грешила подробностями, но Морстен помнил, что спокойный путь уже остался позади. Теперь начались предгорья, и скоро тропа сузится, превратившись в тонкую, выющую по подолу скал нитку. А там недалеко и до пронзающего сердце гор туннеля, построенного ещё до создания Империи.

«Два полноценных боя, или четыре схватки, — подумал он. — Мало. Тьма, как же мало!»

От первого уккуна, скрывшегося за гребнем, донеслись едва слышимые возгласы удивления, и, кажется, ругань одного из варваров.

Медноликая слушала варвара и служанку, убеждающих друг друга в правильности своих тактик по отношению к дальнейшему. Киоми готова была прыгнуть выше головы, лишь бы доказать долиincu своё превосходство. Спокойный и какой-то отрешённый Ветрис молча кивал, но его люди ожидали слов и приказов. Казалось, их вождь слушает Киоми просто для того, чтобы та выговорила и замолчала.

Ехавшая рядом Лаитан поняла из разговора только то, что её служанка тихо убеждала варвара в предательстве Морстена. Лаитан даже поморщилась. «И чего ей так неймётся избавиться от слуги Тьмы? Мне он тоже не по сердцу, но пока что мы союзники, и без него ехали бы сюда достаточно долго для того, чтобы я умерла на середине пути».

— В чем спор? — спросила Лаитан. Киоми посмотрела на неё.

— Впереди что-то не так. Жрицы-разведчицы донесли о странном мороке, чей жар заставил их повернуть раньше, чем они поняли, в чем дело.

— Дорога должна была быть довольно прямой, — сдвинула брови Лаитан. Она оглянулась, чтобы поискать взглядом Морстена и его людей.

Но властелин, к которому уже спешил один из его тхади, был занят тем, чтобы не столкнуться с разгорячённым всадником, явно принёсшим ему плохие новости. Лаитан двинула было своего уккуна к властелину, но тот, отмахнувшись от подоспевшего слуги, сам вырвался вперёд, исчезая за странной дымкой, похожей на дрожащее марево в самый жаркий месяц имперского календаря.

— Ты чувствуешь запах? — спросила Лаитан. Ветрис принялся, пожимая плечами. Киоми тоже повела носом, неуверенно кивнул в ответ.

— Расплавленный камень и пепел, — сказала Лаитан. — Такой запах бывает в Мастерской Земли, когда они объединяются с Огнём. Что с дорогой? — обратилась она к варвару и служанке. Те неуверенно переглянулись.

— Разведчики донесли только о сером тумане и падающим с неба седом снеге, который не тает, — высказался варвар.

— Там должна была быть река, мост через которую привёл бы дальше по дороге.

— Я не чувствую воду, Киоми, — сказала Лаитан. Ответом ей был громкий гул, будто по земле прокатился дождевой шторм, разбивающий о камни случайные ветхие домишки и глупых людей в них. На глазах Лаитан впереди поднялось зарево, огненным алым кольцом вспыхнувшее в воздухе, чтобы упасть вниз сотнями каменных градин, способных размозжить череп даже уккуну. Животные забеспокоились, показывая свой не такой уж и кроткий характер.

Вместо ущелья и текущей далеко внизу, между каменных клыков, бурной реки, взгляду Морстена открылась картина, к которой он, по сложившемуся мнению, должен был быть привычен. Почему-то все остальные представляли его царство, как место, где вулканы извергают в небеса пепел и подземные газы, а красноглазые слуги тьмы варят в медных котлах провинившихся и невиновных жителей земель света.

При такой мысли Повелитель Темных сил громко выругался, благо поблизости был только тхади из оставшегося при нём десятка. «Тьма, мать, и откуда нам взять столько меди для проклятых котлов? Гораздо экономнее скидывать людей в лаву, но в таком случае жерло моего вулкана переполнилось бы и потухло ещё много сотен лет назад, — мрачно подумал он. — Но, земля меня заberi, что здесь случилось?»

Перед его уккуном был обрыв, блестящий свежей землёй и не успевшими потемнеть камнями, откалывавшимися едва ли не под ногами. А снизу, сопровождаемый знакомой вонью отравленных газов и опаляющим жаром земной крови, доносились бульканье и стоны скал. Под провисшим мостом, державшимся только благодаря непревзойдённому мастерству забытых строителей прошлого и крепким скалам, в которые упирались вытесанные из огромных камней несущие балки, просыпался вулкан.

Морстен дёрнул поводья, успокаивая уккуна, с опаской втягивавшего ноздрями воздух, и трясшего головой.

— Почти как дома, — тихо сказал тхади, державшийся немного позади. — Только здесь скалы трухлявые. Долго не выдержат.

— Твою подземную мать, — донёсся от левого стремени Морстена голос Гурруна. Дварф спокойной походкой подошёл к краю разлома и принялся, после чего звучно харкнул в провал, и сдвинул шлем на лоб. — Вот сколько лет прожил на земле и под скалами, никогда бы не подумал, что здесь так близко к поверхности лава. Ни одного признака, но течёт же, предотцы меня вразуми своими большими... э, молотами!

— То есть, это случилось недавно, — заключил Морстен. — И почему я не удивлён?

Поймав вопросительный взгляд подгорного жителя, он пояснил:

— Значит, мы на верном пути, и кто-то очень не хочет, чтобы мы его прошли до конца, — Гравейн развернул уккуна. — Ты зря слез со своего животного, Гуррун. Он сейчас очень тебе пригодится.

Властелин тьмы поскакал обратно, а за его спиной вверх взмывали крупные камни, оставляющие за собой дымный след. Серый жирный пепел падал с небес, словно клочки свалявшейся шерсти с тела больного животного.

— Внизу ущелья разлом, в котором плещется лава, — доскакав обратно до Лаитан и окруживших её жриц, сообщил он, вытирая лоб, и оставляя на нем грязные разводы. — Скоро стены теснины рухнут вниз вместе с мостом. Нам нужно как можно быстрее перейти на ту сторону, владетельница, иначе можно будет бросаться на свои мечи, или прыгать напрямик в лаву. Не знаю, как у вас принято сводить счёты с жизнью при полном и бесповоротном поражении.

— При полном поражении мы гибнем в бою, — мрачно сказал варвар. Лаитан поджала губы. Жар, который волнами докатывался до неё, заставлял долинцев обмахиваться чем попало, зато для Медноликой он казался привычным. В Империи бывали засушливые годы, когда земля горела под ногами в прямом смысле слова, а грозные вулканы далеко на западе выстреливали облаками пепла вверх. После такого приходили месяцы грязных дождей, которые разъедали кожу людей и животных, а вместо жара наваливался холод. Империя могла продержаться на своих запасах довольно долго, но окрестные хозяйства гибли быстрее. Жрицы и Мастера помогали, чем могли, но они не всегда выигрывали у природы взятые займы силы и умения.

— Киоми, собирай отряды, мы должны успеть пройти.

Голос Лаитан был спокойный, она ещё не видела всего, что ждало её впереди...

Когда Медноликая подъехала к разлому, ей в лицо ударила волна жаркого воздуха, мороком повисшего над ущельем и расползавшегося по окрестностям все дальше. Лава, кипящая и пережевывающая камни далеко внизу, поднималась стремительно, словно её выталкивали снизу, заставляя ползти выше. Лаитан видела, как горные породы исчезают в прожорливой пасти разверзшегося ужаса. Красно-оранжевые волны с примесью черных камней и скальных пород, плавящихся в лужицы коричневатого субстрата, вылизывали ущелье, дрожащее от разгула лавы. Температура повышалась, и Лаитан, приказавшая остальным перебираться первыми, осталась с Гурруном, все ещё не решавшимся отправиться дальше. Дварф вцепился в гриву с опалённым мехом на своём уккуне, и его шлем почти прожёл на лбу упряма красную полосу, нагревшись от окружающего жара.

— Иди с ними, они помогут, — кивнула Лаитан на своих жриц, начавших переход первыми. Дварф упрямо сдвинул брови.

— Слушай, я не люблю плавать. Но плавать в молоке земли, в молочном соке, из которого вышли все дварфы, это... кощунственно, — заключил он. — Для любого дварфа вернуться в лоно горы — значит быть облагороженным посмертно. Но эта красная кровь гор, это оранжевое пламя, в котором рождаются клинки и гибнут породы, из которой все мы однажды появились...

Лаитан склонилась к дварфу и шепнула ему на ухо:

— Гуррун, если ты сейчас не перейдёшь по мосту, я попрошу варваров нести тебя подмышкой.

Не стерпевший такого оскорбления дварф встопорщил усы, сдвинул горячий шлем на затылок и бодро вскочил в седло с таким рвением, что тут же перелетел через него и шмякнулся с другой стороны уккуна. Животное лениво проводило взглядом своего наездника, продолжив рыть копытом почву. Рядом с ним уже высилась приличная горка

свежераскопанной земли. Лаитан присмотрелась. Влага из слоёв земли испарялась, дымком пара поднимаясь над ямкой, выкопанной животным. Если даже верхние слои почвы прогрелись, сколько им потребуется времени, чтобы высохнуть, сложиться, уменьшившись в объёме, и обвалиться вниз пластами?

Будто в ответ на её вопрос позади раздался бодрый клич варваров, которые въехали на мост следом за жрицами Лаитан. Дварф, завидев такое, поспешил к ним присоединиться и пропасть из вида. Первые отряды жриц уже ступили на твёрдую почву, поджидая своих подруг, чтобы отойти в безопасное место. Долинцы, проносясь по хлипкому помосту, раскачавшемуся из стороны в сторону, почти добрались до другого берега. За спиной Лаитан послышался ворчливый голос тхади. Она обернулась и упёрлась взглядом в жёлтые глаза воина. Ни слова не говоря, Медноликая въехала на мост, который шатался и трещал по швам. Добравшись до середины, она решила остановиться и посмотреть назад. Морстен уже отправлял своих людей, осторожно пробующих конструкцию на крепость. Лаитан погнала уккуна вперёд.

И в этот момент позади что-то сильно ухнуло, взметнув вверх облака пепла и гари. Жар окутал кожу Лаитан, заставляя её тратить силы на защитный воздушный пузырь, чтобы спастись от изжаривания заживо. Уккун запаниковал, дёрнулся влево, вправо, едва не ухнув с моста, одним копытом провалившись в новую дырку, скрытую теперь пепельной завесой. Лаитан чувствовала, как часто колотится сердце. Она прыгнула с животного, взяла его под уздцы и повела за собой, закрыв его глаза ладонью. С двух сторон поднимались новые облака пепла, волны горячего воздуха и газов окутывали Медноликую, вынужденную тратить силы на возможности добраться до противоположного берега. Звуки разрывающихся далеко внизу лавовых пузырей, выбрасывающих вверх новые порции отравляющих миазмов, смешивались с хрустом и грохотом осыпающихся камней по берегам. Мост, провиснув и накренившись, едва не заставил Лаитан замереть на месте. Времени было мало, и ей пришлось слушать, как долго кричат животные и тхади, которым не посчастливилось упасть на середине дороги, когда мост почти развалился. Наконец, чьи-то руки втянули её на берег, оттаскивая подальше от края. Проморгавшись и откашлявшись, она обвела красными от жара глазами Киоми и Ветриса, втащивших её с моста.

— Властелин ещё на том берегу? — спросил варвар. Лаитан пожала плечами. Она действительно не знала ни того, пошёл ли он со своими людьми, ни того, добрался ли он хотя бы до середины моста.

— У них часть припасов и вода, — взяла варвара за рукав Лаитан. Долинец посмотрел на неё непонимающе.

— Мы должны были набрать воды тут, в реке, — пояснила Лаитан. — Реки нет. Воды не хватит на всех, если мы потеряем ещё хоть одно животное.

— Животные нам нужны, — согласился варвар. — А их наездники нам зачем? Владетельница, ты же сама сказала, что припасов на всех не хватит. Дождёмся уккунов, пойдём дальше.

В ответ на его слова из чада и пепла показалась потерянная морда обгоревшего уккуна, чья шерсть местами оплавилась до розовых волдырей на коже. Варвар втащил его с моста поближе. Киоми занялась остальными. Пока что не было ни тхади, ни Морстена. Лаитан прислушалась.

Кашель и стоны, донёсшиеся до неё сквозь гул помех от хлопков газа и каменной осыпи, стал сильнее и явственней. Варвар и её служанка уже сидели в сёдлах, ожидая её. Лаитан

поднялась на ноги, и рядом с ней показались три тхади, буквально выпавшие из пузыря пепла и сажи.

Морстен оставался позади своих людей до последнего. Мост дрожал под ногами, извиваясь, как змея, с которой заживо снимают кожу, и, словно та же змея, старался сбросить вниз, в раскалённое лоно бывшей реки, людей и животных.

Да, Владыка Севера считал своих верных тхади, созданных когда-то давно Тьмой, людьми. И относился к ним соответственно, скрывая это от спутников, насколько возможно. «Какие мысли приходят порой, когда замираешь на грани, — усмехнулся он, привычным жестом погладив то место под кольчугой и темными одеждами, где продолжало перекачивать его мёртвую кровь сердце из черного металла. Замок рассказывал, что на изготовление этого механизма ушло пять черных клинков служанок Матери, и Гравейн верил древнему сооружению. — Я не могу терять сейчас никого, ни тхади, ни последнего вшивого варвара. Хотя их предводителя я бы с удовольствием куда-нибудь уронил, не насмерть, но больно. Но он тоже важен, а потому должен выжить. Но самое главное — Лаитан. Кажется, она уже в безопасности. В относительной безопасности», — поправился он, наблюдая, как лопается одна из балок, разбрасывая острые осколки камня.

— Вперёд, дети ночи! — крикнул он замешкавшимся тхади, чьи уккуны, почувствовав приближение скорой гибели, взбеленились, утратив свою всегдашнюю медлительность. — Вперёд, или ваше проклятие всегда пребудет с вами!

И он потянулся за ними, к темным сгусткам сознаний зверей и искрящимся созвездиям мыслей воинов. В этот момент Ветрис на той стороне разлома дёрнулся, ощутив странный болезненный укол, пришедший неизвестно откуда, но продолжил излагать свою точку зрения на утилизацию ресурсов слуг Тёмного. Морстен перехватил контроль над воинами и животными, направив их к цели. Спешившиеся тхади бежали впереди, испытывая, как он ощущал, неизбыточное наслаждение от прикосновения Владыки к их душам. Уккуны, ревя, следовали за ними. Звери были напуганы до крайности, и переживали смертельный ужас.

Морстен, замерев, не ощущал ни жара, от которого краснели кольца его кольчуги, ни ожогов — он сосредоточился на задаче. Умения повелителей тьмы были подчас весьма странными, и его сторона, к которой Гравейн присоединился помимо своей воли, сочетала в себе качества всех остальных сил, не являясь ни одной из них. Он сделал шаг, потом ещё один, не ослабляя контроля. Середина моста качалась перед его глазами, и с увеличением расстояния слабело его влияние на тхади, но дальше они могли справиться сами. Если кто упадёт или умрёт — то такова его судьба. Он сделал, что мог.

Видимость снизилась. Впереди, на расстоянии вытянутой руки, медленно плавали хлопья пепла, и искры от каменной крошки, выгорающей в раскалённом воздухе. Лава, замершая в своей яростной круговерти, медленно переливалась всеми цветами пламени, отбрасывая отсветы на покрытые трещинами балки моста, и придавая окружению Морстена непередаваемо адский оттенок.

Владыка раздвигал своим непослушным телом тяжёлый воздух, волоча на себе груз сознаний и душ зверья и людей, которые стремились выжить, и которым он помогал это сделать. Вот первые из них вывалились из тучи забивавшего лёгкие пепла, чтобы упасть, хрипя, к ногам Лаитан и её слуг. Уккун, тряся обгоревшим рогом, рванул вперёд, таща за собой Ветрису, вцепившегося в упряжь. Медноликая смотрела прямо в глаза десятника, который упал на одно колено перед ней, словно отдавая дань уважения коронованной

Светом владычице.

Один из тхади все же сорвался вниз, медленно паря в оранжевой пелене, и Морстен, словно налетев на стену, разорвал с ним контакт. Мост под ногами дрогнул, сотрясся, и Гравейн почувствовал, что словно висает в воздухе. Оттолкнувшись от рассыпающегося покрытия перехода над рекой пламени, он медленно побежал вперёд, понимая, что, скорее всего, не успеет добраться до спасительного уступа, где заканчивались в тёмном граните балки.

Властелин Севера, досадуя на собственную неловкость, зарычал, вкладывая в свой бег все оставшиеся силы. Они истаивали стремительнее, чем ему хотелось бы.

Лаитан, повинуясь внезапному порыву, наклонилась и помогла подняться тхади, упавшему перед ней. Из пепла посыпались, словно крупные бобы, остальные, включая и уккунов. Животные метались, разбегаясь в стороны, и тхади, только что едва не изжаренные заживо, бросились ловить животных. Другие уккуны, почуяв страх соплеменников, встали на задние ноги, брыкнули копытами передних и задрали морды вверх, угрожающе взревели. А затем все те, кто были в сёдлах, вынуждены были держаться крепче, так как перепуганные животные бросились прочь, унося на спинах своих наездников. Киоми что-то кричала своей госпоже, пытаясь справиться с уккуном, но Лаитан не слышала. Десятник тоже побежал ловить животных, исчезнув в дымной пелене. Ветрис, продолжавший цепляться за седло, помедлил немного, но все же решил не рисковать своей жизнью, и вскочил в седло в самый последний момент, оставил Лаитан одну. Напоследок он наградил ее долгим презрительным взглядом, очевидно неодобряя порыва помогать подняться на ноги грязному выродку Тьмы. Голова варвара кружилась, а след от болезненного укола некоторое время назад заставил обеспокоиться непривычным ходом мыслей. О том, что он бросил Медноликую, Ветрис даже не думал. Треск ломающегося моста ни с чем было невозможно перепутать. Рядом с Медноликой не осталось никого, только её перепуганный уккун почему-то все ещё топтался неподалёку, переминаясь с ноги на ногу. Зрачки Лаитан стали вертикальными, глаза вспыхнули зеленью, и пепельный морок вокруг будто выцвел, раздвигаясь в новом зрении матери матерей.

Совсем рядом, буквально через десяток шагов, земля начала сползать вниз, обнажая балки моста и корни старых деревьев, уже сгоревших до черных костылей вокруг. Осыпаясь, оседая пластами породы и почвы, поверхность берега реки обнажала кривые болезненные десны скрытого в чреве земляного покрова. Вниз улетели чьи-то древние кости, почти не тронутые тлением и временем. Отдалённый всплеск и уханье подсказали Лаитан, что моста больше нет.

— Морстен! — крикнула она в пепел и газовые облака. Кожу щипало нещадно, глаза слезились, жара стояла такая, что можно было свариться в собственном соку заживо. Ей никто не ответил, и Лаитан, последний раз оглянувшись в ту сторону, куда пропали её спутники, быстрыми короткими шажками пошла к обрыву. Когда земля под ногами начала дрожать так, что она едва не упала, Лаитан опустилась на землю и поползла к обрыву, крикнув ещё раз, пытаясь перекричать ворчание подбирающейся лавы и гул осыпающихся камней:

— Морстен!

Даже тхади повелителя как-то исчезли из вида, стараясь поймать разбежавшихся животных. Медноликая понимала, что вряд ли они успеют вовремя. Лаитан внезапно поняла,

что крикнула ей Киоми напоследок.

— Госпожа, властелин погибнет, ты должна спастись!

Лаитан поняла — даже если бы Киоми и Ветрис были рядом, ползти за слугой Тьмы и хозяином Замка никто бы не подумал. Медноликой это казалось каким-то... неправильным. Стоило либо убедиться в его гибели, либо вытащить его останки, чтобы остальным было кого обвинить в западне с лавовой рекой на этот раз.

Мост рушился вниз, ускоряясь с каждым новым высвобожденным сознанием. Морстен спокойно отмечал траектории падения обломков, искрящихся на изломах кристаллами кварца, в то же самое время не прекращая попыток двигаться. Сначала он словно бы бежал вверх по небольшому склону, но с каждым шагом и каждым обжигающим вдохом уклон увеличивался, и вот уже усилий и импульса ноющих ног стало недостаточно.

Он посмотрел на рушащиеся вниз камни, и перевёл взгляд ниже, отталкиваясь из всех сил. Он заметил уступ, образованный куском прочной скалы, выступающей в стороне от моста. Какой-то колючий кустик со свернувшимися и дымящимися листьями торчал там, словно отмечая границу жизни и смерти для конкретно взятого Тёмного Властелина. Удар был оглушающим. Скала, показавшаяся неимоверно твёрдой, выбила из его лёгких воздух, вместо этого заставив вдохнуть огненную вонь плавящегося внизу камня.

Сквозь нарастающий шум в ушах он слышал, что его кто-то окликнул. «Морок? Или правда?» Кто мог звать его здесь? Превозмогая внезапно навалившуюся боль в обожжённом и ушибленном теле, он раскрыл глаза, и попытался что-то разглядеть в окружающем мареве.

— Лаитан? — хотел крикнуть Гравейн, но вместо имени с губ сорвалось хриплое карканье. Он обессиленно упал лицом на камни, ощущая, как кожа начинает обгорать. — Лаитан.

«Не так я представлял свою кончину, — сардонически усмехнулся Морстен. Гордость и упрямство не позволяли ему просто так умереть, словно обычный человек, поддавшись давлению непреодолимых обстоятельств. Тёмный Властелин пошевелился, оставив на скале пласт кожи, и снова попытался встать.

Лаитан уже сползла под уклон, судорожно цепляясь пальцами за острые камни и обгорелые остовы кустарника вокруг. Корни какого-то мощного дерева, торчащие оголёнными пальцами из земли, дали ей возможность спуститься ещё ниже. Порода под ногами скользила, осыпаясь вниз, в бушующий океан лавы.

— Морстен, разорви тебя змеекрыл, где ты?! — крикнула Лаитан, и закашлялась от попавших в глотку газов и испарений. Медноликая уже не видела, откуда пришла, не слышала рёва уккунов и голосов тхади, наверняка уже подоспевших обратно, чтобы увидеть, как мост упал вниз вместе с их господином. Лаитан поставила ногу на выступ, тот соскользнул вниз комком спёкшейся земли, и она едва не покатилась вниз кубарем, успев в последний момент уцепиться за торчащие ветки упавшего дерева, прочно застрявшего на самом краю, где недавно высились опоры моста.

Лаитан было страшно. Кажется, ей ещё никогда в жизни не было так страшно. Проведя жизнь в Империи Маракаш, она знала и умела многое. Её не пугали схватки, бои и даже нападения убийц, случавшиеся в последние годы с завидной регулярностью. Она знала — с ней всегда её дар. Магия стихий, которые она подчиняла себе, трансформируя в то, чего ей хотелось. Лаитан управляла многим, но теперь, лишившись поддержки знакомых кузниц, почти потеряв силу, она боялась за свою жизнь. Сердце стучало так часто и громко, что она

почти не понимала, что делает и куда идёт. Проклятый всеми светлыми богами Морстен будто пропал вовсе, и Лаитан как-то даже не подумала до сего момента, что это может быть действительно так.

Она, как и все остальные, не представляла себе, как властелин севера глупо и окончательно сгорит в кипящей лаве. Он должен был взмыться вверх на крыльях Тьмы, выбраться по головам своих тхад, восстать из пепла, соткавшись из него на другой стороне переправы.

Но его не было. Он не отзывался. И Лаитан так поразила мысль о человеческом теле властелина, способном так же, как и ее, просто сгореть без защиты и переправы, что она пропустила ветку под ногами, покотившись вниз.

Она закричала. Коротко и пронзительно, перекрывая гул и шум трескавшихся вокруг камней. Крик оборвался только тогда, когда Лаитан упала лицом на камень. В скуле что-то неприятно хрустнуло, и щеку облизнула дикая боль, а рот наполнился солёной кровью. Лаитан заплакала от боли, страха и потерянности. Слезы смыли пепел с лица, немного охладив горящие жаром щеки. Медноликая даже не представляла, что однажды сумеет испытать это, давно оставленное в детстве, чувство одиночества посреди незнакомой, опасной, угрожающе приближающейся действительности.

Прикоснувшись к щеке, она отдёргнула руку, когда от касания по лицу волной разошлась острая боль. Продолжая всхлипывать, она осторожно встала на колени, опираясь о землю ладонями, и поползла дальше, к светящемуся зеву пропасти, куда упал мост. Слезы сбили накал эмоций, подарив некое подобие отрешённости и покоя. Лаитан механически выполняла действия, перестав вздрагивать и трястись от каждого сыпающегося рядом камешка.

— Морстен! — попыталась она в последний раз позвать мертвеца, но из-за разбитой скулы вместо крика получился какой-то сдавленный громкий стон. Лаитан решила, что если сейчас не отыщет следов властелина, как раз вон у той балки впереди, через пару шагов вниз, то повернёт обратно и попытается отыскать верный путь.

Все-таки кто-то его звал. Кто-то искал его в этом огненном аду, переносить который он мог только потому, что пять сотен лет прожил в жерле вулкана, и привык не обращать внимания ни на жар, ни на оупляющую из-за отсутствия свежего воздуха вонь. Морстен испытал сначала раздражение, потом удивление от осознания того, что кому-то из оставшихся наверху он был ещё нужен. Необходим настолько, что этот человек смог пересилить свою природу, и добровольно отправиться в пышущее огнём озеро лавы.

«Только Лаитан достаточно безумна для этого. Непохоже на всегда хладнокровную и расчётливую Мать Матерей, мать её, — пошатываясь, он оперся рукой на камень, но потом подумал, и опустился на карачки. Пусть это было недостойно, зато удобно и точно быстрее, чем терять сознание от недостатка воздуха. — Но она уже давно непохожа сама на себя. Буду считать, что это от потери силы». На губах у него против воли появилась легкая улыбка.

Он никому никогда не признавался в своей слабости. В том, что Чёрный Властелин, последний из владеющих замком, может испытывать боль, слабость, растерянность — все те качества и эмоции, что свойственны обычным людям. И по большей части он их не испытывал. Не выдавалось возможности показать их кому-то.

В самом деле, кто будет испытывать благоговение перед чудовищем, внезапно оказавшимся способным сопереживать и страдать?

Уцепившись за эту мысль, как за стальной крюк, он направился по уступу туда, откуда слышался шум оползня и какие-то звуки, которые с натяжкой можно было счесть издаваемыми человеком. Кажется, это был стон. За изгибом скалы, в небольшом углублении, он обнаружил то, что сначала счёл свёртком тряпок, которые уронил кто-то из варваров Ветриса, спасавшихся бегством. Но, уткнувшись лицом в гладкую ткань, и пощупав её обожжённой рукой, Морстен хрипло рассмеялся, вытолкнув из растрескавшихся губ:

— Владычица Лаитан... Вы проделали такой долгий путь. Чтобы погибнуть в лаве?

Лаитан едва не сбросила обратно Морстена, подкравшегося к ней так тихо. Первым порывом было ударить наотмашь, чтобы он улетел обратно в свою лаву и навсегда замолчал со своим бесценным мнением.

— Ты жив? — спросила она первое, что мучало её всю дорогу. Властелин смотрел на неё снизу вверх, стоя где-то ниже корней дерева, в которых запуталась Лаитан. Огненные всполохи подсвечивали светлые волосы Морстена и его заметную седину, придавая лицу властелина загробное выражение. Одежда на нем дымилась и была порвана, а чёрная кольчуга, казалось, светится красноватым отсветом.

— Стоило бы догадаться, что ты и сам справишься, бессмертный, — сказала Лаитан, которой стало обидно за зря потраченные усилия и разбитое лицо. И в этот момент Морстен пропал. Вниз полетели куски камня, Лаитан сунулась вслед за властелином, увидев, как он висит на руках, цепляясь за крошечный выступ камня. Он поднял голову, во взгляде читалась насмешка и ожидание логичных действий Лаитан. Он действительно ждал, когда Медноликая достанет из-за пазухи чёрный клинок и ударит по пальцам властелина Замка.

Лаитан, уцепившись ногами за корень дерева, протянула ему руку.

— Хватайся! — крикнула она, чувствуя, как поднимается рассерженная лава и дрожит измученная земля вокруг. — Ну же, хватайся!

— Ты уверена? Ты понимаешь, кому протянула руку? — спросил он, задыхаясь от жара. Слезящиеся от ядовитых испарений покрасневшие глаза властелина были широко открыты. Он настолько не ожидал этого жеста от кого-то, кроме своих тхади, что едва не разжал пальцы от удивления, лишив Лаитан возможности поймать его. На лице Морстена, выпачканном сажей и пеплом, красном от ожогов и едких паров, читалось несказанное удивление, какого он, кажется, давно не испытывал.

— Да, уверена! — рявкнула Лаитан. — Хватайся быстрее, если хочешь жить.

Времени, отведённого силой тяготения Морстену, как раз хватило, чтобы посмотреть в глаза Лаитан. Пальцы скользили по камню, оставляя на граните кровавые следы, но во взгляде Матери Матерей он смог прочесть гораздо больше, чем ранее. Слабость ли её силы, или что-то иное, но сейчас Владыка Севера смог увидеть намерения той, что владела Империей.

Она действительно хотела помочь. Не подтолкнуть, не разжать пальцы проклятого тьмой, не рубануть по ним мечом — но помочь. Спасти Тёмного Властелина. В ее глазах был ужас, страх, паника и еще кое-что — опасения за него.

В других обстоятельствах он бы долго, громко и со вкусом смеялся. Сейчас же пришлось отложить этот момент на отдалённое будущее. «Если оно наступит, — цинично отметил Гравейн, собирая в кулак свои телесные и духовные силы. Он рывком выбросил вперёд и вверх руку, вцепившись в тонкие, но неожиданно цепкие и крепкие пальцы владетельницы, и одновременно отдавая приказ своим тхади. — Если все получится...

Чтобы полностью овладеть чужими телами, он не имел ни возможности, ни желания, да

и этот участок способностей Темных Властелинов он мог использовать очень слабо. Но обожжённые и обессилевшие орки поднялись, словно им засунули ледяной шип в штаны, и рванулись за верёвками, намотанными на шеи уккунов, отбрасывая с пути замешкавшихся варваров. Это Морстен почувствовал очень ярко.

Лаитан с неожиданной силой потянула его на себя, когда Тёмный уже ощутил, как жадная лава лизнула подошвы его сапог. Он помог ей, чем смог, отталкиваясь мысками обуви от трещин в скале, и спустя мгновение уже наполовину лежал на краю скалы.

Крошащийся камень под ним намекал, что неплохо было бы убраться отсюда. Лава, булькающая, словно варево в походном котле, вторила этому намёку.

Он сдавленно замычал от боли, когда острые камни проскребли по свежим ожогам, и перекатился вместе с Лаитан подальше, едва не переломав ей кости весом своего тела в тяжёлой кольчуге.

Лаитан, которой потребовалась часть своей силы, чтобы вообще удержать Морстена, выдохнула с облегчением. От властелина исходил явственный запах жареного мяса, и его кольчуга, не остывшая и до сих пор красноватая, продолжала поджаривать своего владельца внутри себя. Медноликая испытала ни с чем не сравнимое чувство победы, которой ещё никогда не одерживала в жизни. Она нашла омерзительнейшего из всех живущих властелинов и вытащила его из лавового котла. И теперь не собиралась погибать рядом.

— Снимай свою кольчугу, пока ты в ней не пропёкся, как праздничный пирог, — сказала она, выталкивая слова через приступы кашля и пытаясь набрать в грудь побольше воздуха. Лаитан даже забыла о том, как сильно ударилась лицом о камень, подбираясь поближе к Морстену и пытаясь стащить с него нагретую броню. Она ожидала увидеть под ней змеиную шкуру, отсутствие плоти и кожи, мумию, шерстяное тело уккуна или кожу тхади. Морстен не то пытался ей помочь с раздеванием, не то хотел помешать, глядя на Лаитан весьма странно и растерянно. Если бы он был имперцем или долинцем, Лаитан предположила бы, что он подбирает слова благодарности. Но он был хозяином Замка, и конструкции с такой смысловой нагрузкой ему были неведомы.

— Да сними ты её уже, пока мы оба тут не сгорели, — повысила голос Медноликая, заставляя Морстена раздеться. — Она же тяжёлая, — как-то потерянно сказала Лаитан. Пласты земли под ногами снова начали уходить вниз, Медноликая шагнула к Морстену, который, казалось, опомнился от размышлений и начал стягивать кольчугу обгоревшими пальцами. Лаитан пыталась ему помочь, пока кольца не прижарились намертво к плоти властелина. Она до сих пор не могла поверить, что у Морстена самое обычное тело, а не хитиновый панцирь жука, к примеру.

И это тело уже находилось почти на той грани, когда резервы исчерпаны, и держишься только за счёт силы воли. Морстен, с трудом управляясь своими неловкими, больше похожими на разваренные сосиски пальцами смог ухватиться за воротник древней кольчуги, и с треском потянул её, срывая приплавившиеся к стёганному подкольчужнику кольца. Доспех с едва слышным укоризненным звоном упал на камень. Гравейн с облегчением вздохнул, понимая, что Лаитан оказалась права. Тяжесть действительно уменьшилась, и стало значительно прохладнее, если можно было сказать такое, находясь недалеко от потока огнистой тягучей лавы. Тлеющий подкольчужник тоже полетел наземь, и Морстен посмотрел в глаза Лаитан, которая уставилась на его торс, словно на теле Тёмного Властелина внезапно выросла чешуя или короста.

Он недоуменно посмотрел на себя. Шрамы, пересекающие тело поперёк, толстыми

багровыми канатами отмечали места, где его разрубили и пронзили алебардами. Посреди грудной клетки четко выделялся символ, отмечающий то место, где когда-то билось живое сердце. Вырезанный знак позволял тому, что стучало за ребрами, поддерживать в теле Морстена жизнь, но навсегда, по его мнению, лишив его возможности ощущать эмоции. Свежие ожоги выделялись блестящими пятнами. «Ничего особенного. Обычный Тёмный Властелин», — подумал он.

Сверху посыпались камни, пыль и земля.

Увиденное Лаитан заставило бы её отшатнуться, если бы для того было пространство на скале. Но места не было, и Медноликой дорого стоило не зажать рот рукой. Вырезанный на коже черный знак на груди показал Лаитан, что Морстен действительно был лишён сердца, как она и предполагала. Но остальное... Остальное поразило её сильнее, чем она хотела показать.

У владыки севера оказалось самое обычное живое тело, шрамы на котором красноречиво говорили о смертности Морстена, а свежие ожоги подтверждали мысли властительницы лучше любых прочих доказательств.

— Ты смертный, — одними губами произнесла Лаитан, разглядывая знаки и символы на груди, — смертный, как и остальные. Тебя можно убить оружием. Нет, нет, не так, — она помотала головой, не желая соглашаться с очевидным, — не просто смертный. Ты человек. Обычный человек на троне Замка...

В голове кружились нелепые мысли. Перед ней стоял человек, едва не сгоревший в лаве на ее глазах. Не защищенный ничем, кроме раскаленной кольчуги. Но этот смертный управлял Замком, использовал Тьму и призывал ее себе на службу. Столпы мировоззрения дали широкую трещину, и она стремительно разошлась в разуме, напомнив Лаитан покрытые ледняками земли Гравейна, где иногда таилась под толстой коркой смертельно холодная вода. Медноликая физически ощутила, как зашаталось ее тело, стоя на одной ноге, под которой полз, змеясь, такой разлом. Теперь она не знала, кому верить, а кого опасаться. Её соратники и союзники твердили ей о бессмертии властелина, о том, что он не стоит помощи и честной игры. Но сама Лаитан видела перед собой обычного человека, который, несомненно, сгорел бы заживо, если бы она за ним не вернулась. Взгляд, которым её наградил в ответ владыка Замка, вызвал у Лаитан лёгкую нервную улыбку. Так смотрят упрямы, воины и достаточно честные наёмники, которым предлагают сомнительное дело за большую оплату.

Сверху упала верёвка, но только одна. Лаитан замешкалась, не зная, что делать дальше. Обрыв уменьшался на глазах, заставляя её и властелина подбираться ближе и ближе друг к другу, пока между ними не осталась лежать только кольчуга Морстена. Сверху послышался голос тхади, зовущий своего повелителя.

— Забирайся мне на спину, — треснувшие губы Морстена покрылись выступившей и сразу же запёкшейся кровью, но он не обратил на это внимания. — Верёвка выдержит, а тхади вытянут. Не впервой.

Видя, что Лаитан, несмотря на то, что их разделяло меньше метра стремительно таявшей скалы, все ещё не может преодолеть отвращение к нему, Гравейн смахнул кольчугу в лаву, подхватил владетельницу на закорки, и ухватился одной рукой за верёвку, обмотав тонкую бечеву вокруг запястья. Тхади, почувствовав рывок, подкреплённый отданным на последних крохах силы приказом, налегли и потянули, рванув Морстена с такой силой, что он против воли застонал от боли.

— Теперь и ты знаешь мою тайну, Владетельница, — проговорил он, чтобы скрыть вырвавшийся стон. Лаитан зашипела в ответ, обхватывая его руками за шею. — И что ты будешь с ней делать?

Лава затопила скалу под ними, слизнув последнее напоминание о том, что произошло между двумя владыками.

Лаитан вцепилась в шкуру властелина, чувствуя, как под её пальцами лопаются пузыри ожогов, сочась сукровицей вовсе не черного цвета. Тело Морстена было огненным, со следами прижаренных частей кольчуги, которые прожгли даже защиту под собой. Медноликая держалась за властелина, пока перед ней не появилось лицо тхади, едва не выпустившего верёвку от удивления. Не успела Лаитан сказать что-то, как Морстен что-то высказал нерасторопному подручному, и тот рывком втянул их наверх. Этого властелин уже спокойно не перенёс. Покатившись по земле, он тихо застонал, пытаясь не придавить собой Лаитан, упавшую рядом. Тут, где воздух казался после лавы обжигающе холодным, Лаитан почувствовала, словно в её жилах течет не кровь, а вязкая субстанция. Будто золото расплавилось, почуяв близость лавы, а теперь снова застывало прочными искорками в крови Медноликой. Она подождала, пока Морстен перестанет кататься по земле, отчитывая и откровенно понося всех вокруг, подозвала тхади, который их вытащил и, бросив тревожный взгляд в ту сторону, откуда уже слышался голос Ветриса, зовущего её служанку, сказала:

— Быстро снимай с себя рубаху и отдай повелителю. Иначе я высосу твою кровь за два удара сердца, — подкрепила свои слова угрозой Медноликая. Когда тхади подчинился, протянув одежду властелину, Лаитан тихо сказала ему:

— Я ответила на твой вопрос... Морстен.

— Да, Лаитан, — принимая одежду из её рук, ответил Гравейн. Он знал, что потом проклянет все вокруг, включая этот мир, когда будет сдирать прикипевшую к ранам ткань, но с этим Владыка Севера мог справиться. — Как и я на твой. Это были очень... сложные ответы.

Он отвёл в сторону руку одного из мрачных тхади, протянувшего ему флягу с водой. Внутри Морстена поднималось волной странное ощущение. Забытое. Сначала он подумал, что это от перерасхода сил, полученных ожогов, но нет. Он был ошарашен, и не мог полностью справиться с этим. Принять помощь из рук своей противницы, противоположной стороны сил — такое случается не каждый день, и далеко не с каждым Темным Властелинам. Обычно из рук осиянных светом приходит гибель и разрушение, после которого Замок ищет нового хозяина, но сейчас...

— Сейчас нужно убраться подальше от разлома, — сказал он. — Потом можно будет отдохнуть.

Медноликая кивнула, с её головы осыпались сторевающие пряди волос, заплетённых в множество косичек, переходящих друг в друга. Она провела ладонью по голове, сбрасывая с неё тошнотворно воняющие горелые волосы. Без кольчуги и без вечной холодности, на краткий миг, который ей удалось увидеть, Морстен выглядел замученным, уставшим и изрядно потрепанным обстоятельствами человеком. Тхади сунул ей воду в руки, и Лаитан молча кивнула в ответ. Прозрачная жидкость прокатилась по иссохшей оцарапанной глотке, едва не заставив выплюнуть наружу глоток воды. Лаитан закашлялась, и не расслышала, куда делся властелин Замка, и почему вокруг стало шумно. Где-то рядом, наверняка, вскоре мелькнут светлые волосы Ветриса, одежда которого окажется чище, чем у царей Империи.

Медноликая посмотрела на свой вымаранный кровью властелина севера наряд. Алые бусины на светлой ткани смотрелись бы чужеродно и даже напыщенно, если бы не смешались с грязью, размазанным пеплом, сажей и углём от горелых деревьев по дороге вниз и вверх.

Лаитан опустилась на землю, привалившись спиной к валуну, закрыла глаза и сидела так до тех пор, пока чья-то тень не заслонила ей светлое пятно пляшущей вспышки лавы внизу перехода.

Открыв глаза, она увидела дварфа. Гуррун стоял, уперев руки в бока и надвинув шлем на глаза. Он ничего не сказал, только согласно кивнул своим мыслям и ушёл прочь. Лаитан не поняла, что он хотел рассмотреть в ней, но сил выяснять у неё не было. А вслед за дварфом возник тхади, с размаху шлепнувший ей на лицо повязку с вонючей мазью. Скула тут же заныла болью, в глазах заплясали искры, и Лаитан на некоторое время была увлечена только тем, чтобы справиться с ней и прекратить подвывать, закрыв глаза.

Еще один разговор

Один из тхади, кажется, шаман, поднял госпожу на ноги и, обхватив поперек талии, поволок прочь. Лаитан негодуяще пискнула, но вырваться из рук мощного шамана не сумела. Через минуту он поставил ее на ноги перед сидящим на камне Морстеном, которому уже перевязали его ожоги, и он стал похож на забинтованную мумию из небольших погребальных пирамид в низине царей Империи. Такой чести удостоивались только самые выдающиеся жрицы, и по слухам, среди мумий не было ни единого мужчины. Хотя, долина называлась именно Долиной Царей, а не Цариц, что явно намекало на некоторое искажение фактов прошлом.

Лаитан стояла, покачиваясь, и сверлила взглядом измученное лицо властелина, который, жестом приказав всем оставить их одних, не торопился поднимать взгляд на Лаитан. Он ковырялся в своей сумке, извлекая оттуда разные склянки и мази в глиняных горшочках. Разложив это добро перед собой, он снова принялся яростно копать в поклаже, а Лаитан, чей гнев уже сменился на интерес, сложила руки на груди и наблюдала за этой сценой.

Гравейн словно тянул время, не решаясь то ли начать разговор, то ли попросить ее о чем-то. Потом он тяжело вздохнул, сморщившись от боли, и с силой рванул на себе бинты. Те с треском присохших ожогов и остатков кожи сползли вниз. Морстен поднял в згляд и напоролся на внимательное лицо Медноликой. Он молча протянул ей одну из баночек с ароматным содержимым, так и не собравшись с духом, чтобы открыть рот и попросить о помощи.

Лаитан шагнула вперед и взяла горшочек, поднеся его к носу. На глаза тут же навернулись слезы, а мерзкая улыбка Гравена стала шире. Лаитан поджала губы, борясь с желанием запустить мазью в лицо властелина, но все же переборола себя. Морстен выглядел ужасно. Ожоги, местами уходящие глубоко в мышцы, кровоточили и истекали сукровицей, в паре мест кожа стала черной, как имперская сталь. Лицо оставалось красным, кисти рук представляли собой нечто распухшее и тоже осторожно забинтованное. Лаитан поняла, что толстые пальцы тхади просто не сумели тщательно наложить повязки на руки человека. Правда, со спиной они бы справились легко, но властелин зачем-то позвал именно ее. Наверняка, он испытывал невыносимую боль, которую вряд ли выдержал бы обычный человек, но всмотревшись в черные глаза Морстена, Медноликая поняла причину молчания и причину такой стойкости. Зрачки властелина были расширены до предела, расползшись по всей радужке. Одурманенный, чтобы не чувствовать боли, он часто и тяжело дышал, продолжая смотреть на Лаитан.

Та осторожно обошла его сзади, похрустывая пеплом и мелкими сучьями на земле, и, зачерпнув вонючую мазь из горшочка, коснулась ожогов в форме звеньев кольчуги на спине властелина. При всем желании, он не мог бы справиться сам с такими изуродованными руками, а просить своих тхади почему-то не стал, хотя кто-то из них явно уже пытался о нем позаботиться и наложить повязки. Видимо, недостаточно хорошо, если кожа продолжала гореть и пузыриться.

Когда первые касания Лаитан нанесли мазь на ожоги, Морстен не сдержал стоны. Скрипнув зубами, он сунул в рот толстую ветку и с силой прикусил ее, напрягаясь всем телом. Лаитан едва не отдернула руку, но взяла себя в руки и сильными мазками нанесла

мазь на кожу, размазывая ее по всей поверхности. Гравейн перестал стонать и только сидел прямо, словно проглотил ядовитую рыбешку и теперь боялся пошевелиться.

Настала очередь груди. Спина, как поняла Лаитан, представляла собой такую же карту с отметинами прошлого, как и грудь, но шрамы и рубцы на ней скрылись под ожогами и ссадинами. Спереди дела обстояли получше, но не настолько, чтобы можно было порадоваться, и Медноликая на секунду прониклась сочувствием к Морстену, представив, как ему придется мучиться в седле и по ночам, пытаясь отыскать удобное положение для сна.

— Если ты так жесток к себе, неудивительно, что о твоей жестокости по отношению к другим ходят легенды, — пробормотала Лаитан, размазывая нечто еще более мерзкое по груди Морстена. Субстанция напомнила ей выдавленные свежие кишки вперемешку с таким же свежим дерьмом младенцев. Да и запах вполне соответствовал. Гравейн перестал дергаться от каждого ее прикосновения, неотрывно следя за нею. Он смотрел прямо, старательно не отводя взгляда от ее лица и пытаясь встретиться с ней глазами. Лаитан пока удавалось избежать этого, но она начала нервничать, а Гравейн, наоборот, кажется, поймал свою стезю и даже расслабился. Его кожа была горячей и сильно израненной, но он даже не дернулся, когда Медноликая случайно ткнула пальцем в свежий глубокий ожог, почти сразу замазав его коричнево-красной мазью.

— Неправда. Я не бессмысленно жесток, как рисуют мой портрет в Империи. Хотя, там такое рисуют... — медленно покачал он головой, продолжая смотреть за работой Лаитан.

— Там много чего рисуют. Тебе эти картинки бесполезны в виду отсутствия возможностей и необходимых органов для их воплощения в жизнь, — пожалала плечами Лаитан, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Она вспомнила фрески и панно в залах дворца. И то, что на них было изображено, неизменно заставляло ее сердце биться чуть чаще. Особенно, когда она все еще медленно и уже куда более ласково домазывала остатки из третьей баночки на лицо Морстена. Он смотрел на нее, прямо в глаза, и пальцы Лаитан странно подрагивали. «От усталости, должно быть», — подумала она, заканчивая с процедурой.

— Увы, даже Замок не может отрастить такие штуковины. Да он и названий для них не знает... Как и я).

— Это то, что отличает тебя от остальных. У нас эти органы называются чреслами. Хорошо, что властелины не размножаются традиционным путём, — фыркнула Лаитан, принявшись снимать с кистей повязки. Ей оставалось самое трудное, и сделать все предстояло быстро. Вот-вот ее начнут искать варвар и ее люди. Бинты присохли к пальцам так сильно, что пришлось отмачивать их, поливая водой из фляги, в которую Морстен попросил бросить щепоть белого порошка для обеззараживания и усиления целебных свойств. — Хотя сказки говорят, что ты таскаешь к себе в Замок юных дев, чтобы надругаться над ними, а потом отдать на потеху своим тхади. Противоречие...

— А, эти... Мудя. Ну да, есть такое. Но властелины действительно не размножаются традиционным путем. И нетрадиционным тоже. Тьма лишает способности стать отцом.

«Но явно не лишает возможности многократно пробовать», — зло подумала Лаитан, тут же испугавшись этих мыслей, от чего дернула бинты с рук Морстена сильнее, чем намеревалась. Он, однако, только поморщился, не прервав своего рассказа.

Дев таскают тхади. Ну, как дев... Северные племена немногочисленны, и, чтобы отмыть одну такую деву от жира и грязи, порой уходит до двух котлов горячей воды. Которой, к

счастьем, можно нагреть немеряно — вулкан, снег...

Но ни на что иное эти бедные девушки не годятся. Некоторые остаются прислуживать в Замке, и потом даже чему-то учатся, но остальные... Я знаю, что северяне воспринимают это как жертвы тёмному духу. Я им помогаю едой и лекарствами, и защищаю от диких зверей.

Он лукавил, утаивая всю правду, и знал об этом. Против воли перед мысленным взглядом встало лицо и тело Моры, которая тоже однажды была приведена в Замок таким образом, но не просто осталась прислуживать, а стала на темный путь, обретя в лице Гравейна и учителя, и любовника одновременно.

— Отцом не можешь быть, или вообще не интересуешься служанками? Принципиальный вопрос, знаешь ли, учитывая твою ядовитость слюны. Ты вот прямо спаситель, а не чёрный властелин. Так и хочется спросить, если ты такой заботливый, мы тогда кто.

Медноликая закусила губу, увидев, что стало с руками Морстена. Если на них и оставался клочок неповрежденной кожи, то его можно было отыскать с невероятным трудом. Ладони все в глубоких порезах и прорванных ожоговых волдырях, куда забивалась грязь и пепел, тщательно вымытые потом тхадн во время первой перевязки. Сплошное месиво из сморщенной кожи, обгорелых ногтей и кровавых ран. Рука Лаитан дрогнула, и она едва не выронила очередную маленькую баночку с мазью цвета чернил. От баночки шел густой дымок, когда содержимое начало реакцию с воздухом. Лаитан какое-то время задумчиво смотрела на завитки дыма, словно что-то припоминая. Ей отчаянно казалось, что где-то она уже это видела и вот-вот вспомнит, как называется компонент, который дает такую реакцию. Уставший разум подбрасывал странные картинки, в которых подобные склянки, только из прозрачного тонкого стекла, стояли рядками на чистых сверкающих полках в светлом помещении, с потолка которого лился голубоватый свет, остро пахнувший чем-то теплым, словно сгустившееся летнее солнце.

— Отцом, отцом. Семя бесплодно. Служанки... Интересуюсь, я же мужчина. Нс интерес строго определённый.

Я не спаситель. Кто вы, я уже сам не понимаю. Знаю лишь одно правило Черного Властелина — «будь честен с собой и окружающими». Если хочется убить — убей, если хочется спасти — спасай. Никаких ограничений, кроме своих собственных. Тьма не запрещает, — он усмехнулся, с трудом растопыривая опухшие пальцы, чтобы Лаитан наложила свежие повязки.

— Мы все в курсе, что твой пол мужской. Но как-то в голове не укладывается все вот это, — она махнула рукой с пустой баночкой в сторону, стараясь показать, что имеет в виду. — В общем, легко тебя представить сжигающим дев в слюне, но вот в остальном как-то непредставимо для остальных.

— Ну и не представляйте, мне-то от того ни холодно, ни жарко, — он едва заметно пожал плечами, — Я же не занимаюсь представлением тех зверств, которым подвергают слуг тьмы в землях света, — он резко замолчал, будто вспомнив что-то из прошлого, что готово было сорваться с языка, но вовремя осталось внутри. Черные глаза сузились, резанув Лаитан взглядом не хуже клинка из черной стали. Она внутренне сжалась, понимая, что Морстен прав. Какое ей было дело до того, как и с кем, да и вообще как и почему он там что-то творит в своем Замке? Хотела обвинить в жестокости, в чрезмерной любви к пыткам и извращенном совокуплении? Разговор явно грозил перерасти в ненужную никому ссору и

спор, и Лаитан постаралась поскорее закончить с перевязкой.

— Не припомню никаких особых зверств, кроме пыток лазутчиков и публичных казней диверсантов, желавших моей смерти и смерти Империи., - попыталась свести все к обсуждению разницы правлений запада и севера Лаитан.

— Вот об этом я и говорю. Описание казни на три листа пергамента говорит о миролюбивости жителей Империи и справедливости имперского суда. Круг Чести тхадикажется верхом милосердия после этого.

Морстен зло сплюнул в сторону, откуда тут же поднялся дымок и облачко сгоревшей травы, превращенной в пар.

— Не слишком ли ты осведомлён об Империи? Или лично видел это? Бывал в подвалах и гладиаторских ямах? — тон Медноликой стал злым, она пыталась скрыть нервозность, прекрасно понимая, что Гравейн прав, но не собираясь признаваться в этом никому. Каждый правитель действует так, как от него требует время и народ. Некоторым удается даже не сильно калечиться при этом от рук благодарных подданных, но обсуждать свои стратегии и поведение с черным властелином льдов и вулкана Медноликая не собиралась. Это не его дело.

— Бывал пару раз, и даже выходил победителем подпольных боев. Но это было давно, с тех времен все могло поменяться. Да и лазутчиков я не отправлял уже много лет. Те же жители Империи, что выражали желание служить мне, отличались явными проблемами с головой... и использовались соответственно.

Она довольно долго молчала, слыша, как на стоянку уже въезжают ее люди, среди голосов которых четко выделялся гортанный рык Ветриса. Потом властительница Империи тихо сказала, не поднимая взгляда:

— Ты хочешь сказать, что ты не отправлял лазутчиков перед походом? Это был не твой человек, голову которого принёс во дворец варвар? Но и к Посмертнику она не имеет отношения, иначе бы долинцы воспротивились такому подношению.

Она подумала о том, не с этого ли началось заражение Империи, но после некоторых размышлений Лаитан пришла к выводу, что для такого прошло слишком мало времени. Даже Посмертнику требовалось уделять ритуалам довольно долгие минуты или часы, поднимая и призывая на службу свой отвратительный отряд. Морстен медленно, обдумывая каждое слово, произнес:

— О вашем походе я узнал, когда он уже начался. Те возмущения в силе, которые создали твоя работа в Кузне и последовавший переход, разбудили бы даже мертвого. Но о визите Ветриса в твой дворец я узнал уже постфактум.

Чьи головы таскает варвар — это знает только варвар.

Мои агенты, в основном, живут либо в северных твоих провинциях, либо на дальнем юге. В столице оставался один сумасшедший старик, но последние его донесения представляют рифмованный бред, и потому он бесполезен. Хотя и открыл для меня бездну нового в поэзии.

Вариант с Посмертником я не сбрасывал бы со счетов. Эта тварь не придёт ко мне, потому что знает о моем отношении к таким визитам, и заготовленной специально для него серебряной пике над главным входом в Замок. Если этот самозванный Владыка Смерти не являлся к тебе, значит, он нанёс визит вежливости к Ветрису. Больше значимых игроков на континенте нет. Кочевников я не учитываю, хотя и наблюдаю за их растущей силой.

Медноликая не подала виду, что не поверила словам властелина, но и особого

энтузиазма в отношении высказанного признания не показала. Морстен мог лгать, говорить полуправду или вообще быть кристально честным, не уточняя, правда, к какому периоду времени относятся его слова.

— С кочевниками мы скоро встретимся лично, — мрачно сказала она в ответ. — Серебряная пика, значит... — задумчиво протянула она. — Не потому ли долинцы обошлись малой кровью в моем дворце, что зараза Посмертника не пристаёт к ним так же хорошо, как к имперцам. Или ему нужно нечто именно от нас, от меня, а не от царя Долины. Но тогда брачный союз почти не имеет смысла. Златокровые имперцы заражены, вымирают и... — она осеклась, дернув головой в ту сторону, откуда уже приблизился шум спора и крики Ветриса пополам с Киоми. — И единственная возможность избежать падения, кровосмешение с среброкровыми, но и это не гарантия. Зато это гарантия объединения. Варварам что-то нужно от нас, но у их вождя свои планы, которыми он вряд ли поделился даже с самыми верными слугами.

— Владетельница Лаитан, я тоже не делюсь со своими тхади чем-то большим, чем им необходимо знать. Они наловчились узнавать сами.

Да, серебряная. Смазанная ядом ледяных скорпионов, который заставляет даже мёртвую плоть испытывать мучения. Не уверен, что на Посмертника подействует, так что рассматриваю это скорее как символ. Он о нем тоже знает.

Даже если среброкровые не принимают яда Посмертника, кто даст зарок, что помесь обретёт те же качества? Да и время уже упущено, Лаитан. — Это нужно было начинать два или три поколения назад, но прозревать будущее мы не в силах. Никто из нас, даже варвары.

Ветрису нужна власть, я чувствую таких вождей за лигу. Но зачем она ему — вопрос открытый. И ему ли она нужна...

Если говорить о выживании народов, то объединение — это единственный путь. Может стать так, что слияние крови откроет новые горизонты. Может, этого и хотели Древние... Строители. Кто знает?

Морстен задумался о тех, кто создавал этот мир, в котором нашлось место и Свету, и Тьме, и Отцу-Океану, и даже треклятому Посмертнику, который планомерно вел живое в серое царство смерти, словно не понимая одной важной вещи. В царстве мертвых нет будущего. Мир живет, пока балансирует между разными полюсами сил, и стоит одному из них уничтожить остальные — погибает.

Лаитан задумчиво посмотрела на него, обдумала свои вопросы, но решилась задать их, пока ещё оставалось время на это:

— Тогда почему долинцы? — поймав непонимающий взгляд властелина, она пояснила: — ты сказал про объединение и древних создателей. Тогда почему именно Долина? Не Тьма и золото, не серебро и червление? Ты никогда не думал, что бывает и чёрное золото, и червлёное серебро, которые ценятся выше?

Собеседник Лаитан отвёл взгляд. Видимо, тема была ему неприятна. Но Лаитан, не заметившая этого, задала последний вопрос:

— И что тогда вообще действует на Посмертника? Мы не знаем. И никому не пришло в голову это выяснить. Да, мы идём к Океану, как к Отцу всего сущего. Но Отец может спать, может быть болен, может умирать. И кто тогда поможет нам, если мы сами должны будем помочь ему.

Лаитан поднялась на ноги, не ожидая слов благодарности за свою работу. Да властелин и не привык быть кому-то благодарным на словах. К тому же, он достаточно спасал ее за

время похода, чтобы она могла успокоить свою гордыню тем, что просто отдала ему часть долга. Теперь ей было совершенно ясно: военный союз с долинцами имел значение только при наличии Посмертника, против которого он был создан. Появление северянина смешало все карты. Брачный же союз не имел никакого значения вообще, и Ветрису нужно было именно нечто такое, к чему его могла привести не одна Лаитан, но в союзе с Морстеном. И варвар сделал ставку на три силы, старательно не поддерживая Тьму, но отчаянно в ней нуждаясь в пути. Все ответы лежали впереди, у Океана. Оставив Морстена в одиночестве, она направилась к Киоми и Ветрису, поспешавшим к ней со стороны дороги. Варвар выглядел спокойным, а её служанка, наоборот, готова была растерзать всех, включая и свою госпожу.

— Госпожа Медноликая Лаитан! — спрыгнув с седла, подбежала она к своей царице. — Как ты могла так собой рисковать? Зачем ты осталась? Почему не пошла с нами?

— Действительно, мать матерей, — рассудительным тоном вклинился Ветрис, — к чему такие заботы о слуге Тьмы? Твоя сила и твои ласки могли бы оживить и более достойных людей.

— Более достойные почему-то разбежались, — очень тихо сказала Лаитан, — и мои заботы равны по отношению ко всем моим союзникам и подданным. Если бы ты, вождь, оказался на месте властелина, я бы заботилась о тебе не хуже.

В голосе Лаитан слышался явный намёк на трусость долинца.

Ветрис понял оскорбление, прозвучавшее невысказанным в словах Лаитан, и на мгновение утратил душевное равновесие. Уязвлённая гордость варвара вопияла.

— Я достаточно осмотрителен, чтобы не оказаться на месте проклятого Тьмой, — сказал он, искривив губы в брезгливой гримасе. — Но ты была неосторожна, о владетельница. Рисковать собой ради бессмертного, который, быть может, ежедневно купается в лаве своего личного вулкана... Не думаю, что ему что-то угрожало. Кроме, разве что, долгого подъёма вверх по скалам и одиноких закатов в попытке догнать нас. Если бы Морстен, — он произнёс это имя, словно название опасного ядовитого гада, — захотел продолжить путь. А не вернулся бы в свой замок, забрав своих вонючих слуг и избавив нас от необходимости лицезреть себя.

Киоми с уважением посмотрела на варвара, и кивнула, соглашаясь с горячими словами гордого вождя.

Гравейн, прекрасно слышавший горделивый бред Ветриса, наклонил голову, и вздохнул. Иногда очень плохо, что у Властелина Тьмы хороший слух. Но варвары редко отличались уважением к тем, кто не был им нужен. «Не может же этот, по слухам, мудрый правитель, проживший едва ли не полторы тысячи лет, вести себя, как чертов юнец, который только вчера принял имя? — Морстен задумался, потирая зудевшие ожоги, смазанные руками Лаитан. — Или может? Или его подталкивает его же тело, гораздо более молодое, чем разум. Пожалуй, Лаитан была не так уж и неправа, когда упомянула о разных сочетаниях спасительного кровосмешения. Почему именно варвары Долины? Только ли из-за того, что в их жилах течёт кровь Луны, Древних и Тьма пойми кого еще? Да и Отец-Океан действительно может быть болен. Слишком много больных вопросов и слишком мало времени для поиска ответов».

Владыка Севера, сдерживая готовые вырваться крик и стоны, осторожно поднялся на ноги, с трудом оторвавшись от камня, который прилично отдал ему зад на протяжении

всего разговора с Лаитан, и медленно побрёл к стреноженным уккунам. Где-то там лежала запасная кольчуга. В свете слов Ветриса надеть её под привычный балахон казалось очень хорошей идеей, предохраняющей от острого отравления имперской сталью.

— Тогда что же ты, гордый и прекрасный отец своего народа, сам не повёл в поход остальных? — испытывав неведомо откуда взявшуюся злость на варвара, прошипела Лаитан. — Зачем же тебе пользоваться столь опротивевшими тебе вонючими животными и слугами властелина севера? Или, когда припасы и целебные травы служат во благо тебе и твоим людям, то слуга Тьмы становится не таким темным?

Лаитан даже не заметила, как на кончиках её пальцев сверкнули золотые искры. В ответ на её эмоциональное состояние варвар сверкнул серебром в глазах, намереваясь отразить атаку. Он так и стоял, открывая и закрывая рот, не в силах что-либо ответить матери матерей. В ситуацию вмешалась Киоми:

— Госпожа Лаитан, ты пугаешь свой народ и меня лично. Ты защищаешь Тьму и её слугу прилюдно, оскорбляя будущего супруга, оскорбляя тем самым всех имперцев рядом.

За её спиной послышался нестройный гул голосов жриц и долинцев. Ветрис расправил плечи, приободрённый поддержкой женщины.

— Защищать и не позволять несправедливость — разные вещи, Киоми. И если Империя действительно так светла и чиста, как была изначально, то всем её людям стоило бы понимать эту разницу, а не поддаваться на провокации пришлых, — она недвусмысленно посмотрела на варвара. Щеки Киоми вспыхнули румянцем. Она опустила голову и замолчала.

— Мы слишком долго пестовали, передавая из уст в уста, легенды о повелителях льдов и песков, чтобы теперь иметь хоть какое-то правдивое представление об их истинной сути. Я не отрицаю того, что Морстен — слуга Тьмы. Но если Тьма коварна настолько, насколько вам хочется с Ветрисом верить, то и золото крови Империи должно быть настолько же сиятельно и незапятнано недоверием, ложью или подлостью.

Лаитан набросила на плечи тонкий плащ одной из жриц, которая протянула ей его, пока остальные были заняты друг другом, и пошла к своему уккуну, прихрамывая и осторожно касаясь синяка на половину лица.

Впереди ждали пески и горы, а Лаитан настолько запуталась, что уже не знала, кому верить и кого опасаться. Позади неё шелохнулась тень, и мать матерей тут же почуяла присутствие в ней одной из жриц.

— Назовись, — приказала Лаитан. Тень всколыхнулась, из неё послышался приглушенный голос:

— Надира, моя госпожа.

— С чем ты пришла ко мне, Надира? — спросила Лаитан, усаживаясь в седло. Тень помолчала, но все же ответила:

— Твоя первая служанка, великолепная Киоми, да продлит солнце её дни, осторожно спрашивала всех нас... кое о чём...

— О чём же, Надира? — устало спросила Лаитан, натягивая поводья.

— Не замечали ли мы ворожбы на тебе, мать матерей. Не поддавалась ли ты лживым уговорам Тьмы, — едва слышно выдохнула жрица. Лаитан скрипнула бы зубами, но скула слишком сильно болела для этого.

— Спасибо, Надира, я благодарна тебе за то, что ты не побоялась выяснить это лично.

— Будь осторожна, госпожа, — шелестнула тень и пропала. Лаитан кивнула и

постаралась выбрать путь поближе к властелину севера. На всякий случай. Тьма в эти времена оказалась честнее света, и, если Морстен захочет её смерти, он не станет плести интриг, а ударит прямо в сердце.

Морстен дожидался остальных, сидя в седле, и пытаясь не думать о том, что сотворит с его ожогами путь на уккуне. Мазь тхади заживляла всё и быстро, вызывая взамен сильные голод и жажду, но даже снадобьям этого народа требовалось время. А с этим в последние дни были проблемы.

— Если безобидное ущелье с речкой-невеличкой превратилось в лавовый поток, то чем обернётся подгорный проход? — тихо размышлял он вслух, пользуясь кратким моментом отдыха, пока имперцы и долиницы сворачивали бивак. — Задницей каменного червя размером с замок? Или плоткой дракона-переростка? Кто нам противостоит, кроме Посмертника?

Слева от него фыркнул уккун, присутствие которого Морстен ощутил задолго до того по воним сожжённой шерсти и навоза. Раскатистый бас Гурруна тоже было невозможно перепутать ни с чем.

— Тёмный, этот туннель, про который ты говоришь, строили наши предотцы, и ничем иным, кроме как великим памятником прошлого и святыней дварфов, он не окажется, — под перемотанной свежей повязкой, скрывавшей ожоги, глаза предводителя подземного народа горели самым настоящим огнём. Но руки лежали на поводьях, и не сжимали, против ожидания Гравейна, рукоять секиры. — На самом деле, скажу честно, я рад, что смогу увидеть то, о чем слагаются легенды.

— Что же это? — Морстен видел, как дрожат губы дварфа, и это его удивило. — Чем так важен туннель, соединяющий две стороны горы?

Дварф высморкался в сторону, и вытер пальцы о шерсть недовольно мычащего уккуна.

— Ты не понимаешь, человек, — Гуррун гордо поправил шлем, — это для тебя туннель — всего лишь дырка, прости меня мать-Земля, как в заднице. А для меня это Аркзантар-Кхагдубург, священное место, где мой народ стал народом. Первое поселение дварфов на пути от Океана. Вообще первое в этой земле, врубаешься?

— В... Врубаюсь, — Тёмный Властелин попробовал на вкус новое слово, сопоставив его с ударами кирки, вгрызающейся в неподатливый камень. — Это действительно очень важно для тебя. Но я думал о другом. О тех угрозах и опасностях, что могут нас ожидать там, в глубинах гор. Дорога приведёт нас в Аркх... к святыне твоего народа через день, если учесть остановку на ночлег.

Дварф покосился на Морстена, словно ища на лице владыки Севера следы неподобающего настроения, но потом подумал, и буркнул, ткнув уккуна в бок кованым сапогом:

— Нет там никаких опасностей. Двери Кхагдубурга заперты уже три с половиной тысячи лет, и тебе может грозить только расчихаться от скопившейся там за все это время пыли.

Морстен посмотрел, как уккун Гурруна медленно пылит дальше по каменистой дороге, снова сужающейся и прижимающейся к скале. В словах дварфа он чувствовал какую-то недосказанность, словно тот все ещё не мог доверять Тёмному. И, не в силах соврать напрямую, попросту уклонился от ответа.

— Интересно... — сказал он, чувствуя, как сзади приближается ещё один уккун. Это

была Лаитан, он уже научился разбираться в звонах браслетов имперских жриц и служанок.

Перед подгорным тоннелем

Мать матерей молча поравнялась с Морстеном и ехала спокойно. Ветрис и Киоми бурно обсуждали, что может ждать их в дырявой горе, наперебой хвастаясь своими прошлыми подвигами. Они даже пытались устроить обмен опытом прямо в сёдлах, от чего остальным пришлось держаться подальше от этой парочки. Ни варвар, ни воительница не обращали внимания на Лаитан, но теперь, вопреки ощущениям в самом начале пути, отсутствие повышенного внимания со стороны служанки и варвара устраивало Медноликую полностью.

Властелин севера покосился на Лаитан, но прогнать не пытался. Лаитан подмывало поговорить о человеческой природе властелина Замка, но проявлять явный интерес к физиологическим подробностям она не решалась. Покусывая губы, растрескавшиеся после пребывания над лавовой пропастью, она прислушивалась к ноющей боли в скуле. Какой-то тхади поделился ценной мазью и с ней, пока Морстен не видел, и теперь они оба были помечены желтовато-зелёной вязкой субстанцией.

— Тебе что-то не даёт покоя, Лаитан, — сказал после продолжительного молчания Гравейн. Он так и не дождался, что Мать Матерей заговорит первой, и решил взять инициативу в свои руки. — Может, я смогу немного развеять эту пелену?

Дорога мелькала внизу мелкими камешками и пылью, вздымаемой широкими лапами уккунов, уже забывших о пережитой опасности, и равномерно бежавших по тропе. В отличие от лошадей, капризных, прихотливых и взбалмошных, северные рогачи обладали флегматичным характером и спокойствием, не забывая, впрочем, ударом ноги ломать хребты крупным белым волкам и ледяным лисам, если те оказывались настолько глупы, что пытались напасть на животных Замка.

Пока владетельница Империи собиралась с мыслями, Морстен пытался сообразить, что делать дальше, за горами. Там его импровизированная карта заканчивалась. Но дорога к Океану была только одна. Дварф правильно заметил о Пути, только забыл упомянуть, что в своё время им прошли, кажется, все известные сейчас старые народы, и множество сгинувших в пучинах истории племён. Кроме народа Тьмы, являвшегося плотью от плоти этого мира.

— Как ты думаешь, что там? — она кивнула на дорогу впереди. Лаитан никогда бы не призналась, но ей было не по себе от происходившего в последнее время. Меднолика, ощущая себя потерянной и оставшейся один на один с миром, искала какой-то стабильности и защиты, пусть даже и от властелина севера. Он хотя бы пока не делал подлостей и не пытался развязать споры на пустом месте.

— Отец, — пожал плечами Морстен. Подумав, что вряд ли владычица хотела услышать такую очевидность, он добавил: — Впереди горная тропа. Скалы, покрытые кривыми соснами, выше — граница снегов. Но мы до неё не дойдём, проход должен быть раньше. Дварф говорил, что это святыня его народа, первое поселение с непроизносимым названием... — Гравейн помолчал, и сказал то, что его беспокоило. — Но даже если оно отделено от самого туннеля, кто знает, что могло там расплодиться за три с лишним тысячи лет. Ведь почему-то народ Гурруна перестал туда ездить. От Трёхязычья сюда не так далеко, как кажется. Неделя пути, а уж подгорными тропами...

Настрой Лаитан очень поменялся с момента их первой встречи, и хозяин замка сейчас пытался понять, как следует ему себя вести. Излишне дружелюбным и милым быть не

хотелось, это шло вразрез с его собственным ощущением правды, а враждовать открыто было незачем. Для этого имелись светловолосый варвар и его новая пассия, Киоми. Разрушительной мощи этой пары хватило бы, чтобы разнести полмира. «Уж не это ли план Ветриса? — подумал Морстен, оглядываясь через плечо, — добить Лаитан, и посадить на Золотой Трон её сестру... А что, может получиться. Кровь у неё, конечно, пожиже».

— Думаю, что нам придётся ещё много пережить, — усмехнулся он Лаитан. — Судя по первым дням, владычица, соскучиться и умереть от тоски нам не светит.

Медноликая коротко кивнула. Она не знала, как стоит себя вести с властелином, который мог оказаться таким разительно противоречащим слухам о себе только на этапе путешествия. Он говорил, что его цель — спасение мира. Но Тьма, спасающая хоть кого-то, кроме себя, казалась Лаитан чем-то неестественным. «Кто же тогда мы? — подумала она. — Все мы. И варвар, и мои люди, и все, кто идут за нами. Даже дварф научился не падать из седла, помалкивая, а те, кто должен охранять меня, плетут за спиной интриги. Может, Тьма и правда честнее?»

— Госпожа, госпожа! — раздался крик кого-то из жриц. Лаитан осадил уккуна, ища взглядом источник голоса. Она подняла взгляд, к снежным вершинам гор, откуда как раз спускался небольшой отряд из жриц-воительниц и разведчиков варвара.

Одна из жриц, рискуя переломать ноги, скатывалась со снежных пластов ближе к подножью.

— Госпожа, госпожа! — продолжала кричать служанка. Лаитан развернула своего уккуна по направлению к небольшому отряду впереди, выдвигаясь им навстречу. Когда она отъехала достаточно от остальных, бегущая к ней женщина, коротко взмахнув руками, упала и покатила по снегу, скатываясь по каменной насыпи вниз, к остальным. Животные уже сошли с широкой тропы, постепенно втягиваясь в проложенный тракт, чьи стены начинали вздыматься вверх, когда дорога уходила ниже. Лаитан почувствовала колебание силы, которая была похожа на Посмертника, но сохраняла достаточно жизни, чтобы не являться частью энергий колдуна.

Медноликая слышала, как кто-то, вроде даже Киоми, звали её обратно, но почуявший запах свежей крови уккун встал на дыбы, взмахнул короткими передними ногами, словно обычная лошадь, и стремительно побежал вперёд. Лаитан сумела справиться с животным только тогда, когда он встал, будто натолкнувшись на невидимую стену, у тела молодой женщины, лежащей на дороге. Сверху, над головой госпожи, донеслись гортанные выкрики долинцев, замыкающих отряд разведки и прикрывающих двух воительниц Медноликой. Лежащая перед ней женщина, кашлянув кровавым сгустком, бессмысленно уставилась в небо. Раскинутые руки, выкрученные ноги и сочащиеся кровью открытые переломы после падения уже дали достаточно алого под одеждой женщины, чтобы её невозможно было спасти.

— Госпожа, не ходите, — едва слышно выдохнула она, — они... ждут...

Жрица умерла, последний раз вздохнув и так и не закрыв глаза. Лаитан осмотрела тело, но сначала не нашла никаких повреждений, кроме переломов. Потом она спешила и подошла к протоптанной тропе наверх, откуда скатилась жрица. Прямо перед самым местом, где она вывалилась на дорогу, валялся обломок стрелы с черно-красным оперением. Сломанная стрела торчала из снега, и Лаитан догадалась, что вторая её часть осталась в теле жрицы.

Морстен, неслышно подойдя к Лаитан, кашлянул, чтобы обозначить своё присутствие.

— Что она сказала? — спокойно спросил он, оглядывая окружающие скалы. Опасность была разлита в воздухе, но не угрожала никому конкретно. Кто бы ни следил сейчас за ними, он не испытывал ненависти к кому-то определённом. С неизвестным врагом сражаться всегда неудобно, особенно если он тебя видит, а ты его — нет. Потому его тхади, хоть и уменьшившиеся в количестве после моста, уже деловито вскрывали тюки и собирали металлические арбалеты, которыми владели хоть и хуже мечей, но все же достаточно хорошо, чтобы доставить неизвестному противнику немало неприятностей.

Смерть жрицы, казалось, серьёзно вывела хозяйку Империи из себя. Лаитан, сверкая золотом глаз, обыскала тело своей прислужницы, но, кроме обломка стрелы, ничего не нашла. И только потом она обернулась к Морстену.

— Нас ожидают, — проговорила Мать Матерей. Красно-чёрное оперение стрелы ничего не говорило северянину, но, кажется, было знакомо Лаитан.

Впрочем, кем бы ни был невидимый враг, он был вооружён и уже показал свою агрессивность. В этом отношении Гравейн предпочитал действовать прямо.

— Не лезь вперёд, — сказал он Лаитан, и осторожно взял её под локоть, собираясь отвести обратно к уккунам. — Кем бы они не были, именно этого от тебя и ждут. Если двигаться вместе, есть шанс отбиться. Поодиночке нас перестреляют, как куропаток.

Вверх по склону споро карабкались тхади, за их плечами, облитыми темными кольчугами крупного плетения, болтались на широких ремнях арбалеты темной стали.

Лаитан медленно покачала головой, глядя на оперение стрелы.

— В Империи множество тайн, властелин Замка, но сейчас мне не до соблюдения заветов моего царства. На заре царства треть людей, среди которых были Мастера, жрицы и звездочёты, которыми у нас могут являться только мужчины, ушла прочь, не согласившись с правилами появления на троне Матери Матерей и Мастера Мастеров. Они говорили что-то, что было признано в веках ересью и противоестественным, и как я помню, дело касалось именно плодовитости имперцев. Говорили, что ушедшие прочь не желали давать потомства традиционным для нас путём. Они выбрали себе короля и королеву, которых должны были сменить их дети, тогда как мы, я и первые жрицы, правим Империей до сих пор, лишь выбирая себе имя каждый цикл, когда того требует двойное солнце мира.

Лаитан рассказала то, что говорила ей нянька. Но рассказать властелину о том, что ей вовсе не три тысячи лет было немыслимым, а потому Медноликая не могла даже приблизительно открыть правду Морстену. Тот смотрел спокойно, но во взгляде была подозрительность. Лаитан поняла, что он сделал вид, будто поверил ей. Большого от него она пока и не ждала.

Остальные подошли ближе, сгруппировавшись, и начали медленно продвигаться ко входу в подземное царство dwarфов. Гуррун, буквально оравший молитвы предотцам и матери-скале, то и дело падал из седла вниз, обнимая и целуя священные для него камни. В промежутке между его воплями было так тихо, что каждый шаг отдавался беспорядочным эхом, путая следы и нарушая стройную линию звуков вокруг. Они метались, отражаясь от стен ущелья, возвращались обратно, оглушая по ушам всякого, сбивали с ориентиров, заглушая новые звуки.

Лаитан заметила старые кости на дне ущелья, из которых тоже торчало красно-чёрное оперение. Древки стрел должны были давно сгнить, однако они продолжали торчать ярким оперением вверх, будто жители этих мест расстреливали кости, а не людей или dwarфов.

Лаитан заметила доспехи, похожие на те, что носил Гуррун. Более старые, громоздкие, вычурные церемониальные пластины и нагрудники, лежащие в куче рядом с расписными золотыми и серебряными поножами и наручами кого-то, кто явно был в отряде dwarфов, но чьи кости истлели много сотен лет назад, не позволяя опознать, кто это был. Лаитан посмотрела на dwarфа. Тот тоже начал замечать древние следы побоища.

— Так вот что произошло, — гулко взвыл dwarф. — Горе мне и моему народу! Нас предали! Обрекли на позорную смерть, заманили в ловушку! — бушевал он, топча камни подкованными ботинками. — Кто-то привёл моих предотцов сюда, чтобы убить их. Подло и не позволяя даже вступить в бой, расстреливая из засады, будто глупых беспомощных пташек!

У Лаитан было своё мнение по поводу пташек и dwarфов, но она предпочла молчать. Подобрав один из наручей, на котором витиеватыми линиями червления было выведено старое имя хозяина, она подошла к dwarфу и протянула ему часть доспехов.

— Ты знаешь, чьё это?

Гуррун обвёл лицо госпожи мутным от горя взглядом, потом все же взглянул на протянутую вещь более осмысленно, и его седые брови поползли вверх.

— Имя из подгорных сказок! — сказал он. — Дармор Двойной Топор, царь горы и объединивший наши народы на заре истории. Он правил царством-под-горой до тех пор, пока его брат не пожелал занять его место. И тогда Двойной Топор ушёл вместе со своими людьми прочь, дойдя до Трёхязычья и заложив новые поселения... отуда я и пришёл сюда.

Лаитан вернулась к кучке доспехов и пошевелила их. Под ними, немного вдалеке, и присыпанный ржавыми доспехами грубойковки оказался топор с двойным лезвием и длинным для dwarфа топорищем. Лезвия до сих пор сверкали в скудном свете с небес, попадающем в ущелье, и на них не было ни следа ржавчины.

— Мать-гора и предотцы! — упал на колени Гуррун, заплакав, как ребёнок, и прижав топор к груди. Лаитан стояла, как глупая курица посреди индюшатника, и не знала, что ей делать.

— Судя по следам здесь, — сказал Ветрис, — те, кто носили эти странные наручи, пытались защищать это место от тех, кто к ним пришёл.

— Это ложь и чушь! — заорал Гуррун. — Ты лжёшь, варвар! Двойной Топор ушёл отсюда и увёл своих людей, чтобы дать им возможность расселиться вдалеке от колыбели нашего народа. А ты говоришь мне, что он остался здесь? Это его подлый брат заманил в ловушку своего царя и подло убил, алча золота и драгоценных камней матери-скалы!

— По-моему, этот твой Топор просто выбросил часть своего народа прочь. Или они ушли сами, а потом захотели вернуться, но им не открыли, — подал голос Морстен. Гуррун задохнулся от злости, став почти свекольного цвета там, где сквозь бороду проглядывало лицо.

— Ты заметил странность наруча? — спросила Лаитан у Гурруна, чтобы отвлечь его от необдуманных поступков.

— Что тебе, женщина? — рявкнул он, переводя пышущие гневом глаза на Медноликую. Она протянула ему наруч ещё раз.

— Обычный сплав золота и серебра, — проворчал dwarф, — немного червления для красоты. Ничего необычного не вижу. Непрактично, слишком мягкие металлы, в бою не годятся.

— Да? — задумчиво покрутила в руках старинный наруч Меднолика. — Странно. На

них ни единой вмятинки или царапины, а остальные части доспехов покрыты ржавчиной и временем.

Сверху упал мелкий камешек, прервав исследования Лаитан и заставив её обратить взгляд в то место, откуда упал камешек. Наверху никого не оказалось.

— Где там твои ворота в историю? — задал вопрос Ветрис, вынимая меч из ножен.

Морстен смотрел на следы древнего побоища спокойно. Те, кто встретил тут свою гибель, умерли, их убийцы тоже отошли в мир иной. За давностью лет установить, кто кого предал и почему, не представлялось возможным. Его замечание, породившее в dwarfe неконтролируемое отделение патриотизма, отражало мнение Тёмного, но было всего лишь словами. А вот то, что за ними продолжали наблюдать, настораживало и не позволяло притупить бдительность. Пока остальные занимались изысканиями истины в многовековых костях, Гравейн с тхади осматривались по сторонам, но загадочные отщепенцы времён Древней Империи были неуловимы. Только изредка шевелились кусты, да доносился едва слышный шорох, но приказа стрелять Морстен не давал.

Ещё он обратил внимание на то, что в ущелье, ведущем к воротам Прохода и древнему царству dwarфов, не было и следа животных. Не говоря уж о светлых пятнах помета птиц. Темно-коричневые и красные скалы казались облитыми запёкшейся кровью, а попадавшиеся местами выходы серого гранита и мягких известняков походили на застывшие в камне кости великанов.

Мрачное место. Слишком мрачное, учитывая валявшиеся костяки, пронзённые стрелами. Владыка подумал, что его специально поддерживают таким, чтобы отпугнуть пришельцев. А это выдавало разумное планирование и, значит, существовавшую возможность договориться с неведомыми хозяевами этих мест. Если, разумеется, они вообще хотят с кем-то разговаривать иначе, чем на свистящем языке длинных стрел. «Знавал я и таких, — признался Морстен, вспоминая долгую историю исследования дальнего Севера. Ледяные пустоши, горы, стойбища затерянных племён, пасущих белых уккунов и поклоняющихся живущим в ледяных морях огромным рыбам. — Те, кто запирался в своих долинах, убивая всех пришлых, в конце концов, уходил во Тьму. Умирал от вырождения и болезней. Вырезался под корень дикарями. Сколько таких историй я видел за пять веков... Но, если верить Лаитан, эти жители Империи прожили три тысячи лет — примерно такой срок упоминал Гуррун — и умудрились выжить dwarфов из их древнего царства. Или я совсем ничего не понимаю в человеческой природе, или... Или здесь воняет Посмертником».

Когда Ветрис достал серебристый меч, показывая свою удаль, Морстен не сдержался. В несколько шагов преодолев расстояние до варвара, сотрясавшего скалы своей фразой про ворота истории, он коротким движением перехватил его руку с клинком. Выкрутив ладонь вождя, он позволил инерции движения металла сделать своё дело, после чего, взяв меч за рукоять, протянул его покрасневшему от неожиданности Коэну.

— Держи, Коэн-варвар, и спрячь обратно в ножны. Иначе мы все рискуем стать частью той самой истории, о которой ты так неуважительно выразился, — Морстен обернулся к остальным. Варвары уже взяли за мечи, а Киоми спрятала руку в складки своей одежды, где, без сомнения, находилось что-то острое и металлическое. Dwarf, растерянный свалившимися на него известиями о лживости легенд, только хлопал глазами и бормотал ругательства. — Приходить к границам чужих владений с клинками наголо могут либо очень

самоуверенные, либо очень глупые люди. Часто они сочетают в себе эти качества. А ещё чаще — погибают из-за них.

Гуррун развернулся на пятках и твёрдо зашагал прочь, к воротам в подземный коридор, откуда когда-то вышли его предки. Правда, он до сих пор не знал, что это вовсе не Двойной Топор вывел dwarфов к новым землям, а его брат, оболганный и представленный захватчиком, был изгнан королём dwarфов прочь, искать лучшей жизни в том, что было на нем и его людях. Не Двойной Топор вывел людей из скалы и основал другие поселения, а его изгнанный брат, вынужденный скитаться без роду и племени. Гуррун был потомком изгнанников, а считал себя потомком великих dwarфов, заложивших все основные шахты по добыче руды, драгоценных металлов и камней.

Это следовало как-то уложить в голове, для чего требовалось либо хорошенько выпить, либо хорошенько подраться. И Гуррун уже шагал вперёд с чётким намерением найти либо одно, либо другое.

О том, кто выманил из скалы оставшегося тут Топора, Гуррун старался не думать. Оперение стрел было ему знакомо только по историям над горой.

Откуда взялись лучники, чьи стрелы несли красно-чёрное оперение, dwarf слышал многое. Говорили, будто это были когда-то сами имперцы, поспорившие там со своими же соплеменниками. Знакомый с подобными расколами, dwarf предпочёл не лезть в эту историю слишком глубоко. Но за тысячи и сотни лет защитники своих земель превратились в закрытый клан, ведущий кочевой образ жизни и иногда выступающий на той или иной стороне по своим причинам. Вроде бы, у красно-черных все решали звездочёты, которые подсказывали остальным, чью сторону принять. Бывали случаи, что лучники появлялись и пропадали внезапно, выкосив отряды противника и даже не обозначив себя или своих целей. Они помогали победить одним, потому что их звездочёты считали это необходимым для продолжения вращения колеса времени.

Гуррун так сильно сжал древко секиры, что та аж закрипела в ответ. До того места, где должны были оказаться ворота в подземное царство, оставалось совсем немного, и dwarf даже радовался, что остальные отстали, занятые своими спорами. Незачем было делить благодать приобщения к древней истории расы с другими владыками. Гуррун жалел, что его люди опаздывали и не могли видеть, как он первым за тысячи лет ступает по этому пути. Какое-то лавовое озерцо не могло их задержать надолго, а ты гляди ж, как оно получилось. Ну, ничего, благословение предков с ним.

Морстен посмотрел вверх, куда тянулась дорога, вымощенная ставшими привычными за последние дни немного выгнутыми плитами. В темнеющем зеве скал, где путь должен был нырять в гору, чтобы пронзить её насквозь, он видел только камни и их скопления, надёжно перекрывавшие неширокую расщелину. Обвал, рукотворный или природный, закупорил вход в туннель, и, чтобы разобрать его, пожалуй, потребовались бы все тхадии Замка, работающие не покладая рук на протяжении нескольких недель.

Тот случай или умысел, что разорвал проход, превратив его в забитую осколками скал трубу, произошёл давно — на некоторых камнях уже успели вырасти деревца. Потому Гравейн решил, что это относится примерно к тому же периоду, что и кости, оставшиеся лежать без погребения внизу.

Его грубо прервал тычок в плечо, от которого он едва не свалился с ног,

поскользнувшись на поросшем лишайником валуне.

— Ты осквернил мой меч, проклятый, — прошипел Ветрис, держа ладонь на рукояти клинка. — И должен за это ответить.

Варвар, несколько минут назад переживший позор обезоруживания, выбрал момент очень удачно. Лаитан и жрицы были заняты под охраной варваров, готовясь к погружению в темноту, царящую в подземельях. Дварф куда-то делся, а тхади обходили их стоянку, отслеживая невидимых наблюдателей. Властелин Севера находился один, и, хотя его могли бы достать выстрелом из лука с любой стороны ущелья, чувствовал себя почти в безопасности. Красно-черных интересовали только жрицы.

— Если твой меч осквернён, то чем же ты собираешься сражаться? — изображать удивление в голосе Морстену почти не пришлось. Внезапный демарш Коэна был предсказуем, но северянин искренне надеялся, что он случится позже, в подземелье или после выхода из него. Уничтожать полезную боевую единицу сейчас было верхом расточительства. — Носом?

— Я порву тебя хоть голыми руками, — уже спокойнее произнёс Ветрис, но в глазах его ещё вспыхивали искорки гнева. — Я не боюсь твоей силы, отмеченный Тьмой. И потому...

— И потому ты сейчас развернёшься, и двинешься обратно к своей Киоми, которая скрывается вот за тем валуном, — прервавший его Морстен кивнул в сторону камня, походившего на голову великана. — А потом вы с ней вернётесь к Лаитан, и подготовитесь к переходу по подземельям. Желательно найти перед этим ушибленного новостями dwarфа, который, как ни крути, привык к жизни под скалами.

— Ты не понял меня, владыка Замка? — переспросил Ветрис. — Я вызываю тебя.

— Моя ответ «нет», — осклабился Гравейн. — И, боюсь, если так продолжится, то такой же ответ последует на другое твоё предложение, которое ты посылал мне некоторое время тому назад с Безымянным.

— Я ничего не посылал тебе! — горячечным шёпотом проговорил Ветрис, внезапно напрягаясь. — Ты лжёшь, Тёмный!

Морстен зевнул, прикрывая ладонью рот. Ему надоел Коэн. Своей ветреностью, вспыльчивостью и переменчивостью. Предложение о переговорах и союзе, про которое рассказал пленный, пусть и под давлением, было реальностью. Если Коэн не хочет признаваться в фактической измене перед имперцами — это его право. Но связываться с таким нестойким партнёром для Властелина Севера было невыгодно.

— Хорошо, ты прав, я это придумал. От скуки, — сказал он. — Если хочешь, то можешь сразиться со мной после того, как вы дойдёте до Отца. Не раньше.

— Хорошо. Луна свидетель, я сражусь с тобой, — варвар выглядел недовольным, но обещание мести его удовлетворило. На время.

Но Морстену нужно было довести Лаитан до Отца. Теперь он понял это совершенно чётко, словно Тьма сама диктовала ему свою волю. На самом деле, эта Сила никогда не вмешивалась напрямую, всего лишь подталкивая и мягко предоставляя выбор. И в этом случае её дыхание ощущалось очень сильно. «Если такова твоя воля, — подумал он. — То так и случится».

Гравейн в последний раз бросил взгляд на заваленный туннель, и начал спускаться к низинке, где в углублении скал разведчики обнаружили небольшой родничок. Животных было решено вести с собой, если ширина коридоров позволит. А для того нужно было разведать ближайшие окрестности того прохода, откуда вышел убитый Топор.

— Кто-нибудь видел Гурруна? — спросил он, вернувшись к Лаитан, окружённой жрицами.

Гуррун увидел блестящие жилки, бегущие по стенам коридора. Низкий и довольно широкий проход, который можно было заметить только тем, кто был ростом с Дварфа, порос кустарником и почти слился с окружающим пейзажем. Гуррун провёл грубыми пальцами по сверкнувшей золотоносной жиле, нежно бормоча себе под нос что-то успокаивающее.

Тёмный коридор вывел дварфа в широкий зал, который показался Гурруну заброшенным и поросшим паутиной. По углам сверкнули золотой росписью состарившиеся пустые доспехи воинов подгорья, и Гуррун, благоговей перед ними, шагнул вперёд, к возвышающемуся амфитеатру зала.

Темнота сменилась светом, потускневшее медное кольцо колодца, обозначающего священную чашу для первых предотцов, вспыхнуло чистейшим красноватым светом. Гуррун увидел расплывающиеся перед глазами цветные пятна, не сразу осознав, что это слезы мешают ему видеть обитель своих предков. Мысли о горах доспехов и пустынных коридорах в паутине сменились яркими образами величественных и суровых дварфов, выстроившихся в колонны по бокам от Гурруна и отдающим ему почётный салют топорами и секирами. Впереди, блистая доспехом и кольчужной рубашкой, его встречал Двойной Топор, чья борода была заплетена в две косы, а руки покоились на топориче своего любимого оружия.

Гуррун смахнул слезы тыльной стороной ладони, переполненный радостью и величием, что его приняли в своих покоях древние дварфы.

Позади него, клубясь туманом и белым молочным отваром, поднималась стена призрачных духов, чьи окровавленные голодные рты уже пускали на пол ядовитую слюну. Призраки вились, перепихиваясь, толкая друг друга, протягивая руки к Гурруну, стремясь поскорее обрести плоть первыми, чтобы дожидаться остальных и расправиться с ними. А когда умершие от голода и сошедшие с ума от поедания своих же соплеменников души обретут плоть, они выйдут под лунный свет, чтобы питаться плотью живых и пытаться утолить вечный зовущий голод, который невозможно насытить ничем из материального мира. Души чуяли златокровых, жриц Империи, чья магия была для них неопасна, а плоть и кровь казались слаще любого крепкого эля и ароматнее жареного мяса.

Молочный туман скользнул струйкой к роднику, прячась в тени, коснулся источника и растворился в нем, насыщая своими испарениями влагу. Все, кто уже выпил воды, кто только начал пить и поить уккунов медленно начали опускаться на камни. Жгуты молочного марева лизнули светловолосого человека, отпрянули, но потом спеленали его и втащили в проход волоком. Следом за ним поволокли мать матерей, и белый туман пульсировал, словно радуясь победе и возможности пировать до упаду за многие сотни лет. Одурманенные варвары, в чьих жилах текла насыщенная серебром кровь, оказались не по зубам душам подгорья. И они бросили их там, где они выпили отравленную воду.

Едва только двойное солнце скрылось с небес, укатившись за горы впереди, в ущелье бесшумно спустились несколько человек, чьи лица были закрыты красно-черными платками. Длинные волосы, рыжие, светлые и угольно-черные, были перетянуты кожаными ремешками. На голове каждого был повязан красноватый платок, чей цвет сливался со скальной породой вокруг. Скользнувшие на тонких тросах люди жестами указали друг другу,

что делать. Все так же молча разойдясь в стороны, они подхватили тела варваров и ловко забросили их себе на плечи. Спустившиеся скоротечные сумерки, подготавливающие мир к наступлению ночи, затянули темнотой раны и трещины в скалах, когда последний из молчаливых незнакомцев исчез из ущелья с последним лучом солнца. Белые жгуты туманных рук рванули воздух в том месте, где стояли незнакомцы, но схватили только пустоту, и разочарованно уползли обратно в трещину прохода под горой.

Ветрис очнулся, и какое-то время бессмысленно таращился в полумрак. Потом, когда зрение привыкло к скудному освещению, он различил на сером камне, покрытом толстым слоем копоти, глубоко вырезанные борозды, странным образом складывавшиеся в грубые картины. На близком потолке неведомый резчик изобразил, пусть и в примитивной манере, битву. С одной стороны, угадывались воины с секирами, а с другой — лучники. Подробные детали, к сожалению, скрывала чёрная копоть.

Пошевелившись, и попытавшись подняться, варвар обнаружил две не менее любопытные подробности. Во-первых, он был укрыт тонкими, но тёплыми шкурами. Во-вторых, его руки и ноги были связаны, но так искусно, что кровоток почти не пострадал, и тело не затекло, но выбраться из своеобразного кокона без посторонней помощи он не смог бы.

Ветрис, разозлившись, потянулся к своим Безымянным, надеясь получить хотя бы представление о том, где они и что произошло, но тут его подстерегал третий неприятный сюрприз. По неизвестной причине потоки силы в этой пещере были заблокированы, и весь народ Долины, пожалуй, не смог бы докричаться до своего вождя. А сам он оказался неспособен даже связаться со своими телохранителями. «Братья... — подумал Коэн, скрежежнув зубами от понимания глубины ситуации. — Что случилось? Последнее, что я помню, это родник, который мы расчистили перед входом в туннели dwarфов. Потом провал в памяти, только какое-то молочное сияние».

— Очнулся? — послышался рядом с ним мужской голос, и Коэн дёрнулся, забыв, что заботливые хозяева связали его. Повернув голову, он всмотрелся в сумерки, разгоняемые только небольшим светильником, стоящим за камнем у тёмного провала, ведущего куда-то вглубь пещер, и нещадно трещащего от сгоравшего жира. Он рассмотрел стоящего у стены человека, одетого в странную одежду из шкур и кожи, которая словно размывала его фигуру, растворяя в темноте. В том месте, где у обычных людей находятся глаза, светились два золотистых кружка, словно у горного кота. Но у мохнатых хищников они были зелёные... — Вижу, что очнулся. Сереброволосый, ты понимаешь общий? Или совсем дикий?

Гортанный голос, в котором звучал странный акцент, напоминавший говор жителей гор на границе Империи и степи, неподалёку от Долины, был достаточно низким и вместе с тем негромким. Слова общего языка он выговаривал слишком правильно, но окончания смазывал.

— Понимаю, — ответил Ветрис, но горло пересохло, и варвар закашлялся. — Я говорю на общем, и я не дикий.

— Правда? — с недоверием спросил его собеседник, подходя ближе и нагибаясь. В сумерках вырисовалось узкое лицо с резкими чертами, небольшая рыжая борода и узкие, непонятного цвета глаза, смотревшие цепко и внимательно. — А зачем останавливался рядом со входом в мертвецкие залы? Живым и умным там делать нечего. И почему ты был вместе с золотыми ведьмами?

Ветрис хотел было соврать, что его наняли, чтобы охранять караван, но всмотрелся в загоравшиеся золотистыми искорками глаза незнакомца, и передумал. Что-то подсказывало Коэну, что тот, кто с ним сейчас разговаривает, не так прост, как хочет казаться.

— Я Коэн Ветрис, вождь народа Долины, — вздохнув, произнёс он. Эти слова нужн

было бы говорить с выражением и гордостью, но будучи связанным, добавить себе значимости не получалось. — Моя страна расположена за восточными границами Империи, между горами и Великой Степью.

— Ответ на вопрос, Коэн Ветрис, — тон говорившего изменился, и варвар скорее почувствовал, чем услышал, как из ножен выходит клинок.

— Мы шли к Отцу, — раздувая ноздри, и пересиливая желание плюнуть допрашивающему в лицо, ответил Ветрис. — А кто спрашивает?

— Моё имя тебе не нужно, но можешь называть меня Семь Стрел, — мужчина откинул покрывавшие варвара шкуры, и взмахнул небольшим ножом, рассекая стягивавшие ноги Ветриса верёвки. — Об остальном ты расскажешь тем, кто знает звезды.

Лаитан не верила своим глазам. Перед ней снова были залы дворца Империи, такие же пышные и чистые, какими она их оставила недавно. Или это было давно? Время теперь не имело значения, ничего теперь не имело значения. Жрицы танцевали в честь возвращения госпожи, Мастера готовили кузницы и раздували меха горнил, в которых сгорят жертвенные подати, живые лазутчики и дети проклятых матерей, пошедших против Закона.

— Закон един! — гремело под сводами дворца. — Закон един для всех! Только жрицы имеют право решать, кому стать матерью, как зачать дитя!

Лаитан уже пила сладкое розовое вино, приятно освежавшее тело и разум, а вокруг продолжали танцевать девушки, чьи тела в бронзовой коже, будто резные статуэтки, чётко вырисовывались на фоне светлых драпировок и мраморных узоров на стенах.

— Закон гласит, что Медноликая Лаитан последняя мать матерей! И да будет так!

— Да будет так! — закричала сама Лаитан, звякнув браслетами и присоединяясь к танцам. Смех и веселье, переполнившие разум и чувства госпожи Империи, бились в её крови золотыми искрами, пока она не увидела чёрную кляксу темноты, расползающейся от дальнего угла. Медноликая застыла, с её губ медленно сползла радостная улыбка. Она оглянулась, покрутила головой, надеясь отыскать поддержку у своих телохранительниц, но остальные будто не видели пятна Тьмы, ползущей прямо к Лаитан. Госпожа достала свои черные клинки, но ледяная струя холода, протянувшаяся прямо из черноты, в мгновение ока превратила оружие в распавшиеся, треснувшие от холода обломки. Прочная и неувядающая от времени сталь Империи сдулась и распалась на части, глухо звякнув о мраморный пол под ногами. Лаитан отступила на шаг, в сердце появился страх, но в тот же миг тьма, поднявшись будто животное, покачнувшись, обретая форму кошки размером с саму Лаитан, и, припав к земле, прыгнула в сторону. Сотканное из тьмы животное повернуло к Медноликой морду, раскрыло пасть в беззвучном мяуканье, и снова прыгнуло в дальний угол зала, где коридоры вели дальше, к лестницам и кузням. Лаитан пошла за ней, оставив позади веселье и зовущих её сестёр. Чьи-то руки хватали госпожу за запястья, и она сначала пыталась злиться, но потом, устав уклоняться от касаний, начала зло вырывать свои руки из цепких пальцев сестёр, сгрудившихся в единую массу.

Через некоторое время Лаитан уже бежала прочь, а за ней, шумя и прокатываясь по переходам дворца, неслась, растекаясь на поворотах, людская масса. Огромная кошка вела её сквозь знакомые и полузабытые коридоры, все дальше погружаясь в сердце дворца. В итоге Лаитан встала перед неприметной дверью, на которой было начертано двойное солнце, окружённое несколькими кольцами черного, золотого, медного и белого цветов. Призрачное

животное легко толкнуло лапой дверь и замерло на пороге. Лаитан шагнула внутрь, стараясь запереться от воющих и пугающих её сестёр и служанок. Справившись с затвором, Медноликая оглянулась и замерла в ужасе.

Прямо перед ней, чуть на возвышении, лежала она сама. Рядом замерли старые жрицы, чьи морщинистые лица были столь стары, будто они существовали все эти тысячи лет после основания Империи.

— Это будет в последний раз, — сказала одна из них, посмотрев на медноволосую женщину, укрытую простыней. Женщина была либо мертва, либо крепко спала. Вторая старуха в церемониальных одеждах поджала губы и сказала в ответ:

— Материала было достаточно, но не бесконечно. Часть испортилась, когда произошёл сбой системы контроля почти тысячу лет назад.

— Ты взяла это из памяти? — обратилась к ней первая. Её собеседница кивнула, сложив руки на впалой груди.

— Если бы все шло, как надо, мы то же были бы юны и прекрасны, обновляя себя и загружая память прожитого, как в это дитя.

— Материал прошёл проверку, прежде чем оказаться в лоне матери? — спросила третья, доселе молчавшая жрица. Две первые согласно кивнули, и одна из них сказала:

— Заданные параметры роста, веса, внешности, пола и возраста вхождения в силу. Генетические маркёры говорят о катастрофическом снижении порога защиты от старения, к тому же, с каждым поколением мы теряем концентрацию силы в крови объектов.

— Да, и потому это будет последний раз. У нас больше нет пригодного материала для оплодотворения клеток носителя.

Все трое повернули головы в сторону, Лаитан тоже посмотрела туда. Открытая крышка из прозрачного материала, похожего на шлифованный кварц, дымилась холодным паром, и Медноликая даже тут чувствовала исходящий от этой открытой ёмкости холод. Лаитан посмотрела на кошку рядом, та умывалась.

— Завершаем процедуру, новая карта готова. Имя следующей матери матерей?

— Лаитан, — ответили вопрошающей.

Лаитан в ужасе уставилась на чёрную кошку, которая, словно улыбаясь, открыла пасть и прыгнула на неё, заставляя очнуться от морока. Последнее, что успела услышать Медноликая, шёпот в разуме, заставляющий стереть страх:

— Ты нужна мне, чтобы хозяин вернулся.

«Тьма», — в ужасе закричала мысленно Лаитан.

Открыв глаза, она её и увидела. Темноту. И слышала только шорохи сбивчивого дыхания, да сладостные стоны жриц неподалёку.

— Морстен... — прошептала Лаитан.

— Морстен. Морстен, — слова капают в тишину, мерные, как отсчёт времени водяными часами. Дорогая игрушка для Империи, чья жизнь и смерть регулируются, подобно гигантскому механизму, циклами засух и наводнений. — Морстен...

На берегу великих солёных озёр, где воды много, но пить её можно только если решил умереть мучительной смертью, ходила пословица. Злая, но правдивая. «Бедный водой, как житель Озёрья. Богатый солью, как житель Озёрья. Дурак, наверное, раз не сбежал оттуда».

Дурак. Верно. В доме его родителей, владевших, как и многие, солевой мельницей,

клепсидра была. Воды тоже хватало, но вот только солёной. Выпаривая соль из слез великих озёр, люди с трудом добывали себе драгоценную пресную влагу для полива земли и питья. Морстен стоял на стене небольшого квадратного загона-форта из побелевших от высолов стволов гигантского тростника, и всматривался вдаль. Над дорогой висела взвесь белёсого песка, смешанного с горькой солью, а это означало караван, который привозил в город еду из центральных провинций, либо прибытие военного отряда. Второго он хотел сильнее.

Вот уже много лет, с самого праздника наречения имён, когда у него отрезали прядь волос, которую с песнями и танцами сожгли в Солнечном костре, гибкий юноша с разъеденными солью пальцами мечтал сбежать отсюда. И выходов было два: податься в прислужники при караване, или уйти в наёмники.

Трудиться до самой смерти в тридцать лет Гравейн не хотел. Он видел, что соль сотворила с его матерью и старшим братом. Никакая Золотая Змея, Королева Солнца и Средоточие Света не могла заставить его полюбить свою жизнь, принять её и смириться.

В прошлый приезд Натан Борм, вербовщик, обещал, что через год он заберёт Морстена, даже если тот успеет за это время охрометь и занять чирьи на пузе. Что он скажет в этот раз? Вспомнит ли?

— Морстен. Морстен! — равномерные капли слов матери, зовущей его к печи. Огонь надо поддерживать, чтобы внутри большого бронзового котла, накрытого тяжёлой плитой, проходило выпаривание воды, выпадение соли и оседание её на стенках. Пар, проходящий по трубам, охлаждался в большой колонне, откуда вода падала в большую бочку, прикрытую деревянной заслонкой и вкопанную в песчаную землю. Если огонь погаснет, вечером им будет нечего пить, и водовоз не сможет забрать дневную норму для полива полей. А это значит, что в праздничную субботу Морстена отволокут на площадь, где высекут щедро вымоченными в солевой рапе прутами ивы...

Гравейн ещё раз взгляделся в облако, стремясь рассмотреть в сверкании кристалликов проклятой соли цвет штандарта. Чёрный или красный? Чёрный, с золотым солнцем. Наёмники! Окрылённый, он слетел вниз по приставной лестнице, чтобы очутиться посреди пустого дворика, в центре которого возвышался огромный котёл. Чёрная бронза, потемневшая от многолетнего огня, горящего внизу, в печи, казалась огромным чудовищем, извергающим оранжевое пламя. И он замер, наблюдая, как все вокруг затягивает серым, как пустоши смерти, туманом.

— Ну, как тебе на троне, мальчик? — услышал он в следующий момент. — Ничего не жмёт? В паху не свербит?

При звуках этого отвратительного голоса Морстена свело судорогой от головы до пяток. Он, даже не видя никого вокруг себя, находясь в круге слепящего стылого света, падающего откуда-то сверху, зверски, люто, бешено хотел смерти. Гибели, долгой и мучительной, для произносящего эти слова. Память, услужливо подсовывавшая описания древних и жесточайших казней, не могла подсказать, кто он и как тут очутился, но Гравейн знал и переживал только одно. Тот, кто находился сейчас где-то позади, и чьё зловонное дыхание доносилось до Морстена, должен был умереть. И не один раз, а десяток. Сотню. Тысячу!

И, разрываемый болью в шитом на скорую нитку теле, он знал, что спустя короткое время смог бы воплотить в реальность эту простую и очень сложную мечту. Смог бы, но...

— Какой хороший настрой... Мальчик мой, да ты далеко пойдёшь, — голос дрогнул, наливаясь хрипом заполненных гноем лёгких, и послышался громкий булькающий кашель, за которым последовал шлепок комка мокроты на холодный пол. — Эхе-хе. С такой

ненавистью ты отлично мне послужишь. Недолго, правда. Пару лет. На большее тебя вряд ли хватит, да там и яд доберётся до мозга. До белого, склизкого, непослушного мозга!

Говоривший снова зашелся в кашле, отплёвываясь и хрипя. Морстен от всей души пожелал ему задохнуться и сдохнуть прямо здесь, готовый даже поступиться своей мстостью. Но не случилось.

— Я знаю, что ты меня сейчас не слышишь, воинственный герой. Но запомнишь, что я скажу. Чтобы потом...

Всё замерло. Даже свет, напоминавший сияние гнилушки, перестал мерцать. Сидящий на чёрном троне, горячем от сожжённого пепла своего предшественника, он вспоминал, что будет дальше. Обрывками, кусочками. Сердце, которого на самом деле не было, билось механически, ровно, размеренно. Старый маг, ищущий способ обмануть смерть, появится перед его лицом, оскаливши набитый гнилыми зубами рот, вскрыет ему грудь, ровно посередине, просто взмахнув рукой. Плоть разойдётся, кости раскроются, как цветок, а сердце, повисшее на вытянувшихся из груди сосудах, вялых и побледневших, неожиданно забьётся, стоит только покрытой коркой коросты лапке старика прикоснуться к нему. Но это ещё не все. Пахнувший гноем и гнилью мастер, прокляни его Тьма, харкнет на его, Морстена, сердце, и, хихикая, спрячет все это обратно, вместе со своей отвратительной слизью!

«Никогда! Никогда не буду служить тебе, — Гравейн, забившийся в судорогах, будет желать смерти, умолять о ней судьбу, потому что жизнь, отравленная чужой силой и подчинённая чуждой воле, гораздо хуже. Но не умрёт. И будет помнить об этом весь оставшийся ему отрезок времени. — Я найду тебя, и ты поймёшь, что есть вещи намного хуже смерти, старик!»

— Морстен... Морстен... — старый маг покачал головой. — Я бы с радостью помог тебе самому узнать, что есть вещи хуже смерти, но ты их уже знаешь. Вот незадача. Старый Пеленгас Кирина, к твоим услугам. Если вдруг решишь, что с тебя довольно, просто позови. Я приду к тебе, маленький мой. И помогу. Правда. Я ещё никому не лгал. Даже Матери Матерей, чтоб она сгнила в муках...

— Морстен!

Тьма расступилась. Перед ним, на ступенях золотого трона, выполненного в форме солнечных дисков, стояла та, кого называли Медной Змеей Империи, Матерью Матерей, Вечной Хранительницей Света... В медных волосах играл отсвет солнечных лучей захваченных кристаллами Кузниц, и запертых там, чтобы высвободиться постепенно, наполняя зал мягким сиянием. В воздухе пахло песком и мёдом, травами и ядом. Налитые смертоносным золотом зрачки, походившие на монеты, ввинчивались в его душу, выжигая незримым пламенем боли тяжёлые раны там, где тело когда-то пронзили лезвия алебард и черные клинки империи. Её клинок. Или её сестры?

Но сейчас она шла к нему, безоружная, без закрывавшей тело чешуи, неуязвимой для ударов мечей и Мастерства. В его руке был клинок, он чувствовал, как внутри металла, откованного не в Империи, и не в Долине, бьётся жажда. Жажда крови, жажда жизни, жажда смерти. Он сжимал рукоять легендарного меча Тьмы. Оружия, которое никогда не появлялось в этом мире с тех пор, как совокупными усилиями двух сил Тьму отбросили на дальний север.

И, пожалуй, единственного средства прервать существование той, кого в своё время выбрал Свет.

— Морстен, чего ты хочешь? — спросила она. Он помнил её имя, не то, которым владычицу называли пять сотен лет назад. Её настоящее имя.

— Чего тебе по-настоящему нужно?

— Чего хочет твоя чёрная душа?

— Зачем ты живёшь?

Эти вопросы прошли мимо. Клинок, разрезая взвизгнувший воздух, прочертил чёрную линию, завершившуюся у груди Лаитан, едва прикрытой тонкой тканью. Браслеты на её руках звякнули, жалобно, тонко, но она не сделала попытки защититься. Понимая, что не успеет.

— Ничего личного, — всматриваясь в её лицо, и замечая тонкие морщинки, пролёгшие от крыльев изящного носа к уголкам губ, сказал он. Лицо, которое раньше преследовало его во снах. Кровавых, тяжёлых, болезненных. Наполненных мстью. — Ничего личного, Литан. Я просто должен был сделать это давно, Улла.

Она шагнула вперёд, и меч взвыл, погружаясь в плоть, блещущую податливым золотом.

— Ты уверен, что тебе нужно именно это? — прочёл он на губах, покрытых выплеснувшейся золотой кровью.

— Нет, — отступил назад Морстен. С волнистого лезвия длинного меча капало драгоценное золото. — Не уверен. Я уже пережил эту мсть. Ради большей. Это сон. Дурной сон.

Чёрный Властелин, ощутив движение за своей спиной, развернулся, нанося мощный удар клинком в мелькнувшую серую тень.

— Лаитан, да... Ты Лаитан, и мне не нужна твоя смерть. Не сейчас.

Тьма, проникнувшая под защиту Медноликой, легко и гибко вспоровшая её разум, воспользовавшись утратой силы матери матерей, деловито и по-хозяйски прошлась в сердце, удовлетворённо заурчала, будто сытая кошка, и покинула тело окончательно. Она шлёпнулась на липкий пол с высоты своего роста, услышав, как позади, от спины и затылка отсоединяются какие-то холодные жгуты. Призраки тронного зала, на мгновение показавшиеся перед ней, испугали Лаитан до полуобморочного состояния своими кривыми лицами. Перекошенные от боли, до сих пор носившие посмертные маски искривлённых гримас, в которых их застала смерть, мелькнули перед лицом, беззвучно чавкая ртами, в которых виднелись гнилые осколки зубов. Лаитан отшатнулась, поскользнулась на чем-то скользком, повалилась вниз, вскрикнув и зашарив руками по полу, пока не решилась потратить часть своей силы на то, чтобы сотворить огонь над головой.

Отползая на руках все дальше и дальше, она слышала мерный шум капель воды, шлёпающихся вниз с высоты где-то неподалёку. Хорошо, значит, тот самый родник берет начало где-то недалеко, по нему можно будет дойти до стены с выходом...

Лаитан замерла, прислушиваясь. Руки дрожали, во рту был гнилостный привкус, вокруг слышались разносящиеся под сводами стоны боли, радости, наслаждения плотскими утехами. Где-то вдалеке возилось чьё-то тело, извиваясь и постанывая, но громче всего в голове раздавались звуки капающей воды.

Кап-кап-кап...

Лаитан силой воли успокоила дыхание, прикрыла глаза, раз уж все равно её силы не хватало победить магию душ в этом месте.

Кап-кап-кап...кап...

Медноликая сосредоточилась, сформировала тёплый шар в ладонях, напитаала его силой своей души, ощущая, как температура тела падает. Её начало знобить, пещера показалась ледяной, звуки отдалились.

Она открыла глаза.

Шар над головой тускло вспыхнул...

Десятки, сотни, множество неисчислимых искорёженных лиц, почти обрётших белёсую плёнку плоти, уставились на Лаитан, щелкая обломками зубов в считанных дюймах от лица.

— А-а-а-а! — заорала Медноликая так громко, что своды пещеры качнулись, когда от них отразился её звонкий голос, ударивший обратной возвратной волной в грудь Медноликой. Она упала на лопатки, светлый шар над ней погас и наступила чернота и тишина, в которых слышались безумные всхлипы матери матерей, горячо молящейся всем стихиям, теням и свету. Последним, о ком она вспомнила, была Тьма, но она её тоже не слышала.

Лаитан утёрла со лба холодную испарину ледяной рукой. Она привстала, шагнула в сторону и тут же наткнулась на чьё-то тело. Присев и ощутив его дрожащими руками, она поняла, что это одна из её жриц. Возможно, Киоми. Холодное тело было похоже на мумию, иссушенную и сморщенную, с которой свалились браслеты и украшения, валяющиеся рядом, под ногами.

— Морстен... — шёпотом, чтобы снова не потревожить алчущие крови души, позвала она.

— Да, Лаитан, — ответил он, наблюдая, как серая тень оседает на пол склизкой кучкой чего-то, напоминавшего больше плоть пещерного гриба-слизевики, чем живое существо. С любопытством Морстен смотрел, как мерзкие капли серой призрачной плоти соскальзывают с клинка, шипящего, как горячее железо в прохладной воде, и разбиваются о пол из камня. Из серого полированного камня, а не песка, которым, согласно традиции, устилали пол в тронном зале Мастера Мастеров.

Вокруг него рушилось пространство сна, построенного этой тварью, и в нос вползал дикий по силе запах посмертия. Нет, это был не Властелин Ничего. Его присутствие здесь не требовалось. Но то, что сейчас умерло, не закончив до конца горький пир на душе Тёмного Владыки, имело в себе чёткую подпись Мастера, и, несомненно, было продуктом его мастерства. Одним из первых экспериментов, попыток научиться управлять жизнью после смерти.

Стены тронного зала уступили место каменным перекрытиям, низким и заросшим кристаллами известняка. Невысокий потолок сходил на купол где-то вверху, а кругом царила тьма. Её привычные объятия распахнулись перед Морстеном, все ещё продолжавшим сжимать в руке меч, и он прикрыл глаза, смотря вовне потайным зрением, для которого не нужен был свет вообще. Никакой.

Когда-то это был тронный зал. Или торжественный зал. Место, где вершился суд, праздновались победы и принимались решения. Но с тех времён протекло много времени и воды, затянувшей стены отложениями соли и мягкого мела, за тысячелетия спрессовавшегося и приобретшего прочность камня. Обитатели этого места замерли на своих местах там, где их застала смерть, и безглазые черепа ухмылялись гнилыми зубами, обрамлённые остатками похожих на паклю бород.

Везде — вдоль стен, возле возвышения с угловатым камнем-троном, все ещё сверкавшем из-под слоёв отложений гранями цельного кристалла — лежали, сидели, стояли тела. Мумии. Высушенные досуха, окаменевшие от богатой солями воды, и относительно недавние, только начавшие свой путь в вечность памяти и камня. «Вот они, твои ворота в историю, — подумал Морстен, вспоминая свою перепалку с варваром-Коэном. — Если бы ты их только видел, то, наверное, обгадился бы».

Но среди мёртвой залы ещё теплилась жизнь. Рядом с телом, закутанным в одеяния жрицы-золотокровой, сжалась в комок, сотрясаясь в беззвучных рыданиях, Лаитан. Её медные волосы в теневом зрении казались черными. И к ней подбирались плотные серые сгустки, выбрасывавшие перед собой ложноножки-жгутики. Камень в местах прикосновений окутывался иголочками льда, мгновенно таявшими, стоило полупризрачной твари переместиться чуть дальше. До того мига, когда плоть противоестественного союза воли Посмертника, сущности призраков и странной подгорной жизни коснулась бы Матери Матерей, оставались считанные секунды.

Которые растянулись для Гравейна настолько, насколько он хотел. Кроме смерти, щедро разлившейся в зале, и с годами лишь усиливавшей свою мощь, тут присутствовала только Мать-Тьма. И её было вдосталь. Столько, что даже Замок мог выдать вряд ли больше. Сырая и неподатливая субстанция, породившая жизнь, втекала в того, кого против воли посвятили ей, и превращалась в сухую, горячую и тяжёлую силу, от которой искажалось время.

Лёгкий, словно соломенный, меч с металлическим треском рассекал один за другим серые шары, расплёскивавшиеся синеватым холодным пламенем, взвивавшимся вверх, под своды зала. Морстен скользил через тьму, оказываясь возле следующей цели и наблюдая собственные тающие силуэты подле предыдущих тварей. Он сбился со счёту на третьем десятке, но пространство вокруг Лаитан было очищено.

— Лаитан, — перехватив забрызганный какой-то дрянью клинок левой рукой, он осторожно прикоснулся к её плечу, — пойдём. Нам надо идти. Теперь я знаю имя Посмертника, и ему это вряд ли понравится. Но сначала — разыщем остальных.

Медноликая не поняла ни слова. Когда на её плечо легла чья-то рука, а голос предложил ещё раз что-то, чего она не слышала и в первый раз, мать матерей поняла, что терять ей уже нечего. Если и суждено умереть, то хотя бы не на коленях. Нашарив свободной рукой выпавшее у жрицы оружие, она одной рукой сбросила с плеча ладонь мертвеца, разворачиваясь для удара, и занесла оружие над кем-то, скрытым в темноте.

И в этот момент сильная пощёчина, угодившая на подживший синяк после встречи с лавой, вышибла дух из Лаитан окончательно... Сталь звонко прокатилась по полу, ударяясь о части ржавых доспехов и камни под ногами.

Разговор Замка и Морстена

Морстен, успев подумать только лишь «как же не вовремя», окунулся в показавшуюся липкой и холодной темноту. Из мрака медленно проступили контуры тронного зала Замка, где на каменном троне восседал обугленный костяк предыдущего владельца. На самом деле, останки бывшего прежде него Властелина Темноты Гравейн захоронил давно. Еще в начале своего пути, рассматривая это действие как необходимый моральный долг и ритуал уважения к достойному рыцарю, правившему до него.

С тех пор Замок всякий раз вызывал эту картину при любом удобном случае, как сейчас, когда ему удалось связаться со своим хозяином. «Или марионеткой», — невпопад подумал Морстен, сжимая зубы. На таком расстоянии связь была болезненной и тягуче выматывала душу.

— Надеюсь, ты не уползёшь, стена, и не прервёшь этого разговора, — недовольно проговорил Замок, пользуясь обугленными останками Властелина на троне. Имя его Морстен так и не узнал, было похоже, что предшественник сам позабыл, как его звали когда-то. — Было бы неловко.

— Я подумываю об этом, — в тон ему проворчал Морстен, — хотя и выдержу немного. Наверное.

— Как скажешь, — отозвался Замок. — Хочешь — сиди и мучайся.

— А что, я вполне мирный, беспорядков не нарушаю, жрать прошу немного и редко... — Гравейн улыбнулся. Давно он не пикировался со своим всезнающим и всемогущим недвижимым другом.

— Хм, очень правильно построенное предложение, — Замок пошевелил сгоревшей челюстью, — беспорядков ты действительно не нарушаешь. Но обычно их не чинят, или не учиняют. Но это — для светлых. Так что ты правильно сказал. Про себя.

— Жрать у меня с собой, светлые могут глотать свои портянки, — пренебрежительно сказал Морстен, махнув рукой куда-то по направлению к оставшимся спутникам. А беспорядки... Хоть нарушай, хоть не нарушай — один хрен, виноват по умолчанию.

— И кто же тебе мешает перестать подозревать всех и вся, мстя направо и налево, и заняться чем-то приятней поиска обвинений? Вон, варвар у тебя там скучает... составь ему компанию. Может, он хоть отстанет от служанки Лаитан.

— Мне мешает перестать принцип уккуна. Если не едешь ты, ездят на тебе. Шутка, — сохраняя спокойное выражение на лице, ответил Морстен. — Варвар не так прост, как кажется. Даже я в нем не разобрался. Вроде бы обычный юнец с недо...статком внимания, а присмотришься, и не понимаешь — то ли тебя изучают, то ли ты.

— Возвращался бы ты к делам, властелин, — ворчливо сказал Замок, — а то, неровен час, ещё какие мысли дурные в непутёвую голову залезут. Сначала он на мужиков засматривается, потом еще, чего злого, новую девку в Замок притащит. А мне чего делать прикажешь? Тоже ей бессмертие и пластинку в... грудь вставлять? — помолчав, чёрный труп, испустив облачка угольной пыли, взмахнул рукой. — Нет уж. Одного тебя, дурня, с меня достаточно.

Морстен поморщился. Ему не нравилось, когда Замок начинал разыгрывать из себя любящего отца или старшего брата. Как правило, это означало, что надвигаются большие проблемы.

— Ты сам меня на это дело подписал, а теперь решил воззвать к голосу разума? Ещё бы позвал домой, обедать? Ну, нет, — твёрдо ответил он. — До Отца мы не дошли, Тьму не накормили, варвара не уб... хм... Короче, ещё не кончен путь, и бабы тоже не кончились. А мужики — это не ко мне, это к южанам. Они больше предпочитают мальчиков с изящными фигурами и глазами испуганной барсом лани. Я таким не увлекаюсь. И тебе не советую, — Гравейн помолчал, и тихо добавил, зная, что Замок все слышит и понимает: — А про дурня мы потом поговорим, когда дойдём до цели.

— Юг близко, — зловещим голосом произнёс Замок.

— Юг далеко, — спокойно парировал Морстен, — отсюда не видать. Да и вечные льды до тошноты наскучили.

— Ох ты, скучно ему тут со мной было! — Замок кляцнул горелыми челюстями, глотая ругательство. Гравейн почувствовал, как в него вливается сила Тьмы, причиняя боль, словно от укуса зверя. — Надо же, властелину приключений захотелось! А ты не подумал, что можешь там сдохнуть, как псина подзаборная? И мне что делать прикажешь? Уккуна на трон сажать?

С ударившей по подлокотнику, иссушенной огнём ладони слетели куски сгоревшей плоти, открывая кости. Даже зная, что это иллюзия, Морстен почувствовал внутри жалость к прежнему Владыке.

— От тхади и то пользы было бы больше... — продолжил распекать Тёмного Властелина Замок, фыркая и явственно злясь. — Спорит он ещё со мной.

— Сдохнуть можно и в Замке. А так — хоть с пользой, — вставил своё слово Морстен, — с тобой тоже не скучно. И вообще, не ты ли мне подал идею присмотреться к этой затее в начале?

— Ты и польза? — поражённый Замок забыл о необходимости поддерживать образ мертвеца, и размылся стремительными темными спиралями, пытаясь переварить услышанное. — Кто, кто тебе, если не я, твой Замок, скажет правду? Кому ты ещё нужен так, как мне? И я сказал присмотреться, а не кидаться, сломя голову, в разборки.

— Я всегда действую ради пользы, — упрямо продолжил гнуть свою линию Гравейн, не обращая внимания на усталость и боль. — И твоей тоже.

— Обычно — своей, — тихо ответил Замок, отойдя от пережёвывания необычного утверждения своего Владыки. — Ох, ну меня-то не приплетай... Я — Замок. Просто Замок. И прожил куда больше тебя...

— Ой, вот только не надо давить на жалость и опытность, — не выдержал Морстен. — Кто кого использует — это наша с тобой пятисотлетняя дискуссия, и конца ей нет. Подозреваю, что мои предшественники тоже вели её с тобой. Замок, не Замок — все мы в одной заднице, и надо её разгрести от накопившегося навоза.

— Выбросил бы половину глупых женщин и варваров, взял своих тхади, а остальных на привязи бы притащил к месту ожидания. А не бегал бы по ночам за девками и варварами. Подумаешь, сдохнуть ему Змея не дала! В любой момент теперь может с тебя шкуру твою палёную спустить... И я тебе помогать не буду, — Замок выпалил это на одном дыхании, привстав и вцепившись в подлокотники ломкими пальцами трупa. Он был в возмущении. — Мать-Тьма! Когда, когда это я тебя использовал?

— С первого дня и до последнего мига, — не моргнув глазом, уверенно заявил Гравейн. И добавил, чтобы сгладить впечатление: — но я и не против. Потому что использую тебя...

— Я же тебе все... все, что было, а ты... ладно бы просто бессердечный. Так тебя же и в

этом не обвинишь — это правда, — непритворно огорчился Замок.

— Симбиоз, драть меня уккуном, — заметил уставший от долгого сеанса связи Морстен, пиная ногой лежащую на полу обгорелую балку. Нога прошла сквозь чёрное дерево. — Кажется, это так называется.

— Кишка твоя прямая треснет меня пользоваться, — грубо и с угрозой ответил ему его неизбывный спутник, наставник и напарник в темных делах. — Вот... вот драть бы тебя уккуном! Может, мозгов бы прибавилось. А то пятьсот лет мужику, а он все никак ума-разума не наберётся. Вон, все северные девки плачут по тебе, тризну готовят.

— Охолони, — мотнул головой Гравейн. — Тысяча лиг и недостаток силы не способствуют здравому смыслу.

Замок транслировал в мысленном поле злость, но не озвучивал её причины, и Тёмный Властелин не стал догадываться об источнике этой эмоции, подумав: «Надо будет — сам скажет».

— У тебя ещё выход в конце запланирован. Побереги силы, старик, — попытался ободрить Замок Морстен. — Я справлюсь. А вот Змейку... Лаитан не мешало бы поддержать. Кого бы принести в жертву?

— Змейку и принеси, раз умный такой, — съязвил Замок. — Поддержать или подержать, хе-хе? За мои силы не беспокойся, поболее твоих станутся.

— Хитрован ты, — улыбнулся Морстен. — Но это привычно. А вот поддержка. Помощь... Знаешь, есть такие слова...

— Да сам-то ты лучше, что ли? — в голосе Замка послышался смешок. — Слова-то есть.

— Я не лучше. Я таков, каков есть, — мрачно сказал Гравейн.

Его собеседник многозначительно промолчал, давая высказать наболевшее.

— И вообще, кто здесь властелин? — привёл привычный довод Морстен.

— Нет, с тобой явно что-то там сделали. Либо в голову насрали, либо чары наложили, — Замок постучал пальцами по челюсти с хрустящим звуком. — Поддержка, помощь... ты ещё скажи — защита и пролитие крови ради какой-то мелкой девки в чешуе! Да, ты властелин...

Замок замолчал и вздохнул, вернувшись к ворчливости:

— А я — твой источник силы.

— Именно. Ради той, что может повернуть историю на новый виток. Вспомни свою же библиотеку. Пророчества.

— Да там этих писулек — тхади можно всем племенем сжечь, — попытался уйти со скользкой темы Замок. — Пророчества — плод фантазии придурочных и сумасшедших, да еще звездочетов, дерни их за дышло. Ну, натаскал каких-то писулек прошлый властелин. И чего? Хлам один и плесень...

— Даже в хламе есть значение и истина. А читать не только ты умеешь.

— И чего ты там вычитал такого, что я пропустил? — в голосе Замка слышались едкая ирония и сожаление. — Змея уже не та, не обманывайся. Если когда-то пророчества и могли сбыться, то уж точно не сейчас. Да и не тебе быть её мужем и объединять выживших после Конца. Зря время тратишь. Хотя она уже почти додумалась, что все к тому и идет. Помнишь, спросила у дварфа, почему мягкие металлы образовали прочный сплав для наруча его сородича? Отдельно они, конечно, для войны не годятся. А вот если объединить и закрепить словами силы, черным по золотисто-серебряному, тогда пролежат тысячи лет, как и тот, оставшийся еще с начала всей этой карусели.

— Я тоже над этим думал, но именно к тройному союзу не подвел. Слишком уж проблемный оказался этот варвар из Долины. Мне, может, и не быть, но без темноты не обойтись. Слияние трёх сил, три полюса и так далее. Но сначала я увижу цвет кишок Посмертника, а потом уже будет ясно, что дальше делать.

— Ох... угораздило же меня выбрать такого идиота на трон... — Замок скривился, уронив куски кости на пол.

— А ты и не выбирал, — Морстен поднял голову, которую опустил при словах о том, что не ему объединять выживших, и посмотрел в пустые глазницы, где мерцали красные огоньки. — Я тоже. Это, м-мать-Тьма, сближает.

— Ну да, ну да, — обиженно сказал Замок. — Я-то вообще ни при чём. Ты мне вообще не обязан, хозяин. Мать матерей тебя сближает. С собой.

— Мы договаривались — каждый из нас делает, что хочет, как может и куда умеет, — ответил Морстен. — Ты знаешь, куда идти, я знаю, как, а зачем — мы все скоро узнаем.

С трона донёсся смешок.

— Тоже мне, рыцарь света в копчёных доспехах. Видывал я и золотое серебро, и червлёное, и серебряную гравировку на черных клинках.

— Скорее, тьмы, — заметил Гравейн. — Мать-Тьма ближе, чем кажется.

— Такого придурка, как ты, только не видел никогда, — закончил фразу Замок, и замолчал. В гранитном зале похолодало.

— И не увидишь. Таких уже полтысячи лет не делают, — обнажил зубы Гравейн. Игра с Замком в «кто кого достанет» не надоедала никогда.

— Не могу не обрадоваться этому факту, — буркнул тёмный силуэт с трона.

— Ничего. После меня отдохнёшь. Если выживешь...

— Если мы все выживем...

Морстен вздохнул. «Повезло же мне жить и работать с таким перестраховщиком...»

— Шанс есть.

— Я заглянул в мать матерей, и теперь точно могу сказать тебе кое-что. Во-первых, можешь смело подтереться любым пророчеством или другой писулькой из моего архива. Во-вторых, запомни, глупый ты мальчишка, Медноликая должна умереть. И это должно случиться в положенный час и в определенном месте, куда я постараюсь вас всех доставить, — голос Замка, словно буравчик, вгрызлся в уши. — Иначе мир никогда не перейдёт в новую фазу, где останутся только тьма и свет солнца. Остальное уже изжило себя. На мой личный взгляд. А за тебя я меньше всего беспокоюсь. Тьма была и будет.

— Посмотрим, — пожал плечами, прикрытыми темным плащом, Владыка. — Умереть можно по-разному... Например, возродиться.

— Думаешь, ей пойдёт железяка в кишках? — хохотнул Замок, впрочем, не отрицавший такой возможности в принципе.

— Примерно, как мне идёт знак на сердце, — прищурился Морстен.

— Глупый ты... Потому что человек со стороны, — в голосе Замка звучали почти человеческие нотки сочувствия. — Ладно, не мне тебе тайны других рассказывать. Только запомни: Змея не возрождается. Остальное додумаешь сам, если ещё мозги от пяти сотен лет не спеклись окончательно. Думаешь, кожу сбросила и все? Ну-ну, думай так, тебе же спокойней будет ей кинжал в сердце загнать.

— Ладно. Разберёмся. Пять сотен — не пять тысяч, спекается медленно, — Морстен задумался. — Сбросила, и может нарастить, но уже не чешую, а кожу.

— Да поberi тебя по частям уккунский погонщик! — выругался Замок, приобретая форму вихря. — Морстен, да открой ты глаза! Ты действительно не видишь разницы между той, которую помнишь, и той, что идёт рядом? Златокровые вымирают. Сереброволосые вымирают. Они — лишь отражённый свет Империи. Тьма — вот то, что по-настоящему вечно!

— Может быть, ты не заметил, — разметав повисшее неловкое молчание, произнёс Гравейн. — Но Тьма уже здесь. Её меч у меня. Это меняет расстановку сил...

— Если бы я не заметил, ты меня бы сейчас не слышал, — тяжело вздохнув, ядовито сказал Замок, — думаешь, почему его не было до сих пор? Почему никто давно его не видел? — после зловещей паузы, когда Морстен уже открыл рот, чтобы высказать своё мнение, Замок продолжил: — Думаешь, ты избран? Весь такой из себя помеченный Тьмой? Нет. Теперь меч будет принимать решения, а не ты. Но куда тебе слушать глупый старый Замок!

От горечи в последних словах Морстену стало неловко, но он не мог не попытаться отстоять своей точки зрения.

— Время пришло. И приходится действовать теми силами, что есть. А кто будет решать — это мы ещё посмотрим... Замок, не бзди уккуном, есть возможность и Тьме угодить, и зад сохранить.

— Ну и сиди там один в своей пещере, — чуть обиженно проговорил Замок, стабилизируя облик на кипельно-белом скелете в чёрной короне. Красные глазницы черепа мерцали, разгоняя темноту. — Все так думали, ты не первый.

— И не последний, знаю, — согласно кивнул Морстен. — Но сейчас может получиться.

— Нет, не может, — Замок покачал короной, и сияние его глаз печально пригасло. — Точно так же, как больше не будет златокровых змей на троне.

Морстен не согласился с ним. Лаитан, пусть она действительно и отличалась от того, что он помнил, и, если верить словам Замка, была разумней той, за кого он ее принял изначально, вызывала в нем уважение. И диссонанс от того, что спасла ему жизнь. Ему, Тёмному Властелину Севера!

— Значит, будет что-то новое, — сказал он Замку. — Тьма, свет — всего лишь тени на стенах. Трона не будет, люди придумают ещё что-то. Они не могут без правителей.

— Будет, не сомневайся, — успокаиваясь, произнес Замок, — только отсутствие старого редко нравится тем осколкам старья, что к нему привыкли. Поверь, я знаю, о чем говорю. Новое приходит, а места в нем для тебя не остается, — эхом откликнулся его давний собеседник, и в его словах звучал отзвук могильного колокола. — Тебе будет легче принять их выбор. Но... Лаитан умрёт. И на этом — точка... Но ты этого и хотел, так что, думаю, тебе понравится.

— Когда-то хотел, — задумался Морстен. Замок не мог просто так потратить силы на связь, чтобы говорить о чём угодно, кроме по-настоящему важного. «Он беспокоится... — удивился Морстен, чувствуя, что разговор подходит к концу. — Невозможно». Но не показал удивления, и спокойно сказал: — Посмотрим. Тьма не может быть без света. Чтобы был Свет, нужно возродить обе линии. Хотя может хватить и одной — золотой. Солнце отразится от спутника и будет серебро...

Морстен встал, как вкопанный. В голове сверкнуло болью знание, похороненное там так давно, что вряд ли даже Замок помнил бы дату. Нет, он никогда ничего не забывал. Солнце умирало, сливаясь и стремясь сойтись в поцелуе навечно. Его смертоносные лучи

выжгут планету, нагревая ее до невыносимых температур. А еще раньше вся жизнь издохнет в муках радиационных ожогов и последствий облучения, когда озоновый слой исчезнет, а магнитные полюса сместятся. Двойное солнце станет сверхновой, опалив небольшой камень, на котором держался за жизнь мелкий и ничтожный росток живущих существ. Гравейн выронил из руки меч, который все еще сжимал в ладони, и упал на колени, зажимая голову руками, а картины все лезли и лезли, вытесняя личность и раскалывая рассудок на множество дробных частей.

— Теперь понял? — голос Замка был глубоким, немного суховатым, но весьма человеческим. И... незнакомым. Так мог бы обращаться отец к сыну или учитель к любимому, но весьма задиристому ученику. Гравейн закричал, теряя себя в круговерти данных. — Литан умрет. Возможно, ей для этого даже не придется выходить замуж, — тон Замка стал рассудительным, а властелин уже плохо осознавал, где он и где его нет.

Внезапно все кончилось, и Морстен нашел себя на полу у выхода из пещеры. Рядом сидела, дрожа всем телом, Лаитан. Она до сих пор тряслась и всхлипывала, поглядывая на властелина испуганными глазами, полными слез недоумения и ужаса. Повязка на лице спала, а синяк снова набухал кровоподтеком. Теперь уже свежим. Гравейн вытянул руку, хрипя и кашляя, будто вынырнул из глубины. Оперевшись ладонью о камень, он поднял на Медноликую взгляд, не понимая до конца, что произошло. В голове крутились, исчезая и не оставляя никаких следов, какие-то цветные всполохи. Морстен еще минуту назад помнил произошедшее, помнил разговор с Замком, так бесцеремонно и нагло ворвавшимся в его голову. Но теперь он просто знал, что тот сообщил ему нечто важное, смысла чего Гравейн пока не понимал. Или не был готов понять. Он протянул руку к Лаитан, желая убедиться, что с ней все в порядке. Меднолика дернулась от него, тут же прикрыв свежий синяк ладонью, и прыснула в сторону, как перепуганная кошкой мышь.

И тогда он вспомнил, как ударил ее, чтобы унять истерику. Ладонь властелина медленно сжалась в кулак, сжимая воздух, он опустил голову и, оперевшись на стену рядом с ручейком, поднялся на ноги, ни слова не говоря.

Ветрис и Звездочёты

«Кажется, эти люди привыкли жить в темноте, — в очередной раз врезаясь в камень лбом, и втягивая воздух сквозь зубы, думал Ветрис. Было не больно, но обидно и неожиданно. — Кроты подземельные. Надеюсь, хотя бы их правители окажутся умнее».

Провожатый схватил его за шею, заставляя нагнуться и пройти под очередной высеченной из скалы притолокой, очень твёрдой и помеченной какими-то значками, и Коэн попытался возмутиться:

— Уважаемый, Семь Стрел, или как тебя там. Ты не мог бы снять с моего лица этот грязный мешок, и позволить идти самому?

— Не мог бы. Иди, и молчи, варвар.

— Но... — чувствительный тычок, пришедшийся под рёбра, заставил занять печень, и отбил охоту спорить. Связанные за спиной руки тоже не способствовали активности. А темнота и глухота разума успели надоесть, и от того Ветрис начинал понемногу звереть.

— Всё, — буднично сказал Семь Стрел, сдёргивая с головы варвара колпак из ткани, и отходя в сторону.

Коэн огляделся, привыкая к переходу из темноты к наличию, хоть и весьма условному, света. Большая пещера, имевшая несколько выходов, была расцвечена несколькими жаровнями, тлевшими красным, и подвешенными к правильным сферическим сводам, блестящим выходами драгоценных металлов и камней, плетёными корзинами — клетками, в которых роились странного вида существа, светившиеся зелёным.

Ветрис ожидал увидеть тронную залу, или её примитивное подобие, с учётом пещерного быта и сознания этих странных бородачей. Но большая пещера не содержала никакого возвышения, седалища для зада правителя, или других вещей, свойственных власти. Посередине, на свободном от глубоких тонких линий, изрезавших весь полированный тысячами ног пол, пространстве, стояла группа из пяти коренастых мужчин с красными бородами и в шкурах, ничем, кроме блеска глаз, не отличавшихся от Семи Стрел.

Коэн ждал, что ему развяжут руки, но никто этим не озаботился, и Ветрис, тряхнув головой, решил начать речь первым, хотя это и было против вежливости.

— Приветствую вас, и благодарю за гостеприимство, оказанное в вашем пещерном доме, — произнёс он, следя, чтобы в его словах не было обиды и досады, накопившейся за время пребывания в плену. — Надеюсь, ваша охота была удачной, и уголья не оскудели добычей...

Но пятеро молчали, только светились золотом их неподвижные глаза, и раздавался едва заметный шёпот, раздражавший Ветриса. Он уже думал было продолжить словоплетение, но, наконец, один из охотников, стоявший с краю, шагнул вперёд, и поднял руку перед собой в древнем жесте приветствия.

— Не могу сказать, что рад видеть тебя и твоих людей здесь, князь Долины. Мы знаем, кто ты, и вынуждены были опоить тебя, чтобы ты не мог связаться со своими людьми и Сердцем своей вотчины. К сожалению, вы не вняли предупреждению, и нарушили границы того, что спало во тьме. Призраки не могут коснуться тех, в чьих жилах течёт кровь Луны, но остальные твои спутники, боюсь, уже мертвы. Разве вы не видели наших стрел в старых костях? Они служат предупреждением тем, кто идет сюда, как пограничные столбы с прибитыми к ним черепами.

Коэн ощутил мгновенную вспышку радости при мысли о том, что его враг, с которым он так и не успел заключить перемирия, тоже погиб. Но потом вспомнил про Лаитан, Киоми и дварфа, и радость сменилась горечью поражения. Теперь дорога к Отцу стала бессмысленной. Его крови было недостаточно, чтобы пробудить уснувшего титана.

— Мрачны слова твои, правитель, — проговорил он, опустив взгляд. Мерцание золота во взглядах усилилось, и этим они неприятно походили на Мать Матерей. «Которая теперь мертва, — подумал он, и ощутил холод от осознания тщетности всех усилий, своих и Сердца. — Все жертвы напрасны. Посмертник победил». — Кто убил моих друзей?

Семь Стрел, дёрнувшись, словно от оплеухи, проговорил из тени:

— Древнее проклятие дварфов. Мы храним путь от него, но не можем победить. В новолуние можно будет войти внутрь, и забрать тела твоих друзей, если хочешь. Если тебе так дороги каменные статуи... Или ты можешь продолжить путь в обитель Океана.

Ветрис покачнулся, как от удара.

— Пожалуй, это единственное, что остаётся, — сказал он, посмотрев на правителей. В зрачках Коэна опасно блеснуло серебро. — Сначала я похороню всех, а после — продолжу дорогу.

Пятеро синхронно качнули головами, и шагнули назад, растворяясь в тенях.

Морстен вынес из тесного склепа пещеры последнее тело, уложив его на присыпанные серой пылью камни неподалёку от ручья, с которого и начался путь в гномьи руины, и присел на валун рядом. Разбираться, кто жив, кто мёртв, а кто парализован, он собирался немного позже, когда бешено стучащее от недостатка воздуха металлическое сердце чуть поутихнет. Или это оно так реагировало на обилие энергии смерти вокруг? Властелин не знал, и прикоснулся к рукояти меча, висящего на поясе. Касание наполнило его тело звенящей силой, от которой прошла и усталость, и боль в натруженных мышцах.

«Замок был прав, — подумал он, осторожно снимая клинок с перевязи, и оборачивая его в чей-то рваный плащ. — Пока меч не диктует волю, он всего лишь даёт силу. Но исподволь заставляет меня все чаще к нему прикасаться. Так недолго и обрести зависимость...»

Недалеко от него кто-то застонал. Морстен спокойно встал, хрустнув суставами, и подошёл к Лаитан. Ее он вынес первой только потому что она упала ему под ноги, оглушённая оплеухой. Но он не мог позволить наделать в себе лишних отверстий, их и так хватало.

Вторым Гравейн вытащил дварфа, который лежал в центре зала. Гуррун еще дышал, в отличие от некоторых стражниц, но был белее снега на вершинах гор, и казался древним старцем.

— Лаитан, — скорее подтверждая, чем спрашивая, произнёс он. — Ты пришла в себя. Понимаешь ли ты мои слова?

Лаитан дёрнула головой, ощущая, как внутри перекатываются тугие волны боли и жжения. Ее веки дёрнулись и раскрылись, выпуская из глаз отсветы золотого сияния. Над головой плыла, покачиваясь всем небесным куполом, звёздная ночь. Медноликая разглядела несколько знакомых созвездий, которые раньше располагались южнее и немного выше, нежели сейчас.

Северный Волк смотрел большими голубыми глазами-звёздами вниз, на вотчину Морстена, присматривая за ней и покровительственно подняв переднюю лапу вверх.

Золотая Лилия раскинула лепестки на далёких южных пределах, куда им всем вряд ли удастся попасть когда-то в этой жизни. Крупные жёлтые огоньки созвездия образовывали контуры лепестков, заставляя соседние искорки светлячков на глубоком бархате бессильно тужиться в попытке отстоять право на свет рядом. А прямо над головой Медноликой змеи разбросала десятки звёздочек поменьше, будто и впрямь отсвечивая ими, как искрами, огромная Лунная Секира — ориентир и первое известное дварфам созвездие, каждый год оказывающееся ровно над этими подземельями в день начала нового цикла года этой расы.

Рядом, красноватыми искрами и оранжевыми проблесками перемигиваясь с соседями, скупились Малый Дракон и Огненная Саламандра.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Лаитан с трудом отвела взгляд от неба, повернув голову на голос властелина. Он сидел рядом на корточках, как-то внимательно, даже слишком пристально разглядывая Лаитан. Мать матерей пошевелилась, согласно кивнула, отвечая на его вопрос, и попыталась подняться на ноги. Морстен сунул ей в ладонь помятую фляжку с остатками воды, которую они запасали задолго до этих мест. Лаитан сделала несколько глотков, чувствуя, как к горлу подкатила тошнота. Дёрнувшись в сторону, она опорожнила желудок за ближайшим камешком. Вместо чистой воды во фляге властелина оказалось крепчайшее поило тхади, сваренное не то из мха, не то из сморщенных грибов-галлюциногенов. Лаитан про себя обласкала Морстена всеми известными её предшественницам словами, даже удивившись, что властелин не испарился на месте, когда она вернулась и заметила его, сидящего в той же позе. Ей смутно припомнилось, как она попыталась удрать от Морстена по какой-то причине, но потеряла сознание и упала, и чем были продиктованы ее действия, она теперь сказать точно не могла. Властелин, однако, смотрел на нее с затаенным ожиданием, будто Лаитан могла в любой момент взорваться и наговорить гадостей, или снова попытаться удрать куда-то прочь.

— Со мной все в порядке, — хриплым, чужим голосом произнесла Лаитан и тут же испугалась, что постарела на десятки лет. В голове всплыли байки сказочки, в которых герои заходили в пещеру на закате, а выходили на рассвете через сто лет.

Лаитан посмотрела на свои ладони, но звёздного света не хватало, чтобы рассмотреть, что стало с её кожей. Морстен продолжал рассматривать ее, но недолго. Лишь пожал плечами и отвернулся, когда рядом с ним поднялась и резко села Киоми. Крик, вырвавшийся из её глотки, был похож на плач горько обиженного ребёнка или стон смертельно раненого зверя, тут же переросшего в глухие бормотания и рыдания. Киоми закрыла лицо руками, раскачиваясь из стороны в сторону. Лаитан подошла к ней, присела рядом, посмотрела в лицо служанки. Та подняла на неё взгляд, и в ее глазах отразился неподдельный ужас. Бледное лицо белым пятном выделялось в окружающей тьме. Бронзовая кожа Киоми казалась самой обычной, но тем больше и ужасней казались её тёмные глаза. Будто два провала на ткани, две черные космические дыры, как отверстия в нежном шёлке одежд.

— Киоми? — с напряжением в голосе спросила Лаитан.

На кончиках пальцев жрицы блеснули искры золотого пламени, и прежде, чем ругнувшийся властелин успел ударить Киоми по рукам, та сама отскочила, проехавшись задом в крепких штанах по камешкам дна ущелья.

— А-а-а! — раскатился над ущельем сдавленный крик служанки.

— Моя госпожа, что с вами случилось? Я... я выгляжу так же? — в ужасе спросила Киоми. Голос служанки дрогнул впервые за много лет службы у матери матерей.

Медноликая непонимающе посмотрела на тьму рядом с собой. Сгусток шевельнулся, обозначая собой Морстена, который только пожал плечами и ничего не сказал.

— Что? — требовательно вперилась взглядом в Киоми её госпожа.

— Госпожа, ваши медные волосы... почти все стали золотыми...

Лаитан какое-то время пыталась понять, как Киоми рассмотрела оттенок в такой темноте, а потом поняла: медно-красные пряди стали не золотистыми, а седыми. Не все, а лишь частично, но блеснувшие искры на пальцах служанки выкрасили серебро в блеснувшее на голове золото. Лаитан отрешенно провела ладонью по остаткам роскошных волос. Большая их часть сгорела в лавовом жару, а то, что еще осталось, свисало неровными прядями до плеч и блестело нитями серебра в звездном свете.

— Кажется, хотя бы вы двое живы, — повелитель Севера похлопал дварфа по поясу, и чем-то звякнул в темноте. То есть для него сейчас было светло, почти как днём, но забывать об остальных все же не следовало. Хитрое огниво, которое Морстен как-то заметил в руках Гурруна на одном из привалов, нашлось в небольшом непромокаемом мешочке на поясе.

Гравейн подошёл к собранным им недавно кучкам древесины, и после нескольких щелчков извлёк струю оранжевого огня из зажигательного устройства. Дрова занялись сразу, с весёлым потрескиванием, и вокруг стало заметно светлее и, наверное, теплее. Ночи в горах были холодными, и хотя Тёмный не страдал от холода, но имперцы, изнеженные своими песками, могли замёрзнуть.

— Прежде всего успокойтесь, — буркнул он, перетаскивая Лаитан и Киоми к пламени. Гурруна он приволок последним. — Я не знаю, с чем мы столкнулись в этих проклятых подземельях, но мне удалось справиться с этой напастью. Не без вашей помощи, конечно.

Госпожа Империи, разглядывая белые косы Киоми, в которых мелькала смола ее настоящих волос, впервые задумалась о той силе, которая была способна состарить даже жителей Маракеша. Для того, чтобы такое произошло в ее царстве, требовалось прожить не одну сотню лет. И такие сроки жизни давно остались в прошлом. И потому Лаитан почти не слушала его слов. То, как он справлялся с напастями, ей было известно еще и из той памяти, которая бурлила в её жилах. Киоми, обойдя выживших имперцев и посчитав потери, которых оказалось не так много, как она думала изначально, подошла к властелину и, вытянув вперёд палец, сказала:

— Куда ты дел варвара Ветриса, колдун?

Лаитан заметила, что властелин едва не уронил очередное толстое брёвнышко, желая подбросить его в костёр. Ветка больно шлёпнула Морстена по ноге и упала в пламя, прижав его и взметнув вверх снопы искр. Медноликой даже думать не хотелось, откуда властелин притащил ветки — вокруг не было ни сучка, который бы не сгнил за прошедшие столетия.

— А где твои тхади? — тоже задала вопрос Лаитан, но спокойней, не думая винить Морстена в произошедшем. — И как нам вообще теперь пройти дальше, если под горой такой склеп истории?

— Тхади ушли вместе с животными, которых пасли неподалёку, — ответил он сначала Лаитан, потому что её вопрос был более насущным. — Они оставили здесь топливо для костра и знаки, когда не нашли нас наутро. Они почуяли недобрую силу этих подземелий, и решили выждать.

«На самом деле, они ждали инструкций от Замка, — подумал Гравейн, вспоминая разговор со своей твердыней, случившийся, как всегда, в самый неподходящий момент,

почти сразу после завершения сражения с подземными тварями, и показывавший, насколько беспокоился его опекун и товарищ, сидящий на вулкане за тысячи лиг отсюда. — И дождались».

— Думаю, они скоро доберутся до нас, уккуны тяжелы на подъем, — сказал он вслух. — Варваров забрали какие-то люди в мягких кожаных сапогах, в которых, должно быть, так удобно лазать по скалам.

Киоми тихонько зарычала, но Морстен выставил перед собой ладонь, и служанка замолчала.

— Я не закончил. Те, кто охраняет это место от таких, как вы, или же — таких, как мы, утащили одурманенных родником долинцев в убежище. Им ничего не угрожает. Следов крови нет, а значит, все живы. И, кажется, могут нам помочь преодолеть препятствие.

Он посмотрел на медленно шевелящегося возле костра дварфа, чья белая борода мелко дрожала.

— Хотелось бы мне знать, что ты видел внизу, дварф... — проговорил Морстен, поглядывая на Лаитан.

Медноликая задумчиво проследила за взглядом властелина и ответила:

— Пожалуй, только тебе и может хотеться видеть то, что каждый из нас пережил под горой. Повезёт, если Гуррун вообще не двинется рассудком. Почему они забрали варваров, а нас пытались убить? — спросила она уже саму себя, прохаживаясь рядом с костром. Внутри Лаитан шептали, нарастая, голоса памяти. Время текло вокруг, размывая лица Киоми и других служанок, включая и выжившую Надиру, сейчас ухаживающую за дварфом. Гуррун держался дольше других, до последнего оставаясь старым и бородатым, но вот ветры времени раздули и его фигуру, будто сложенную из песка на берегу Отца-Океана. Лаитан уже не слышала звуков в ущелье, она слушала голоса прошлого, заметив, как Морстен, переборовший даже срок жизни Гурруна, пусть и ненамного, тоже стирается, становясь сначала моложе, а затем и рассыпаясь песчинками под ноги.

— Ты хочешь заставить их жить в темноте, в невежестве! — кричал кто-то, стирая с лица кровь, текущую из сломанного носа. Одетый в просторные засаленные одежды, представлявшие ранее что-то другое, нежели балахон звездочёта, человек с лысиной на голове и со стёклами в жёсткой форме на глазах, высморкался и отёр пальцы о свои одежды.

— Люди есть люди, — послышался глубокий бас того, с кем спорил звездочёт. Лаитан смотрела будто бы из-за спины собеседника этого человека, не видя себя и своих одежд. Только голые ноги с бронзовой кожей и перевитые жгутиками лёгких сандалий напоминали ей Империю и её жителей. Хотя Лаитан никогда не видела в ней мужчин, способных сравниться в силе и мастерстве с жрицами и Мастерами.

— Они забудут точные расчёты, они потеряют карты звёздного неба, они сократят каждое слово до слогов и звуков, придумают свой пантеон и будут возносить молитвы воде и огню вернее, чем учиться пользоваться простейшими формулами. Да, им придётся подчинить себе ветра и земли, терраформированием должен кто-то заниматься, и это останется в памяти хотя бы, как магия. Но ты предлагаешь дать тем, кому суждено через несколько поколений опуститься на колени и начать земледельничать... что? Лоции? Карты родного мира? Рассказать им о нейтронных звёздах? О навигации в сверхскоростных

течениях гравитационного поля? Ты старый придурок...

— Они должны знать, что их ждёт! — упрямо возразил звездочёт.

— Они будут знать, — сказал его собеседник. — Не для того ли мы начали все это, чтобы они не знали? Когда придёт время, они придут домой. Все, включая и те расы, что уцелеют на этой земле.

— И что они будут делать, когда придут? — горько спросил лысый мужчина, все еще промокая кровь с лица и под носом. — Плясать ритуальные танцы вокруг навигационного оборудования? Разводить костры в рубке?

— Это вряд ли.

— Я ухажу. И со мной уходят те, кто должен сохранить великие знания для тех, кто придёт потом.

— А ты думаешь, твой новый народ-хранитель не исказит правды? — засмеялся тот, кем сейчас была Лаитан. — Думаешь, тебе удастся просчитать все поколения, среди которых не затаится предатель, властолюбец, гордец или трус?

— Что ты хочешь этим сказать, капитан?

— Только то, что ты и твои дети, возможно, однажды будут ненавидеть моих детей, убивая их и истребляя. Хотя для всех остальных, безусловно, вы окажетесь несправедливо обвинёнными, а мы — изгнавшими вас прочь имперцами.

— Этого не будет!

— Будет все то, что только может быть.

— Складывайте свои легенды и басни, люди с золотыми глазами. А я и мои соратники пронесём правду через тысячи лет!

Лаитан очнулась, придерживавшись за каменную осыпь, на которую её кто-то усадил, пока она была в трансе. Потом женщина подняла голову и посмотрела вверх.

— Мы должны попасть вверх, — сказала Медноликая, — если мы не придём сами, нас никто не выпустит отсюда живыми. Не горы, так те, кто носит мягкие сапоги.

Киоми и Надира переглянулись, временно оказавшись на одной стороне, размышляя о том, не двинулась ли умом их госпожа.

— Пойдём, — Семь Стрел положил руку на плечо Ветрису, и тот с удивлением почувствовал, как путы на запястьях исчезли, словно их и не было. — Пятеро решили, что ты можешь им помочь. И твоё ненужное геройство, хоть и оценённое по достоинству, станет окончательно ненужным.

— Я рад оказать посильную помощь в благодарность за спасение, — проговорил Коэн, растирая запястья. — Но в чем?

Провожатый повернулся и, не говоря ни слова, направился к проёму в скале, выводящему прочь из зала. Ветрис выругался на наречии Долины, и двинулся за ним, радуясь, что в этот раз передвигается без мешка. Молчаливость и загадочность горных жителей начинали его выводить из себя, но сорваться — значило, подвести всех своих безымянных и долинцев. «Почти так же с кочевниками, спаси Луна, — вспомнил встречи со степняками Ветрис. — один шаг в сторону от ритуала — и вспарывание живота покажется желанной пыткой».

Через несколько минут, показавшихся долгими, как часы, они вышли в большую расщелину, где чувствовался холод и воздух был свежим, насыщенным ароматом камня и

воды. Внутри, в кольцо костров и сделанных из дерева рогонок мычали недовольные уккуны и сидели на земле корчившие грозные рожи тхади, обезоруженные и связанные.

— Клянусь Отцом... — буркнул Ветрис, — я уж думал, что этих вонючих тварей сожрали духи.

— Ты про людей? — заинтересованно спросил Семь Стрел, неожиданно выказав свою способность проявлять эмоции.

— Нет, про уккунов, — варвар вспомнил, как первые дни с непривычки ломило спину, и скрестил руки на груди. — Они действительно воняют, особенно, если испугаются. И умудряются делать кучи размером с себя.

Горец улыбнулся.

— Поговори с этими людьми, и объясни, что мы не желаем им зла. Они убили троих воинов, когда мы попытались их пленить, и, если до утра не удастся с ними договориться, придётся уничтожить.

«А чего ждать? Расстреляйте их сейчас, — хотел было сказать Коэн, но потом одумался. Порыв избавиться от слуг Морстена был хорошей идеей, ослабляющей Повелителя Тьмы. — Но что, если он выжил, и почувствует их гибель? Если он может видеть их глазами, как Коэн — глазами своих Безымянных? Нет, тут лучше поступить миролюбиво».

— Прежде чем я поговорю с ними, — он указал на тхади в загоне, — я хотел бы заручиться обещанием, что мои соплеменники будут освобождены и останутся со мной.

Охотник вздохнул, и покачал головой.

— Нет. Сначала помощи, потом торгуйся. Или у тебя на родине принято сначала платить за работу?

— По-разному, — ответил раздосадованный варвар. — Иногда. Ладно, где тут верёвка для спуска?

— Что думаете по поводу Ветриса? — спросил один из пятерых, когда они заняли свои места в древнем святилище, помнящем еще первого Звездочёта.

Металлические панели со сложным рисунком скрывали стены, превращая помещение в гигантский многогранник. Под панелями что-то жужжало и щелкало. Один из пятёрки нажал на крупную каплевидную выпуклость посреди изогнутого стола, за которым они сидели, и перед ними развернулась висящая в воздухе синеватая дымка, сгущавшаяся в узоры. Постепенно из неё соткалась картина, которую когда-то можно было увидеть в каждом храме Солнца, а сейчас, пожалуй, только здесь и в Океане.

Два солнца, окружённые вытянутыми кругами траекторий, на которых замерли небольшие сгущения планет, медленно вращались, отбрасывая призрачный свет на лица предводителей племени звездочётов.

Хранители памяти забормотали заученные намертво слова древнейшего наставления, освежая в памяти то, ради чего они жили.

— Ветрис такой же, как его описывал учитель, — сказал другой хранитель. Похожие, словно близнецы, они сознательно уничтожали всякое различие во внешности, чтобы соблюсти тайну. — Но слишком молод для своей доли.

— Значит, он недавно вышел из купели своего Сердца, — пожал плечами другой звездочёт. — Как и сказано в Памяти.

— Но к Отцу должна идти последняя из правительниц Империи, — возразил третий, прикасаясь пальцем к изображению. Вокруг солнц возникло кольцо, обросшее лучами, и

появились символы, которые он тщательно изучил. — Иначе Тьма придёт, когда мы будем не готовы.

— К Отцу должны идти все. Смотрите, — указал на знаки хранитель. — Время близится. Последовательность такая же, как в книге Учителя!

— Время пришло, — хранители дружно встали, и поклонились исчезнувшему сиянию.

— Нужно найти правительницу в подземельях дварфов, может быть, она еще жива, — уверенно сказал говоривший с Ветрисом. — Пошлём его и два десятка самых слабых в Мастерстве, солнечный свет и настой трав удержит голодных духов.

Морстен почувствовал своих тхад. Они были рады восстановить связь с господином, но при этом находились в затруднительном положении. Не пленники, и не гости, а что-то среднее.

— Кажется, эта проблема скоро разрешится, — спокойно сказал он остальным, подбрасывая в костёр еще топлива, чтобы сделать его еще заметнее. — Вскоре после восхода солнц здесь будут горцы и Ветрис. Кажется, его кто-то хотел видеть?

Киоми фыркнула так громко, что Надира не удержалась и прыснула в кулак, за что и поплатилась тычком от служанки и первой хранительницы безопасности под рёбра. Лаитан, облизнув потрескавшиеся губы, пригладила ладонью волосы, гадая, действительно ли теперь выглядит, как древняя старуха? «Тоже мне, проблема, — подумала она, — тебе не носить матерей и жён, тебе не ходить под светом двойного солнца и не жить до седины во дворце Империи».

Хотя, седины уже, кажется, прилагались.

— Мы должны идти, — упрямо сказала Лаитан. — Сейчас. Если хотим выжить, — дёрнула она плечом, словно мёрзла. Властелин никак не отреагировал на её порыв. Он пока что оставался один, но его это, кажется, вообще не волновало.

— Киоми, Надира, собирайте всех, кто способен идти сам. Они помогут тем, кто еще не пришёл в себя. Если мы не выберемся из ущелья, спасать и встречать будет некого.

— Но, госпожа, варвар и царь долины придёт за тобой, — на последних словах Киоми как-то сбилась, будто в душе сожалела об этом. — Не стоит ли подождать его? Идти одним, в ночи, по незнакомым местам, рискуя сорваться вниз и сломать шеи.

— Солнце скоро взойдёт, — посмотрев на то, как бледнеют, медленно линия в серое, звезды, сказала мать матерей. — Почему ты споришь с моими решениями, Киоми? — сощурившись и блеснув зеленью глаз, спросила Лаитан. Вопреки привычкам, Киоми не опустила взгляда, а лишь выпрямилась и встала на пути своей госпожи.

— Мне кажется, пещеры помutilи твой разум, госпожа. И я, как хранительница твоего покоя и твоей жизни, не хочу тебе зла. Останемся до рассвета хотя бы, чтобы видеть, куда ступать.

Лаитан бросила взгляд в сторону. Чернила дрогнули рядом с ободом костра, не решаясь перелиться через незримую черту, и сложились в подобие свернувшегося у огня огромного животного. Лаитан почувствовала, как задрожали её губы. Видения в пещере вернулись, прочно поселившись в голове и теперь уже казались ей истиной правдой.

Зверь в темноте беззвучно зевнул, клацнув пастью, и снова превратился в самую обычную ночь, разбившуюся на капли, когда в неё неслышно шагнул Морстен. Он встал рядом с матерью матерей, держась к ней чуть ближе, чем к Киоми, которая тут же попыталась испепелить его взглядом.

— Это ты её запугал, мерзавец? Ты что-то сделал с ней? Ты всегда во всем виноват. Не

удивлюсь, если это ты завёл нас в ловушку с пещерами, а не какие-то духи.

— Киоми, — холодно прервала её Лаитан, — он спас нас всех. Он, а не варвар или ты. Мы стали бы обедом злым духам...

Её слова прервались громким стоном. Через минуту мимо пронесся, долбясь о стены ущелья и безжалостно перемалывая в труху старые кости, дварф. Держась обеими руками за свой шлем, в котором болталась лысая голова, он то и дело перебегал от камня к камню, стуча шлемом об них, падая и снова вставая на ноги.

— Горе мне и моим предотцам! Горе моему роду и всем дварфам мира! Горе предателям, считавшими себя победителями! Нас выбросили прочь, изгнали, не допустили до родной скалы! А потом столько оборотов солнц лгали нам, будто мы сами ушли и стали жить, будто мать-скала исторгла нас однажды, а Двойной Топор повёл прочь, к лучшим местам, где породы богаты рудами и самоцветами! Но ничего, ничего! — громко вопил дварф. — Они поплатились за свою жадность. Поплатились за свою гордыню! И я, я тоже должен был остаться среди моих предков. Не надо было мне выживать, не надо мне было видеть такое, о чём я не смогу рассказать своим родичам! Как же они теперь пойдут здесь? Как проложат путь? Как же они избегнут кровожадных клыков своих бывших предков? Горе мне, горе!

Морстен покосился на выплёскивающего свою скорбь дварфа, и вскользь заметил:

— Для выглядящего древним старцем он очень сильно стучит шлемом по камням. Хотя заботиться о внешнем виде сейчас и некогда, но это даёт надежду на то, что тело восстановится, — он провёл рукой по своим коротким волосам, серебрившимся в свете костра. — Но седина останется. Почему ты считаешь, что нам нужно уходить немедленно, Лаитан? В чём ты видишь угрозу? В горцах? Они опасны, раз уж смогли захватить в плен моих тхади. По крайней мере, хитры. Но с хитростью можно бороться хитростью. Или есть еще что-то, чего ты боишься? Пройти через подземелья мы вряд ли сможем, это правда. Я не был там, и если смог справиться с десятком тварей, питающихся жизненной силой, это не значит, что могу выдержать бой с сотней. Всему есть пределы, и моим силам тоже.

Он помолчал, дождался, пока Гуррун подбежит поближе к костру, и быстрой подножкой сшиб его наземь. Прижав дварфа к земле, Морстен громко сказал ему прямо в ухо:

— Успокойся, дварф, — чувствуя, что не удержит долго, повелитель Севера стиснул руку Гурруна, выворачивая ее. Боль должна была пробиться через скорбь. — Успокойся! Все кто мертвы — мертвы. Мы живы, и нужно идти дальше.

Звезды совсем истёрлись, угасая, но серость рассвета еще не спешила окрасить тьму в свои цвета. Наступило самое голодное время, в часы которого из могил вставали покойники, а потерянные души стучались в ставни крепко заговорённых домов и скреблись на южных окраинах в хижины своей родни.

Где-то далеко завыл какой-то зверь. Жалостливо и осторожно, словно тоскуя по солнцу и опасаясь больше его никогда не увидеть. Лаитан услышала шуршание, как будто со стен ущелья начали осыпаться мелкие камешки, сливаясь в струйки пошире и побольше, увлекая за собой камни покрупнее. Остальные тоже замерли, и только дварф, обессиленно припавший к земле предков, стонал и колотил себя железным кулаком по шлему, причитая о своих предках.

Шорох усиливался, и Лаитан сложив пальцы кончиками друг к другу, выбросила их

вперёд, звякнув браслетами под одеждой. Яркая вспышка высветила шевелящийся ковёр, сползающий к огню костра. Огромная, ползущая и дрожащая, как жила, масса скорпионов с острыми жвалами и воинственно поднятыми хвостами, стеклась отовсюду, пытаясь заползти на стены. Пока ей это не удавалось, но колыхание и дрожь усиливались до тех пор, пока из ковра насекомых не сложилась исполинская фигура человека с протянутой к группе людей рукой. Беззвучно дрогнули губы Киоми, едва слышно скрипнул меч властелина, выходя из ножен, утонули в шорохах звон и трепет браслетов Лаитан. Люди, сбившись в кучку, попятились, прижимаясь к стенам, пока роящаяся на земле масса не брызнула в стороны крылатыми тварями.

— Крылатые скорпионы, — только и вымолвила Надира.

— Южные твари, как они тут оказались? — поддержала её Киоми.

— Так же, как и мы, — произнесла Лаитан. А в голове так и стучалась мысль о том, что она просила уйти раньше, чем это случится. Властелин рывком поставил дварфа на короткие ноги, поправил на нем шлем и развернул лицом и бородой в сторону насекомых, стрекочущих и лениво опадающих со скользких холодных камней обратно вниз. Узкие крылышки не позволяли скорпионам летать постоянно, но перебираться с места на место они могли вполне. Обтекая и переваливаясь через огромные завалы и валуны на дне ущелья, они неумолимо приближались к людям, уже начав покрывать собой отнесённые подальше трупы из пещеры. Живой ковёр, наползая на тела, задерживался на них на некоторое время, а когда снова вливался в массу себе подобных, останки представляли собой только чистые кости и оставшиеся на них элементы брони и украшений.

— Так вот что послужило могилой тем костям, — прошептала Лаитан, вспомнив лежащих на земле предков Гурруна. Правда, для дварфов они были слишком уж высокими и ширококостными. Она выступила вперед, подойдя вплотную к огненному ободу костра. Подхватив из рук северянина его палку, которой тот недавно мешал угли, Лаитан сверкнула золотом в глазах и сунула кривую деревяшку в огонь. Пламя качнулось навстречу, радостно и безрассудно обвиваясь вокруг палки, припадая к ней, словно горячий любовник к юной деве, которую не видел много ночей. Лаитан швырнула горящую палку вперед. Она упала перед первыми рядами скорпионов, и в тот же миг все пламя костра послушно выплеснулось вслед за деревяшкой, хлестнув по воздуху горячим жаром. Стена огня, выросшая перед насекомыми, преградила им путь на какое-то время. Сотни стрекочущих и шебуршащихся жуков скорчились и опали вниз, сгорая от колдовства Медноликой. Стена огня с ревом поднялась вверх, едва не выплескиваясь через край ущелья, но через некоторое время она опала вниз, угасая. А через горячую преграду снова валом попадали летучие скорпионы.

Морстен посмотрел на стоящую рядом женщину, отмечая в ее глазах ужас и неуверенность в себе.

— Вверх, карабкайтесь вверх! — опомнившись, закричала Лаитан. Жрицы, похватав раненых сестёр, бросились ползти по покатым и гладким камням, но лишь скатывались вниз, обдирая до крови и костей пальцы и колени.

Из дыры, ведущей в пещеры, снова начал сочиться молочно-белый туман, скользкими щупальцами пробирающийся к людям и не давая им взбираться по камням. Липкая морось, появляющаяся там, где туман касался камня, заставляла пальцы скользить, и жрицы, теряя опору, скатывались обратно вниз. Одна из них, сорвавшись, коротко вскрикнула, плюхнувшись прямо в ползущий по дну кисель. Секунды перетекли в минуты, и женщина

резко поднялась, молча зашагав к стенам прохода снова. Её лицо, бледное и обескровленное, посмертной маской впечаталось в сознание Лаитан, дрожащими руками пытавшуюся удержать Надиру от падения. Морстен, забравшись на высокий валун, оказался окружён белым маревом со всех сторон, словно маяк на возвышении скалистого уступа Соленморья. Чёрная полоска меча ядовитым шипящим куском тьмы рассекала ползущие к нему прутики шупалец, а за ними уже подбирались крылатые южные скорпионы. Киоми, опустившись вниз на пару невидимых уступов, помогла втащить Надиру повыше и протянула руку Лаитан. Медноликая бросила взгляд на властелина севера, закусив губу.

— Госпожа, он справится, хватайся скорее! — в ужасе закричала служанка. Лаитан и сама понимала, что ей нечем помочь мужчине, сосредоточенно дерущемуся с туманом.

Еще одна жрица пропала внизу, сброшенная туда осыпью из-под ног, и тут же погребённая под волной стрекочущих и шамкающих жвалами скорпионов. Короткие всплески кровавыми руками, бесполезная, отчаянная попытка выбраться, последний рывок, и облепленное жующими плотью скорпионами тело снова скользнуло прочь, становясь обедом или ранним завтраком.

— Вы все умрёте! — прокатилось над ущельем. Растревоживший своим голосом мертвецов Посмертник впервые решил заявить о себе, соткавшись из мелких тел насекомых. Ночь стремительно линяла в бледный, затянувшийся облаками рассвет. Но до того, как первые лучи солнца должны были высушить туман на дне расщелины, оставалось слишком много времени. Где-то далеко уже засвистели первые птицы, пробуя на крыло новый день, но почти тут же замолчали, почуяв поблизости беду. Золотая южная лилия на небосклоне еще догорала, борясь с первыми перистыми облачками, стягивающимися в эти края, а Лаитан чувствовала набухающие грозой тучи, идущие с Соленморья. Влажный солёный воздух, долетевший даже сюда, трепался на кончиках пальцев остатками силы.

Медноликая бросила короткий взгляд на свою служанку. Киоми казалась перепуганной настолько, насколько её не видела даже Лаитан в те годы, когда им двоим удалось впервые подсмотреть за соитием в боковых залах во время праздника плодородия.

Это было настолько давно, что змея Лаитан даже не могла припомнить такого. И когда она сообразила, что Киоми много младше её, и таких совместных воспоминаний у них быть не может, чёрный зверь, лизнувший остатки брошенного костра, прыгнул на Морстена, рассыпаясь по его телу дробными чернильными искрами, окутывая фигуру властелина новой броней.

Тьма сомкнулась над головой мужчины, и клинок стал продолжением руки, удлинившись и разойдясь в стороны, пока от лезвия не протянулись широкие полосы темноты, кольцами окружившие властелина Замка.

Киоми втащила опешившую от ложной памяти и увиденного Лаитан повыше, и Медноликая увидела своих жриц и воительниц, прилипших к стенам ущелья на разной высоте, располагаясь по всей длине, куда только хватало взгляда.

Черные кольца темноты, тем временем, полыхнули таким же мрачным и холодным огнём с иссиня-черными окантовками язычков пламени, и превратили в прах навалившуюся кучу скорпионов. Поднявшись вверх, словно узкий щит, темнота не дала летучим тварям добраться до головы властелина. Все звуки, кроме шороха крыльев и щёлканья жвал, вокруг Морстена пропадали, вязнув в чернильном облаке синеватых огоньков.

Бессильно и бесполезно лупящий по камням туман лизал голые острые камни рядом с

пятками вжавшихся в каменные уступочки женщин. Лаитан держалась занемевшими пальцами за мелкие камни, торчащие из горного массива, понимая, что вот-вот окончательно потеряет силы и полетит вниз, в услужливо подставленные мертвенным маревом ладони.

«Темнота укутает тебя и успокоит. Ты больше не станешь бояться, детка. Тьма — всего лишь отсутствие света. И солнце вернётся, отмечая начало нового дня. Темнота примет тебя в свои объятия, убаюкает и подарит отдых. Ты закроешь глаза и вздохнёшь — протяжно, сладко, с удовольствием. Будто в последний раз. Будто только ради этого вдоха и стоило жить до сих пор. Будто нет в мире ничего прекрасней темноты и покоя, который она приносит. Ты уснёшь. Без боли и сомнений, без томящейся злостью и обидами душевной слабости. Без грохочущих битв и острых стальных клинков предателей в рёбрах матери матерей.

Ты укутаешься в эту темноту, мягкую и податливую, словно перина, закроешь глаза и перестанешь тревожиться о прошедшем дне...

— Но, нянюшка, тьма наш враг. Как можно уснуть в объятиях врага?

— Иногда, детка, эти объятия слаще дружеских и надёжней материнских.

— Разве можно доверять Тьме, нянюшка?

— А разве нет? Думаешь, одного доверия свету хватает, чтобы он не обжигал твою кожу, чтобы не ослеплял глаз и не оставлял уродливые язвы на лице, не прикрытом в солнечный полдень последнего летнего трёхнеделья?

— Значит, свет тоже наш враг?

— Наши враги всегда с нами. Мы сами себе враги и друзья. И никакая Тьма или свет не заставят нас не доверять лжецу и предателю и любить своё мастерство, когда оно забирает тысячи жизней во имя Империи».

* * *

— Без тьмы нет света, без света тьма живёт прекрасно, — прошептала Лаитан, продолжая мысленный диалог со своей нянькой, всплывший подозрительно вовремя, пока глаза с тревогой смотрели на сражение тёмного воина и неисчислимого множества слуг Посмертника.

Шуршание и стрёкот разрезали свист и уханье, и в самую гущу туманного зари полетели дымящиеся мешочки с курительными травами. Расползшийся в безветрии запах ладана и смолы забил ноздри едкими парами, заставляя глаза чесаться. Лаитан отчаянно хотелось чихнуть, но для этого ей пришлось бы отпустить ненадёжные камни и свалиться в стиснувшие объятия туманные кольца.

Над головами прошуршали осыпающиеся камешки, заставив посмотреть вверх. Перед Лаитан и жрицами повисли, продолжая бросать вниз дымящиеся мешочки, воины, обвязанные прочными петлями верёвок. Их лица были прикрыты платками, волосы спрятаны под повязками, а руки в тонких кожаных перчатках метко продолжали осыпать насекомых и ползущих приведений курящимися благовониями. Пока одни защищались и отбрасывали линию противостояния подальше, другие, стремительно спустившиеся следом за первым отрядом, похватывали перепуганных жриц и, взвалив их себе на плечи, ловко

скользнули вверх, оставив после себя упавшие на дно ущелья каменные противовесы.

Киоми хотела что-то сказать или сделать, но возникшая перед ней тень ухватила жрицу за талию и взметнулась вместе с ней прочь.

Настала очередь Лаитан.

Медноликая видела, что властелину не нужна помощь. Но долго ли он простоит вот так? Пусть даже его сила, невесть откуда и как взявшаяся, как и новое оружие, помогает выстоять против полчищ тварей Посмертника. Внутри тёмного кокона колышущихся доспехов невозможно было рассмотреть ничего.

Перед лицом Лаитан появились блестящие глаза незнакомца, укутанного в свободные одежды. Он не стал хватать Змею, только выжидающе замер, красноречиво поглядывая на подбирающихся к ним скорпионов. Лаитан кивнула на тёмную фигуру впереди. Пришелец молча покачал головой, отрицая даже самую возможность что-либо сделать для Морстена. Лаитан указала на верёвку. Поколебавшись, молчаливый спаситель согласно кивнул, но дал понять, что для начала он уберётся отсюда вместе с Медноликой. Лаитан прижалась к гибкому и горячему телу человека, мгновенно скрутившего с запястья кусок бечёвки и дёрнувшего за него. Видимо, кто-то всё же ждал их наверху, и поймав сигнал, бросил вниз камень противовеса. А возможно, система заключалась в чем-то другом, но Медноликая не знала этого.

Взметнувшись в воздух так быстро, что у неё даже спёрло дыхание. Лаитан сжала пальцы в замок за спиной спасавшего её человека и, едва они оба зависли в самой высокой точке над головой Морстена, с пальцев Лаитан сорвались золотистые искры.

Шесть огненных дорожек, разрастаясь и расширяясь, покатались по стенам ущелья прочь, прожигая свободный путь до валуна Морстена, давая ему небольшой шанс убраться прочь. Не задерживая в объятиях свою добычу больше необходимого, человек в черно-красных одеждах выпустил Медноликую на самом краю ущелья, поросшим травой и мелкими жёсткими жёлтыми цветами, начавшими уже распускать головки, чувствуя приближение восхода.

Лаитан рискнула заглянуть за край. Огненные полосы золотого света выжгли приличное место от края стены до валуна Морстена. Пламя должно было существовать лишь несколько секунд, давая понять противнику, чтобы он не пытался вылезать выше границ ущелья. А еще Лаитан хотелось дать властелину понять: она сделала все возможное для него и на этот раз.

Доставивший Хозяйку Империи наверх человек, как и обещал, оставил верёвку в том месте, откуда они поднялись с госпожой. Остальные уже сбились в кучу, готовые если не к спасению, то к последней остервенелой драке за свои жизни, а Медноликая продолжала стоять на травянистом краю, ощущая, как под обувью осыпаются вниз мелкие камешки и комья земли.

Морстена она не слышала и не видела.

— Ветрис! — Киоми, закрыв лицо руками, отвернулась от подошедшего к ней варвара, чьи светлые волосы выделялись на фоне закутанных в шкуры и тряпки горцев. — Нет, нет, не смотри на меня...

— Киоми, — Коэн подбежал к ней, скрипнув камешками под подошвами своих сапог. — Мать-Луна, что с тобой случилось?

Он отвел в сторону крепко прижатые к лицу служанки ладони, и дрогнул от неожиданности. Седые волосы, морщины, проступившие на изможденном лице, и

наполненные темнотой глаза цвета угля показались ему чужими, но все же он рассмотрел за этими чертами прежнюю Киоми, и переборол свой секундный страх.

— Пещеры под горой, — сказал он, наполовину утверждая, наполовину спрашивая. — Призраки проклятых дварфов. А где твоя госпожа?

— С госпожой все в порядке, — Киоми, которой упоминание её повелительницы напомнило о долге, сдержала рыдания, понимая, что вряд ли дождется от мужчины сочувствия. Потерев ладонями красные глаза, она поднялась с камня, но в звоне браслетов, уцелевших после всех испытаний и бегства, звучала нота беспокойства и горечи. — Она жива.

— Хорошо, — попытался удержать её за руку Ветрис, но служанка увернулась от его прикосновения, отстранившись. — Я привел тхади и горцев, — немного преувеличил он свои достижения, умолчав, что был пленником и едва не утратил свои способности. Об этом, пожалуй, он не рассказал бы никому, даже если бы от того зависела его жизнь.

«Сердце Долины, наверное, сейчас заходится в бессильной ярости, пытаюсь достучаться до меня, — подумал Коэн, озирая поле битвы внизу и не скрывая интереса. Боевая магия Тьмы была эффективной, и что греха таить, красивой. Властелин Севера перемалывал скорпионов, как мельница — зерно, оставляя после себя только шелуху сгоревших панцирей и пятна шипящего яда. — Хотя, Безымянных не поили настоями. Так что все в порядке».

Тхади, которые, как один, настояли на том, чтобы идти вместе с горцами, вытащили свои мечи, и подошли к краю обрыва. Затянув тягучую, как дуновение северного ветра, и такую же заунывную песню, они раскачивались, блестя в полумраке рассвета зеленоватой кожей на мощных мускулистых спинах. Внизу продолжалась битва Тьмы с серой смертью.

В такие моменты сознание и разум отступают прочь, оставляя телу и силе решения возникающих проблем. Меч темноты, соединившись с новым носителем, открыл бездну энергии и потребовал взамен свободу — пока на время боя. Морстен понимал, что держит в руках, и знал историю этого любопытного предмета, изредка упоминавшегося в записях Замка. Как правило, с кучей нелюбимых эпитетов. Никто не знал, или не хотел говорить, как именно был создан внешне невзрачный клинок, казавшийся угольно-черным при любом освещении, и впитывавший свет. Но Гравейн вспомнил, словно кто-то подсказал ему, вложив знание в разум, что Замок приложил самое что ни на есть живейшее участие в сотворении этих инструментов. Еще на заре цивилизации, когда Империя только захватывала земли и возводила свои золотые города, а Замок еще странствовал по миру, исследуя его пределы и разыскивая источники сил, повелители Маракеша решили сделать в первой кузнице столицы оружие света, которое должно было принести им победу в грядущих противостояниях сил. Чтобы равновесие не нарушалось, Тьме пришлось прервать свое путешествие по миру, и вернуться на Север, отданный ей при разделе земель. Там Замок впервые оседлал вулкан, и оставался на месте несколько десятилетий.

Над столицей Империи воздвиглись золотые минареты и пирамиды дворца, представлявшие собой самое грозное оборонительное оружие, и способные сжечь любую армию на расстоянии нескольких десятков лиг. На далеком севере, в снегах и льдах, пользуясь помощью первых тхади, Замок отковал несколько черных клинков, дарующих своим владельцам прямой доступ к силам Тьмы. Вооружённый таким мечом человек приобретал мощь и живучесть, но не становился бессмертным, и не мог в одиночку перебить армию. Но мог задержать её настолько, чтобы подошедшие подкрепления ударили во фланг,

разметав боевые порядки и смешав ряды...

Их применяли редко, когда Свет или союзное ему Серебро усиливались настолько, что бросали вызов Тьме и втаптывали её полки в северные льды, делая их красными от крови людей и тхади. Когда поражение было неминуемым, или других шансов не было — лучшие воины брали в руки черные клинки, окропляя их своей кровью, и сражались с многократно превосходящим противником, уничтожая сотни и тысячи, прежде чем пасть от истощения или ран.

В стычке с десятком носитель меча выходил победителем, с сотней — мог расправиться за обозримое время, тысяча солдат при поддержке лучников наверняка убивала его, завалив трупами.

Властелин имел немного больше запасов своих личных сил, и крепость тела, позволявшие ему вести бой очень долго. Но, вступив в сражение, он не мог остановиться и выйти из него — меч привычно выполнял заложенные в него при создании команды, первой из которых было «ни шагу назад». А второй — «биться до последнего врага».

Зато у Морстена было время подумать, и просчитать свои шансы. Пеленгас, как бы силен он ни был, не отважится на прямое столкновение, и даже армия скорпионов, приведенная им, имела свой предел. Больше наличных сил у повелителя Смерти не было. Если не считать призраков, вышедших из подземелий.

Но за обозримое время, если не случится ничего выходящего за рамки, их можно было перебить.

«Вопрос в том, проживу ли я достаточно, чтобы изрубить и сжечь магией все эти мириады насекомых, — подумал Морстен, отметив протянувшиеся от скалы к нему огненные дорожки, угасшие спустя десяток секунд. Золотистая пыль от сгоревшего воздуха и сухой травы продолжила висеть в воздухе, сохраняя путь для отступления. Но северянин не мог воспользоваться им, пока не справится со своим клинком. — Вот такая ловушка. Замок предупреждал».

Он увидел, как увернулось от очередного броска насекомого, источающего вонь смертного яда, его тело, испепелив скорпиона, на место которого встало с десятков тварей. Искры огоньков наверху склона подсказали ему, что там находятся союзники, пришедшие на помощь. Среди темноты он почувствовал огни сознаний верных тхади, которые, басовито жужжа одной из своих песен, связывались с ним, стучась в броню, скрывавшую разум.

«Бойцы, — подумал он с горечью, — я слышу вас, но не могу ответить. Не тратьте сил».

Один из тхади, взревев, прокричал что-то на своём наречии, и варвар, подошедший к Лаитан, резко развернулся к слугам Тёмного Властелина.

— Что он говорит? — спросила Лаитан, безучастно смотрящая на загоравшийся пламенем восток.

— Ничего особенного, — поморщился варвар, затыкая непривычно безоружные пальцы за пояс, и приседая рядом со Змеёй. — Что-то насчёт долга.

Десятник попытался остановить своего воина, но тот, не прерывая песни, помотал головой, и без долгих разговоров укрепил меч рукоятью между камней. Остальные одобрительно усилили напев, который звучал, словно рокот боевых барабанов. Рослый тхади, чья зеленоватая кожа была исчерчена синевой множества татуировок, посмотрел вниз, где сражался его повелитель, и, не меняя яростного выражения лица, одним движением бросился на свой меч. Лезвие с хрустом пропороло плоть, выставив

окровавленный конец из спины. Кровь на клинке казалась чёрной, и пузырилась, словно расплавленная лава. Отделившийся от мёртвого воина призрачный сгусток, заметный варвару и госпоже, сверкая, мгновенно пересёк расстояние до окружённого тьмой Морстена, и скользнул внутрь его доспехов силы. Слово клинок или стрела, находящая уязвимое место между пластинами брони.

Лаитан тот час вскочила на ноги и бросилась обратно к обрыву, заглядывая за край. Медноликая видела сотни казней. Кровавые и изощрённые, они не имели ничего общего с войной, где удары иногда значили не больше, чем брошенные обидные слова, а боевой транс мог бы поспорить по силе с заклинаниями Мастеров.

Госпожа видела ритуальные жертвоприношения, где возвращённые и подготовленные для единственной цели девушки добровольно, как казалось всем, отдавали себя во имя милости богов и стихий. Ужас и безмолвная мольба во взглядах этих жертв оставались незамеченными никем, кроме Мастеров и самой Лаитан.

Она видела своих жриц, готовых отдать жизнь за нее и любого из Мастеров, ибо так приказывал их долг. И они, не знающие иной жизни вне стен дворца, не имели выбора, не знали иной возможности служить.

Теперь Лаитан увидела совершенно другое. Бросившийся, вопреки уговорам и прямому приказу на меч, тхади отдал жизнь за своего господина с той же готовностью, с какой шли на жертву только друзья и близкие.

Лаитан ощутила себя совершенно чужой в этом мире. Жизнь, проведённая во дворце, в окружении прислуги воительниц, интриг и постоянных соревнований за место Мастера Мастеров отняли у женщины представления о доброй воле.

Так было нужно. Нужно быть сильнее, привлекательней, выше, искусней и безупречней всех, кто мог бы посягнуть на её место. Традиционные празднества урожая и чтение стихий, даровавших плодородным годам семена и плоды, оканчивались схватками лучших из лучших, по итогам которых сама Медноликая выходила и доказывала своё превосходство.

Ложь, фальшь, притворство и золотой блеск поддельного света — окружение госпожи Медноликой Лаитан.

И увидев истинное самопожертвование, не побоявшегося расстаться с жизнью, презренного всеми народами, уродливого тхади, Лаитан оглянулась по сторонам совсем другими глазами. Киоми о чём-то тихо шепталась с варваром, который смотрел на нее так, как должен был смотреть на свою жену. Надира, искренне обеспокоенная всеми наравне, включая саму Лаитан, поила водой своих и чужих, изредка сталкиваясь плечом с одним из местных, неотступно следующего за ней.

Одиночество, зябкий предрассветный ветерок и догорающие золотом дорожки выжженной травы на склоне, будто мостики в прошлую жизнь, проведённую в иллюзии. Лаитан прикусила губу, борясь с острым желанием расплакаться от досады и тщательно скрываемой зависти — ради нее можно было убить, но не пожертвовать собой. А жизнь другого всегда ценилась в Империи не столь высоко, как своя собственная.

К своему сожалению, Морстен никак не мог помешать совершившему ритуальное самоубийство воину. Но, чувствуя, как в замедлившемся времени растягивается в струну вырванная из тела жизнь и душа тхади, которого звали Муршун Кхааба. И который принёс себя в жертву, чтобы вырвать своего повелителя из плена черного меча...

Гравейн почти физически ощутил злобный хохот Замка, представив его ухмылку. «Именно так тхади, бывшие первыми, кто взял в руки мечи Тьмы, останавливали своих легендарных воителей, не давая им умереть, — понял он, и испытал неподдельное уважение к силе их духа. — Ненавидящие зряшны потери, не связанные с победой, и не терпящие жертвоприношений, ради своих вождей они переступили через эту особенность, вложенную в них их создателем. И именно так обошли заложенные в клинки непреодолимые приказы, делающие из воинов машины для перемалывания армий»...

Теперь у него оставалось гораздо меньше времени на обдумывание, и гораздо больше шансов получить раны. Скорпионы и не думали кончаться, а вот доспехи темноты истончились, когда потоки силы из меча Тьмы иссякли, превратившись в тонкий ручеек. Отбивая атаку за атакой, уже не сжигая хитин потоками холодного пламени, а орудуя лезвием, Морстен нащупал сознания тхади, и приказал, жестко и сильно, прекратить жертвы. Он снова был хозяином себя и своего тела.

«Никогда, — рвано думал он, отходя к мерцающей золотистой пыльной тропке, — никогда не доставать этот меч, если есть другие способы решения проблем. Если мне дорог я сам — а я сам себе очень даже дорог, Тьма поберей! — то придётся потерпеть. И стать гибче. Морально».

Медленно, шаг за шагом, он отступал. Откуда-то сверху, рассыпая огненные искры, неторопливо летели горящие мешочки с травами, рассыпавшиеся в местах падений взрывами дыма и еще чего-то, очень напоминавшего силу Мастеров Империи. Только более злую, и направленную на разрушение, а не на созидание. Свет умеет не только дарить жизнь, но и отнимать тоже.

На западе, где ночь задержалась перед моментом рассвета, она набухла темными тучами, в которых расцветали вспышки далёких молний. Грохот грома терялся в стрёкоте и треске панцирей насекомых, в шипении их крыльев и языков пламени, выжигавших проплешины в редящем потоке членистых тел. Посмертник молчал уже давно, а призрачная фигура, составленная из скорпионов, рассыпалась, смешавшись струями серого тумана с потоками тварей.

— Кирин! — широким взмахом разбрызгав прыгнувших на него крылатых хищников, прокричал прижавшийся к стене ущелья Морстен. Он чувствовал вонь силы смерти, и знал, что через фасетки насекомых взгляд мёртвого повелителя посмертия злобно следит за каждым движением своей неудавшейся марионетки. — Пеленгас, Тьма тебя раздери, Кирин! Ты выкидывай снежного червя и послед уккуна. Можешь не бояться Света, но опасайся Тьмы. Она не любит, когда с ней играют в такие игры.

Внезапно появившиеся немного выше него гибкие фигуры, закутанные в лоскутные одеяния, быстрыми движениями опутали торс Повелителя Севера верёвками, и Морстен ощутил резкий рывок, от которого помятые ребра загорелись болью. Скорпионы остались далеко внизу, а мимо лица Гравейна вниз полетели большие свёртки трав, дымящиеся и плюющиеся огнём запальных трубок.

Его чувствительно приложило спиной о выступавший камень, и он застонал от боли. «Только не позвоночник, — подумал Морстен, — только не чёртов позвоночник». Небо над ним наклонилось, и его осторожно положили на землю. Встревоженные тхади наклонились над своим владыкой, ощупывая Гравейна в поисках ран. Он через силу улыбнулся, пытаясь пошевелить ногами. Вроде бы получилось, хотя дышать было трудно.

Лаитан не стала ничего отвечать на замечание варвара о том, что случилось. Не считавший никого, кроме, пожалуй, имперцев достойными даже упоминания, Ветрис расценивал самопожертвование одного из тхади, как обычное взрезание глотки жертвенному бычку.

— Ничего особенного, — тихо повторила Лаитан в спину варвару, с брезгливым и расстроенным видом рассматривающим Морстена.

— Владетельница, ты что-то спросила? — повернулся он, почёсывая переносицу.

— Где ты был, будущий муж и правитель Империи? — с изрядной порцией издёвки во властном голосе осведомилась она. Варвар понял по её взгляду, что приукрасить или солгать у него не выйдет.

— В гостях у наших союзников, — ответил Коэн, пока Лаитан, не мигая, рассматривала его лицо. Ветер трепал ее волосы, неровной линией падающие на плечи и на лицо. Мать матерей коротко кивнула, не получив и десятой доли сочувствия, какое варвар отмерил Киоми. Она правила ему не больше, чем он ей. Впрочем, Медноликую принято было бояться, а не любить.

Рядом с Лаитан встали высокие худощавые люди, закутанные в красно-черные одежды. Один из них, стянув с лица повязку, ступил вперёд и посмотрел в глаза Лаитан. Долго, пристально, будто пытаясь в них что-то отыскать, знакомое только ему одному. Затем мужчина отступил назад и сказал:

— Они вернутся. И тогда уже не справятся никакие травы и заклинания. Ты и твои люди принесли проклятие в наш дом, но мы были готовы.

— Вы ждали нас? — немало удивилась Лаитан.

— Не тебя, но тех, кто идёт к океану, — сказал человек и зашагал прочь, предоставляя остальным выбор: следовать за ним или нет.

— Следуйте за ними, — хрипло сказал Морстен, приподнимая голову. По его натужно покрасневшему лицу можно было понять, что в ближайшее время рассчитывать на боевые навыки повелителя не приходилось. Тхади быстро переложили своего господина на плащ, и рывком подняли. Гравейн закусил губу. — Лаитан. Следуй за ними. Не спорь. Дорога к отцу лежит через горы. Кто знает их лучше горцев?

Ветрис презрительно хмыкнул, но внутри согласился с Темным. После увиденного им в пещерах варвар был готов прозакладывать связь с Сердцем, что горцы не так просты, как хотят казаться. «Может, и правда они — потомки изгнанников из Империи? — подумал он. — Тогда можно попробовать сыграть на этом».

Вереница усталых и раненых жриц, сопровождаемых ловкими воинами в черно-красном, двинулись навстречу рассвету по стремительно светлеющим склонам, взбираясь все выше. За ними следовали пыхтящие от усилий тхади, несмотря на тихую ругань их повелителя, требовавшего большей скорости движения, старались нести его как можно бережнее. Возле выхода из пещеры, оказавшегося совсем недалеко от входа в подземелья, но скрывавшегося за нагромождением скал, их ждали все те же горцы в своих маскировочных балахонах. Когда Морстена занесли в дымный зал пещеры, он заметил, как огромный камень, обтесанный в виде пробки, и изукрашенный золотистыми знаками, легко стронулся

с места, и перекрыл вход, не оставив даже малейшей щели.

Лаитан и не собиралась спорить. Она забыла, когда последний раз спала, когда ела и пила, а пережитые моменты жизни за последние дни вымотали бы её даже тогда, когда она была в куда лучшей форме. Молча следуя на расстоянии от тхади и их господина, она оказалась между парочкой варвара и её служанки, как бы с ними, но как бы и нет. Кожа под одеждой зудела, с нее осыпались последние чешуйки, обнажая голую беззащитную плоть.

В пещерах оказалось светлее, чем могло показаться на первый взгляд. Плавающие под потолком и вдоль стен пузырчатые светлячки, сгрудившиеся гроздьями и нависающие над арочными проходами, придавали помещениям мертвенно-бледный контраст с миром за пределами скал. Забытый всеми Гуррун, тенью себя являвший подобие правителя, оживился и принялся что-то живо выпрашивать у горца неподалёку, едва вся команда переступила порог входа. Лаитан споткнулась, едва не разбив лоб о стену пещеры, но удержавшись на ногах. Пройдя еще немного, она снова оступилась и её удержал один из тхади властелина, подумал немного и перебросил Медноликую через плечо. Лаитан слишком устала, чтобы спорить. Мерное покачивание и мельтешащие перед глазами картины переходов, отличавшиеся только освещением и размерами пещер, по которым гуляло гулкое эхо, убаюкивали и вызывали сонливость.

Наконец тхади сбросил женщину на пол, гораздо бережней, чем в прошлый раз, и отошел к своему господину, чьё лицо, пусть и искажённое болью, приобрело довольный вид, когда Лаитан оказалась на земле, как куль с навозом.

В огромном зале было темновато, но отнюдь не безлюдно. В темноте слышались голоса и шепотки, но по выражению лица Морстена Лаитан поняла, что эта тьма вовсе не союзница властелина. Это была первозданная, небесная, холодная темнота, какая бывает только среди звёзд, не имеющая ничего общего с ночной теменью или чернотой помыслов лихих людей.

— Можно начинать, — раздался чей-то голос во мраке. И Лаитан подобралась, вставая на ноги и всем телом ощущая боль в мышцах.

Морстен, приподнявшийся с помощью тхади, и преодолевший муть от боли, когда ушибленный позвоночник согнулся в новое положение, глядел во все глаза, стараясь не пропустить ничего. Его интерес разгорался все сильнее — наконец, за полтысячелетия, ему удалось прикоснуться к чему-то по-настоящему древнему. А древность сквозила из всех щелей... Причем не только фигурально — в пещере дул холодный ветерок, не имевший запаха.

Рядом с ним стояла, покачиваясь от слабости, Лаитан. Темный с сочувствием посмотрел на нее, понимая, как тяжело приходится сейчас потратившей почти все силы Змее. Он знал, что тхади поддержат ее, пусть грубовато, но эффективно, раз служанки и жрицы оставили свою госпожу, зализывая собственные раны.

На высоком своде пещеры зажигались огоньки, но они не могли разогнать темноту. Здесь не было места Тьме, Свету и Смерти. В слабом сиянии разноцветных искорок на вогнутой полусфере купола, который, как догадался Морстен, означал небесный покров мира, как он выглядит ночью, стали заметны золотистые пластины, вделанные в черный камень. Гравейн даже опознал созвездия, знакомые ему с детства, и те, которые он узнал на Севере.

Посреди залы медленно появилась синяя дымка, складывающаяся во вращающиеся вокруг двух светящихся шаров сферы, все ускорявшие свой бег, и замершие на месте —

внезапно, как по команде.

Под этой объемной картиной, освещаемые холодным светом, появились пять фигур, облаченных в ниспадающие одеяния из тонкой кожи. Их лица были прикрыты капюшонами, а на груди горели золотом знаки в форме капель, висящие на тонких цепочках.

— Пять Учеников приветствуют идущих к Отцу, — голос разнесся по зале, отражаясь от стен, и заполняя собой все пространство. — Кем бы вы не были, что бы не несли в сердцах — Тьму, Свет или Тень — вам здесь не рады.

Было слышно, как кто-то шумно выдохнул воздух сквозь зубы. Кажется, это был Ветрис. Или Гуррун. Лаитан слушала говорившего, не двигаясь, и не говоря ни слова.

Для Морстена то, что он услышал, не явилось особенным сюрпризом. Он ждал чего-то подобного, но оставалась еще недосказанность.

— Но предсказанное тысячелетия назад Время Тьмы и Холода приближается, — продолжил другой голос одного из скрывавшихся под ниспадавшими одеждами правителей горцев. — Расчёты Учителя верны, и уже очень скоро, в пределах жизни одного или двух поколений наш мир умрёт, — стоящий вторым справа поднял руку, указывая вверх, на четвёртый шар от центра замершей синеватой картины. Рядом с той сферой висела еще одна, поменьше, и горела надпись на неизвестном языке. В голове у Морстена понемногу начало складываться понимание.

— Если вы не разбудите Отца, — сказал новый, жёсткий и сильный голос. Кому он принадлежал, сказать было сложно, но это был настоящий лидер.

Все замолкли, явно ожидая продолжения со стороны гостей. Лаитан заметила, как варвар, преисполнившись праведного гнева за оскорблённое самолюбие, делает шаг вперёд. Лёгкий тычок локтем остановил Ветриса, и Медноликая заговорила первой, не давая варварам возможности снова нарваться на неприятности:

— Мы тоже не желали видеть отступников и предателей своего народа, — холодно сказала она. Глаза сомкнулись и, открывшись вновь, осветились зеленоватым свечением. Тонкие вертикальные щёлочки зрачков устали на пятёрку хозяев впереди.

— Вы потревожили духов и разбудили зло, — констатировал произошедшее тот же голос, что начал дискуссию. Лаитан только пожала плечами, звякнув браслетами.

— Оно не дремало и без нас. Вы тоже не справились с ним. Очевидно, оставив пещеры под горой именно для того, что случилось там с нами. Вы знали о притягательности златокровых для проклятий этих мест, но ничего не сделали.

— Мы пытались вас остановить.

— Перестрелять нас на подходах? — усмехнулась Лаитан.

— Согласись, змея из меди и золота, это лучшая доля, чем заживо сойти с ума и сгнить во сне, под толщей скал, в сырой темноте пещер.

— Не спорю. Но зачем-то вы нам помогли. Зачем?

Повисло молчание, и Ветрис снова начал пробираться поближе, явно желая выступить вслед за Лаитан. Властелин предусмотрительно помалкивал, явно желая дослушать до конца, а уже потом высказывать своё мнение.

— Вы должны сделать то, для чего были рождены, — вынес вердикт властитель горного народа. После его слов в темноте зажглись глаза стоявших представителей правящей династии. Золотые капли вспыхнули, образуя вместе с висящими на шеях амулетами подобие трёхглазых чудовищ, мерцающих в полумраке.

— Тогда дайте нам отдохнуть, — попросила Лаитан. — Отдохнуть и пойти дальше. Большого мы не просим у вас.

Меднолика именно просила. Не препираясь насчёт отступничества и старых дразг, не заостряя внимания на произошедшем и не выставяя счетов за потерянные жизни своих жриц, пока горцы решали, стоят ли имперцы их помощи или смерти.

— Некоторые из вас уже отдохнули, — сказал кто-то в темноте. Взгляды всех остальных скользнули друг по другу и остановились на Ветрисе. В молчании повис вопрос.

— Разве он не сказал вам? — теперь уже удивление скользнуло в голосе горца. — Вы можете остаться на несколько часов, пока мы подготовим запасы воды для вас и соберём свой отряд.

— Вы идёте с нами? — не сдержался до конца уязвлённый Ветрис.

— Нет. Это вы идёте с нами, — отрезал властный голос. Лаитан почувствовала, как на её плечо легла чья-то рука и её мягко повлекли за собой прочь. Внутри Медноликой осталось ощущение недосказанности. Будто все ответы были так близко, что оставалось только протянуть руку и взять их, но что-то мешало, ставило преграды и не давало узнать правду раньше времени. Под ногами скользнула черная тень зверя, с грацией и проворством животного ускользнув от прямого взгляда Лаитан. Она попыталась отыскать взглядом Морстена и спросить, наконец, что это за шутки Тьмы, но вокруг попадались только варвары, безымянные и тхади.

Морстен, проклиная свою натуру, набрал воздуха в легкие, и громко произнес, перекрывая поднявшийся шум голосов.

— Нам нужно отдохнуть, гостеприимные хозяева, и не несколько часов, а день или два, — по сигналу два тхади, недовольно ворча, подняли его на ноги. Ему даже удалось сдержать проявления своей слабости тела, но стоять самостоятельно пока не удавалось. Отправляться же в путь по горам на носилках было неудобно и несовместимо с его собственной честью, как и со здравыми рассуждениями об эффективности. — Если правитель Долины отведал вашего хлеба и восстановил силы, то все остальные едва вышли из боя. Если выйти немедленно, мы не будем двигаться так быстро и споро, как хотелось бы. И как нужно. Часы отдыха сейчас отольются в пользу во времени потом.

«И, может быть, до нас доберутся те, кто идёт следом. Хотя лавовую реку обойти сложно, и надо бы рассказать о дварфах и тхади горцам, чтобы избежать конфуза, — подумал он. — Эти люди, похоже, связаны долгом. Их слова о Времени Тьмы... Сдаётся, это изображение наших солнц, но что за шары вращаются вокруг них? А тот, четвёртый от центра, шар с малой сферой рядом. На небе всходит Луна. Это как-то связано. Но как?»

Со стороны фигур в балахонах он почувствовал замешательство. С ними явно редко спорили, и еще реже отказывались выполнять приказы. «Что же, когда-то надо привыкать и к такому».

— Времени нет, — произнёс один из правителей, — предначертанное...

— У нас есть время жизни одного или двух поколений, — вернул ему его же слова Морстен, чувствуя, что разгадка где-то рядом. И явно они говорили не о приходе знакомой ему Тьмы, которой он служил. — По сравнению с этим промежутком два дня — ничего не значащая песчинка, не способная изменить ничего.

— Что ты делаешь, Тёмный, гроб твой об колени... — прошипел Ветрис, понимающий, что северянин просит время не просто так, а для восстановления сил. Позволить ему снова

обрести уверенность варвар не собирался. — Не спорь с ними.

Шёпот Коэна, не рассчитавшего силы голоса, разнёсся по залу, вызвав новый всплеск шума голосов и шуршание одежд. Кажется, здесь собрались почти все горцы.

— Тьма не имеет власти в этом месте, — ответил вождь племени. Морстен вычислил, что он скрывается под одеяниями фигуры, стоящей слева. — Но предложение разумно, в какой-то мере. До Отца путь не близок, и пройти его нужно всем. Сутки. После следующего рассвета вы выступите. Вас поведёт следопыт Семь Стрел. Он же проводит вас в гостевые пещеры. Всех, кроме дварфа. Мы хотим поговорить с ним.

— Если вернёте его живым и здоровым, то почему бы и нет, — чувствуя, что силы оставляют его, Морстен старался говорить чётко и спокойно.

— Не надо угрожать нам, — с неожиданной твёрдостью сказала Лаитан. — Нам тоже есть, чем ответить.

Ропот стал громче, и Ветрис, уже не сдерживаясь, громко заявил:

— Близость властелина севера плохо влияет на разум матери матерей.

— Что же поделать, если твоя близость не может перебороть это влияние, царь долины, — ответила Лаитан куда тише, но так, что варвар её услышал, — да и сама по себе эта близость обычно где-то рядом с моей служанкой.

Ветрис прикусил язык, а Киоми сдавленно кашлянула.

— И чем же ты хочешь угрожать нам, змея? — иронично спросил один из горцев.

— Я и не собиралась вам угрожать, великие представители своего народа. Но пока что мы, а не вы, идём к Отцу. И если вы не хотите войти в летописи теми, кто на чужих костях въехал в склеп, — ввернула она выражение из оборота простого народа империи, — дайте нам отдохнуть и пополнить силы. Или дальше идите сами, — не сдержалась Лаитан. Присутствовавшие как-то разом замолчали, понимая, что такую сторону Медноликой ещё никто не видел до сих пор. Золото расплавилось, как и медь, и застыло в безобразной кляксе среди пепла и угольев кузнечного жара. Изящная статуэтка правительницы Империи, осыпав гладкость драгоценных металлов, снова стала невзрачной золотоносной жилой, из которой и была отлита мастером когда-то. В ответ на эти слова хмыкнули даже тхади. Горцы ничего не ответили, и рядом с Лаитан оказался тот самый мужчина, разглядывавший её наверху.

— Идём, Меднолика. Вас ждёт отдых, — сказал он. В голосе, как бы его обладатель не старался, скользило больше смеха, чем злости.

Пещерный отдых

Гостевые пещеры представляли собой закоулок в обширной сети коридоров и переходов, отделённый от остальных помещений такой же каменной пробкой, как стояла на входе со стороны могильника dwarфов, но эта была откачена в сторону, и выглядела так, словно её в последний раз сдвигали несколько тысяч лет назад. Внутри было чисто, но и голо. Светляки встречались редко, а воздух пах пылью и камнем, словно сюда заглядывали редко и ненадолго, чтобы навести порядок, но и только.

«Не часто встречаются храбрецы, способные достичь этого удалённого места, — подумал Морстен, которого несли на потрескивающем от тяжести плаще верные тхади. Десятник нёс Лаитан, которая сохранила достаточно сил, чтобы выйти вместе с ними за провожатым, но не более того. — Впрочем, если там тихо и пусто, меня это устраивает гораздо сильнее, чем пенные бани Империи, наполненные полногрудыми гуриями».

Наличие недовольно блестящей глазами с плеча тхади госпожи-Змеи, правда, заставляло думать его, что отдыха, скорее всего, не выйдет. Или он получится не таким, как ожидалось. Но на это властелину было чихать, как в вулкан. Его беспокоила спина, и малое количество времени, отпущенное на отдых.

Он занял самую дальнюю пещерку, возле которой почти не было светляков и пятен мха, излучавшего призрачный слабый свет. Но ни тхади, ни Морстен от того не страдали. Вверив Лаитан её служанкам, орки вшестером быстро раздели кривившего от боли губы Гравейна, оставив на нем только набедренную повязку, и уложили на многострадальный плащ, которому было суждено служить полем битвы за спину Повелителя Тьмы. Насколько он чувял, воины распечатали неприкосновенный запас, переживший все невзгоды, и содержащий простые, но эффективные снадобья, мази и настои. То, как они воняли, было неопишимо.

«И почему все шаманы стараются придать своим лекарствам как можно более мерзкий вкус, запах и вид?» — привычно проворчал Морстен, готовясь пережить не самые лучшие несколько часов в жизни.

— Я должен ходить и хотя бы поднимать меч на уровень головы, — сказал он, чувствуя, как на затылок легла тяжёлая твёрдая ладонь его десятника, прижавшая Гравейна к камню. — Не жалейте средств.

Прислушиваясь к тихим стонам властелина из дальнего угла и шипению его слуг, Лаитан искала взглядом своих служанок. Таковых не нашлось. Долинцы сообразили отдельный лагерь поодаль от имперцев, но большая часть жриц и охотниц уже сидела в лагере варваров. Там же оказалась и Киоми, о чем-то шептавшаяся с Ветрисом.

Лаитан грустно посмотрела на свои ноги и руки. Ее тело болело так, словно она опять провела всю ночь под маской из темной бронзы, настолько тонкой и гибкой, какой может быть только заговорённый металл в руках Мастера. Она и её служанки, надевая одинаковые одежды и маски, принимали участие во всеобщем праздновании дней плодородия и сбора урожаев, а также почитания стихий и солнечного света, дарующего силу и жизнь в самые длинные дни года. Тогда можно было насмотреться на разные вещи, некоторые из которых требовали физических усилий и обильных возлияний. Лаитан иногда присутствовала в таких развлечениях, не позволяя, однако, им заходить дальше определённых ласк. И когда пик

возбуждения доходил до предела, Медноликая исчезала, от чего-то опасаясь оказаться на обозрении остальных, как многие из служанок, не обладающих какими-либо принципами.

Мать матерей потёрла натруженные, гудящие от напряжения ноги, проводя пальцами по разноцветным рисункам татуировок на коже.

— Надира, — тихо позвала она. Из полумрака появилась жрица с большой сумкой через плечо.

— Да, госпожа? — шепнула женщина, садясь рядом. Лаитан с интересом уставилась на сумку Надиры. Та смущённо потеревила лямку, наброшенную на плечо.

— Моя мать была травницей, — пристыжено принялась объясняться Надира, — а до неё — моя бабка и прабабка. А потом меня забрали в жрицы дворца. И вот... — Надира зачем-то сжала в пальцах широкий ремень сумки, — я и подумала... Когда погибла наша травница, некому же стало в этом разбираться.

— Ты взяла её сумку? — с надеждой спросила Лаитан. Полагаться только на силу и свет солнца, пополняющий эти запасы, можно было в Империи. На охоте случалось разное, как и в походах, и если бы имперцы умели залечивать раны только силой магии, от них давно бы ничего не осталось.

— Ее убили перед входом в пещеры, — опустила голову Надира, — это та, что упала со скал со стрелой в спине.

Лаитан решительно придвинула к себе сумку Надиры и начала в ней копаться. Извлекая оттуда множество баночек и мешочков, она спрашивала у Надиры совета, чем можно унять боль и отеки на ногах. Когда увлёкшаяся привычным и любимым делом жрица уже без стеснения давала госпоже советы, Лаитан попросила её выбрать мазь, чтобы облегчить боль. Натёршись жирной мазью, от которой кожу защипало и по ней растеклось тепло, Лаитан почувствовала настоящее наслаждение. В этот момент из угла, где стояли лагерем суровые тхади донёсся сдавленный стон, после чего последовал звук ломающегося камня или треск плаща. Лаитан и Надира, не сговариваясь, посмотрели в ту сторону.

— Наши горцы добры и гостеприимны, но нам бы не помешало тепло и свет, — сказала Лаитан, примерно представляя, что сейчас делают с властелином севера. — Отыщи для нас то, из чего можно развести огонь.

— Госпожа... Вы же не собираетесь тут жарить... — взгляд Надиры предательски скользнул в сторону лагеря тхади. Лаитан дёрнула уголок рта, но не стала сдерживаться и улыбнулась.

— Посмотрим, — уклончиво ответила она. — И оставь мне свою сумку.

Надира не посмела спорить, скользнув в полумрак, а Медноликая надеялась, что в этих пещерах есть дымоход или хоть какая-то вентиляция. Перспектива провести ночь на холодных камнях её не прельщала, да и вряд ли бы это пошло на пользу раненым и обездоленным, вроде Морстена.

Лаитан запустила руку за пазуху, достала оттуда свой личный нож из чёрной стали и, глубоко вздохнув и с сожалением погладив голову ладонью, резко обрезала подгоревшие волосы, подровняв их так, чтобы они прикрыли шею. Медно-красные, с серебряными нитями седины, пряди упали позади Медноликой, а неровно остриженные кудри теперь падали на лицо. Подровняв волосы таким образом, чтобы они не лезли в глаза и не падали на щёки, Лаитан сняла с рук и ног тяжёлые браслеты, оставив только те, которые надели ей при рождении. На одном из них бряцали странные символы, должны означать власть и объединение Империи и остальных народов. Этот браслет, как знала Медноликая, был

самым первым для той, что стала матерью матерей, и передавался с тех пор каждой новой медной змее. Лаитан подхватила сумку Надиры и пошла в сторону тхади, намереваясь предложить им идею развести огонь и поделиться своими запасами трав и мазей.

— Мать твою Тьму... — сдавленно прохрипел Морстен, перед глазами которого только что вспыхнули восемь солнц и тридцать лун одновременно.

— Прости, господин, — простодушно проговорил десятник, продолжая прижимать рукой его голову к камню. — Но ты хочешь ходить и держать клинок. Удар сильный был. Надо вправить.

Трудно спорить с тхади, каждый из которых вдвое сильнее человека, особенно когда тебя держат пятеро, а шестой разминает спину твёрдыми, как камень, пальцами. И мысли о том, чтобы не стонать и не ронять достоинства испаряются сами собой. В эти мгновения хочется только одного: чтобы все закончилось. Неважно как.

— Я сказал, что хочу ходить, а не бегать, — попытался пошутить Гравейн, но тхади только хмыкнул. И спина властелина громко хрустнула позвонками ещё раз.

Лаитан уткнулась носом в нечто огромное, дурно пахнущее и широкое, которое тут же развернулось к ней косматым лицом и дынуло смрадом из клыкастого рта.

— Чего тебе, женщина? — недружелюбно осведомился тхади, преграждая путь. Лаитан с сочувствием посмотрела на ноги властелина, конвульсивно дёрнувшиеся позади тхади.

— Если вы хотите его отбить о камни и потом приготовить, хотела предложить вам развести огонь, — она кивнула в ту сторону, где Надира и пара помощниц, притащивших сухие ветки и растопку, уже запалили костёр, сгрудившись вокруг и намереваясь устроить пожарище на всю пещеру. Тхади хрюкнул и спросил:

— Тебе какое дело?

Лаитан поджала губы, но решила объясниться:

— Я видела, что он ударил спину. Вам нужно тепло и мазь против отёка. Мышцы уже распухли и не позволят спине отдохнуть, — Лаитан надеялась, что тхади хватит ума её понять. Он смотрел на нее со смесью недоверия и презрения, пока его не отпихнул и не отодвинул другой тхади, совершенно голый, не считая повязки на бёдрах, и сплошь покрытый рисунками на коже. «Шаман», — догадалась Лаитан. Возможно, это был вовсе не тот, кто однажды уже не пустил её к властелину после драки, но кто-то, явно перенявший его искусство.

— Хорошая мысль, — сказал шаман, — но властелину надо срочно.

— А остальным надо с гарантией, — упрямо сдвинула брови Лаитан. — Давай вместе решать этот вопрос?

— Предлагаешь союз, змея? — ощерился в кривой улыбке шаман. Лаитан кивнула. Тот только хмыкнул и встал за её спиной, подтолкнув к лежащему Морстену.

Остальные, правда, жажды помощи от Медноликой не разделяли, тыкая ей под нос банками с мазью настолько вышибающими дух одним запахом, что Лаитан уже подумала, не стонал ли Морстен от удушья, а вовсе не от боли.

Властелин Тьмы, великий, грозный и безжалостный, был готов признать, что он не так уж нечувствителен к боли и ранам, как ему казалось, и запросить если не пощады, то хотя бы передышки между вспышками агонии. Но давление на спину внезапно ослабело, и совсем

исчезло. В волне накатившей вонии появилась странная нота, словно кто-то открыл небольшой флакон благовоний в нечищенных стойлах уккунов, напуганных снежным великаном.

«Шаман. Если это твоё новое снадобье, то надо признать, что ты превзошёл многие поколения своих учителей, — подумал Морстен, обращаясь к единственному тхади в десятке, кто мог лечить так же хорошо, как и калечить. — Благодарю».

— Нет моей заслуги, — проворчал шаман на северном наречии, — Змея воняет на твоей спине.

«Змея?» — Гравейн рванулся, чтобы встать, но десятник, ворча, удержал его от этой глупой выходки. В последний момент Морстен вспомнил, что лежит в одном жалком куске ткани на бедрах и признал правоту шамана.

— Госпожа, наверное, ошиблась, — чувствуя, как что-то легонько пробегает прохладными прикосновениями по всей спине, проговорил Морстен. Пальцы Лаитан задержались на шраме, опоясывающем его торс. — Или ты не боишься, что снадобье моих тхади превратит тебя в жабу... или змею?

Лаитан только хмыкнула.

— Я и так уже похожа на жабу, а на змею — с рождения, — сказала она, продолжая ощупывать спину властелина. Опухоль от удара была горячей, выпирая под кожей. Отек сдавил соседние мышцы, натянув их и превратив в тугие канаты, вызывающие огненную боль. Лаитан осмотрела участки позвоночника рядом. Сдавление и напряжение заставили мышцы окаменеть и перестать двигаться в любую сторону. Попытавшись надавить на кожу рядом, Медноликая поняла, что без разогревающей мази — это бесполезно. Отвинтив колпачок от одной из своих бутылочек, из которой мазала свои ноги только что, она начала втирать мазь в кожу поблизости от травмы, стараясь, чтобы согревающий состав не попадал на покрасневший участок. Пальцы Лаитан то и дело попадали на старые шрамы, уделив особое внимание тому широкому и безобразному, который должен был остаться от распиливания Морстена надвое.

Некоторое время пытаясь сидеть рядом, Лаитан плюнула на взгляды тхади и уселась верхом на властелина, спустившись ниже спины и придавив собой ноги Морстена. Две руки оказались эффективней одной, и работа пошла быстрее. Напряжённое тело властелина, скованное и ожидающее удара, постепенно расслаблялось, а пальцы Лаитан, сильные и умелые, продолжали растирать мышцы слой за слоем. Прямые и косые, расходящиеся от позвоночника вверх и вниз, стягивающие в одну болевую точку место удара. Когда Лаитан добралась до лопаток, Морстен явственно вздохнул, и Лаитан качнулась на нем, как парусная лодка на волне. Замершие вокруг тхади уже не стеснялись, открыто обсуждая на своём наречии действия Медноликой. Лаитан не понимала их слов, рассматривая шрамы и рубцы на спине Морстена, привлёкшие её внимание настолько, что ей трудно было не касаться их лишний раз.

— Мне нужна ваша помощь, — обратилась она к шаману. Тот недоверчиво покосился на Лаитан, но шагнул вперёд. — Смотри, для начала заверши разогревать его мускулы, от меня не так много проку, как я бы хотела сейчас, а потом сюда нужно положить ладонь, вот так, — она показала свои руки, сложенные одна на другую и опершиеся основанием ладони так, чтобы в ямочке оставалось пространство. — Начни сверху, от лопаток, потом иди ниже, до места ранения.

Пока шаман мял Морстена, уже не дергающегося, а только блаженно постанывающего, Лаитан показала, как быстро и сильно следует надавить на спину властелина, чтобы мышцы позвоночника потянули за собой ткани на пояснице, вытягивая смещенный позвонок обратно. Пока шаман занимался этим, Лаитан взяла другую склянку и начала втирать жидкую мазь от отека в распухшие ткани ушиба. Ее опасения не оправдались, и когда она закончила, то стало ясно, что позвонок не пострадал. Просто сильный ушиб тканей. В голове непрошеным гостем всплыло знание: «ушибы мягких тканей спины опасны тем, что отечность не позволяет сразу удостовериться в сохранности позвонков». «И если пациент может пошевелить ногами и даже самостоятельно сделать пару шагов, это еще не значит, что спинной мозг не повредится после того, как отек сдавит соседние ткани, — подумала она, — а иногда трещины в позвонках не выдерживают давления отечных тканей». Мысль показалась ей довольно смешной и чуждой, и Лаитан даже заулыбалась, немного заморившись растирать каменные мышцы Морстена.

— Когда дойдёшь до вот того места, — она ткнула пальцем рядом с припухлостью, — сосчитай со мной до трёх и надави чуть выше и с другой стороны, а я буду тебе помогать, — произнесла она в адрес шамана. Тот недоверчиво сдвинул брови, и Лаитан пришлось пояснить:

— Я прослежу, чтобы ты не слишком сильно давил, — едва заметно улыбнулась она, — После чего ты и твой помощник должны, не поднимая хозяина растянуть его за ноги и за руки.

Морстен обречённо затрепыхался, но шаману уже понравилась идея Лаитан.

— Если уж ты решила прекратить мои муки таким долгим способом, Лаитан, — прошипел он, — то проще перерезать мне глотку своим ножом, клянусь Тьмой.

— Молчи, господин, — каркнул шаман, примеряясь. — Ходить хочешь? А под себя? Ты уже ломал спину, сколько лет лежал? Она дело говорит. Мудрая Змея.

— Кажется, нам нужно серьёзно, долго и тщательно поговорить, — признал очевидное Морстен, сжимая челюсти в предчувствии. — Если от меня что-то останется после этой операции.

Тхади тихо засопели, и шаман повернул голову к Медноликой.

— Скажи, когда, — глаза шамана загорелись жадой действия.

Лаитан прошлась ладонями вдоль позвоночника властелина, ощущая, как он сначала дёрнулся, потом напрягся, а затем расслабился, и сказала очень тихо, быстро наклонившись к его уху:

— Если бы я хотела твоей смерти, я бы бросила тебя еще раньше в лаву.

Затем пальцы Лаитан снова размяли мышцы не только вдоль позвоночника, но и расходясь в стороны, захватывая боковые и рёберные мышцы.

— Давай, шаман, начинай сверху.

Тхади быстро и ловко вдавил позвонки в тело Морстена, по пещере разнёсся очевидный и громкий хруст.

— Теперь двигайся к моим рукам, — удовлетворённо кивнула Лаитан. Когда ладони в татуировках оказались рядом с её пальцами, она положила ладони на тугие мышцы в месте ушиба и сказала:

— На счёт «три». Раз, два, три...

Шаман вдавил позвонок как раз тогда, когда Лаитан успела поделиться с властелином

крохой своей силы, пока тхади и Морстен не видели. От крика властелина остальные тхади попятились и потянулись за оружием. Морстен ругался так, что его слуги даже переглянулись.

— Все, шаман, прикажи остальным дать тугие повязки и развести огонь. Если найдёшь прямые доски или хоть что-то, чтобы выровнять лежанку под ним, — она кивнула на Морстена, — сделаешь лечение быстрым. Ему нужно зафиксировать повреждение и наложить успокаивающую мазь. И неплохо было бы сунуть что-то под поясицу, чтобы вес тела не продавил нашу работу обратно в... — она осеклась, подбирая более вежливое сравнение.

— В дерьмо, змея, — радостно договорил за нее шаман.

Тхади разошлись в сторону по сигналу шамана, но тот уходить не торопился, ожидая либо слов властелина, либо чего-то еще от Лаитан. Медноликая попыталась сползти со спины Морстена, чтобы ускользнуть от разговора и скрыться, пока он не смог бы её догнать, но его пальцы цепко схватили её за запястье, впрочем, почти сразу же ослабив хватку, будто предлагая, а не приказывая остаться и завершить процедуру самой, без помощи тхади. Лаитан растерялась. Разведённый долинцами и её жрицами огонь уже ярко полыхал в лагерях неподалёку, и огненные всполохи играли на её остриженных волосах, будто те сами горели в огне. Морстен молчал, шаман ждал, Лаитан стала чувствовать себя неудобно, но при этом вполне тепло, сидя на спине властелина.

— Остайся, — тихо, но разборчиво произнёс Гравейн. После того, как позвонок, выбитый ударом скалы, встал на место, он чувствовал себя лёгким, как надутый горячим воздухом пузырь рыбы, который запускают северные племена на празднике самой долгой ночи. Он осторожно приподнял голову, и, не получив болезненной вспышки, кивнул своим воинам, приказав исполнять её просьбу. — А вы соорудите поесть что-нибудь для госпожи. И дайте ей глотнуть из фляжки, иначе она отключится прямо на мне.

Тхади моментально исчезли, остался только шаман, копавшийся в обшитой облезлыми шкурками суме. Удовлетворённо рыкнув, он достал металлический сосуд, сделанный из черного железа и закрытый хитрой пробкой, прижатой чем-то вроде зажима. Откупорив фляжку, шаман с довольным видом втянул поднимающийся из неё парок, и кивнул, облизнувшись:

— Тебе повезло, Змея. Господин редко делится с пришлыми соком снежной ягоды. Она даёт силы и затягивает раны не только на теле, но и на душе, — тхади задумался, потом улыбнулся, и продолжил, видя сомнение на лице Лаитан: — В ней нет никакой тьмы. Это просто ягода, растущая на горных склонах севера. Ее собирали в двух сотнях лиг от Замка, и везли на уккунах целых три дня, чтобы сохранить свежесть. Не бойся. Золото крови и силы природы не противоборствуют, а усиливают одна другую.

Морстен ждал, пока вернутся остальные его слуги, и, чтобы скрасить ожидание, спросил у Лаитан:

— Почему ты мне помогаешь? Уже в который раз. Вместо того, чтобы добить и бросить умирать, владычица Империи Маракеш вновь и вновь спасает Черного Властелина от смерти, а теперь и от позора.

Лаитан опасливо поднесла к носу фляжку. Из нее дохнуло ягодным запахом и спиртом. Вознеся про себя молитву стихиям, Лаитан сделала глоток, и тут же едва не упала со спины властелина. Напиток был обжигающе крепким. Из глаз потекли непрощенные слезы, по горлу

прокатился комок, сжигая все внутри, но уже через два удара сердца голова стала ясной, а тело наполнилось теплом и лёгкостью.

— Хрррр... — вместо ответа прохрипела Лаитан, утирая слезы под смех шамана, который отошёл на почтительное расстояние, оставив в руках Лаитан тяжёлую флягу. — Ты же сам сказал, что мы должны дойти до Отца. Если кто-то не сможет, разве поход увенчается успехом? — попыталась отговориться Лаитан.

Морстен ждал, искоса поглядывая на Медноликую. Закупорив фляжку и с сомнением подумав, не стоит ли ещё глотнуть, Лаитан вздохнула, снова открыла напиток, сделала большой глоток и подождала, пока сок ягоды не заставит разум затуманиться, а щеки разгореться жаром.

— Мне стало легче общаться с тобой и твоими тхади, — тихо призналась она Морстену, растирая в ладонях вязкую мазь из своих запасов. — И ещё... — она замолчала, подбирая слова, — не знаю, как объяснить. От меня уже отвернулись мои слуги, даже Киоми ведёт себя странно, — продолжила она, имея в виду её отношение к варвару.

От их лагеря как раз раздался громкий смех женщин и показное рычание Ветриса. Лаитан провела ладонями в мази по спине Морстена, задумчиво и неторопливо втирая вязкую ароматную субстанцию в кожу властелина. Тот уже не дёргался, принимая массаж пальцев Лаитан с таким видом, словно сам напоролся на нечто невиданное и неслыханное, или просто давно забытое и отринутое, как невозможное в его жизни. Меднолика погрузилась в воспоминания, продолжая растирать спину мужчины, покачиваясь ритмично на его спине, словно её жрицы во время празднеств, когда их тела сплетались с телами мужчин. Лаитан задумчиво прислушалась к своим ощущениям. Северная ягода вызывала приятное тепло внутри, отодвигая обычно беспокоящие мысли и тревоги о том, кто именно сейчас лежал полуголым под её ладонями, поглаживающими кожу и мышцы, задевая шрамы и ушибы, задерживаясь на них кончиками пальцев, будто повторяя рисунок отметин и желая запомнить их историю.

— Мне некуда было идти, — честно призналась Лаитан, — а твои тхади могли тебя покалечить ещё больше.

«Тьма заberi, — подумал Морстен, под лёгкими прикосновениями пальцев и ладоней Медноликой обретя давно забытое чувство покоя. — Однажды мне вправили ногу, вывихнутую в норе полярного лемминга. Потом Замку пришлось ломать её дважды, и грозиться заменить на стальную. Черного Властелина с металлической ногой этот мир бы не пережил».

— Они сильнее людей, — попытался защитить своих верных спутников Гравейн. — И не задумываются об этом, считая меня ровней себе. Но Север всегда принимал тех, кому некуда идти, и кого нигде не ждут. Сейчас времена поменялись, словно действительно заканчивается время Света, и изгоев стало меньше. Но ничего не изменилось. Если смои добраться до Замка, не тая зла — тебя выслушают. И может статься, примут.

Он подумал, что говорить такое полноправной хозяйке Империи было, по меньшей мере, странно. Но вспомнил, как Змея меняла кожу, как менялась сама за время недолгого совместного пути, и понял, что сейчас она способна его услышать. Из-за усталости, ран, потери силы — неважно. Иногда можно не слышать других, пока достаёт энергии слушать только себя, но стоит оказаться лишённым этой защиты — и мир раскрывается новыми гранями.

— Дело ведь не только в этом, Лаитан, — ощущая пощипывание и тепло, льющееся по

изуродованной спине и шрамам на теле, произнёс Морстен. — Не в том, что тебя оставили в покое. Ты словно бы наполняешься своей сутью, чем дальше мы от твоей столицы, и ближе к Отцу. Из тьмы виднее всего, где загорается свет.

Он подумал немного, и решился спросить:

— Ты поняла, о чём говорил старший из горного племени? Эти шары означали наши солнца. Но его слова о времени тьмы и холода мне не ясны до сих пор. Наш мир... гибнет?

В его голосе не слышалось страха или благоговения, которого обычно ждут от тех, кто служит Тьме, считая, что они готовы уничтожить весь мир, чтобы победила их хозяйка. Морстен испытывал интерес и стремление понять то, что скрывали тайны гор и населявшего их племени.

Лаитан продолжала поглаживать голую спину властелина, задумавшись над его словами. Она вспоминала свои видения, ощущения и чёрную зверюгу, привидевшуюся ей в пещере, когда они все едва не погибли.

— Не думаю, что мы с твоим Замком поладили бы настолько, чтобы разговаривать, — позволила она себе улыбку, пока её никто не видел. — Да, властелин, наш мир гибнет. Я не знаю, почему, я знаю только, что так было суждено. Я должна умереть, и моя смерть означает конец и начало эпохи, — она осеклась, едва не выболтав свою тайну, и не признавшись, что ей гораздо меньше лет, но подумала, что по этой фразе властелин уже догадался обо всем. — Я видела тень твоего Замка. Там, в подземных склепах dwarфов. Он пришёл в облике огромной кошки, он показал мне мою же память, которая должна была оставаться глубоко внутри.

Лаитан успокаивалась, поглаживая кожу Морстена, и гадала, когда же ему надоест, и ли когда подоспеют тхади с повязками. Но их все еще не было, да и шаман куда-то пропал, будто властелин дал им понять, что им с Медноликой нужно уединение. Лаитан почувствовала, как щеки горят сильнее, а взгляд ищет чёрную фляжку. Страх и ужас прошедших дней, глупые смерти и бесполезные споры, по большей части, устроенные Ветрисом на почве личной неприязни, отпускали. Рядом трещал костёр, разводимый тхади, вокруг которого сутились все слуги властелина.

— Ты спрашиваешь, что я поняла? Ничего я не поняла. Я и твои вопросы-то не понимаю. Какой свет? Откуда видно? — Лаитан уныло остановила руки на спине Морстена, борясь с желанием расплакаться и свернуться в клубок под теплым боком Гравейна. — Нет у меня ответов, северянин.

— У меня их тоже немного, — почуяв перемену в настроении Лаитан, ответил Гравейн. — Но это не значит, что я не найду их полностью, рано или поздно. Но тебе повезло увидеть Замок в такой редкой ипостаси. Это значит, что ты ему нравишься, или он испытывает в тебе заинтересованность. Иначе можно прожить жизнь, и так никогда и не узнать ни про черных кошек, которые могут гулять по снам, ни про Замок, оседлавший вулкан, ни про Тьму, которая тесно переплетена с золотом и серебром.

Тёмный Властелин догадался по словам Медноликой, что она умалчивает о чем-то. Но для имперцев, и тем более Матери Матерей это было так же естественно, как дышать. А вот то, что она — последняя, стало для Морстена чем-то вроде падения в холодную воду. «И неважно, почему так, — подумал он. Лишиться такого противника было очень неприятно. При всей своей изначальной холодности и оторванности от мира, Лаитан была не лишена благородства и чести. — Как ни странно, но она сейчас кажется гораздо реальнее той, что я помню. Реальнее — и ярче».

Давно забытые годы жизни в Империи, служба в отряде наёмников, путь к Чёрному Замку — все это пронеслось, как стадо уккунов, по мыслям Гравейна. Он был готов услышать в ушах тихий смешок Замка, но тот не мог или не хотел проявить себя в стенах горной крепости.

Тхади, принёсшие нехитрый ужин, который они раздобыли где-то, и доски для постели повелителя, тихо сложили еду и припасы рядом с ними, удалившись к костру, откуда слышались тихие звуки их песни.

— Скажи, — тихо, почти неслышно обратился он к Лаитан, — Что тебе показал Замок, мать матерей? — спросил он.

— Он показал мне мое рождение. Мое создание, если быть точным. Я... — она замолчала, снова глотнула жгучего и ароматного сока северной ягоды, — Я была создана, понимаешь? Я видела старых жриц, обсуждающих то, как они поместили меня в лоно моей матери. Я видела нижние этажи дворца, на которых никогда не бывала, я видела...

И она пересказала Морстену свое видение. Так, как сумела понять и запомнить. Морстен ничего не сказал в ответ. Взгляд черных глаз впился в лицо Медноликой, ища там признаки лжи, но их не было, и Морстен только потер переносицу, опустив плечи. Кажется, он только что потерял один из смыслов своего пути, проиграв больше, чем ставка на смерть. Во всяком случае, смесь разочарования, удивления и растерянности отражались на его лице точно так же, как у людей, принимающих участие в азартных играх.

Лаитан взяла в руки повязки и начала обматывать ими спину Гравейна, пока тот все еще молчал, переваривая услышанную правду. Она хотела поскорее покончить с делами, чтобы избавиться от пронзительного взгляда и вызванного ее откровением смущения.

— Ты поняла, почему я ударил тебя? — не глядя на нее, спросил Морстен. Лаитан кивнула, и это позволило ему избежать выбора: стоило ли извиняться впервые за пять сотен лет или все же не опускаться до такого, даже при условии увечности его положения. Она помедлила, но все же спросила:

— Ты ненавидишь меня, я знаю. Скажи, это традиционное, или я забыла, как нанесла тебе обиду? Забыла, что именно я стала причиной такой лютой ненависти к себе?

— Не тебя, — выдохнул Гравейн, осторожно приподнимаясь, — не тебя и не Империю. Это трудно объяснить.

Он сел, когда Лаитан сползла с него, подхватив повязки и стараясь не смотреть на мужчину в одной набедренной повязке, плохо скрывающей что-либо. Северянин сидел, уставившись в пространство и старательно подбирая слова. Но как расскажешь о том, что давило и жгло тебя целых пять веков? Как объяснишь, почему все твои сны рисовали образ мертвой Медноликой царицы Империи? Как в нескольких словах передать ту ненависть, обиду и злость за предательство той госпожи, ради которой ты дошел до тронного зала Замка? Ответов не было. Простых и понятных — уж точно.

Лаитан не знала, зачем ей нужен был ответ и что бы он изменил, но властелин не успел ничего сказать. Когда Меднолика оборачивала его спину и тело повязками в третий раз, к ним подошёл Ветрис, чьё лицо было красным и пылающим от гнева. Стоящая за его спиной Киоми старалась не показываться на глаза Лаитан.

— Так вот, чем вы тут занимаетесь! — взревел варвар на всю пещеру. — Моя будущая жена и мать моих детей делит постель с вырождением Замка? Грязнокровая змея, купившаяся на ложь черного властелина!

Ветрис одним рывком поднял на ноги Лаитан и отвесил ей такую пощёчину, что голова

женщины дёрнулась в сторону. Лаитан порадовалась, что удар варвара пришелся на другую щеку. На правой еще не зажил синяк после лавовой реки и удара Морстена. Она прижала ладонь к лицу, пряча стыд и гнев.

Морстен остановил рванувшихся тхади, жестом приказав поднять себя на ноги, и, утвердившись в вертикальном положении, протянул руку к Ветрису.

Чёрный меч, до того лежавший, обёрнутый шкурами, сейчас легонько щекотал подбородок Коэна, замершего с занесённым для полновесного удара кулаком над Лаитан. Шаман-тхади, ловко подобравшийся к Медноликой, лёгким движением отстранил её так, чтобы остаться между ней и варваром, разбушевавшимся так некстати.

— Кажется, кому-то не даёт покоя его детородный отросток, — спокойно сказал Гравейн, и варвар скосил глаза вниз, тем самым выдав своё волнение. Морстен видел, что Коэн и Киоми спелись, и это выступление было частью плана, ведущего далеко в будущее. «Если оно у вас будет, это будущее», — подумал он, и переведя взгляд на Лаитан. Та выглядела поражённой и потирала красную щеку. Но сузившиеся глаза Змеи буравили Ветриса с такой силой, что вряд ли ему светила постель и тем более дети, зачатые с её участием. — Я легко могу исправить это упущение, никто ведь не говорил, что к Отцу нужно приходить с полным комплектом конечностей. Говорят, на дальнем юге очень ценятся бывшие мужчины, так что у тебя будут еще и перспективы развития, мой несостоявшийся друг.

Намёк на попытку заключения сделки, а именно так теперь рассматривал Морстен просьбу о встрече, не так давно исходившую от Коэна, должен был остудить горячую серебряную кровь.

Лаитан видела, как её, теперь уже бывшая, служанка что-то быстро шепнула варвару и потянула его за одежду прочь, бросив на Лаитан такой взгляд, что она поняла: если до сих пор еще не все жрицы разделяли мнение Киоми, то после этого выступления сомневающихся не останется. Ветрис пыхтел, раздувал ноздри и вздувал жилы на шее, но дёрнуться не пытался. Лаитан благодарно кивнула шаману, вышла из-за его плеча и подошла к варвару и своей служанке. Ветрису она уделила внимания не больше, чем столику в своих покоях, а вот на Киоми смотрела довольно долго. Вызывающий взгляд жрицы говорил ей: давай, попробуй, и все точно окажутся на моей стороне!

— Он прав, — неожиданно тихо произнесла Лаитан, пряча улыбку. — Я посмела уделять время другим мужчинам, а не своему возможному супругу, — она подчеркнула тоном слова о возможностях, а не о гарантиях. — Но если ты, царь Долины, так разволновался по поводу конкуренции, то тебе стоит действительно задуматься, чем именно ты мыслишь, — брезгливо сощурилась Медноликая. — Но я обещаю тебе, что с этого момента мы всегда и везде будем вместе. Только ты и я, мой возможный муж, — губы Лаитан расплылись-таки в ухмылке, когда под её выразительным взглядом побледнела Киоми, беспомощно глядя на Ветриса. Тот понял, что попался в свою же ловушку — даже безымянные теперь будут видеть рядом Лаитан. Везде, всегда, на совещаниях и обсуждениях, рядом с их царём будет змея. Ветрису такой расклад нравился не больше, чем Киоми, но отступать было некуда.

Лаитан было приятно, что Морстен вступился за неё, даже будучи раненым и больным. И его чёрный меч не дрожал в руке, когда он встал между ней и варваром. Медноликая

окинула взглядом показавшихся ей чужими людей вокруг, чувствуя, как шаман уже мажет ей на лицо одну из своих вонючих мазей цвета помета уккуна после отравления мхом.

Морстен коротко кивнул, оценив красивый ход Лаитан, и улыбнулся Ветрису, показав зубы. Варвар, побледневший при словах Медноликой, побагровел. Губы царя Долины затряслись, но он смог справиться с собой, и медленно, через силу, выдавил из себя улыбку, больше походившую на гримасу умирающего от скорпионьего укуса.

— Хорошо, — сказал варвар. — Пусть так. Но не смей больше приближаться к этому грязному...

Меч Морстена легонько дрогнул, и несколько волосков медленно упали на каменный пол, сбритые лезвием с шеи Коэна.

— Продолжай, — ласково произнёс северянин. — И я лично похлопочу перед владыками юга о твоём устройстве.

Меднолика, чье лицо украшал широкий росчерк коричневой мази тхади, подошла к варвару, посмотрела на него и перевела взгляд на свою служанку, обращаясь к ней, но словами, предназначенными для всех:

— В Империи женщина сама выбирает мужа, — поигрывая тонким стилетом из чёрного металла, которым недавно остригла свои волосы, протянула она. — Если одна из моих служанок и приближенных хранительниц желает разделить эту участь, я дам ей разрешение.

Лаитан помолчала, прохаживаясь мимо замерших людей и тхади.

— Разрешение на брак? — не удержался от вопроса Ветрис.

— Разрешение навсегда покинуть мою свиту ради брака. Или жизни с мужчиной. Возможно, что и с женщиной, — хмыкнула Лаитан. Киоми испугалась всерьёз. Оказаться вне свиты Медноликой, с туманными перспективами по отношению к варвару, без чёткой поддержки большинства жриц...

— Моя госпожа... — начала было она, но Лаитан прервала её коротким взмахом руки, оценивающе посмотрев в лицо Киоми.

— И пока женщина не выбрала, а на её руках не щёлкнули обручальные браслеты, ни один человек, будь он хоть сам царь Долины, — она перевела на варвара горящие гневом глаза, — не смеет указывать ей, что, с кем и когда делать. Тем более, если сам предпочитает общество других женщин в свободное от битв время. И пока что я Меднолика Лаитан, и у нас в Империи такие законы. И если твой народ живёт иначе, это ваше право.

Лаитан прищёлкнула пальцами, и её служанка вздрогнула, когда на пол пещеры упали её браслеты. Щёлкнувшие застёжками, они, будто живые змеи, скользнули на запястья Медноликой, лишив Киоми знаков отличия и благосклонности своей госпожи. Вокруг группы людей уже собралось достаточно и долинцев, и имперцев, и даже тхади северянина, чтобы унижение Киоми было публичным. Не говоря ни слова, служанка бросилась прочь. Варвар, дёрнувшийся за ней, остановился и подождал, когда властелин Замка уберёт оружие в ножны.

— Зачем ты наказываешь своих слуг, если они не виноваты? — зло прошипел он Лаитан. Та смерила его долгим взглядом.

— Хочешь наказывать её сам? Купи, — сложила руки на груди Лаитан. Ветрис опешил от такого заявления, не придумав ничего умнее, чем спросить:

— Сколько?

— Она была лучшей из лучших, моей доверенной служанкой. Дай взамен лучшего из

лучших воинов Долины, — губы Лаитан расплылись в ухмылке. Она знала, что по законам Долины таковым воином безусловно считался только сам царь.

— Пойдёшь ко мне слугой, варвар?

Ветрис прошипел проклятия и исчез в темноте пещеры. Лаитан, не давая никому возможности сказать ни слова, гордо удалилась в тёмный угол между кострами людей и тхади. Через минуту, когда Медноликая уже обхватила себя за плечи, беззвучно сотрясаясь от слез, припомнив пережитые ужасы и унижение варваром, к ней под села Надира. Женщина ничего не сказала и не попыталась трогать свою госпожу, сделав вид, будто не заметила её слез в глазах.

— Среди долинцев тоже ходят слухи... но другого рода, — Надира оглянулась и махнула кому-то рукой. К Лаитан с двух сторон подсели ещё две женщины. Довольно старая по меркам Империи, почти седая, и ровесница Киоми, смуглая и излишне темнокожая даже для владений Лаитан.

— Это Тайрат и Галан, — сказала Надира, как бы невзначай расстелив одеяло за спиной Лаитан. — Они ходят к варварам и многое слышат. Даже безымянные недовольны тем, что творит их царь.

— Они сами это сказали? — устало поинтересовалась Лаитан. Очень хотелось есть и пить, но ещё больше — спать.

Тайрат и Галан переглянулись, и старшая женщина произнесла глубоким грудным голосом:

— Безымянные молчат, на то они — стража царя Долины. Но те вихри силы, что кружат рядом с ними, они кружат и рядом с теми, кто уже открыто обвиняет тебя в колдовстве на их царя. Мол, из-за тебя варвар Ветрис потерял рассудок, силу воли и разум, — Тайрат не сдержала улыбки.

— На мой взгляд он и так был не слишком умён, — подала голос Надира, заставив Лаитан улыбнуться шире и зачем-то поискать взглядом Морстена. Властелина утащили его слуги, отгородив костром, ширмой и охранниками от остальных, словно властелина Замка можно было умыкнуть, как медный кувшин.

— Что ещё говорят долинцы? — спросила Лаитан.

— Многое говорят, госпожа... — растягивая слова, снова заговорила Тайрат. — Ходят слухи, будто Ветрис сам хотел союза с властелином Замка, но тот затеял свою игру, и теперь всем пришлось идти вместе.

— Надо же, как интересно, — потёрла глаза Лаитан, — может, потому он так и гневается, что на моем месте хотел бы оказаться сам?

Жрицы переглянулись и засмеялись в голос. Лаитан, до которой только дошёл двойной смысл сказанной фразы, тоже не сдержалась. Утерев выступившие на глазах слезы смеха, помогшего ей избавиться от нервного напряжения, она наиграно строго сказала:

— Морстен — не поклонник южных традиций, варвару и там ничего не перепадёт.

— Да уж, скорее властелин Замка отрубит ему достоинство.... - поддержала её Тайрат.

— Или мешающий здраво мыслить недостаток, — пискнула Надира.

К их месту подошёл татуированный тхади, и Лаитан почувствовала, как напряглись все три женщины рядом. Тхади не стал умничать и просто сказал:

— Господин предлагает тебе и твоим жрицам разделить с ним ужин. Или завтрак, как больше нравится.

В голосе шамана явственно слышалось нечто, вроде «можешь не есть, но для твоей же

безопасности лучше приходи и посиди рядом, глупая рыжая женщина-враг». Лаитан краем глаза заметила, как у её ног, за спинами жриц, вытянулась чёрная тень звероподобной ипостаси Замка, игриво хлестнувшая хвостом по пяткам Лаитан.

Морстена раздражало всё. Разделение их каравана на по меньшей мере два лагеря, раскол среди имперцев, наглость Ветриса, неожиданно осмелевшего и полезшего на рожон, хотя никаких предпосылок к тому не было. Больная спина, под действием мазей и притираний горевшая огнём. Весь этот проклятый путь, который удлинялся с каждым часом. Трижды драный уккуном Посмертник, вылезший из тринадцатой преисподней, и отравлявший жизнь так, словно это стало смыслом его немёртвого бытия.

Лаитан, усевшаяся с двумя жрицами неподалёку, не выказывала особого желания разговаривать — после вспышки красноречия стало заметно, как сильно она устала. И Гравейн не стал её беспокоить, оставив все разговоры на утро. Но держался поблизости, чем немало раздражал жриц Лаитан, получая столь же великое удовольствие от этого.

Дварф, которого ввели под руки двое горцев, немного пришёл в себя, и выглядел уже не тысячелетним старцем, а просто седым усталым предводителем своего народа, разочаровавшимся во всем святом. Белая борода Гурруна свисала на грудь, но глаза подземного жителя смотрели цепко, внимательно и тяжело. Кивком поблагодарив провожатых, он медленно пошёл, прихрамывая, к костру повелителя Севера, и уселся на заботливо предложенное место. Почтение к старшим у тхади было в крови, а тех, кто не боялся замарать оружие кровью врагов, они ещё и уважали.

Гуррун вздохнул, протянув руки к огню, тихо потрескивающему искрами прогорающих брикетов топлива, напоминающего торф, но не дающего дыма и запаха. Морстен, посмотрев на дварфа, решил не спрашивать о разговоре с правителями горцев, но заметил для себя, что сияние безумной тоски в глазах Гурруна почти погасло. Теперь он вряд ли стал бы биться головой о скалы, или иным образом пытаться выразить переполняющие его чувства. Но все же, пережитое в подземельях словно наложило на него печать или отметину, горящую в душе, как след от раскалённого железа.

Гравейн прикрыл глаза, погружившись в багровую тьму под веками. Избитое тело вопияло об отдыхе, но он знал, что запустившиеся под действием орочьих снадобий процессы восстановления не даруют сон, потому что все ушибы, растяжения, разрывы мускулов и сосудов будут пылать, как если бы их погрузили в кислоту. Но к утру, когда действие лекарств пройдёт, он будет, словно рождённый заново. Такой же слабый и ничего не понимающий, но способный на то, чтобы идти вперёд и сражаться.

Он с трудом приоткрыл веки, и вгрызся в твёрдый, как сапожная подмётка, кусок вяленого мяса. Пахнувший дымом и травами. Есть не хотелось, но Морстен знал, что утром будет урчать живот, как голодный волк после зимней спячки, и заботился о том, чтобы не тратить время после.

Но, кроме дел плотских, были и другие моменты. Властелина беспокоил Замок. Точнее, его молчание. Проявлявшиеся через имевших тесную связь с разумной твердыней тьмы тхади короткие всплески силы тоже отсутствовали, словно Замок решил устраниваться от всего происходящего. «Или, наплевав на условности, решил принять самое что ни на есть активное участие в событиях, — подумал Морстен. Раньше за его компаньоном такого не водилось, но пятисотлетнее знакомство — ещё не повод для того, чтобы знать такую сложную личность, как пятитысячелетнее строение Древних. — С него станется. Но если не я — его

вместилище, то кто? Кого он может использовать, как маяк и якорь?»

Взгляд Гравейна упал на нахохлившуюся Лаитан. Брови повелителя Севера дрогнули и поползли вверх в кратковременной гримасе удивления, но он справился с собой, и только тихонько хмыкнул. «В его стиле. Змея настолько опустошена, что вряд ли почует, если через её сознание проляжет тонкий мостик, по которому пробежит частица сознания одного сидящего на вулкане хитрована».

Лаитан, почувствовав на себе горячий взгляд Морстена, пошевелилась, и сонно прищурилась на огонь. Щёлочки сузившихся глаз блеснули темнотой.

От костра, где пребывали Ветрис и Киоми, донёсся приглушенный хохот варвара, рассказавшего особенно удачную, как он думал, шутку про Тьму. И отчётливо — для Гравейна — пахло вонью Посмертника. Или то был прогорклый жир?

— Лаитан, — тихо произнёс Морстен, — действительно ли имперские законы допускают обмен, каковой ты предложила Коэну? Я знаком с жизнью удалённых провинций, но там такого не было, и о замужестве договаривались обе стороны.

Медноликая, похожая сейчас не на змею, а на птицу, сидящую на ветке, перевела взгляд с пламени на Тёмного. Ей потребовалось некоторое время, чтобы понять суть его вопроса.

Она бросила взгляд на своих служанок позади. Лагерь имперцев негласно и молчаливо разделился на две примерно равные части. Одна из них, возглавляемая Киоми, уже открыто обнималась с варварами, среди которых мать матерей с удивлением находила взглядом даже безымянных. Вторая сторона под суровым предводительством Тайрат держалась особняком, выставив охранительные посты и предпочитая, если уж не дружелюбное общение с тхади, то хотя бы временный военный нейтралитет. Ветрис куда-то отвёл Киоми, шуршание и треск полотнищ подсказывали Лаитан, что ответ на вопрос лично для варвара из Долины уже не требовался.

— Ты о том, что я предложила насчёт моей служанки? — пытаюсь протянуть время, спросила Лаитан. Морстен молча кивнул. Медноликая нахохлилась ещё больше.

— В Империи нередки случаи обмена слугами. В этот раз, конечно, все не так однозначно, чтобы просто затребовать золота по весу товара, — спокойно сказала Лаитан, вспомнив, как некоторые отряды охотниц нанимались в другие провинции, которые способны были оставить залогом золота по весу тела каждой охотницы. — Но я предложила варвару обмен, а не торг, зная, что он не пойдёт на это. Ветрис не отдаст ни одного из своей личной гвардии, и уж точно никогда не согласится служить кому-то сам, — она отвела взгляд. — А если и согласится, что ж... Это станет первым случаем подобного обмена.

Лаитан упорно избегала темы о том, как все происходило в прошлом. В кровавом, жестоком и беспощадном прошлом её предшественниц, где за голову каждой жрицы платили не золотом, а кровью и телами детей тех, кто посмел отнять жизнь у жрицы. За смерть Мастера вырезали не деревню, а все окрестные до последнего младенца. Охотницы были в меньшей цене, и тогда платили рабами, сгоняемыми в гладиаторские ямы, выставяемые на первую линию огня, как живой и почти бесполезный щит перед отрядами слуг Империи.

Бракосочетания традиционно предполагали подарки в виде лучших служанок и жриц, но такие браки на памяти Лаитан заключались среди всех, кроме правительниц Империи.

Хроники до сих пор содержали сухие упоминания о том, что каждый раз Мастер Мастеров удалялась на многолетний цикл смены кожи, возвращаясь неизменно молодой и свежей, и нигде не упоминалось о том, как все происходило на самом деле. Но теперь, после

того, как Лаитан увидела Замок и его проявления в памяти, она страшно боялась, что видение окажется правдой.

— Ты что-то еще хотел спросить? — немного резковато осведомилась Лаитан, которой порядком надоело сидеть под долгим взглядом Морстена, как муха на липкой медовой ленте.

— Ты сказала мне про черного зверя, — обронил властелин севера, не продолжая вопроса. Но Лаитан поняла и его. Она фыркнула, обняла себя за плечи, передёрнув ими от холода ночи в горах, и тихо сказала:

— Ты хочешь знать, вижу ли я его здесь? Мне кажется, что рядом постоянно ходит огромный тёмный зверь. Похожий не то на кошку, не то на пса. Гибкий, чёрный, с длинным хвостом и зубастой пастью. Он привиделся мне в подгорных пещерах.

— Замок не врёт, Меднолика, — сухо сказал северянин, чьи подозрения подтвердились. Это уязвило его гордость, но и заставило покоситься на тёмный меч рядом. Не потому ли Замок отказался общаться с ним, что он не послушал его предупреждения? Инстинктивно отодвинувшись от оружия, которое так и манило его к нему прикоснуться, северянин продолжил:

— Ты расскажешь мне, почему ты последняя правительница Маракеша?

— А ты расскажешь мне, почему бессмертный и неуязвимый властелин тхади весь в шрамах и едва не сгорел в лаве? — сощурилась Лаитан. Морстен замолчал. Лаитан понимала, что вряд ли ей удастся сохранить свою тайну до конца, но сейчас, когда рядом находилось столько людей, да еще и этот варвар, который посмел поднять на неё руку... требовалось нечто большее, чем просто спасение её жизни во имя миссии, чтобы она осталась без защиты в виде иллюзии своей вечности.

Пока она была для всех той самой, первой и бессмертной матерью матерей, она могла приказывать и пугать, заставлять и обманывать, посылать на смерть и даровать жизнь. А когда он узнает, да если еще и не только он, что она прожила свои сотни лет в постоянном ежедневном ожидании смерти, даже северянин усомнится в здравии ее ума. Среди имперцев уже произошёл открытый раскол, и пока что Лаитан не была уверена, что ей хватит силы воли и духа выступить против своих же жриц, против Киоми. Заставить сестёр пойти против сестёр? Немыслимо!

Вокруг теньями сновали горцы, чьи одежды почти полностью скрывали их от взглядов окружающих. Один из них, кажется, тот самый, что впервые заговорил с Лаитан, остановился неподалёку и, смерив взглядом два лагеря имперцев, не смог сдержать улыбки. Лаитан знала, что эти люди — потомки тех, кто предал первую мать матерей, но теперь, когда история завершалась, совершив оборот в несколько тысяч лет, она оказалась на том же месте и с тем же результатом. И видя то, что стало с осколками златокровых, названных ныне звездочётами, она понимала — мирного решения вопроса не будет. Киоми возненавидит Лаитан, если уже не возненавидела. И научит этой ненависти всех и каждого, кто пойдёт за ней. Своих потомков и детей их детей, породив очередной народ звездочётов, горцев или пустынных жителей. Горец пропал так же незаметно, как и появился. Лаитан снова зябко поёжилась, но тут рядом подсел дварф, набросив на Меднолику свою тёплый плащ. От него пахло потом, уккуном, крепким пивом и еще какой-то горной породой, словно Гуррун вывалился в руде с ног до головы.

— Они сказали, что мой народ не придёт к Отцу, — без пояснений начал дварф. — Они проводят их всех до этого места, но на последнем этапе мои братья не будут рядом. А еще

они сказали мне, что я не имею права сокрушаться о прошлом, если не совершу достойных деяний в настоящем во имя будущего моего народа.

Дварф поднялся и пошёл прочь. Одинокый, молчаливый и непривычно тихий, оставив на плечах Лаитан свой дорожный плащ. Меднолика и Морстен переглянулись, но ни слова не сказали, а утром их выпроводили прочь, составив компанию по обеим сторонам от отряда. Так прошли целый день и вечер, в итоге которых без происшествий решили заночевать вдали от выхода из пещер, все еще стараясь лишний раз не пересекаться с теми, кто потерял доверие других.

Горец по имени Семь Стрел, о чем-то переговаривавшийся с северянином, иногда поглядывал на Лаитан, чем вызывал у нее чувство беспокойства. Во взгляде горца не было ничего, кроме интереса. Он как будто постоянно что-то хотел спросить у матери матерей, но то ли не решался, то ли у него не было повода. Или доказательств. И Меднолика нервничала, ловя на себе эти взгляды каждый раз, когда поднимала глаза и натыкалась на обмотанное красно-черной тряпкой лицо горца. Его роскошные глаза, наполнявшиеся золотом на рассвете и угасавшие к полуночи, казались Лаитан чем-то таким, что пришло из древних легенд. Она нередко думала, а не такими ли должны были стать имперцы, если бы не вырождались. И так ли уж был неправ их Учитель, уводя осколки народа прочь. Горцы сохранили то, чего лишилась сытая и огромная Империя — сила, мудрость и традиции предков. Горцы сохранили себя, пусть это и стоило им многих сотен лет одиночества и заключения вдали от цивилизации. Впрочем, пусть группа красно-черных была в разы меньше всей Империи, но вырождение, вроде бы, не коснулось их народа, оставив им живой блеск разума и яркость золотой крови. Лаитан бы дорого дала за секрет этого народа, родственного ей по крови, но не по духу.

Семь Стрел подошел к ней и задумчиво произнес:

— Меднолика Лаитан, я только что говорил с северянином. Вскоре дорога пересечет пути караванщиков, которых мы как раз ждали перед тем, как вы пришли. Они должны были привезти новые припасы и обменять их на наши охотничьи трофеи.

Взгляд Семь Стрел неотрывно следил за реакцией Меднолики. Она не восприняла эту новость, как нечто пугающее, продолжая смотреть на горца спокойно. Тот улыбнулся под своим красно-черным платком, и улыбка эта отразилась в его глазах. Да еще мелкие морщинки лучиками разбежались по коже, когда он смотрел на Лаитан. Так ничего и не поняв, она пожала плечами и отошла к своему месту у костра. Морстен остался сидеть на большом камне, на котором были вырезаны графические руны направления путей. Тут сходилась дальний южный путь, дорога обратно к Трехязычью и горцам и путь к Отцу-Океану.

Утром их разбудили песнями, плясками и запахом горелой травы, которую прибывшие караванщики традиционно бросали во все, от молока до мяса, как приправу и средство от поноса.

— Что? Где? — подскочив с постели рядом с кострищем, не поняла Лаитан. Она так и осталась спать у огня, не решаясь пойти к своему лагерю и не подойдя ближе к тхади, у которых наверняка было тепло и хорошо, и никто не хотел отпилить голову собрату во сне. Все же, этот народ был проще, предпочитая раскалывать черепашки в бою и за право быть главой клана.

Пёстрые краски южных одежд, неизвестные Лаитан длинноногие горбатые животные, покрытые косматыми коврами, суется повсюду люди и громкие песни во славу восхода, стихий, мира и чего-то еще непотребного, но дающего силу рода и возможность продолжать его постоянно.

— Откуда это все? — пытаюсь перекричать гомон толпы, обратилась Лаитан к Надире, которую ухватила за рукав одежды. Травница выглядела такой же ошеломлённой.

— Южане, моя госпожа. Пришли с той стороны, через великую пустыню.

— Сами? — зачем-то уточнила Лаитан. Надира нервно хихикнула. Медноликая ничего не понимала. Зачем тут оказались эти люди? Куда они шли? Откуда узнали про поход к Океану?

Все выяснилось довольно быстро.

Караван с южанами двигался по своим делам, когда их люди начали умирать от неизвестной проказы. Язвы и гнойники покрывали тело за считанные часы, умерщвляя человека в адских мучениях. Посоветовавшись с духами или богами пустыни, они решили двигаться по старой дороге, которой давно уже не пользовались их караванщики. Дорога вывела их к горам, где они рассчитывали найти приют и продолжить путь в обход пустыни.

Объяснения на ломаном имперском с примесью ругательств кочевников показались Лаитан неубедительными, но Морстена нигде не было, а у Ветриса оказались совсем другие проблемы. Как и у всех долинцев.

Лаитан, подошедшая ближе, застала настоящий торг за право первым взять в жёны варваров.

— Слушай, два мешка изюма дам! Хороший цена, лучше, чем за девственницу с островов! А их там, сам знаешь, не найти почти, — хлопал себя по широким цветастым штанам караванщик. Во рту у него блестел золотом и серебром целый набор зубов, которых, как показалось Лаитан, было больше положенного.

— Это все Морстен, побори его подземные твари, — рычал сквозь зубы варвар, наставляя меч на южанина, который выглядел мирно и дружелюбно, если бы не ощупывающий задницу варвара взгляд. — Надо было ему глотку перерезать, когда была возможность.

— Зачем резать? Ты слушай, что я говорю, варвар. У нас хороший народ, дружелюбный, гостеприимный. У меня уже три жены, четыре женщины, и я хочу позвать тебя жить в моем доме. Будешь мыть посуду, мыть детей, охотится, приносить мне добычу. Я позволю тебе идти рядом со своим вакраком! Большая честь, долинец!

— Спасибо за предложение, весьма щедрое, — процедил сквозь зубы Ветрис. Его люди сгрудились вокруг, откровенно не понимая, что тут происходит и почему сватаются к их вождю, а не к какой-нибудь жрице или Лаитан.

— Женщина, чего стоишь? Ну-ка, накрывай на стол, у нас будет праздник! — грубо пихнул её в бок какой-то до черноты смуглый и худой южанин. Лаитан даже не успела ответить, когда он цокнул языком и, сплюнув, произнёс:

— Хах, ошибся. Тебе нельзя накрывать стол, ты больная, остриженная. Пошла вон, нечего тут проказу носить!

Очередной тычок едва не отправил Лаитан лицом в угли неподалёку, но она поймала руку южанина своей и с силой оттолкнула от себя. Пришлый завопил, как его ездовой зверь, поджав кисть и пряча её в пёстрых одеждах. Лаитан, неосознанно применившая силу, увидела, как из-под одежды человека струится лёгкий дымок.

Она удивлённо посмотрела на свои руки и поняла, что все они покрыты теми же язвами и гнойниками, о которых говорили южане. Лаитан испугалась, метнувшись к своему лагерю. Но люди, завидев её, шарахались в стороны, с криками бросались на неё с оружием, пытаясь убить или ранить. Лаитан металась по лагерю, снося лежаки и пытаясь спрятаться. Все её служанки бросались на неё, долинцы метили в голову камнями, южные племена уже седлали своих животных, подгоняя их длинными палками, собираясь загнать её, будто дичь, и забить камнями. Меднолика попыталась докричаться хоть до кого-то, но никто не приходил на помощь. С тела отваливались куски плоти, уже не похожие на чешуйки, а представлявшие настоящие ошмётки кожи и мяса. По рукам и ногам разлилась боль, будто с неё заживо содрали кожу, а затем сунули в бочку с солью, оставив только голову. Кто-то уже запалил факелы и теперь пытался тыкать длинными палками со смолянистыми горящими наконечниками в тело Лаитан, прижигая её раны. Она кричала, пока не сорвала голос до хрипоты, и тогда перед ней появился Посмертник, схвативший её одной рукой за подбородок и приподнявший над землёй на вытянутой руке.

Меднолика Лаитан затрепыхалась в железной хватке Посмертника, задыхаясь и извиваясь от боли.

— Отродье капитана, кровь от крови его, плоть от кровосмесительной плоти, вырожденка и урод, — прошипел он, глядя на Лаитан. Маска из кожи и серой плоти ухмылялась, растягивая огромный рот в кривой улыбке, а глаза леденили душу, выпивая её. Лаитан кожей ощущала, как под пальцами Посмертника разлагается её кожа, а вокруг кричали и улюлюкали все собравшиеся народы.

Она подскочила от сильного тычка под рёбра. Меднолика каким-то образом задремала или потеряла сознание. Судя по тому, что над ней стоял Морстен, с которым она разговаривала до этого, последнее было вернее. Лицо северянина отражало какие-то эмоции, но Лаитан была так напугана увиденным, что попросту начала бы заикаться, попытайся она спросить, что случилось. Руки дрожали, сердце колотилось так, словно она проплыла под водой несколько минут, на лбу выступила испарина, а тело колотила мелкая дрожь.

— Что? — спросил только это Морстен. Лаитан, уняв дрожь и стараясь, чтобы зубы не стучали друг о друга, сказала:

— Мне кажется, Посмертник выиграл. Может я ошибаюсь, мне очень хочется ошибиться, но... я думаю, источник Империи уже у него. Наверное, как и Долины, и Замка...

— Нет, — отрезал северянин, — только не Замок. Ты не понимаешь, но это просто невозможно.

Лаитан не стала спорить. Ей до сих пор было так страшно закрывать глаза, что она, пожалуй, согласилась бы спать в обнимку даже с Морстеном, только бы это избавило её от подобного кошмара.

Северянин покачал головой, скрывая за движениями овладевшее им беспокойство, и сел рядом. Когда Лаитан попыталась привстать, он мягко, но непрекесимо уложил её обратно на толстый дорожный плащ, и прикрыл сверху полый мохнатого покрывала.

— Спи. До рассвета всего ничего, — сказал Морстен, и в темноте пещеры, который разгоняли только несколько светляковых гнёзд и мерцающие угли костров, его глаза налились красноватым отсветом. Лаитан, почти напуганная неожиданной подсветкой и

поведением повелителя снегов, послушно прикрыла глаза, и сама не заметила, как быстро унялось сердцебиение. Темные волны сна снова поглотили её.

Она даже не успела уточнить, действительно ли ей во сне привиделся целый день пути, разговор с Семь Стрел и прочее. Судя по тому, что все они до сих пор оставались в пещерах, правдивым были только воспоминания о разговоре с северянином.

Морстен же остался сидеть рядом с мерно дышащей Лаитан, и его глаза пульсировали багровым. Властелин Тьмы вызывал Замок. И пусть только своенравное строение попробует не откликнуться.

* * *

— Ну чего ты разорался?

Морстен открыл глаза, и скривился, прикрыв их ладонью от яркого сияния, которое, казалось, лилось отовсюду. Проморгавшись, властелин Тьмы смог разглядеть в окружающем пространстве какие-то кристаллы, похожие на хрусталь, блестящий металл и исполинские движущиеся тени, перемешивающие плотный белый туман. Все это исторгало ослепительный свет, от которого высекало слезы, словно от морозного ветра на вершине бастионов Замка.

— Тебе точно ничего не отрезали эти неотёсанные долинцы? — привычно съязвил кто-то, чей голос походил на Замок Морстена. — Язык, например?

— Охолони, язва треклятая, — Гравейн, наконец, понял, что в этом месте ему нужно смотреть исключительно из-под опущенных и оставляющих тончайшую щёлочку век. И перед ним действительно был Замок.

Но вместо привычного скелета предыдущего владельца трона Тьмы, или какой-нибудь на редкость отвратительной твари, сегодня он выбрал человеческое обличье. Невысокий даже по стандартам Империи мужчина субтильного телосложения, одетый в непривычный тёмный костюм из какой-то отливающей металлом ткани. Его узкую талию перетягивал тяжёлый даже на вид пояс со множеством каких-то подсумков, стальных коробок и непонятных предметов, а на узком лице выделялись черные, словно два провала в Бездну, глаза, от взгляда которых Морстену стало не по себе.

Узкие губы неизвестного сложились в издевательскую ухмылочку, и он провёл рукой по коротко стриженным серебристым волосам, ото лба к затылку.

— Извини, что не встречаю в привычном виде, не до того, — сказал он Гравейну. — Раз уж так случилось, что ты увидел меня таким, каков я есть, или, точнее, был когда-то, давай условимся. Меня зовут Варгейн Крес, но можешь звать меня Замком, если тебе больше по душе архитектурные сооружения.

Морстен прищурился, старясь разобрать выражение лица Креса, но понял, что его лицо на редкость безэмоционально. Прочесть этого человека он не мог. По ушам резанула фраза «Был когда-то», и тёмный властелин постарался её запомнить. «Наверное, из него и сделали Замок, — догадался Гравейн, дивясь еще и странному созвучию имени Замка и своей фамилии. — Понятно, чего он такой языкатый. При его росте единственный способ показать значимость...»

— Не единственный, — Варгейн помахал рукой перед Морстеном. — Властелин, ты меня позвал, чтобы разговаривать, или молчать?

— Ты все это время был рядом? — спросил Гравейн, скрипнув зубами. Если Замок сейчас занят чем-то серьёзным, то становилось понятна эта волна цинизма. В этом случае его вызов действительно был неуместным. — С нами?

— Вот еще, — издал смешок Варгейн. — Я целиком в тебя не влезу. А Лаитан вообще не выдержит такого контакта. И дело тут, как ты понимаешь, совсем не в размерах, а в объёме информации. Хотя, ты-то как раз поймёшь. Мозги у тебя хорошие, почти как у меня в молодости. Образования не хватает, но это дело наживное. Рядом с вами был и будет, пока не дойдёте, куда шли, наблюдатель и плюз. В одном лице. Гордая имперская женщина видела его, как черного кота, ты вообще не замечал, потому что у него та же сила, что у тебя.

Морстен почувствовал, что ему стало немного спокойнее. Если рядом есть часть Замка...

— А вот в этом ты ошибаешься, — покачал пальцем Варгейн. За его спиной вспыхнувший красным кристалл рассыпался на куски, и медленно опал вниз, в туман. Отдалённый грохот падения пришёл много позже. — Я не собираюсь встречать в вашу идиллию. Вы совершаете свои собственные ошибки.

— Это как раз понятно, — проворчал Гравейн. — Ты хорошо меня научил не вмешиваться. Слишком хорошо, наверное.

Он обвёл рукой окружающее пространство.

— Где это мы? Непохоже на твои обычные покои.

— А этого тебе пока знать не следует, — Варгейн скривился, словно раскусив кислую ягоду. — Много будешь знать, тысячелетний юбилей не встретишь.

Морстен хмыкнул. Все-таки, даже Замок можно было задеть за живое.

— Тогда лучше скажи то, что мне знать следует, — предложил он, миролюбиво улыбаясь. И зашел с козыря, приберегаемого давно. — Например, откуда у Посмертника столько силы. Поднимать животных, гнать целые армии на убой, заражать страны и извергать лаву — этого не сделаешь ни ты, ни Золотой Колос, ни Сердце Долины.

Варгейн, отвлёкшийся на неотложные дела, моментально сосредоточился и на его лице впервые за все время разговора появились искренние эмоции. Удивление. Растерянность, сменившаяся гордостью.

— Надо же... Это все есть в архивах? И ты молчал... — Замок обхватил пальцами, на одном из которых блестело простое золотое кольцо, пряжку пояса. — Молодец. Горжусь и трепещу. Раз такой умный, слушай сюда. Посмертник — это и моя ошибка тоже. Когда-то он был одним из четырёх охранителей, заключённых в тела зданий. Но потом... — Варгейн помолчал, перелопачивая обращения Морстена к архивам, чтобы понять пределы знаний своего подопечного. — Потом случилось несчастье. Тело-здание Пеленгаса перестало поддерживать в нем жизнь, но он решил не умирать, а использовать свою же власть, которая даёт ему силу. И понемногу захватить всех остальных, действуя через людей. Я не спрашиваю, откуда ты узнал их имена, но от того не меняется главное: если этого древнего сукина сына не остановить, мало не покажется всем. Именно потому ты здесь, собственно. И твой порыв полностью отвечает моим целям.

Замок откровенно признавался, что использовал Морстена, зная, что тот поймёт. Честность перевешивала обиду.

— Да уж... — Гравейн вздохнул, присев на обнаруженный позади себя прозрачный камень, и удобно поёрзав задом по тёплому минералу. — Я ожидал чего-то наподобие, Крес. Но Посмертник — и мой враг тоже, если ты забыл. Потому я с удовольствием увижу цвет его

гнилых кишок.

Замок промолчал, снова отвлѣкшись. Где-то вверху, в недостижимом для взгляда пространстве вспыхнула радуга.

— В общем, ты подтвердил все, что я хотел узнать, — сказал Морстен, вставая. — Нам нужно дойти до цели, чтобы сломать этому старому уккуну его планы. И я это сделаю в любом случае. Но в следующий раз попробуй попросить прямо. Я не откажу.

«Эх, мальчик, если бы я еще был уверен, что этот следующий раз будет, — подумал Варгейн, в это время погруженный в операции с такими силами, что могли бы стереть в порошок Империю за доли секунды. — Тогда, конечно бы, попросил. В привычном для тебя стиле. Обязательно».

— И помни, — сказал он на прощание, разрывая контакт, — Лаитан должна умереть. Ни мигом единым раньше и ни секундой позже... чем это потребуется для того, чтобы разбудить Отца.

Морстен очнулся с коротким тихим рычанием, застывшим на губах. Все-таки Замок, или Варгейн, или как он там себя назвал... умудрился снова переиграть его. Смягчив радость ядом горечи. «Или все-таки его слова не надо понимать прямо? — подумал северянин, вслушиваясь в то, как рядом с ним дышит Лаитан. — Смерть... Кровь? Отказ от силы? Отказ от судьбы? Потеря всего? Но у неё и так ничего не осталось. Кроме неё самой...»

Северянин украдкой огляделся и отметив, что никто этого не увидит, придвинулся ближе, чтобы свернувшаяся в комок Лаитан грелась о его тело во сне. На губах властелина появилась самодовольная улыбка.

На наблюдательной галерее, скрытой за стенами гостевого покоя, Семь Стрел потёр усталые глаза, и закрыл небольшой глазок в камне. Властелин Севера прервал, наконец, так обеспокоивший горцев канал силы, соединивший его с кем-то далеко отсюда, и, кажется, уснул. До выхода небольшого каравана оставалось всего ничего, а проводнику тоже нужен был отдых.

На горных тропах

Небольшой отряд из нескольких десятков горцев, тхади и имперских подданных вперемежку с варварами Долины вышел из откатившихся в сторону пещерных ворот сразу после рассвета. Нешадно зевавший Семь Стрел сидел в седле горного козла, который тряс рогами и выказывал все признаки недовольства от такого соседства. Уккунов тоже допустили до горного пути, ведь тропы оказались вполне благоустроенными дорогами, пусть и не такими широкими, как имперские трассы. Тяжёлые северные звери спокойно шли по высеченным в скале квадратным в сечении проёмам, из которых открывался потрясающий душу вид на туманные ущелья, горные реки, бурлящие внизу, и вершины гор, сверкающие снегами.

Семь Стрел мог бы много рассказать о том, как и кем были построены эти пути, соединяющие юг, север и запад в обход подземных туннелей dwarфов. Но эти сведения составляли вторую по значимости тайну племени, и он просто не мог поделиться ею с кем угодно — следопыт просто умер бы, не договорив и второй фразы. Звездочёты посвятили жизни не только наблюдению за светилами, и расчёту небесных путей, они умели сохранять древнее наследие, и, что еще важнее, пользоваться им.

За время первой половины дня они двигались на юго-запад, обходя район бывших подгорных княжеств dwarфов, пока не вышли на просторное плато, покрытое зелёным лесом. У путевого камня, куда выводил наклонный туннель, дорога, мощёная шершавыми плитами, разделялась на две. Один путь шёл строго на юг, и был помечен иероглифом, означающим песок в имперской письменности. Другой же, пересекая плато, поворачивал на запад, и подле этой дороги были возведены столбики из камня, искусно украшенные вырезанными из лазурита океанским волнами, сделанными с тончайшим искусством.

Морстен, ехавший рядом с Лаитан, посмотрел на юг, и передёрнул плечами. Когда-то он отправился в путешествие к тамошним городам-государствам, лежащим в глубине влажных лесов, наполненным жизнью, и от пересечения пустыни у Гравейна остались самые неприятные впечатления. Говоря проще, он трижды едва не умер там, чуть не пополнив лежащие вдоль караванных троп скопища костей, обглоданных хищниками, солнцами и ветром.

— И часто вы торгуете с южанами? — спросил он у Семи Стрел, который после полудня заметно оживился, и больше не клевал носом.

— Нечасто, — молодой горец потёр покрасневший нос, и чихнул в ответ на порыв ветра, принёсшего аромат каких-то цветов из ближайшего перелеска. — Раз в три года приходит караван, который дальше идёт в Трёхязычье. С Империей южане не торгуют, не любят они друг друга. Так что старый договор выгоден всем, особенно dwarфам, которые сидят в стране Трёх Народов. Они-то с Империей торговать могут. А мы обеспечиваем перевозку и берём процент за сопровождение.

— И давно был последний караван? — мрачно спросила Лаитан, вспомнив свой сон с Посмертником и южанами. Отголосок пережитого ею страха снова зашевелился внутри, окатив холодной волной. Она надеялась, что сон не будет пророческим.

Но горец, улыбнувшись, ответил, в клочья разорвав её надежды:

— Года три назад и был. Давно пора, некоторые вещи делают и добывают только на Юге. Белое побережье даёт замечательную селитру, там гнездятся тучи птиц, и недалеко

находятся рыбные отмели. Птицы едят, гадят, и на скалах под светом солнца теплом моря образуются кристаллы, которые мы используем... для всякого разного. Полезного, — Семь Стрел помрачнел. Все-таки, едва не проговорился.

Он погладил короткий свёрток, висящий на спине рядом с небольшим походным мешком и колчаном для стрел.

— Понятно, — Морстен прислушался к чему-то, и насторожился, подавая знак тхади. — С юга слышен скрип дерева и какие-то звуки, похожие на рёв животных. Кажется, вашу серитру привезли.

Из-за небольшой возвышенности появилось облако пыли, в котором можно было различить очертания больших повозок, которые влекли вперёд непонятные звери.

Медноликая закусила губу. Все сбывалось с поразительной точностью, и теперь она ждала только явления Посмертника. Караван, бренча звонкими ошейниками на шеях рабов и ездовых горбатых животных, выдвинулся в то место, откуда два отряда могли прекрасно видеть друг друга. Лаитан неосознанно попятилась, едва не заведя своего уккуна задом в морду стоящего за ней животного. Сидящий на том уккуне дварф окрикнул Лаитан, и ей пришлось умирять своего мохнатого друга.

Караван быстро разделился в боевой порядок и, издав утробный звук из десятка витых рогов, ринулся вперёд. Тхади моментально ошетинились арбалетами, взяв на прицел ведущих караванщиков, варвары сгрудились вокруг Ветриса, бестолково пытавшегося справиться с перепуганным уккуном, а Семь Стрел выдвинулся перед строем, желая переговорить с южанами до того, как они наломают дров, не разобравшись. До проводника долетел обрывок фразы:

— ...драть их всех!

Семь Стрел помотал головой, словно оглушённый уккун, и теперь фраза, брошенная в ответ, дошла до него полностью:

— Они захватили наших сладких горцев! В зад им стрелы, детям шакалов и выродам песочных червей!

Лаитан прикрыла глаза, пытаясь отыскать в себе остатки сил. Чешуйки почти все осыпались, оставаясь в труднодоступных местах по две или три, а сон и отдых не пополнили сил, лишь отняли их с кошмарами.

— Кто первый прольёт кровь, тому беловолосый варвар! — рядом с ней крикнул кто-то, подозрительно похожий голосом на Морстена. В ответ дружно загудели витые длинные рога южан.

Семь Стрел с чувством сплюнул на камень, понимая, что не в силах остановить сорвавшихся в бой варваров и имперцев. Даже северянин, который казался ему более выдержанным, поддался общему настроению, и скакал вместе со своими тхади, хотя и держась во второй линии, вместе с дварфом и Лаитан.

— Ну вот что теперь делать? — спросил небеса проводник. Оставшийся рядом с ним его двоюродный племянник согласно кивнул, блеснув на солнце рыжими волосами, выбивающимися из-под повязки.

— Варвары... — ответил он дяде, и сардонически усмехнулся.

Варвары врубались в выметнувшихся им навстречу всадников на невысоких кривоногих конях. Вооружённые кривыми саблями и одетые в стёганные халаты с кистями из кожаных полосок, они здорово напоминали естественных врагов Долины, восточных кочевников, с которыми у долинцев были давние непростые счёты. И рубились так же яростно, отбивая удары прямых мечей и топоров своими кривыми лезвиями, и завывая что-то вроде: «Йи-и-и-и, шайтанама, мотат-драт-жрат!»

Большие повозки, остановившиеся на дороге, изрыгали стрелы и болты из узких прорезей сверху, где находились, как понял Морстен, вооружённые охранники. Сами караванщики следовали позади вереницы скрипучих и вонявших неизвестными ему зверями повозок, на двугорбых конях.

Пока кочевники и варвары пытались истребить друг друга, он понемногу стал забирать вправо, между дорогой и горбившимся скалами и камнями обрывом. Тхади следовали за ним, и Лаитан с Гурруном и жрицами поневоле тоже — их уккуны подчинились стадному инстинкту.

— Куда мы скачем? — прокричала Лаитан, стараясь не упасть с ездового животного и не откусить себе язык от тряского галопа. — Морстен, зачем?

— Так надо! — ответил северянин, задумавший недоброе. По отношению к южанам. — Бить надо в голову, а не пытаться подсечь ноги.

Ветер заталкивал слова обратно в глотку, потому он сплюнул пыль, и ударил руками по ушам уккуна, придавая ему ускорения.

«Если я хочу остановить эту бесполезную схватку, мне нужно понять, стоит ли это делать, — подумал он. — Насколько я помню, триста лет назад в некоторых городах был культ Смерти. Если Посмертник распространил свою власть над ними так сильно, как и везде, то наилучшим выходом будет истребить южан под корень».

— Твою же задницу, — выругалась Лаитан, наблюдая, как тхади выстраивают клин со своим предводителем во главе. — Что творит этот укушенный тьмой?

— Скачи, детка, скачи, — Гуррун, страдавший от скачки еще сильнее, позеленел, но держался рядом с Медноликой. — Надеюсь, нам останется немного этих детей песков, а то мой топор уже скучает по драке. И хоть какое-то развлечение. А Тёмный решил ударить по тем, кто управляет караваном. Если их пленить или убить, все остальные разбегутся.

Вокруг одетых в золотистые халаты и лоскутные плащи черноволосых южан, гортанно выкрикивающих оскорбления, команды или просто молитвы, Морстен не разобрал, вились несколько десятков конных лучников, то и дело останавливающих своих лошадей, чтобы выпустить стрелы в сторону смешавшихся в драке варваров и кочевников. Их клин из семи уккунов вылетел из-за полосатой скалы, словно стрела, и под лапами ездовых зверей тьмы захрустели кости неудачливых лошади и всадника, перемолотых в кровавый фарш за секунду.

Гравейн ощутил, как в лицо ему пахнуло горячим влажным жаром душных лесов, в которых не видно неба, а только яркая зелень, копошащаяся жизнью. Кремнистый запах песка и далёкого солёного моря смешался с вонью немытых тел, ароматических масел и приправ, и совершенно определённым знаком гнили Посмертника.

Взгляд несущегося на уккуне властелина Севера встретился со спокойным взглядом совершенно тусклых темных глаз сидящего на изящном жеребце южанина, единственного среди управляющих каравана, щеголявшего голым торсом. Смуглое тело казалось серым, обескровленным и было покрыто коркой застывшей крови.

— Убить их! — на общем заорал этот невзрачный человек, вздымая над головой ржавый серп размером с меч. — Скверна!

Караванщики, явно не жаждавшие сражаться, выхватили короткие клинки, и начали стягиваться навстречу клину Морстена, когда жрец смерти, если Гравейн все правильно понял по символике, соскочил с коня, и одним движением перерезал животному глотку, почти отделив голову от тела. Хлынувшая на плиты дороги кровь была темной, как ночь, и теперь Властелин Тьмы не имел более сомнений.

Камень, соприкоснувшись с чёрной жижой, зашипел, как живой, и испустил облака пара, окутавшего жреца. «Видит Тьма, — подумал Морстен, поднимая обычный клинок тхади, взятый у шамана, — теперь у нас нет выбора. Жрец должен умереть, пока не призвал своего повелителя». В этот момент они врубились во встречную конную лаву.

Лаитан ожидала от себя чего-то такого, что случилось в начале пути. Но призвать к себе силу и затянуть песнь Мастера Мастеров на полном скаку ей бы не удалось, а пережитое в пещерах, как и на протяжении всего пути, сломало нечто в разуме Лаитан окончательно. У нее не было ничего: ни силы, ни верных жриц, ни яростных охотниц, ни даже поддержки Безымянных или Ветриса. Жажда выжить и достичь цели, пожалуй, это все, что еще оставалось в ней. Робкие попытки разума обратиться к себе самой, ее прошлым частям правительниц Империи прорвали плотину защиты рассудка, и теперь у Медноликой была еще и память о том, чего она никогда не переживала сама. Память и нечто иное, зашитое глубже истории Маракеша.

У неё была только память. Память нескольких десятков тех, кто был до неё, и кем теперь была она. Память билась внутри, горячила кровь, заволакивая кровавым туманом сознание. Её тело, не переживавшее битв прошлого, было лишено множества намертво вбитых инстинктов, но реакции Медноликой, многократно усиленные десятками отборов лучшего материала и скрупулёзным извлечением всех неуместных и мешающих компонентов, оставались превосходными.

Не для того дочь Империи переживала становление, днями и ночами борясь за жизнь в темной гнилой яме, чтобы сейчас забыть ревушую в голове память предков. Десятки женских голосов кричали боевой клич Мастера Мастеров, отодвигая разум и сознание назад, до того момента, когда ему потребуется вернуться. Ярость и жажда крови одолели Лаитан, и она не видела больше смысла сопротивляться. Краем глаза она видела мечущегося под копытами её уккуна чёрную тень — голос Замка, и подхлёстывала уккуна двигаться быстрее. Животное, как огромный мощный таран вспарывающее длинноногих и косматых ездовых животных врага, прокладывало себе путь вперёд до тех пор, пока Морстен не завяз в драке, явно навязанной ему противником, чтобы потянуть время. Дварф врубился в схватку, держа удела уккуна в зубах и дубася своим шлемом по носам и мордам горбатых животных южан. Смуглокожие и раскосоглазые враги, крича и завывая, крутили над головами острую сталь, полосками звенящей серебряной охры вившейся над головами противника. Секира дварфа сломала уже не один такой кривой меч, вогнав в головы и грудные клетки врага острые грани своего тела. Гуррун сопел, выдёргивая секиру из лба очередного противника, когда ему в шлем прилетело что-то огромное, сбившее дварфа из седла. Лаитан успела оглянуться и увидеть, как Гуррун с рёвом встаёт над телом врага, снова и снова погружая оружие в плоть южан, навалившихся на него десятком. Дварф пробирался по ним, отсекая руки и

ноги, теряясь между острых коленей под цветастыми халатами, и снова взбираясь повыше, чтобы потом скатиться в гущу схватки и снова вынырнуть из неё в крови и кишках врагов. Гуррун пробирался сквозь плоть врага, как сквозь тело горы и пласты руды у себя дома, не сворачивая и не прекращая продвижения.

Лаитан увидела северянина, которого оттеснили в сторону сразу несколько преданных защитников жнеца смерти. Ржавый серп в руках колдуна был хорошо знаком Лаитан — им однажды отделили голову одному из ее Мастеров ветра, чтобы потом бросить её у дверей дворца. Лаитан принимала участие в истреблении культов у своих границ, но они пропали еще две сотни лет назад, покинув пределы Империи и оставив её в покое. Видимо, чтобы теперь вернуться с юга.

Лаитан перегнулась в сторону со своего уккуна, не сбавляя хода, и выдернула сначала один длинный меч, потом второй. Длинные кривые сабли не были привычным для неё оружием, но на такой скорости, какую развил её сбрендивший уккун, ей достаточно было просто крепко держать их в руках, иногда направляя движение оружия силой мускулов или магии.

Золотой свет, пробежавший по лезвиям серебристо-бронзовых клинков, счистил с них налёт ржавчины и крови, сделав идеально чистыми и острыми. Лаитан закричала на своём языке, обещая смерть и мучения каждому, кто встанет на её пути.

Первые два южанина даже не поняли, как остались без головы. Кровавое облако позади лизнуло спину Лаитан, оседая моросью на спине и крупе уккуна. Медноликая крутанула в ладони один клинок, сбивая с него налипшую кровь. На скаку отклонившись в сторону, она пропустила прямой удар противника и, перехватив кривое оружие лезвием вниз, вскрыла его от грудины до шеи, сворачивая в сторону. Она уже привлекла к себе внимание, и несколько южан, оставив отряд Морстена в покое, направились к ней, намереваясь окружить и стащить с уккуна. Лаитан взмахнула саблями, отпуская поводья уккуна, который и так нёсся в нужном направлении. Один из южан отбил клинок Лаитан, и та, не удержав его в руке, выпустила из руки оружие. Схватив свободной рукой поводья уккуна, она осадил его, заставив взбрыкнуть передними ногами, и тут же развернув животное назад, встретила лицом к лицу с врагом. На этот раз он убрал клинок, взяв в руки тяжёлый арбалет, и целясь в Лаитан. Звук спущенной пружины она не слышала, но её уккун снова подпрыгнув, поймал летящий болт в шею, тяжело заваливаясь на бок. Лаитан успела соскочить с него, отбрасывая прочь неудобное оружие и снимая с пояса свой меч. Тонкая чёрная сталь золотистым отблеском сверкнула в лучах солнца, ослепив врага. Воспользовавшись этим, Лаитан крикнула что-то, и пригоршня мелкой земли и камней хлестнула врага и его животное по глазам. Тот замахал руками, закрутился на месте, стараясь не попасть под удар, но Медноликая не собиралась добивать его сразу. Оказавшись рядом и дождавшись, когда враг проморгается, она схватила его животное за узду и потянула на себя. Когда оно нагнулось вперёд, едва не подламывая передние ноги, Лаитан вогнала меч в горло замешкавшемуся врагу. По рукам стекли струи тёплой липкой крови.

— Морстен! — крикнула она, оглядываясь. Пёстрая схватка проглотила северянина совсем, и Лаитан опасалась, что ему придёт в голову снова достать меч Тьмы. То, чем это кончилось в прошлый раз, она хорошо помнила. Гурруна тоже не было видно, как и тхади северянина. Зато возвышавшийся жрец культа обозначал себя плотным сгустком тумана,

переваривающего и своих, и чужих по мере приближения. После него оставались только белые скелеты, бестолково дёргающиеся еще несколько секунд и рассыпающиеся отдельными костями под ноги. Пёстрые халаты и шкуры тхади перемалывались жнецом с одинаковым аппетитом. Лаитан чувствовала, как от растраты сил кружится голова. Тело слушалось все хуже, в глазах становилось темно, а рука неверно подрагивала, держа оружие.

Властитель Севера, как ни тянулась его рука к укреплённому возле седла свёртку с мечом Тьмы, не поддавался этому желанию. Не настолько серьёзным казался бой, и не так уж суровы были враги. Из водоворота схватки было плохо видно, но, кажется, варвары все же смяли степняков, и вломились меж повозками. По крайней мере, с той стороны слышался треск дерева и визг тягловых животных.

Парируя удары пусть и темной, но обычной сталью меча тхади, тяжеловатого и не совсем удобного для человеческой руки, Морстен, много десятилетий тренировавшийся именно с этим длинным и массивным лезвием, снабжённым на конце заострённым крюком, умудрялся развить такую же скорость, как и его противники. Легкие сабли ломались, прямые южные мечи щербились, но враги были все же очень быстры.

Когда жрец вызвал свой смертный туман, и двинулся, не разбирая, где свои, где чужие, Гравейна скрутило судорогой от переизбытка силы Посмертника, разлитой вокруг, и прибывающей, как океанский прилив, с каждой новой смертью, оставлявшей после себя вылизанные дочи́ста кости, полностью лишённые даже намёка на жизнь. «Снова мне придётся справляться с последышем Кирина, — обнажив зубы в злой ухмылке, подумал он. — Судьба. Суждено бороться со смертью — вот и борюсь».

— Эй, замухрышка, а ты только туман пускать умеешь? — выкрикнул Морстен, зверея, когда вырвавшегося вперёд тхади тоже затянуло в голодные клубы серого мрака, оставив только кости. — Каким местом, интересно? И чем вас там так кормят на юге...

Жрец изменил направление, и двинулся прямо к Морстену, который спрыгнул с уккуна, и снёс с седла особо наглого караванщика, отмахнувшись от него мечом. Южанин в богатом халате улетел с лошади вместе с седлом и подпругой, лопнувшей в трёх местах. Гравейн, перекатившись по каменной дороге, почувствовал, как в позвоночнике снова проснулась ушедшая было боль, и усмехнулся.

«Скажи кому, что ужасный и отвратный Чёрный Властелин мучается от боли в спине, так не поверят же. Засмеют, — сосредоточился он, держа перед собой меч. Запасённых после Черного меча и беседы с Замком сил хватало с избытком. — Ну, пару фокусов я еще проверну».

Тхади, получившие незримую команду, остались на месте, формируя плотный строй, и отбивая атаки оставшихся воинов юга, понемногу отступая, шагок за шагом. Морстен же привычно потянулся к дремлющей в каждом человеке Тьме, пробуждая её. Он давно уже не был обычным, и его личная Тьма стала многократно сильнее, расправляя кожистые крылья, и выплёскиваясь наружу через поры кожи, окружая своего повелителя тонким, но прочным, и постоянно растущим щитом. Но этот щит мог стать и мечом. Тьма всегда более универсальна и многогранна, чем свет.

Собрав все, что мог вытащить из себя и окружающего пространства, удивительно бедного на тёмные энергии, Гравейн представил себя мечом. Лезвием, разрубающим воздух на пути к цели. Серовато-стальная сфера, окружавшая свою гнилую сердцевину, была твёрдой и прочной, и удар в неё, нанесённый со всей силы, не пробил сгущённый туман

насквозь, хотя и проделал разрыв в нем. Из прорехи стало видно искажённое гримасой лицо жреца смерти, извергающего новые частицы тумана из носа, рта и ушей. Глаза его затянула плесень, а кожа поблёскивала темными чешуйками, отвратительными даже издали.

Тёмный владыка нанёс еще один удар, вложив в него всю силу своего тела, когда почувствовал, как спину ожгло, словно кипятком. Ответный удар серой мерзости смерти был оглушительным, и Морстен ощутил, что взлетает в воздух, после чего, спустя долгие секунды, кубарем покатился по камням и щебню. Тяжёлый меч тхади, изъеденный кратким погружением в жадный туман, рассыпался горсткой черного праха, когда властитель Севера с размаху ударился незащищённой головой о крупный валун.

Жрец Посмертника, которого тоже отбросило в другую сторону, замер в центре своей рассечённой надвое сферы, и медленно поднялся в воздух. Все-таки Морстен успел зацепить его мечом — грудная клетка жреца была распахнута, а между рёбер, обнажённое, билось гниlostное зелёное сердце, выплёскивающее при каждом ударе отвратительную жидкость и облачка пара.

Сфера тумана начала снова затягиваться, а зеленое гнилое сердце, покрывшись защитной плёнкой, забилося чаще, когда грудина тоже начала срастаться. Рядом со жрецом вытянулись, будто верстовые столбы, тонкие тени, к которым начали сползаться брошенные кости, бывшие южанами и тхади.

— Эй, северянин! — раздался звонкий девичий голос позади властелина. Тени, отброшенные вставшими рядом людьми, на некоторое время заслонили свет солнца. Имперцы под предводительством Надиры и Тайрат, между которыми стояла Лаитан, смыкали ряды с тхади и несколькими сильно потрёпанными долинцами из простых, не элитных гвардейцев Ветриса.

Первые стрелы горцев, выбившихся в авангард, утонули бы в туманных творениях жреца смерти, если бы на их концах не дрогнуло серебро магии Долины. Восставших скелетов смело, разметав кости по округе, а вслед за этим волны золотого пламени окутали огнём останки, начисто лишая их возможности встать или восстать снова.

Лучники отступили за спины товарищей, и следующие ряды подоспевших людей в цветных халатах смело болтами тхади и обычными метательными ножами имперцев.

Лаитан, улучив момент, подскочила к властелину, из-под головы которого растекалась по камням кровавая лужа. Взгляд у Морстена был странный.

— Он сейчас закроется, и ты его не достанешь, — указала она рукой на жреца.

— И что ты предлагаешь? — проворчал Морстен. — Подскочить и обнять его?

— Прими мою помощь. Или предложи свою, — сухо сказала Лаитан. — Объясни это себе, как больше нравится.

И Лаитан рассказала ему, что можно попробовать объединить силы. Север и лёд Тьмы, и Мастер Мастеров, способный заклинать стихии.

Поднявшийся ветер холодными колючими пальцами с длинными ледяными ногтями разрезал пространство, увлекая за собой в появившиеся прорехи тепло и свет. Темные струи энергии, вившиеся рядом с ногами Лаитан, острыми копьями врезались в её тело. Чужеродная энергия разрывала мышцы и заставляла трепетать душу. Боль, которая волной прокатилась по телу Медноликой, выбила из пересохшей глотки громкий протяжный стон. Но и капли золотой крови, падающие на властелина, не приносили ему удовольствия.

Пальцы двух людей сплелись, и от них вместе с порывами дрожащего снежного ветра вперёд взлетели острые нити льда, разбившиеся о скорлупу жреца. Туман застыл, словно хрупкая оболочка яйца, потеряв на какое-то время текучесть и способность заращивать раны. Сердце слуги Посмертника дёрнулось, покрываясь ледяной глазурью, замедляя биение и медленно превращаясь в осколок льда. Ребра и гнилые мышцы дрожали, похрустывая, и судорожно тянулись друг к другу, стараясь сомкнуться и защитить от пронзительного холода важные органы. Тьма рвала Лаитан, перекаывая её в своих когтях, как кошка пойманную добычу, то и дело откусывая по кусочку, разделяя плоть на тончайшие волокна. Морстен дёрнулся, пытаясь вырвать руку из пальцев Лаитан, но те примёрзли к плоти властелина, не желая разделяться. Снежная метель, колдовская и всепроникающая, дыхнула на туман жреца, полностью закрывая его от взглядов присутствующих. Медноликая попыталась вздохнуть, ожидая, как лёд уже привычно обожжёт ей горло, но воздух не пожелал вливаться в него, застыв на полпути и превратившись в снежный ком.

Она уже не чувствовала холода, боли, огня сражения. В её разуме билось другое.

Раскосые золотистые глаза человека, смотрящего на неё через века. Блестящие серебром и золотой гравировкой залы, мигающие сотнями разноцветных светлячков. Одни гасли, другие загорались, а золотистые глаза её молчаливого наблюдателя все так же смотрели в душу Лаитан, будто старательно стремясь узнать в ней себя.

Помещение заволкло густым дымом, Лаитан, прикрыв глаза и рот рукавом, попыталась вздохнуть и закашлялась. Кашель терзал её все сильнее, она упала на колени, а потом и на пол, согнувшись и упираясь ладонями в прохладный металл покрытия под ногами. Чьи-то руки подхватили её ослабшее тело, чужой голос озабочено спрашивал о чем-то на незнакомом ей языке, а высокий меднокожий человек с золотыми глазами продолжал стоять и смотреть на нее с тревогой и интересом. Ладони Лаитан соскользнули с горячих тел подоспевших людей, скребанули ногтями отброшенный в сторону прозрачный купол купели, из которой валил холодный пар. Ее вместилище было очень похожим на то, которое она уже видела в пещерах под горой. Только это былорасчитано на взрослого человека, а не на хранение небольших пробирок и колб.

— Ула? Ты меня слышишь? — заговорил с ней златоглазый человек. — Дочь моя...

Лаитан никак не могла вдохнуть воздух, чтобы ответить. Она задыхалась, умываясь слезами и дергаясь в судорогах, а люди вокруг, суется и отдавая приказы, пытались удержать ее уже вчетвером. Тело сотрясали судороги, спазмы и жажда жить, бьющая через край и дергающая мускулы в бешеной пляске.

Медноликая Лаитан с хрипом и рёвом вдохнула воздух, едва не выхаркнув обратно куски замороженных органов. Перед глазами еще кружились редкие снежинки — последние из наведённой волшебством тёмного золота метели.

Какое-то время казалось, что ничего не происходит. Время словно замерло, замёрзло, покрылось льдом и изморозью. Звуки битвы, затихающей в отдалении, умирали, доносясь тягучими ударами металла, визгом раненых лошадей и криками людей, умерших, умирающих и не собиравшихся это делать.

Мёртвый жрец внутри застывшей и замершей сферы не шевелился. Что-то треснуло, разорвавшись с тягучим звоном. То, что было не так давно туманом, покрылось сеткой

трещин — Тьма дала незримому материальность, а холод Мастерства заморозил материю, превратив её в камень.

Хрупкий, ломкий и непрочный камень. Который под собственным весом ломался, трескался и медленно отваливался пластами, обнажая замершую в центре оледенения фигуру. Серокожий жрец с разрубленной грудиной проявлялся наружу, как утёс, с которого сходит лавина многолетних наслоений слежавшегося снега.

Морстен, замерший и скованный с Лаитан одной общей цепью сил, не мог прервать действия совершенно невообразимого и никогда не практиковавшегося сплетения мастерства и темноты. Не мог прервать без вреда для себя и Медноликой. А потому, не обращая внимания на горячую кровь, текущую по спине из разбитого затылка, промороженную до плеча руку, и прочие мелкие неудобства вроде сплошного потока боли, в котором он купался все время контакта с силой света, он продолжал давать ровный, плотный поток энергии, вытаскивая его из окружающего пространства, насколько мог дотянуться.

«Держись, — шевельнул он губами, не надеясь, что она услышит. Судя по всему, ей приходилось многократно хуже — ведь защита Медноликой, даже упавшая почти полностью, не могла не реагировать на противоположную ей стихию, противную самой природе естества Матери Матерей. — Держись. Сейчас все кончится».

Он медленно протянул руку вперёд, пользуясь небольшим резервом силы, чтобы поднять с земли клинок тхади, лежавший в грязи. Тёмный металл дрогнул, подчиняясь его воле, и медленно шевельнулся, пропахивая в земле борозду. Разогнать его и швырнуть, как камень из пращи, чтобы скованный льдом смеси Тьмы и Света жрец рассыпался гниlostными осколками — вот все, что мог сделать сейчас Гравейн. «Надеюсь, это поможет».

Большая часть сферы осыпалась вниз, втыкаясь в камни острыми осколками, похожими на гигантские оголовки стрел. Рука жреца Посмертника дрогнула, мизинец отломился, и упал вместе с кусками затвердевшего тумана, но эта тварь, щедро напитанная силой посмертия, не собиралась умирать. А меч все полз, набирая скорость. Медленно. Слишком медленно.

Семь Стрел, поддерживаемый своим рыжеволосым племянником, раздвинул ряды замерших, как истуканы, варваров. В его руке был тот самый свёрток, который он таскал на спине в начале пути. Медленно смотав шкуру, он обнажил блестящий полированный металл небольшой цилиндрической трубы, окованной бронзовыми кольцами. С одной стороны трубы была короткая деревянная рукоятка, топорщившаяся непонятными рычагами и приспособлениями. Горец поднял трубу, направив её на жреца смерти, и нажал на один из рычагов. Гроыхнуло. Вонь сгоревших внутри трубки снадобий распространилась вокруг вместе с белым облаком выхлопа, а раскалённое ядро начало свой путь к мишени.

* * *

Черные, глубокие, как толщи вод океана, глаза зверя смотрели так пристально, что невозможно было отвести взгляд. Холодный расчёт, губительная тьма и бархатистость южной ночи смешались в глубине черных зрачков, только немного темнее самой радужки. Немигающий, пристальный, вскрывающий душу взгляд был направлен в самое естество. И от

этой давней, далёкой, полузабытой, терзающей душу боли хотелось опуститься на колени и завывать, подняв лицо к луне, к двойному солнцу, чтобы молча выразить всю свою солидарность об утраченном. О том, чего никогда не было и что могло бы случиться, пойдя все немного иначе.

Огромная мягкая лапа поднялась и медленно, будто во сне, опустилась на холодный лоб Медноликой. Она закрыла глаза, подчиняясь тяжести чужих воспоминаний, их боли и скорби, теперь существующих только в памяти, в сухих и длинных столбцах иероглифов, картинок и цифр, в которые превратились эмоции, чувства, желания и страсть.

Толстые гибкие лианы опутывали её от шеи до пяток, сдавливая горло и не позволяя кричать. Одна свободная рука ещё шарила по костюму, не теряя надежды зацепиться хоть за что-то, дёрнуть хоть один клапан и вскрыть хотя бы пакет воздуха, чьё давление сбросило бы часть живых плотоядных растений, позволив протянуть время до подхода остального отряда. Зелёные джунгли, растянувшиеся от горизонта до горизонта, и отступившие только на берегу океана, давили своей мощью и первобытной силой. Всюду визжали, кричали и пестрели обитатели этих мест, с дикими воплями бросающиеся на голову, клюющие и вырывающие плоть у зазевавшихся людей, так безрассудно пожелавших подчинить себе природу. Яркое солнце разбивалось золотым дождём о лиственный покров, стекая медовыми струями в прорехи между толстыми стволами и широкими мясистыми листьями, а под ногами уходили вниз десятки слоёв сгнивших и все ещё гниющих листьев и костей неудачливых обитателей.

Упругие кожистые стволы сдвинулись ближе, сдавливая ребра и вытесняя последние остатки воздуха. Из горла выбился сиплый хрип, а рука, в отчаянной попытке рванувшая какой-то карман, вытряхнула из него только пакет рациона, и бессильно опускаясь скребанула пальцами в перчатках по гладкому и скользкому стволу лианы.

— Крес... — захрипела женщина. Перед глазами у неё плыли цветные пятна, иголки лианы уже пытались вгрызться в ткань защитного костюма.

— Крсс... — чуть слышнее позвала она, вложив в голос больше молитвы, чем сил её произнести. Желание увидеть лицо безопасника, пусть оно и будет последним в этой жизни, пересиливало страх смерти. Женщина извернулась и, раскрыв рот, впилась зубами в толстый ствол на шее. Лиана судорожно сократилась, дёрнулась, инстинктивно уходя от нападения, и это дало возможность вздохнуть. Набрав в грудь воздуха, она закричала: — Варгейн!

Ответом ей стали четыре подряд вспышки синего света, которые испарили большую часть лианы, стискивающей её в своих объятиях. Женщина упала на мягкий ковёр тропической растительности, зажимая руками посиневшее горло и беспрестанно кашляя. Чья-то рука подняла её за подбородок, заставив заглянуть в глаза, и тут же влила в горло дурно пахнущую жидкость. Прокатившись по горлу, она вышибла с таким трудом накопленный воздух, сжигая по дороге всю слизистую и заставляя глаза потемнеть от слез и отсутствия воздуха. Минуты шли, пока женщина в серебристо-зелёном костюме каталась по земле, сплёвывая зеленоватую пену изо рта и носа, утирая слезящиеся глаза и отхаркивая густую жёлтую мокроту.

— Литан, в другой раз кричи громче. Я не каждый день гуляю после обеда, — перезарядив энергоячейку, сказал безопасник. Дочь капитана поднялась на ноги, сначала опершись руками о землю и встав на колени, а потом и вытянувшись во весь рост. Короткие медно-красные волосы блестели от пота и пестрели пятнами свежего перегноя с поверхности почвы под ногами.

— Но ты же все-таки меня нашёл, — хрипло, чётко выговаривая каждое слово, сказала она. Ярко-зелёные глаза Литан блеснули от слез, покраснев и некрасиво смотрясь на бледном лице. Лопнувшие красные сосуды почти скрывали белки, придавая взгляду некоторую нотку потусторонности.

— Я всегда тебя слышу, — мягко сказал Кресс, подходя к женщине и привлекая её к себе. Она разрыдалась. Страх пережитого, ужас произошедшего за время пути, новости, свалившиеся на неё, близкая смерть и возложенная миссия вырвались наконец наружу. Ула Литан вцепилась руками в костюм Креса, переминая в пальцах под перчатками меняющую окрас ткань.

— Я... я... мне было так... так страшно, Варгейн... — всхлипывая и безуспешно пытаясь справиться со слезами и дрожью, произнесла она. — Так страшно тебя больше не увидеть.

Безопасник погладил её по голове. Сначала искренне, с заботой и беспокойством, стараясь утешить и успокоить. А потом его поглаживания стали медленней, пока рука не опустилась вовсе.

— Твой отец умер.

Литан перестала цепляться за безопасника. Отстранилась, отошла на полшага и посмотрела на него.

— Если бы чуть раньше... — не выдержав, произнёс он, выпуская женщину из объятий, с силой ударяя кулаком в ствол дерева рядом.

— Что ты такое говоришь, Варгейн? — прошептала женщина.

— Ничего. Забудь, — холодно сказал Кресс, передёргивая затвор пушки. — Мы должны вернуться. На сегодня миссия окончена.

— Но теперь... — Литан пошатываясь побрела вслед за безопасником. — Теперь мы можем... — в её голосе скользнула надежда. Кресс остановился, посмотрел в глаза Литан и медленно кивнул, соглашаясь. Они оба знали, что теперь — было уже поздно. Он знал, что дочь капитана уже носит под сердцем его дитя. Он знал, какая роль возложена на эту женщину, которую он любил так и как мог и умел. И он знал, что она знает — исход будет один. Он останется в кристаллах памяти, а она, много дольше пережив его, снова и снова будет появляться на свет в новых формах жизни, неся генетический материал своего отца, однажды и навсегда поставившего крест на их совместном с Кресом будущем.

«Что мы можем? — хотел спросить у неё Крес. — Что мы можем теперь, когда ничего не смогли до этого дня?» но Литан шла рядом, держась за его руку, украдкой всхлипывая и запинаясь за корни деревьев, пугаясь пёстрых убийц, прячущихся в листве, и полностью доверяя ему, Варгейну.

Лаитан хотела бы, чтобы сейчас по её щекам прокатились горячие слезы. Боль, которая разрывала её изнутри, была настолько невозможной, настолько всепоглощающей, что в ней сгорали даже бесконечные льды севера. Ей хотелось кричать, заставить тёмного зверя отвернуться и утратить над ней власть, заставить вернуть себя обратно во дворец, под уютное покрывало из лжи и празднества, под покров неизвестности и всеобщих правил.

Лаитан ждала слез, но глаза были пусты и сухи, как бескрайние пустыни, выжженные злым солнцем и обезвоженные им в начале времён.

А зверь смотрел, все так же, не мигая, не отворачиваясь и не отводя взгляд. Черные провалы глаз, в которых где-то было спрятано её прошлое, будущее и настоящее.

«Если бы ты тогда дал ей умереть, этого бы не было со мной сейчас, — малодушно, в отчаянии, с болью, подумала Лаитан. — Почему я? Почему мне нужно отвечать за то, от чего я получаю только боль и страх? Где же все то, что было кроме этого? И почему этого никогда уже не будет у меня?»

Зверь молчал и смотрел, в черных глазах мелькнули и рассыпались далёкие звезды, искрами скатившиеся по дымной шкуре призрака. Зверь смотрел, и зверь плакал. Из чернильной тьмы катились, угасая, сотни крошечных звёзд.

Она открыла глаза, взглянув в чужое небо над головой. Стылые облака где-то далеко несли свежесть и ветерок. Бескрайняя синева ослепительного утра падала на неё, обрушиваясь всей тяжестью на плечи. Вокруг суетились люди, чьи руки пытались помочь ей подняться. Лаитан не хотела подниматься. Она не хотела ничего видеть и ничего знать. Разве что только одно: почему молчал её золотой колосс? Почему жестокий и отряжнённый на контроль источник всегда молчал?

И Лаитан поняла.

Кресс не смог простить решения капитану. Не смог до конца принять его волю, но и выбор в пользу иных решений он не посчитал разумным. И потому он стал тем, кем стал, примерив на себя давно известную роль.

«Я всегда тебя слышу», — эхом разнёсся в сознании незнакомый голос.

Теперь Лаитан заплакала.

Когда метательный снаряд, нещадно вонзая и оставляя после себя дымную дорожку, врезался в медленно приходящего в себя жреца, Морстен ощутил, как сила, сковавшая их с Лаитан в одно целое, распадается, оставляя после себя обрывки памяти, тихо пропадающую боль от прикосновения противоположной силы, и осознание чего-то большего. Большого, чем человек, но недостижимого.

Взрыв разбросал неприглядного вида куски замороженной плоти и остатки туманной сферы вокруг того места, где жрец Посмертника был пойман в ловушку Темным и Медноликой. Сероватый дымок и запах разложения, смешанный с чем-то едким — вот и все, что осталось после грозного противника.

Лаитан, из-под прикрытых век которой лились слезы, упала на колени, сотрясаясь от беззвучных рыданий. Её лицо было непривычно бело, и выглядела владычица Империи так, что краше на погребальный костёр кладут. Седины в волосах прибавилось, а руки ходили ходуном, когда она приняла из рук подбежавшей к ней служанки флягу с вином.

Гравейн опустил руки, с которых сыпались осколки начавшего таять льда. Он мог только стоять на месте, и не двигаться. Стоило бы сделать шаг — и грозный властелин Тьмы, Севера, и прочая, и прочая рухнул бы на осквернённую каменистую землю. Шаман уже спешил к нему, грозно булькая большим мехом, и Морстен скривился от предвкушения мерзости вкуса лечебного пойла.

— Ловко вы его, — перед ним, опираясь на секиру, тяжело сел на труп какого-то степняка Гуррун, довольно отдуваясь. — Свет, значит, и Тьма? Ну-ну...

Лукавый гном подмигнул Морстену, который до сих пор не понимал, почему они все еще живы. Он и Лаитан. Свет и Тьма никогда не уживались вместе, взаимно уничтожая друг друга и своих носителей, буде им приходилось соединять усилия. «Но, даже пережив боль и выжигая тела, мы все же смогли действовать, как одно целое, — подумал он, без удивления

смотря на хромающего Семь Стрел, все еще держащего в руке свое мудреное оружие, из которого все еще тянулся ядовито воняющий дымок. — То есть, силы все же не так противоположны, как всем говорят. Рискну сказать ересь, но, похоже, все они происходят из одного корня, и мы к этому корню скоро придем».

— Что это за громыхало у тебя? — повеселевший после доброй схватки дварф медленно встал, держась за рукоять своего оружия. — Эй, друг, покажи мне. Сдаётся, такие штуки мы когда-то делали в Аркзантар-Кхагдубурге. Но секрет утерян с годами.

— Извини, достойнейший, не могу, — Семь Стрел обмотал свою пушку шкурой, и повесил обратно на спину. — Это не мой секрет, а тайна племени, и ей я не имею права делиться даже с такими славными воинами. Скажу лишь, что взял это устройство, чтобы отпугивать драконов, если те попадутся.

— Попадутся, не попадутся, — проворчал в бороду почти не задетый отказом дварф. — Тоже мне секрет, древесный уголь, сера, селитра и немного металлической пыли. Но все это бесполезно, если не знать, как правильно отливать и ковать ствол. А именно это знание мы потеряли после переселения.

«Все правильно, — донёсся далёкий шёпот со знакомыми интонациями. Замок все же не оставлял своего подопечного и владыку. — Еще немного, и ты поймёшь все сам. Большого не скажу».

Морстен хмыкнул, когда орки взвалили его на плечи, делая вид, что помогают идти своему властелину, но на самом деле неся его к ближайшей повозке, в которой были нагружены ткани. Там уже возились с ранеными горцами и варварами жрицы империи, изучавшие врачевание в обязательном порядке, как и способы нанесения ран. Южан, уцелевших в резне, сгоняли в кучу, но, судя по всему, из больше чем сотни душ позор плена предпочли немногие — десяток, два, вряд ли три. Стража и управлявшие движением караванщики полегли полностью, выжили и сдались погонщики, грузчики и рядовые торговцы, сопровождавшие свой груз в повозках. Сами громоздкие деревянные сооружения почти не пострадали, кроме тех, что задел туман смертного жреца. Их отравленное прикосновением Посмертника дерево уже горело бездымным пламенем, запалённое долинцами.

Ветрис тоже был здесь, сидя на тюках с чем-то белым и пушистым. Длинную рану на его бедре, прошедшую опасно близко к детородным органам и бедренной артерии, сейчас зашивала и перевязывала Киоми, а Коэн бросал яростные взгляды на всех, кто осмеливался хотя бы посмотреть в его сторону.

«Варвары, — подумал Морстен, — не стесняются щеголять обнажённым торсом, но стоит снять с них штаны, и они превращаются в стеснительных газелей. Как будто голый зад постыднее предательства или трусости».

Коэн увидел Морстена и Лаитан, которую несли следом, и что-то прошипел сквозь зубы Киоми. Та посмотрела на него странным взглядом, но ответа Чёрный Властелин не услышал — рядом стонал караванщик с разбитой головой. Судя по халату, он был из тех, кто вёл этот караван. Гравейн сделал себе отметку в памяти допросить его, чтобы выяснить, с какого перепуга они начали сражение. Понятно, что всему виной был жрец Смерти, имевший неимоверную силу, но подробности могли прояснить многое. Например, где к каравану присоединился этот выкидыш Посмертника, и как именно он отдавал приказы. Были ли заражены все караванщики, или только самые богатые. Что творится на юге.

— Займись Лаитан, — шепнул он шаману, поднёсшему к его рту мех. Глотнув вонючей

влаги со вкусом несвежих портянок, Гравейн ощутил, как его скручивает в тугую пружину отвратительное ощущение слабости, сменяющееся теплом и силой. — Ей тоже нужно восстановиться, и я сомневаюсь, чтобы ее народ сильно помог ей. Нужен любой источник энергии.

«Впереди последний отрезок пути, — подумал он про себя, делая еще глоток и пытаясь отдышаться. Все-таки, спирт, служащий основой всех северных лекарств, был скорее благом, чем проклятием. — У меня такое чувство, что всех нас гонят по накатанной тропе, то замедляя, то ускоряя, то изменяя направление. Узнаю руку Посмертника. Этот чёртов гнилец всегда любил загребать жар чужими ладонями».

Перед глазами качалось небо. Картину небесного свода иногда заслоняли лица людей. Несколько служанок, получивших лёгкие ранения, жрицы, в числе которых была Надира и Тайрат, тхади северянина...

Лаитан смотрела в небо, до боли сжимая кулаки. Она уже слабо понимала, кто она, как появилась и кем стала. Картины и времена путались, голоса менялись и сливались в неразличимый шум вокруг. Люди казались знакомыми, но не привычно знакомыми по дворцу или встречам в походе. Они все несли общие черты, только немного искажённые временем и посторонними связями. Кровь сильнее, чем можно себе представить. Кровь была ключом ко всему, началом и концом мира, внутри тела человека и вокруг него.

Тот человек, упоминание о нём, о первом и единственном отце всех... всех её воплощений, всех её детей и матерей, тот человек был болен. Его расстройство, толкнувшее его на эксперимент со своим семенем, дало жизнь Медноликой Лаитан. И отняло множество нерождённых жизней, чьими поступками можно было бы гордиться. Или ужасаться.

Боль, надолго поселившаяся внутри тела, теперь не имела ничего общего с тем чувством, которое, будто очнувшись ото сна, разливалось по жилам Лаитан. Яд, сковывающий плоть, выедал душу до последней капли. И Лаитан не могла бы описать все, что ощущала.

Взгляд, в котором читалось понимание и осознание неизбежности своей судьбы. Любовь, пронесённая через тысячи лет. Потеря, о которой все эти века можно было помнить, но нельзя было бы пережить. Ожидание, надежда, горячие руки, страх, ужас, боль и смерть, радость встречи, часто бьющееся сердце, ударами заглушающее все остальные звуки.

Быть и не быть одновременно. Стать всеми, кто тёк в жилах каплями древней крови, вспомнить их лица, видеть их вокруг и терять себя, свою душу, свою личность, свой рассудок. Говорить с каждой, кто был до неё. Спорить с той самой, что дала жизнь первой из них.

И всегда, всегда ждать. Возможно, он еще вернётся. Возможно, он откроет дверь, выжжет толстые стволы лиан, даст ей руку на смертном одре, скажет то самое, ради чего стоило пережить века и тысячи лет.

И знать, чувствовать, словно острый стилет, входящий в сердце медленно и неумолимо — этого никогда не будет.

Что может чувствовать человек, зная о том, когда и где умрёт? Будет ли он прощаться, найдёт ли нужные слова для тех, кого он ценит и кто ценил его? Сможет ли сказать и сделать все, не сожалея об упущенном времени?

Нет.

Внезапная, гордая и яростная смерть была бы подарком. Но вместо неё Лаитан должна прийти до Отца, сделав там то, ради чего её создали. Не дали жизнь, не подарили, чтобы потом отнять, а лишь показали. Будто картинку, на которой вот эта точка и есть Лаитан. А от точки движется дорога к последней черте, ради которой и была задумана вся картина. Ей дали прожить свой век, чтобы она дала жизнь другим, оставшись в старом мире горсткой пепла, пустой оболочкой без души разума, чье тело откроет дорогу прочь остальным.

И как теперь можно идти, зная истории тех, кто начал путь?

Чужая жизнь была наполнена чужой болью. Столь нестерпимой и отчаянной, что она выжигала на теле узоры. Ужас и страх жить, зная, как и зачем, вытеснили рассудок.

Она не знала, что это такое, быть с тем, кто любит и быть любимой. Её боялись, ужасались её имени, уважали и подчинялись. Она была царицей, символом и вечным Мастером Мастеров. Её душа спала и ждала часа, когда сможет покинуть оболочку. И теперь уже навсегда.

А эти тени — черные, серые или даже гнилые — они все принадлежали не ей. Кому-то другому. Это кто-то другой жил, отсчитывая минуты и дни до часа, когда придётся отдать тело в вечный лед склепа, погрузив разум в столь необъятные пещеры с кристаллами, что он станет одним из величайших управителей мира. Это кто-то другой, старея и воспитывая своё дитя, хранил память об ушедшем в эти кристаллы. Это не её старческая рука поглаживала кудри медного цвета, не в силах признаться, что ждёт эту новую жительницу будущей Империи. Это не на неё смотрели черные, как ночное небо, глаза, не удержавшись и в последний раз оглянувшись на пороге помещения, из которого валил ледяной туман, где пропадало все живое навсегда.

Это не ей дали прожить и пережить, не она видела смерть Креса и свою, не с ней говорили люди и не её отец стал тем, кто положил традицию ужасающего возвращения себя в каждой из своих дочерей, вырождая их, обрекая на замкнутый цикл, строго рассчитанный и чётко выверенный до последних дней солнца.

Не она, не ей, не её разум, не её чувства...

Лаитан металась по постели, когда её пытались удержать жрицы и воины Долины. Плача и смеясь, расставаясь с разумом и чувствами. И не к ней подошли тхадии, чьи руки заставили рот разжаться, вливая в него вонючую жидкость.

Лаитан всхлипнула, давась отголосками невообразимого чувства потери. Потери жизни, судьбы, тепла и ощущения чужого тела рядом, когда за окнами будет биться плетьюми ледяная тьма, а с рассветом мир станет прозрачно-хрустальным и снежно-белым.

— Пора с этим заканчивать, — шепнула Киоми Ветрису, закончив перевязку. Варвар погладил женщину по голове, вглядываясь в затихшее неподалёку тело Лаитан.

— Она нам нужна, — неуверенно протянул он.

— Она нужна, — согласно кивнула жрица. — А он? — Киоми дёрнула головой в сторону северянина. — Остался последний переход, и он ранен.

Они проводили взглядами Морстена, находящегося в кругу своих людей. Лаитан в это время, резко подскочив с земли, бросилась в кусты неподалёку. Три жиденькие веточки меж камней не смогли заглушить громких звуков опорожнения желудка. Северное снадобье приживалось не у всех, но с гарантией отгоняло дурные мысли о смерти. Трудно желать чего-то, кроме покоя и забвения, когда тебя полоскает в трёх ветках от своих же людей. Но ещё труднее умереть на коленях, в луже блевотины и дурно пахнущего снадобья тхадии в ней.

Лаитан остро желала сгореть на месте, но только бы прекратить прилюдные унижения.

Игра Ветриса

— Ветрис... Ветрис...

Коэн помотал головой, очутившись в каком-то тёмном месте, без намёка на пол, потолок, стены. Он мог двигаться, но двигаться было некуда, и варвар только пожал плечами. Но и тела не было, только разум. Что-то такое он вспоминал, когда обращался к памяти предыдущих воплощений Коэна, которых за прошедшие тысячи лет накопилось прилично.

— Пятьдесят два целых, девять сотых, — уточнил бестелесный голос, звучащий откуда-то сзади.

Ветрис повернулся назад, повинаясь инстинкту воина, но добился лишь потоков мерцания синего и голубого цветов, волнами разошедшихся вокруг себя. Это приятно разнообразило окружение, но было бесполезно.

— Девять сотых? — с недоверием спросил он у невидимого собеседника. — Почему так много?

— С момента последнего обновления ядра личности сроки жизни сократились, — объяснил все тот же спокойный голос, напоминавший интонациями учёных Долины. — Теперь можно рассчитывать на две-три сотни лет, не больше. Но несчастные случаи и войны портят статистику.

— Кто ты? — мрачно спросил Ветрис, понимая, что этот вопрос нужно было задать с самого начала разговора, и осознавая, что, скорее всего, ему солгут. — Что это за место?

— Это не место, — теперь в голосе ощущалась усталость. — Каждый раз приходится объяснять заново...

— Хм. А ты точно пробовал рассказать понятно? — парировал Коэн. — Или каждый раз запутывал насмерть словами?

— Если ты спустишься в Сердце Долины на самый последний уровень, выложенный хрусталём, то внизу главного ствола лестницы будет дверь из серебра и белого золота, украшенная символами Луны и Отца-Океана. За ней расположены покои Совета...

— Я был на Хрустальном этаже Сердца, — прервал его Ветрис, — там нет никакой двери, только грубый камень. На нем высечено предупреждение об опасности. Ты, кем бы ты ни был, лжёшь!

Долгий протяжный вздох разнёсся по этому непонятному пространству. Словно воздух выпустили из дыхательного мешка, который брали с собой горняки и водолазы, опускаясь в глубины.

— Я не умею лгать, в отличие от других моих братьев, — ответил незримый собеседник. — Князь Долины Ветров, ты сам приказал закрыть вход полторы тысячи лет назад, но зачем ты удалил это из своей памяти, не ведает даже Отец. Если ты сейчас в Сердце, спустись вниз и прикоснись к скале. И ты увидишь меня.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — медленно проговорил Ветрис. Связь с безымянными была утрачена, а собственная сила Коэна отзывалась так неохотно, что можно было подумать, что он спит или без сознания. — Кто ты, тварь?

— Я — Сердце Долины. Я — твой советник, оппонент и слуга.

— Лжёшь, — Ветрис помнил всех своих советников, некоторые из которых даже не были людьми. И тем более он доверял своей памяти перерождений, которая молчала в ответ

на судорожные запросы. — Я не знаю тебя.

— Просто коснись скалы.

— Как только вернусь в Долину, — усмехнулся Коэн, — сразу приду к тебе. Если доживу.

— Если не доживёшь, то мы все равно увидимся, — нотки усталости сменились в голосе лёгкой грустью. — Только ты все забудешь.

Ветрис помотал головой, стараясь разогнать туман в мыслях, и понял, что вокруг больше не плещется темнота, а очень даже светло. Пахло кровью, страхом и вонью разложения.

«Обычный день из жизни варвара», — подумал он и разлепил губы, чтобы улыбнуться. Было больно.

Перед ним стояла на коленях черноволосая женщина, умело и бережно обрабатывая его раны. Он сощурился, вглядываясь в нее, в смолянистые пряди волос, порядочно потрепанные и препорошенные снежной сединой.

— Даже раненая собака может кусаться, — тихо сказал Коэн, присматриваясь к охране Темного. Тхади осталось всего пятеро. Из них один шаман, которого следовало убить первым — слишком эффективно тот лечил своего повелителя. Что поделать, тьма всегда сильнее и быстрее зализывает раны. — Особенно если загнать ее в угол. Если бы у меня был пистолет...

— Что такое пис... толет и собака? — непонимающе спросила Киоми, не узнавая этих слов. Они звучали не чужеродно, но не были наполнены значениями. — Я поговорю с сёстрами, которые поддерживают нас. Тхади нужно отвлечь, а дальше мы справимся. Это будет не первый Тёмный Властелин, которого убьют Сестры. Мы знаем, что делать.

Ветрис посмотрел на показавшееся чужим и непривычным лицо женщины, отмечая морщинки и непроницаемые темные глаза. Крылья носа жрицы дрожали, а сама она напоминала настороженную суку, взявшую след. Точно такая же собачья преданность мерцала в глазах у его собаки на последней утиной охоте, когда Ханна приносила ему сбитых дробью из архаичного порохового ружья птиц одну за другой, и вода с кусочками зеленой тины стекала с ее золотистой шерсти...

Коэн мотнул головой, упрямо оскалив зубы. Сердце Долины билось все сильнее, он чувствовал его пульсацию даже через все эти проклятые сотни лиг, разделявшие их. И с каждым таким пульсом загадочной машины, спрятанной в подвале столицы его родины, в голове вспыхивали новые и новые картины памяти. Старые, древние слова, не имеющие смысла в этой жизни. Уймы звезд, которые невозможно сосчитать, и невозможно заметить на небосклоне. Вычерченные безошибочными зелеными лучами на темном стекле траектории и курсы разгона. Дробящееся в толстом прозрачном колпаке над головой солнце — одно, желтое, лучистое, горячее. Руки сжимают изогнутые рога руля, и, подчиняясь их четким движениям, могучая стальная птица, ревя двигателями, наклоняет нос к земле, и начинает падать вниз, к лоскутной от полей земле.

«Я — Ветрис, — сказал он себе. Я Коэн Ветрис! Я... навигатор ковчега. Что за проклятье? Я — князь Долины и повелитель Серебряного Сердца. Капитан Литан ошибся. Это не путь к бессмертию. Но он его и не искал. Или это я ошибся? Я же нашел выход, как помнить все? Я и помню. Нет. Я — помню. А живет кто?»

— Коэн... господин мой, — Киоми потрясла его за плечо. — о... чнись. Удар по голове дает такие симптомы. Но ты нам нужен здесь и сейчас.

— Да, — с трудом вспомнив имя этой женщины, ответил он, — Киоми. Я — Ветрис. Значит, сделаем так. Безымянные займутся зеленокожими. Горцы вмешиваться не будут, им важно, чтобы дошла Лаитан. Предательниц из ее свиты пока не трогай, избавимся от них позже. Как только со слугами Темного будет покончено, мои солдаты помогут тебе.

— Ты хотел сказать, твои братья? — прищурилась Киоми, и Ветрис почувствовал, как напряглись мышцы на ее руке.

— Да, мои братья, — кивнул Коэн, проклиная чертово Сердце, затянувшее с пробуждением настолько сильно. — Ночью. После полуночи.

Дорога показалась ей бесконечной. Немногочисленные выжившие уккуны сгибались под тюками провизии, воды и поклажи. Тхади шагали рядом, стараясь не вытягиваться в длинную цепь на узких переходах. Провожатые, припрятавшие поклажу караванщиков, молчаливыми тенями двигались вокруг, то пропадая, то появляясь рядом. Горные тропы сжимались и расширялись, ныряя в небольшие крытые переходы с естественными арками входов и выходов.

Лаитан, которая чувствовала себя, как побитая за брехливость горчавка, переставляла ноги, почти не глядя под них. Вследствие этого Медноликая дважды едва не сломала ногу, но была безжалостно выдернута Тайрат из опасных мест.

— Госпожа, — прогудела на ухо Лаитан жрица, когда в очередной раз уволокла ее от шаткой насыпи подальше, — Киоми больше не наша сестра. Я видела, как она делила ложе с варваром.

— С которым? — глупо спросила Лаитан. До неё запоздало дошло, почему глаза Тайрат расширились сначала, а потом сузились в подозрительно смотрящие щёлочки.

— С царём Долины, — осторожно пояснила жрица, держа ладонь на рукояти спрятанного клинка под одеждой. — Он уговаривал ее перейти к нему в свиту, обещая отдать одного из своих гвардейцев.

— Отлично же он своё семя не льёт, — плохо скрывая ревность и женскую обиду, произнесла Лаитан. Зрелая и опытная Тайрат жёстко усмехнулась. Кажется, в этом отношении у неё была женская солидарность. Лаитан отбросила со лба прядь волос, прилипших от пота. Впереди замаячил последний переход до места, где можно было заночевать. Останавливаться на привал в течение этого отрезка пути они не стали, слишком много времени было потеряно на схватки и плен.

— Сегодня ты должна лечь со мной рядом, госпожа, — шепнула Тайрат, завидев, как к ним придвигаются слуги из отряда Киоми.

— Измена обещанию варвара того не стоит, Тайрат, — отмахнулась Лаитан. Жрица уже откровенно обалдела, сама едва не угодив в расщелину ногой.

— Госпожа?

Лаитан не смогла сдержать улыбки, когда до нее дошло, что поняла в ее словах женщина. «Мне недолго осталось, я уже и так путаю себя с кем-то другим. Почему бы и не говорить то, что я думаю, а не то, чего от меня ждут?» — спокойно размышляла Лаитан.

— Отыщи мне мужскую одежду, — сухо приказала Лаитан, — с ночлегом мы разберёмся позже.

— Оружие? — деловито спросила Тайрат, когда охотницы Киоми почти были в зоне слышимости.

— Обязательно, — едва слышно шепнула Лаитан. И в этот момент Тайрат отстала от

неё на пару шагов, а слуги Киоми, новой невыбранной госпожи Империи и Долины, приблизились к Лаитан. В глазах женщин пылала ненависть и превосходство одновременно.

— Не отставай... госпожа, — через силу выдавили они последнее слово, развернулись и ушли обратно поближе к Киоми.

— Я от вас теперь при всём желании не отстану, вы меня не тронете, — на губах Лаитан заиграла безумная улыбка, когда она придвинулась поближе к тхади. Шаман покосился на неё одним глазом, но Медноликая сделала вид, что не заметила его острого взгляда. Морстен маячил где-то за спинами своих людей. Лаитан шла, постепенно освобождая свой разум и пытаясь уложить в нем новые знания и открывшиеся вещи. Ей остро требовалось с кем-то обсудить это, но Ветрису она не доверяла с самого начала, Киоми ее предала, а другие жрицы и долиницы не поняли бы ее. Пришлось брести прокажённой и юродивой среди своих и чужих, надеясь, что безумие не затронет ее сильнее, чем уже начало.

В голове Морстена царил разлад. И Замок.

Правду говорят, что со временем все властители приобретают внутренний облик своего Замка. Все Темные, пока не кончался их жизненный путь, были циничны, любили подпустить шпильки в разговоре, задать неудобные вопросы, и все это — тоном, вызывающим раздражение. Но сейчас раздражение испытывал именно Гравейн, выслушивая многословие Варгейна Креса. Как понял Морстен, тот покончил со своими делами, до невозможности секретными, и теперь, нарушив собственные же слова, вынимал из Темного Властелина душу.

Бессловесный для окружающих диалог захватил почти все внимание, и Гравейн с трудом понимал, где находится реальность, а где разговор. Тхади, ехавшие рядом со своим повелителем, все понимали, и не трогали его без причины. На всех остальных участников экспедиции, ехавшей сейчас по относительно спокойной дороге, Морстену было и так начхать с вулкана. Кроме, пожалуй что, Лаитан.

— Я не понимаю, какое отношение имеет это все к тому, что происходит, — сжав зубы, подумал Морстен в ответ на очередную разрывающую виски болью череду картинок, образов, звуков и знаний, плотно укладывавшихся внутри его черепа. Казалось, что Гравейн мог почувствовать каждую извилину внутри головы, и они шевелились, словно кишки, набитые сверх меры и силящиеся переварить неожиданное обилие пищи. — Это случилось три тысячи лет назад! Твою же Тьму, зачем мне это сейчас?

— Не зная истории, лишаешься удовольствия не повторять чужих ошибок, — желчно ответил Замок. — Зная историю, делаешь свои собственные. Но это лучше, чем вести тс личиночное существование, которое здесь называют жизнью. Отдохнул? Нет? Принимай еще информацию, тебе понравится. Это к вопросу о том, почему дварфы не любят верховую езду.

Очередной пакет знаний рухнул в Морстена, вызвав невольно сорвавшийся с губ стон. «Да когда ж это кончится? На кой мне вся эта древняя пыльная муть? — взмолился он неведомо кому. Тьма не нуждалась в молитвах, а прочие боги давно не отвечали. Возможно, никогда не отвечали. — Замок, что же ты творишь, у меня и так голова разбита».

— Значит, входить будет легче, — хохотнул Варгейн. — Слушай, ты на пороге величайшего и, пожалуй, единственного достойного приключения в жизни. Думаешь, я зря тебя пичкаю данными о заговорах, бунтах и восстаниях? Пару из них ты поднимал лично, и мое черное сердце кровью обливалось, когда я глядел на эту наивную возню в песочнице...

Гравейн тяжело вздохнул. Впереди маячили спины тхади, а за ними колыхалась пыль от

растянувшейся по дороге колонны паломников к Отцу.

— Ты никогда так просто не даешь знания, — вцепился он в мысль, пришедшую недавно. — Такова уж твоя природа, да и моя, если разобраться, тоже такова.

Замок издал странное сочетание звуков, похожее на сдавленный кашель, но Морстен упрямо продолжил:

— В текущих обстоятельствах я могу разве что лично зарезать Ветриса, к хренам уккунным, с шансом два из трех получить несовместимые с жизнью ранения. Но на шансы мне плевать. Только вот я думаю, что придут за мной Сестры. Пока варвары будут дорезать моих несчастных пять тхади. Причем, кажется, после этого Коэну придется заводить новых Безымянных. Кстати. Хотел спросить давно, ты же знаешь все и всех за эти пять тысячелетий. Князя Долины всегда были такими гробанутыми на голову? Или это только Ветрис выделяется из общей кучи?

— Начнем с того, что всех правителей долины звали Ветрис. Точнее, это один и тот же человек. Он возрождается снова и снова, — Замок устало вздохнул. — Не понимаю, зачем тебе это.

— А зачем мне теория заговора? — Морстен скрипнул зубами. — Он с рождения такой, или есть какой-то момент, когда память возвращается?

— Есть момент, — Варгейн говорил очень осторожно, оставив шутливый тон в стороне. Было заметно, что он колеблется. — Для этого нужно взаимодействие с его Сердцем Долины. Если таковое не произошло, то варвар живет своим умом. Невеликим, стоит признать. Но что ты собираешься делать с нападением?

— А вот от этого зависит, что я буду делать, — усмехнулся Морстен. — Если он, как сказано, живет своим умом, то знаний у него немного, и он будет действовать просто, в лоб и без излишеств вроде редкого яда в кружку. Причем такого, чтобы аж кишки наружу полезли, и самому немного принять, и в общий котел подлить...

Замок кисло спросил:

— Ты всегда такой умный был, или удар по голове пробудил в тебе такую тягу? Надо было почаще стучать по черепу, да.

— А если он полностью помнит все пять тысяч лет, — невозмутимо закончил мысль Гравейн, — то сделает все тонко, красиво и изящно.

В следующих словах Замка слышалось легкое пренебрежение и отвращение:

— Ветрис — и тонкость? Брось, я знаю его много лет, и он всегда был из тех, кто больше говорит, чем делает.

— Значит, он попадётся в мою ловушку, — сказал Морстен.

— Кто попадётся? — спросил Гуррун, некоторое время ехавший рядом с шевелящим губами и корчащим гримасы Темным Властелином. — Суслик или горный козел?

Морстен понял, что произнёс последнюю фразу вслух, и выругался. Внутри его головы хохотал Замок, подсовывая ему данные по сезонным миграциям козлов в этом регионе, и с десятков способов устройства охотничьих силков.

— Козел, козел, — буркнул он дварфу. — Большой такой. С серебристой шерстью и вот такими рогами.

— Можешь на меня рассчитывать, — дварф отхлебнул из большой фляги, в которой плескалось южное вино, взятое в разбитом караване. — Не люблю козлов.

Близился вечер. Как всегда в горах, темнота падала с небес неожиданно. Два солнца едва коснулись горизонта, тени удлинились и налились синевой, и все вокруг на глазах затянулось плотной ночной мглой, почти не давая времени на то, чтобы успеть хоть что-то прежде чем перестанешь различать свои руки. Горцы потому и торопились весь день, чтобы успеть к небольшой площадке в укрытии между скалами, где была вода и маленькая пещерка с запасённым сеном для животных. Темные круги на каменистой почве показывали, что здесь останавливались множество раз, с тех пор как подземный путь стал непроходим, а подгорные туннели обрушились.

Пока звездочёты сноровисто разворачивали лагерь, устраивая спальные места в защищённой от ветра пещере, зажигая костры из запасов этого промежуточного лагеря, и готовя нехитрую снедь, Морстен с тхади, посоветовавшись в пути, решили расположиться в отдалении от остальных. Это было естественно, и не стоило мешать людям совать пальцы в мясорубку, то есть реализовать заговор против Тёмного Властелина.

Сам Гравейн остался сидеть возле разожжённого огня, смотря в пламя сузившимися зрачками. Ему было о чем и над чем подумать — распухшая от полученных знаний голова болела, зудела и даже чесалась изнутри. Замок, отринув под конец всякое человеколюбие, буквально изнасиловал Морстена потоками данных, уже не объясняя, что к чему, и не отшучиваясь.

«Время шуток прошло, — подумал он, шевеля пылающие дрова веткой, и наблюдая, как уносятся вверх под действием подъёмной силы жара искры. Вздувшийся пузырьёк в голове, посвящённый воздухоплаванию, взорвался настоящим селем картинок, формул, выкладок, чертежей и фактов из истории совершенно незнакомого мира, который погиб задолго до того, как Древние шагнули на эту землю. Облегчение, схожее с тем, какое бывает, когда лопаются нарывы, извергая гной, заставило Морстена передёрнуться. — Проклятый Крес!»

Теперь он очень хорошо понимал, о чём говорили Звездочёты. Вместе с кучей ненужной информации Варгейн Крес щедро, хотя и торопливо одарил своего питомца настоящей историей этого мира. После того, как Морстен переварил и не сломался на кровавых и просто отвратительных подробностях из жизни пяти тысячелетий.

«Да, я — питомец, — скрепя сердце, признал Гравейн, и через силу улыбнулся. Пламя взвилось темными струями, когда он сплюнул едкой слюной в костёр. — Что для Креса полтысячелетия? Он бессмертен, Свет его раздери».

Но кем бы не чувствовал себя он, у Морстена был долг. Раз его выбрал придирчивый и очень аккуратный Замок, он достоин своего статуса, хоть и приходится подтверждать это каждую минуту. А, значит, в свете сложившихся обстоятельств, на нем вся ответственность за Север, тхади и людей, живущих там.

Морстен догадывался, что остальные владыки — тоже отпечатки своих столпов, и история мира, подаренная ему Варгейном, далеко не полна — часть ему еще рано знать, часть — знать вредно, а еще много фактов просто бесполезны. Это объяснение вполне устраивало Гравейна. Северянин был очень благодарен Замку еще и за то, что тот не стал вдаваться в подробности и описывать, как именно передавались знания среди имперцев и долинцев. Ему и так хотелось долго и со вкусом пытаться создателей всей этой системы.

Лаитан передёрнула плечами под длинным плащом, скрывавшим ее новую одежду. Ночью стало холоднее, и такой облик показался ей не вызывающим подозрений. Плотная нательная рубаша, утащенная из тюков каравана, кожаная куртка со вшитой защитой, такие

же плотные перчатки, скрывающие руки почти до локтей, прямые штаны, до стычки с караваном должны пойти на продажу, и хорошие добротные сапоги, какие носили не в Империи, а на ее окраинах.

Медноликая вышла из тени, осторожно подсаживаясь к огню и подбрасывая в него ветку. Пламя жадно лизнуло подачку, затрещав и осыпав руки Лаитан искрами. Она улыбнулась, улыбка вышла немного сумасшедшей, а в глазах отразились всполохи костра, придавая образу окончательно неприличный вид городской блаженной. В новом наряде она ощущала себя лучше. Защищённой, что ли. Ей хотелось снова ощутить на теле прочную и лёгкую защиту костюма, в котором была та, другая женщина. Женщина кого-то, кто теперь стал Замком, или был им всегда. Попытка стать лучше для себя, неосознанное желание хотя бы стать копией той, ради кого завертелась такая вереница событий. Приблизиться к древнему образу прародительницы так, как могла себе позволить нынешняя Лаитан.

В юности это называли бы жаждой подражания более успешной охотнице или умелой жрице, когда менее удачливые и красивые сверстницы одевались и украшали себя похоже на тех, с кого брали пример. Тем самым словно бы желая получить часть благ и внимания, отведённых их соперницам.

«Соперницам?» Мысль показалась Лаитан странной, но та волна негодования и протеста, взбухшего внутри, что затопила всю решимость и свела ее к простой неуверенности в себе, подтвердила неожиданную мысль.

Она стиснула зубы и посмотрела вокруг... Поблизости сидел только северянин, буравящий ее ненавидящим взглядом. Присмотревшись, Лаитан поняла, что Морстен смотрит куда-то за ее плечо. Оглянувшись и никого там не приметив, она снова уставилась в огонь, отгоняя глупые мысли. «Две с половиной сотни лет, а все еще не повзрослела, — подумала она, — или это лишь реакция на столкновение с чем-то, доселе неизведанным?»

Взгляд Морстена, упавший на Лаитан, а потом отправившийся дальше, вернулся к предыдущей цели. Прищурившись, и различая под балахоном очертания лёгкой кожаной брони, северянин сопоставил несколько фактов. Ритуальное омоложение раз в несколько столетий Матери Матерей, которое длилось до нескольких десятилетий. Прямое подчинение Лаитан или ее предшественниц к вертикали власти Золотого Колосса, а, следовательно, к технологиям передачи памяти. И неважно, каким путём это происходило — как у Морстена, вливанием чистых знаний, или как у Ветриса, который пробуждал память своей единственной и неповторимой личности в новом теле. «Представим на секунду, что Золотой Колосс занимает среднее положение между ними, — подумал Гравейн, удивляясь, как просто мыслить, когда у тебя достаточно фактов, и ты уверен в их достоверности. — Тогда наша Лаитан должна обладать памятью предков, но быть самостоятельной личностью!»

— Твою мать, Замок, — тихо прошептал он, невидяще глядя в огонь. — Твою мать!

«Не ругайся, — послышался слабый отголосок мысли бессмертного. — Это ничего не изменит. Ни того, что случилось задолго до тебя, ни того, что останется после. Если, конечно, что-то останется».

«Моя месть, все, чем я жил — это химера, — ввернул новое слово в разговор Морстен, закипая внутри. — Меня убила не Лаитан. Она «сбрасывала кожу», то есть появилась на свет, двести пятьдесят лет назад. И, даже если что-то помнит, все равно она — совершенно другой человек. И ведь она сказала мне об этом, но я даже не подумал сопоставить факты тогда. Да и не было мне до этого дела. Уже не было. Я чуть было не убил невинную...»

«Невиновных тут нет, — Крес закричал, словно сдерживал смех. — Но она тоже вспоминала своих предшественниц не сразу. Процесс пошёл лавинообразно после встречи с тобой, ты послужил спусковым крючком. Так что она помнит, как убивала тебя. Но ты жив. И жаль, что не убил ее. Теперь все будет гораздо неприятнее».

— Да иди ты в зад уккуна, — со злостью проговорил Морстен, — опекун хренов.

«Детей надо опекать, — с непонятной грустью в голосе произнёс Варгейн, — а вы все — дети. Ловушка готова. Но я бы сильно не рассчитывал на нее, сразиться придётся».

— Никто и не собирается сдаваться без боя, — прошептал Гравейн, — папочка, блять. Всеобщий.

Замок затих, и ничем не проявлял себя.

Морстен осторожно распрямил согнутую спину, обильно смазанную едким зельем шамана, и встретился взглядом с Лаитан, наблюдавшей за ним от соседнего небольшого костра. Подумав, северянин решил, что общество страдающей примерно тем же заболеванием, что и у него, ему не претит. «Информация — та же болезнь. Чем ее больше, тем хуже живётся. Многие знания — многие печали», — усмехнулся он, припомнив старинную даже для Варгейна цитату. И приглашающе взмахнул рукой, указывая на место рядом с собой.

Лаитан, которая заметила сначала взгляд, а потом и услышала отголосок ругательства в свой адрес, сдвинула брови. Но жест, которым ее пригласили, как-то не вязался с вызовом на смертельный бой, и она решила подойти, опасливо косясь на веселье варваров неподалёку.

— Тоже ждёшь, что ночь пройдет прекрасно? — с изрядной долей нервозности и излишней от того злостью спросила она, усаживаясь рядом. В этом освещении лицо властелина казалось другим. Чуть моложе, без шрамов, скрытых в тенях ночи, со светлыми серебристыми волосами...

Лаитан поймала себя на том, что в упор смотрит на северянина, с ужасом осознавая, что ее кошмар и видение, подаренное зверем, сбылись и сидят напротив. Северянин качнулся, и образ схожести потускнел, но не пропал, и Лаитан с трудом заставила себя отвести взгляд. Чувство того, что ее игра в переодевание каким-то образом вызвали дух прошлого, образ умершего, и дала ей возможность поиграть в ту себя, которой никогда не будет, пронзительно сдавило сердце. Будто можно было еще что-то сделать тогда или теперь. Однако, холодный взгляд властелина был мало похож на взгляд человека в видении, но общее в них было, безусловно.

Морстен усмехнулся, заметив нервозность и злобу в словах Лаитан. Несомненно, это защитная реакция, он сам только что сыпал проклятиями, как последний солевар. Теперь, когда Крес поделился осколками истинного происхождения некоторых вещей и секретами долгой жизни некоторых правителей, стало заметно, что она отличается от себя предыдущей, которая когда-то убила наёмника. Немного другие черты лица, иная линия челюсти, нос чуточку другой формы... Так могла бы выглядеть близкая родственница, сестра или кузина, или, может быть, дочь.

— Ночь будет жаркой, — сказал он в ответ, надеясь, что она поймёт намёк. — Те, кто так яростно празднуют, как эти долины, должны представлять, что, перебрав вина с пряностями, и споткнувшись о неудобно лежащего тхади во время похода в кусты, можно улететь со скалы в пропасть.

Говорить с родственницей своей убийцы было интересно, но почему-то сердце внезапно защемило странной тоской, словно он переживал по несбывшемуся не с ним. Другого сравнения Морстен подобрать не мог. Потому он, неловко замаскировав своё состояние кашлем и тыканьем веткой в дрова, проговорил, одновременно пытаясь найти источник этих эмоций в себе:

— Мы же не дети, Лаитан, и понимаем, как важно тепло одеваться, носить кольчугу под одеждой, и держать под рукой противоядия от излишней прыти, — он коснулся грубого меча тхади, лежавшего рядом с ним.

Меднолика, не произнося ни слова, подалась вперёд, под села поближе и, наклонившись так, чтобы ее было видно только со спины, распахнула плащ. Под ним блеснули медные клёпки брони, а сбоку темным пятном показался короткий меч из имперской стали — явная работа мастера своего дела. Лаитан получила оружие из рук самой Тайрат, и теперь сильно подозревала, что это был ее меч, как охотницы и воительницы.

— Меня тоже предупредили о том, что не стоит ходить по кустам в одиночестве, — мрачно изрекла она, снова укутавшись в плащ под самое горло. Она помолчала, а потом спросила:

— С тобой ведь тоже что-то происходит? Такое, что ты не можешь объяснить. Мне кажется, что я сошла с ума, и теперь все мои мысли и поступки просто наведённый морок, и потому я не знаю, возможно, Киоми права, старательно пытаюсь избавиться от меня в последнее время. Империи не нужна госпожа без мозгов в голове.

Лаитан смотрела на Морстена, находя все больше сходства с тем, чья история, коснувшаяся ее лишь краешком, вызвала такое глубокое потрясение и оставив отпечаток на душе.

— Ты мне напоминаешь кого-то, — уклончиво сказала она, отводя взгляд, когда северянин уже открыл рот, чтобы поинтересоваться причиной столь пристального взгляда на своё непривлекательное для остальных лицо.

Меднолика набрала в грудь воздух и выдохнула его. Он обронил фразу о том, что они не дети, но она чувствовала себя именно так — ребёнком по сравнению со старым и опытным властелином. Перед глазами снова мелькнула смазанная сцена битвы за Замок много веков назад. Лаитан поёжилась от мерзких картин в памяти. «Наверное, стоило бы сказать, что я не так стара и мудра, как он считает. Да и о грядущем покушении меня предупредила Тайрат, а не моя мнимая мудрость и прозорливость».

— Да, погода здесь отвратительная, — кивнул Морстен. И неожиданно задал Лаитан вопрос, который, по-хорошему, следовало задать давно: — Сколько тебе лет, Лаитан? Я уверен, что ответ меня не удивит, но хотел бы услышать правду от тебя лично.

Меднолика замешкалась с ответом, но он не торопил, помешивая угли в костре, и продолжая говорить:

— Не знаю, как это происходит с тобой, но сегодня Замок решил, что я повзрослел достаточно, а, может, доказал ему что-то, — Морстен решил использовать самое страшное орудие Тьмы. Правду. — Но он засунул за день мне в голову больше, чем я прочёл книг или просмотрел архивов за предыдущие полтысячелетия. Знания, воспоминания, информацию, верования, философию, медицину, горное дело, искусство дипломатии, военное искусство. Память... Неудивительно, что я тебе кого-то напоминаю. Ты мне тоже.

Гравейн замолчал, думая, что сказать дальше. В голове вихрилось сотня фраз, мыслей,

обрывков то ли снов, то ли кошмаров...

Лаитан была отчасти даже благодарна ему за прямоту. Сама бы она вряд ли решилась сказать все так спокойно и удивительно безэмоционально. Те вихри чувств, что вызвали у нее собственные картины становления мира, довели ее до пограничного состояния безумия, и теперь она чувствовала себя спокойно рядом с тем, кто оставался в здравом уме, прочно стоя обеими ногами на твердыне рационализма, принимая обстоятельства, как факты, отринув эмоции и панику. Испытав облегчение, она в очередной раз усомнилась, не того ли человека называют темным, чьи вопросы просто не нравятся светлым и добрым, но только при свете солнца?

— Две с половиной сотни лет, — тихо ответила она. — Я уже не знаю, где я, а где все те, кто был до меня. — Я стала другой, и мои люди уже не мои. Они почуяли перемены раньше, чем их заметила я. Неудивительно, что теперь они хотят моей смерти. Но твоей, кажется, хотят больше. Скажи мне в ответ правду, Морстен, — она заглянула в глаза северянина, в которых всполохами пламени отражался костер, играя оранжевыми язычками в темноте зрачков, — почему ты меня так ненавидишь?

Гравейн скривился. Лицо прорезали глубокие морщины, взгляд стал холодным, челюсти сжались. Он долго молчал, вороша угли, вспахивая их длинной палкой, не давая им покоя. А потом рассказал о том, что был наемником в гвардии имперцев, когда те пришли с ее предшественницей свергать бывшего властелина Замка. Он медленно, будто не желая этого, поднял руку и ткнул себя в грудь указательным пальцем, через силу произнес:

— Ты же видела знак. Он остался мне на память от Пеленгаса Кирина, Посмертника который вынул мое мертвое сердце из груди, оживил его и плюнул на него, оставив во мне след своей заразы. Я был мертв, когда этот выродец пришел в Замок засистемой контроля и управления моей твердыни. Он искал ключ, желая покончить с давним врагом, Кресом. Но тот переиграл его, забрав ключ. А после, когда Пеленгас ушел, Замок сделал мне новое сердце, оградив меня от порчи и заразы, подарив свой знак на шкуре, словно клеймо владельца. Так я стал новым властелином Замка пять сотен лет назад. Увы, бессмертия таким, как я, не полагается. И потому, как ты для всех единая и вечная мать, я единый и бессмертный властелин, а Ветрис — единственный правитель Долины. Мы все мусор и марионетки.

— В любом случае, сегодня этот нерушимый столб Долины попытается от нас избавиться, — пожалала она плечами. Рассказ Гравейна глубоко тронул ее тем мостиком доверия, что пролег между ними на краткий миг, но Меднолика отчетливо видела, как этот мост в скором времени будет сожжен руками северянина. Тот не привык быть откровенным или доверять кому-то больше необходимого. Лаитан лукавила. Она знала, что ей вреда не причинят. По каким-то странным причинам она должна была остаться в живых, и пришла к огню, подготовившись и одевшись соответственно, только для того, чтобы северянин не попался заговорщикам. Подозрительное чувство долга позвало ее ближе к отражению Креса, чтобы отплатить за спасение той себя, с которой все началось. Лаитан рассказала обо всем, что с ней происходило, подробно описав сцену в джунглях на заре времен.

— Я не хочу верить, но мне и не приходится. Я не верю, я знаю, что однажды один человек стал отцом первой матери матерей, зачав ее с помощью инструментов от своего же дитя. Наш род, и теперь я понимаю это, потому и зовётся матерями — сыновей у нас никогда не было. За всю историю Империи. И все эти образы, слова, осознания, все они

роются внутри меня, сводя с ума. И если я права, если мой первый предок действительно был тронутым умишком, я тоже несу это в себе. Долго ли мне сохранять рассудок? И не потому ли я должна стать последней? Мне кажется, что я иду к смерти. Я должна буду умереть там, у Отца, у океана, и тогда цикл богомерзкого оплодотворения прервётся, мир рухнет и все закончится. «Так и не начавшись», — мысленно продолжила она. — И потому ты и твоя злость на ту Медноликую, с которой вы встречались в прошлом, будет исполнена. Неважно, та ли я, что ты знал. Мне все равно нужно отдать жизнь, если я хочу встретить смерть в здравом уме, а не с пеной у рта. Я потратила все силы, моя жизнь была, как у жертвенного животного, получавшего лучшие корма и лучший уход, чтобы быть выпотрошенным заживо на алтаре в праздник плодородия, во славу солнцу и ради будущих урожаев. Удивительно, но в Империи все равно продолжают оргии и жертвоприношения, хотя все знают, что стихиями управляют Мастера. И никто пока не задавал больше вопросов, чем требуется для казни за них. Я не вынесу того, что на меня свалилось, мой рассудок не вынесет, и смерть будет лучшим подарком, чем жизнь в руках Посмертника.

Морстен слушал Лаитан, кивая в тех местах, которые подтверждали его выводы, подпирая ладонью подбородок или сжимал кулаки, когда она рассказывала нечто неизвестное, и все глубже понимал, что Света в Империи не было никогда. Вся система была построена на изначально извращённом фундаменте, и, чем больше времени проходило, тем сильнее вылезали наружу все недостатки и откровенные ошибки создателей этого мира. «К хренам уккунным, — подумал он. — Варгейн, по крайней мере, честен. И не опускался до такой низости, как использование собственных детей».

— Я помню твою смерть, Гравейн, — сказала Лаитан, и ее губы дрогнули, искривляясь в кривой дрожащей улыбке. — Я помню все смерти за все тысячи лет. Теперь помню. Я видела свое зачатие, я знаю, что золотой колосс Империи почти подчинился Посмертнику, а серебряный, скорее всего, затянул с пробуждением памяти носителя именно по тем же причинам. Потому Ветрис так и проявляет себя, чувствует, или, возможно, тоже что-то вспоминает. Он должен быть таким же, как мы, но с нами он говорить об этом не станет. И мне уже кажется, что все пять тысяч лет каждый из нас только и делал, что рождался, чтобы убить другого, или быть убитым им. Будто во времени появилась петля, и мы теперь бегаем по кругу этой верёвки, дробясь и теряя остатки рассудка и человечности.

Она уставилась в огонь, обхватив себя руками за плечи. В новой одежде это было непросто, но острое желание защититься от себя и мира превалировало настолько, что Лаитан отбросила приличия и сомнения.

— При всей своей ненависти к Посмертнику, который использовал умирающего для достижения своих грязных целей, — раздраженно махнул рукой Морстен, — он сейчас совершает почти благое дело. Это всё, — он мотнул головой в сторону, — настолько прогнило, что только властителю разложения и гибели заниматься разбором завалов, образовавшихся за пять тысячелетий. Я уничтожу этого сладкоречивого гнилоуста при первой возможности, но вижу, что нужно менять мир. Невозможно так мучить, и так мучиться. Ветрис, ты, Крес... Пеленгас, чтоб его порвало на куски. Кто в итоге получит главный приз?

Гравейн махнул рукой.

— Я ведь тоже знаю о всех этих смертях, предательствах и отвратностях, — он хрустнул веткой, которой мешал угли. — Знаю, и помню, словно сам пережил. Тебе тяжело сейчас, и будет еще тяжелее, Лаитан. Но я понимаю, каково приходится тебе, и я помогу. Сделаю, что попросишь. И когда попросишь. Петлю надо разрубить.

На секунду ему показалось, что напротив них с Лаитан сидит еще кто-то, невысокий, в темных одеждах. Но призрак исчез, как клуб дыма, и Морстен придвинулся к Медноликой, обхватив ее плечи рукой, словно прикрывая от всего остального мира. Это был жест помощи, символическое понимание и разделение знания. В какой-то мере.

Медноликая вздрогнула, сжавшись в комок, когда рука Морстена легла ей на плечи. Возможно, он подумал о том, что она испугалась его, но Лаитан, чье горло внезапно перехватило, а язык присох к глотке, могла бы поклясться, что со страхом это ощущение не имело ничего общего. Тёплая рука северянина была такой же, как и рука Креса, однажды прижавшего к себе Литан.

Мать матерей вспомнила, что сошла с ума совсем недавно, и потому прижалась к Морстену теснее, желая спрятаться в нем, как пряталась Литан.

— Думаю, просить не придётся, — глухо сказала она, стараясь не закашляться от охвативших ее новых эмоций. Довольно, надо сказать, странных и еще ни разу не переживаемых за ее жизнь. Под тяжёлой дланью властелина Тьмы было на удивление уютно и спокойно, словно вся сила Замка встала на их защиту. Лаитан краем глаза увидела махнувшего хвостом тёмного зверя, чья морда выражала неодобрение и... грусть.

Она посмотрела на властелина, тот тоже перевёл на неё взгляд, даже не подумав убрать руку. Лаитан не знала, что надо делать, и надо ли вообще что-то делать. Обычный для военных товарищей жест должен был бы вызвать у варвара источающую клубы дыма и яда реакцию, но Лаитан стало на это все равно. «Интересно, а он тоже не знает, что делает?» — подумала она о властелине севера.

— Нужно притвориться спящими, — ее губы тронула едва заметная улыбка, в которой было больше сумасшествия, чем нужно, чтобы предложение показалось неопровержимым.

— Нужно, — Морстен кивнул, подтверждая правильность решения. — После полуночи атакуют тхади, а потом меня. Или одновременно.

Он умолчал, что наличие рядом Лаитан может изменить планы заговорщиков — решившись пойти против властелина севера, Ветрис и Киоми вряд ли будут мелочиться или переносить свои действия. Медноликую не убьют. Она важна для планов всех, от Коэна до Посмертника, и до Отца она дойдет точно. А вот Гравейна можно было вычеркнуть из уравнения, сокращая количество неизвестных.

— Но, боюсь, их ждет неприятный сюрприз, — северянин нехорошо улыбнулся. — Замок согласился пожертвовать немного своей силы, и все напавшие на меня получат прямое подключение к каналам Тьмы. Ненадолго. На минуту. Тхади готовы к нападению, и займут-таки позиции, где не получится нападать больше, чем по двое на одного, а это их любимая разминка. В полную силу тхади дерутся один против четырёх. А теперь, когда Ветрис разозлён тем, что мы сидим в обнимку возле костра, и его нервозность передаётся безымянным, можно считать, что варвар уже почти проиграл.

Мысленно Лаитан вздрогнула, будто замороженная ледяная скульптура, в которую

угодила крохотная дробишка. Лёд сначала зазвенел, а затем пошёл незримыми трещинками. И через минуту все изваяние осыпалось вниз осколками, раздробившись об мрамор пола. Тонкие линии, острые грани, превосходство мастера умерли от точно и расчётливо брошенной дроби, с тонким пронзительным звуком рассыпавшись под ногами. Она медленно кивнула.

— Я не ошиблась, выбрав тебя на роль палача, северянин, — шепнула она, отодвигаясь и собираясь устроиться где-то поблизости, — спасибо, что решил помочь в случае необходимости. Лаитан исчезла, будто действительно растворилась в тенях. Но ночь была временем Морстена, и потому Лаитан всего лишь перестала двигаться, сливаясь с землёй и камнями на ней.

«Лаитан и некая Литан... Один звук, а как все меняет в жизни», — подумала она, проверив, легко ли выходит клинок из-под плаща. Скоро должны были начаться решающие события.

Она пыталась успокоить сердцебиение до той степени, чтобы даже жрицы не обнаружили ее между камней, неподалёку от костра властелина севера. Мать матерей, которой этот титул, как и прочие регалии, теперь приносил только ощущение неправильности, несколько раз медленно вздохнула.

Она думала о предстоящем нападении, о том, что именно сказал своим людям Ветрис. Безымянные, как и прочие долинцы, были не виноваты в том, что варвар так отчаянно жаждал смерти Морстена. Почему? Что он сделал лично Ветрису? В глупости, вроде претензий на его будущую супругу, Лаитан не верила. Она вообще изначально не доверяла варвару и его людям, а поход и произошедшие события скорее сблизили ее с Морстеном, чем с возможным и самым очевидным союзником из Долины.

Ветрис желал избавиться от северянина любой ценой. И чем ближе был океан, тем острее проявлялось это желание, затмевая логику и здравый смысл поступков.

Но его люди... те самые, о которых он так беспокоился, ради которых, по его словам, он пришёл в Империю — в чём были виноваты они? Почему они должны погибнуть ради честолюбивых планов варвара?

Лаитан заёрзала на камнях. Если Ветрис поднимет всех своих охранников и личную гвардию, пять тхади и полторы калеки в виде их с северянином много не навоюют. Тьма могла быть опасна для златокровых, но как она поведёт себя с среброкровыми? Не сольётся ли она в прочный союз, какой бывает у червлёного серебра, из которого делают прекрасные вещи и посуду в Долине? Ей вспомнилась броня умерших тысячи лет назад dwarфов. Сплав золота, серебра и черных витых букв на осколке истории. Непрочные материалы, скрепленные печатью Тьмы, пережили века и многих потомков. Не в том ли и была суть всего, что лишь объединение несочетаемого дают, вопреки здравому смыслу, материал, прочнее которого не найти в мире? Медноликая повернула голову и упёрлась взглядом в тёмные провалы глаз зверя. Тот сидел рядом, смотрел на Лаитан и чего-то ждал.

— Поди прочь, — одними губами шепнула Лаитан. Зверь довольно оскалился, блеснув острыми клыками. Лаитан сдвинула брови. Слишком уж реальным было видение, преследующее её в последние дни. Под тушей огромного животного скрипнуло несколько камешков, и Медноликая поняла, что зверь вполне из плоти и крови. Дыхание замерло на губах Лаитан. Она не в силах была пошевелиться, неотрывно глядя на зевающую зверюгу поблизости. Черные глаза и зловоние, донёсшееся из пасти, когда ветерок в ночи сменился,

подтвердили догадки.

Зверь припал к земле, потянулся всеми лапами, выгибая спину, и Лаитан увидела вместо туши, покрытой шерстью, гибкую фигуру черноволосой женщины. Она встала, ничуть не стесняясь наготы, бросила взгляд на затухающие огни костров в лагере и совершенно беззастенчиво игриво подмигнула Лаитан.

Гибкое голое тело изящно качнулось, и в отблесках огня Лаитан смогла ее хорошо рассмотреть. Длинные, до пояса, черные, как ночь, волосы, красивая фигура, небольшая, но привлекательная грудь и узкие бедра. Бледная, почти белая кожа женщины смотрелась призрачной на фоне ночи и ее черных волос. Овал лица, острого и немного звериного, рассклала довольная улыбка. словно по снежному склону прошла трещина, грозящая огромными неприятностями и смертью.

Женщина не была похожа ни на кого из когда-либо виденных Лаитан. Народов севера Медноликая не встречала, но представляла их именно такими. Невысокими, темноволосыми и бледными. Со стороны лагеря имперцев донёлся слабый звук. Лаитан бросила в ту сторону взгляд, но ничего не заметила, а когда повернулась обратно, ни женщины, ни зверя поблизости не оказалось.

Огни костров совсем угасли, красными злобными глазами углей ещё поглядывая сквозь сонно перемигивающиеся кострища. До полуночи оставалось недолго.

Морстен видел сон. Он не хотел засыпать глубоко, чтобы не пропустить момент нападения, и прислушивался к гулу натянутых силовых линий, протянувшихся в том пространстве, где обитала истинная сущность Замка, между времён и расстояний. Но гудение становилось все более монотонным, мир вокруг размазался, теряя чёткость и грани, и он провалился в тёмное нигде, растворяясь в видениях.

Истерзанный разум, распухший от вливания бесконечных потоков знаний и сил, теперь взрывался фантазмагоричными картинками, одна другой краше. Тхади, драконы, взмывающие в небеса стальные птицы, сопровождаемые потоками формул и расчётов, разбивающиеся зеркала, в каждом из которых с одной стороны отражается лицо Лаитан, одетой в странный блестящий костюм, в с другой — он сам, только моложе и не такой мускулистый. Огненный дождь сменялся ледяной пургой, небеса плакали градинками, и чернели, а Морстен знал, что это падает вниз превратившийся в твердь воздух, и скоро будет нечем дышать. Вместо солнц плыли два скорченных темных шара, от которых изливались потоки злых, рвущих тело, ветров. Но потом перед ним раскрылся сверкающий золотом и серебром сферический щит, окружавший ярящийся в скальном ложе океан, запёртый в ловушке, и мир рассыпался изморозью.

На вершине горы было сумрачно. Так бывает в октябре, когда низкие тучи просыпаются снегом, закрывая чернеющие скалы, блестящие замёрзшей водой ночного дождя. Камень, на котором тхади приносили клятвы и скрепляли союзы, лаково отсвечивал алым — самые прочные узы всегда связываются кровью, и человеческая ничуть не хуже пролитой жертвенными животными. Да и завести уккуна на вершину было сложно, а кровью крыс подписывать договора — такое могли придумать только сумасшедшие южане и имперцы, изредка попадающие в Замок.

Так что тхади отворяли жилы, и поливали камень Слов яркой кровью воинов и шаманов, народа Севера, служащего самой Тьме. Морстен иногда присутствовал тут в качестве живого

знамени и почётного гостя при наречении имён и заключении браков. Но сейчас, в тоскливом октябре, был не сезон. Однако, он стоял перед камнем не один. Перед ним, низко склоняясь к самому алтарю, что-то шептала одетая в меха фигурка, принадлежащая тхади-подростку... или же невысокой темноволосой женщине. Это стало ясно, когда она гневно откинула назад капюшон с головы. Длинные волосы рассыпались по плечам, закутанным в меха, и Морстен с удивлением понял, что это не тхади, а человек. Одна из немногих служащих ему дочерей северных племён, с темными, как смола, глазами и бледной, словно снег, кожей. Жившие в горных долинах и узких заливах, замерзающих на зиму и редко оттаивающих раньше лета, народы признавали Властелина Тьмы, но были слишком немногочисленны, слабы и неприкаянны, чтобы облагать их данью. Гравейн подкармливал их и лечил, а взамен считался меж ними богом, которому требовались жертвы. Каждый год каждое племя дарило ему девушку, едва вступившую в плодоносный возраст. Он кривился, плевался, оставляя на льду черные проплешины, но жертв принимал. Не замерзать же им на ледяных алтарях или в скованных льдом полыньях.

Девушек приходилось долго выхаживать, мыть, лечить и долго учить. Среди них попадались и на диво смышлёные, и способные только к простой работе, необходимой для выживания. Как и везде. Но места в Замке хватило бы на целую армию, а руки всегда пригождались.

— Кровь, застынь... Кровь, остынь... Слова сказанные, схлынь... — услышал он горячечный шёпот, уколами отдававшийся в ушах, и тихо сделал еще шаг вперёд. — Дела сделанные, в дым! Голос мой, стань пустым... Нет, Тьма, не получается!

Девушка уселась прямо в тонкий слой снега, на холодный камень, и ее плечи вздрогнули. Еще раз. Она беззвучно плакала... или смеялась?

«Не для того тхади создали этот камень, чтобы дочь человеческая могла так просто воспользоваться вложенными в него силами, — услышал Морстен голос Замка, и снял руку с меча. Все было в порядке. — Ты недостаточно знаешь, Мора».

— Так научи! — ответила она невидимому собеседнику, возвышавшемуся сейчас за соседним перевалом, если смотреть на юг от камня.

«Рано. Учись сама. Вся земля — твой учитель», — Замок замолчал.

— Я стану сильнее, — Мора ударила по скале кулаком, разбрызгивая подтаявший от тепла ее тела снег, и, словно большая лисица, одним движением перетекла в вертикальное положение. — Слышишь?

— Слышу, — сказал Морстен.

В ответ раздалось похожее на звериное шипение, и разъяренная девушка, в чьих глазах билась темная ярость, ничуть не хуже, чем у бойцов-тхади в Круге, едва не располосовала длинным ножом его глотку. Искры, высеченные из кольчужного рукава, ослепили ее, и Гравейн, нахмурившись, отступил. Доставать меча ему не хотелось, а лениво ворочающуюся внутри этой воспитанницы Замка Тьму не почувствовал бы только совсем лишенный чутья.

— Успокойся, — поднял он раскрытую ладонь, обтянутую коричневой кожей перчатки. — Я не причиню тебе зла.

Сон осыпался тонкими лепестками черного снега, унося прочь довольный смех Моры, скомканные простыни в аскетически скромной спальне на огромной кровати из темного дерева, звон клинков и биение сытой Тьмы внутри сердца из чёрного металла...

...чтобы вернуться реальностью, в которой расцветали вспышки ударов металла о металл — серебряного о черный, раз за разом, разрывая темноту горной ночи, словно

молнии. Костры прогорели, но глаза Властелина, ночь для которых была едва ли не светлее дня, выхватили главное — тхади успешно противостояли напавшим на них долинцам, и крики попеременно с металлическим лязгом разнеслись далеко над скованными темнотой горами, порождая всплески эха и лавины, скатывавшиеся вниз со склонов.

Пульсирующие линии Тьмы были обжигающими, и вибрировали, как струны огромной скрипки, на которой наярывал кривым смычком похмельный великан. Морстен перекатился в сторону от своей лежанки, где был приготовлен небольшой камень. Вовремя. В толстую кошму вонзились оголовки нескольких стрел, от которых поднимался желтоватый дымок, растворяющий ткань, как кислота — бумагу.

Выстрелившие стали заметны Гравейну, словно подсвеченные незримым факелом, и он направил на них нити темноты, которые сжимал в руках, но не выпуская на волю силу. Передвигавшиеся в тенях жрицы-сестры представляли большую опасность, но до своего проявления в мире были неуязвимы.

«Надеюсь, Лаитан находится достаточно далеко от костра, — мрачно свёл брови Морстен, — не хочется, чтобы ее пришибли ненароком, сослепу вывалившись из теней».

Выбросив меч назад, но не вынимая его из ножен, Гравейн с удовольствием почувствовал, как тяжёлый клинок сбивает кого-то с ног. Кого-то, кого там не было еще секунду назад. Золотая вспышка слилась с броском невидимой нити Тьмы. Жрица Империи, сопровождавшая сначала Лаитан, потом Киоми, забилась на камнях, пытаясь сбросить со своей шеи горячую удавку, хрипя и испуская пену.

Лаитан видела тени, в которых, будто золотые пауки по паутине, скользили ее люди. В прошлом — ее люди. Теперь они стали опасными, алчущими крови союзника воительницами. Тхади неплохо справлялись с долинцами, но против второго фронта им было не выстоять, уж слишком их было много на пять оставшихся в живых защитников властелина.

Морстен пока успевал набрасывать свои удавки на противников, до сих пор, к немалому удивлению Лаитан, не убив никого. Медноликая поднялась с камней, столкнувшись лицом к лицу с Киоми. Женщины смотрели друг на друга довольно долго. Битва вокруг словно замедлилась, застывая, пока госпожа и ее первая служанка всматривались в души.

— Ты недостойна быть матерью матерей, — прошипела Киоми.

— Хорошо, я согласна, — пожала плечами Лаитан, и губы ее искривила странная улыбка. Киоми на несколько секунд опешила, не ожидая от своей госпожи такой реакции, но быстро взяла себя в руки, доставая сразу два искривлённых к остриям черных клинка.

— Ты недостойна быть женой Ветриса! — наконец-то озвучила истинную причину своей злости Киоми. В ответ Лаитан не удержалась от смеха, чем окончательно повергла служанку в непонимание.

— Да не очень и хотелось, если честно.

Лаитан чувствовала себя человеком, на чьи плечи сначала легла судьба целого мира, а потом этот груз ссыпался вниз потому, что сам мир умер, а она так и осталась стоять на плато богов, ожидая, какое задание ей должны были дать. Пронзительные свистящие ветра трепали ее одежды, бросая в лицо пригоршни смёрзшейся земли, а внутри, в самой душе и даже глубже, откипела золотой пеной кровь, навсегда застывая в жилах протянутыми нитями. Пустота и гулкое эхо бездны в душе не давали больше надежды, терять было нечего,

как и приобретать. И Лаитан, шагнув вперёд, едва ли не сама напоролась на клинок служанки, по старой привычке отдёргнувшей руку, будто Лаитан все еще была ее госпожой и правительницей для неё.

Опомнившись, Киоми мгновенно нанесла удар, но Лаитан уже не было. Она растворилась в тенях, оказавшись в пространстве тех, кто служил ей верой и правдой.

В сером мареве грубой ткани теней яркими искрами блистали жрицы. Текучие, почти неуловимые во внешнем мире, здесь они выглядели плотными и уязвимыми.

Медноликая решительно шагнула вперёд, обматывая ладонь в толстой перчатке обрывком грубой ткани, под которой в ладони имелся увесистый камень.

Первый удар, пришедшийся в затылок одной из жриц, заставив женщину выпасть из теней под ноги уккуна. За ее тело тут же запнулся долинец, повалившись вниз. Лаитан огляделась, оставалось еще несколько сестёр, которые в любой момент могли ее обнаружить.

Мастер мастеров, посмотрев на камень в ладони, с удивлением поняла, что он ничуть не хуже, если не лучше, привычной ей магии. Вторая жрица получила удар в висок. Кажется, кость все же хрустнула, и упавшая женщина теперь смотрела вверх остекленевшими глазами. Лаитан было бы невыносимо увидеть смерть своего человека, своей сестры от ее же рук. Но это было в прошлом. Теперь она могла лишь поглубже загнать страх и невероятное желание броситься прочь, прекратив битву, и не видеть исхода.

Скоро ей придётся пережить столько смертей, что одна, самая первая от ее рук, покажется ей песчинкой. Отдавать приказы казнить имперцев и делать это лично — совсем не одно и то же.

Третья жрица оглянулась, стушеввалась, замешкалась, но все же ударила Лаитан золотистой нитью. Золото вошло в грудь Медноликой, заставив ее пошатнуться, но особого вреда не причинило.

Мрачный взгляд горящих зеленою глаз Лаитан и сумрачное выражение ее лица, исполненное решимости и скорби, заставили жрицу попятиться и потерять концентрацию, нужную для того, чтобы продолжать петлять по теням.

Впереди Лаитан видела пульсирующий сгусток тьмы, сплетавшийся с ослепительным серебром. «Неужели, сам Ветрис решил на схватку?»

У Лаитан было время подумать за эту ночь. Она вспомнила чёрную женщину с бледной кожей, очевидную союзницу Морстена. Да и судя по ее нагловатой и откровенной демонстрации, она была к нему ближе, чем остальные.

Обрывки разговоров уложились в стройную картину, и причина ненависти Ветриса стала очевидной, как и причина злости Киоми. Варвар предлагал союз и Морстену, но тот, видимо, послал его доить уккунов в свойственной ему манере, решив лично познакомиться со всеми участниками похода. «А что, если бы он принял союз? — холодея, подумала Лаитан, шагая к очередной жрице в тенях. — Что бы ждало меня и эту глупую влюблённую Киоми? Мы вышли бы из Империи, растеряв кости еще в Лихолесье. Или дошли бы до этого места по частям, пережили океан, а затем уперлись в поджидающего нас Морстена. Свеженького и всегда довольного собой. Не стоит забывать, что мы шли по ровной дороге тьмы. Ему ничего не стоило пройти по ней самому и подождать, кто из нас доживёт до конца пути».

Ветрис, избавившийся бы от всех лишних златокровых, бросил к ногам Морстена предложение о союзе, потрясая Лаитан, как добычей. Словно олень с перерезанной глоткой, она болталась бы в руках варвара, без возможности спорить или позвать на помощь.

Но больше всего верилось в то, что Ветрис так же легко убил бы и властелина. Осознав, что Лаитан не собирается лично пускать ему кровь, а он не жаждет свернуть ей шею, варвар забеспокоился. Или то, что влияло на него.

Жрица все же опомнилась и ударила стальным клинком. Изогнутые отростки у гарды сцепились с лезвием Медноликой, вышибив сноп тусклых искр. Лаитан резко дернула рукой, выкрутив запястье, и меч жрицы отлетел в сторону, проскребя по лезвию оружия своей госпожи. И тут же второй клинок Лаитан, скользя снизу вверх, распорол щеку и часть плеча жрицы. Убивать Лаитан не собиралась, но и звание Мастера ей не дарили, за него приходилось сражаться с детства.

Приметив последнюю жрицу, Лаитан поспешила к ней, когда в спину что-то толкнуло. Медноликая оглянулась, не понимая, кто мог толкнуть ее, и встретила взглядом с Киоми. Та стояла неподалёку, руки ее были пусты, а взгляд выражал крайнюю степень ненависти.

Лаитан сдвинула брови, сделала шаг и...

Вывалившись из пространства теней, Лаитан закричала от боли. В спине, в левой лопатке торчала рукоять короткого и тонкого ножа. Раздробленная кость и порванные мышцы горели огнём, в глазах темнело от судорог боли. Вся левая половина тела начала терять чувствительность. Видимо, у Киоми не было цели убить госпожу, по совету Ветриса оставляя ей жизнь. Но отравить или поранить она могла на свой вкус и выбор.

Достать из лопатки нож сама Лаитан не могла. Помощников пока не находилось, и она начала постепенно двигаться в сторону Морстена, рядом с которым уже не видела варвара. Тхади оттеснили долинцев, охотницы сгруппировались в кучу под ударами отряда Тайрат и Галан. Лаитан осмотрелась, чувствуя, как ноги перестают держать ее. Киоми пропала.

Морстен, кружа и уворачиваясь от ударов и выпадов, танцевал, дотянувшись до всех, в ком чувствовал золотую кровь, кроме Лаитан, и закрепляя каналы силы. Выныривавшие из тени жрицы, получая невидимую нить, снова уходили в тень. Некоторые из них, проявлявшие агрессию, падали, удушаемые невидимыми нитями, но прочие, охваченные охотничьим инстинктом, не обращали внимания на прикосновения тонких липких нитей, смахивая их, как паутинки.

Лаитан, замерцав в поле зрения Морстена, куда-то пропала. «Куда же ты, глупая девчонка, — напрягся Гравейн, расширяя охват, но добился совершенно неожиданного для себя результата. — Ветрис. Зараза!»

Варвар ворвался в его взгляд, мысленный, а после — и обычный, как раскалённый серебряный метеор. Тяжёлый тёмный меч, удачно выставленный властелином севера, отлетел в сторону от мощнейшего удара, способного сносить крепостные стены, а зрение помутилось, запутанное серебряной дымкой. Темнота окружающей ночи, озаряемая только огнём угасающий кострищ, обрушилась, как мельничный жернов, давя к земле и заставляя дрожать колени.

— Наконец-то я тебя достал! — прорычал охваченный серебряным сиянием Коэн, рассыпающий искры со своего защитного поля, и грозно сверкающий белым пламенем во взоре. — Проклятый убийца, ты обещал мне поединок!..

— И кого же я убил, позволь спросить? — уворачиваясь от мощнейших выпадов и

тычков, выговорил Морстен. Вокруг него соткалась такая ненадёжная, но привычная пелена темноты, размывающая силуэт и мешающая прицелиться противнику. — Из твоих никого не помню. Несколько даже отпустил.

— Ты не должен жить, — Ветрис размахнулся рукой, с которой сорвались вспышки белого огня, вырвавшие куски из полога тьмы вокруг северянина. — Ты, проклятый...

— Я и не живу, — рыкнул Морстен, понимая, что тянуть не стоит. Лаитан исчезла в тенях, но стрелы охотниц еще свистели над его головой, не причиняя вреда, но отвлекая. Еще несколько десятков секунд, и имперские сестры пристреляются, и будет неприятно. Жрицы, отвлечённые Меднолицой, пока не атаковали Властелина, и он почувствовал благодарность к своей невольной союзнице. — Так. Мучаюсь. От ощущения несовершенства этого мира, в котором рождаются такие уроды, как ты, Навигатор Ветрис!

Нити Тьмы, протянутые от самого Замка, и крепко увязанные с сутью всех сестёр, принимающих участие в этой братоубийственной схватке, задрожали, повинувшись приказу повелителя, и выплеснули строго отмеренное количество силы в свои якоря.

Множественный вопль, исторгнутый из десятка глоток, показался Гравейну оглушительнее боевого рога ударного отряда тхади, если бы таковые внезапно нарисовались на горной тропе. Несколько дымных черных факелов пронеслись, вырываемые из теней раздирающим плоть и душу потоком энергии Тьмы. Стрелы больше не летели, а выжившие жрицы, потеряв сознание, рухнули на камень, подёргиваясь в мучительных судорогах.

На краткое время даже Ветрис был выбит из равновесия одновременностью какофонии и вспышек золота и темноты, ослепивших его и сквозь серебряный щит. Мотнув головой, он обнаружил перед собой лишённого покрова тени Властелина, и, заревев от ярости, взмахнул своим мечом, стремясь снести голову с плеч ненавистного Морстена.

Больше всего Коэн ненавидел его сейчас за то, что он разгласил тайну, которую Ветрис хранил пять тысячелетий. Вряд ли кто-то еще мог расслышать в шуме и лязге сражения эти слова, но, сказанные однажды, они уже сработали. Что знают двое — известно и свинье.

«Если защита не пропускает ничего, то ее владельца можно одолеть, только сковав», — подумал Морстен, медленно проявившись за спиной варвара, чей сверкающий клинок пронесся через распавшееся пеплом тело двойника северянина. Этому фокусу он научился едва ли не сразу после присяги Тьме, но применял редко. Потому сейчас это стало сюрпризом для воина, потерявшего равновесие и упавшего на одно колено. Удар мечом плашмя по затылку прошёл сквозь сияние защиты, передав сотрясение голове и мозгу внутри черепа. А соскользнувший, словно плащ, покров тьмы надёжно обволок упавшего варвара, спеленав его.

Морстен, опираясь на свой клинок, старался не упасть на колени от накатившего приступа слабости, и пытался ощутить сквозь рассеявшееся облако серебряного и тёмного пепла, что же происходит вокруг. Тхади, все пятеро, еще отмахивались от варваров-безымянных, и никто не был убит, ни среди тех, ни среди других. Порезы, раны, отрубленные пальцы — не в счёт.

Перед ним, впереди и в стороне от лежащего ничком Ветриса, потерявшего сознание, из ниоткуда соткались золотистые искры, сложившиеся в силуэт. Лаитан с ножом, торчащим в лопатке, опустилась на колени, и упёрлась в землю целой рукой.

Выругавшись, Морстен медленно двинулся вперёд, раздвигая неожиданно сгустившийся воздух.

Ночь вспыхивала огнями, заставляя глаза болезненно щуриться. Слезы от яркости вспышек застлали глаза, покотившись по щекам. Лаитан часто моргала, стараясь рассмотреть хоть что-то, но неуклонно падала вниз, притянутая болью и ядом клинка.

Обычно подлые удары в спину доставались только северянам, и на эту тему Морстен любил высказываться каждый раз, оправдывая этим свои поступки, когда тащил очередную жрицу из-под клинка врагов.

Самое обидное, самое унижительное во всем этом было то, что сама Лаитан не могла избавиться от оружия в спине. Нож Киоми не убивал, он выводил из строя, и это раздражало Лаитан еще больше. «Лучше бы она меня насмерть отравила. Или голову снесла, или силой уничтожила, чем так, унижительно и на коленях корчиться от беспомощности», — думала она, высматривая своих и чужих.

Перед ней развернулся полог темноты, откуда вышла фигура властелина, двигавшегося странно медленно и осторожно. Кажется, эта схватка потратила у всех больше сил, чем было необходимо. Любое противостояние между некогда родными и близкими людьми, слугами и правителями отнимала больше, чем любой враг из вне.

Внешняя угроза обязывала сплотиться, достать из себя все жилы и выиграть войну. А нелепая и обидная битва между своими за право быть чуть более своими вынимала по кусочкам саму душу и сердца воюющих.

Рядом с Лаитан качнулась тень, и голос Киоми шепнул в самое ухо:

— Он поплатится за моего любимого.

Лаитан хотела подскочить, уцепиться за служанку, но пальцы лишь сомкнулись на пустоте. Тень лёгким ветерком качнулась в сторону Морстена, блеснув острием меча лишь на мгновение.

Северянин подошёл уже на расстояние удара, глядя только на Лаитан. Медноликая закусила губу, расслабилась и упала, пропадая из реальности в тенях. Между ней и северянином было совсем небольшое расстояние, но сейчас, почти неспособная двигаться, с затуманенным рассудком, Лаитан не могла пройти и этого.

Киоми отвела руку для удара, метясь в сердце врага, в то самое место, отмеченное выскобленным знаком Тьмы на живом теле властелина. Лаитан подобралась, не тратя сил на крики. Киоми же, в отличие от своей бывшей госпожи, раскрыла рот, закричав именно так, как однажды кричала сама мать матерей.

Перед глазами Лаитан промелькнули смешанные друг с другом картины. Замок, на троне которого сидит полуживой властелин, закованный в частичную чёрную броню и срощенный с тронном, светлое помещение, наполненное морозными клубами тумана, столы и подставки для факелов и прозрачных сосудов — все смешалось.

Образ Креса наложился на облик Морстена, в помещении с морозным воздухом криокамеры появились на стенах пылающие золотом факелы Замка, трон с его властелином превратился в кресло капитана, стоящее на возвышении, а рука Киоми стала внезапно мускулистой и уверенней, напомнившей руку Ветриса. Само же оружие стало одновременно и острым черным лезвием, лишившим жизни нынешнего властелина, и изогнутым пистолетом с серебристыми накладками под пальцами.

Острие почти вошло в грудь Морстена, чуть левее и выше краёв знака, когда Лаитан закричала:

— Нет!

Она пружинисто подпрыгнула и врезалась здоровым плечом в руку Киоми, выбрасывая ее из теней с хриплым криком. Женщины покатались по земле, не отпуская друг друга, а потом Лаитан почувствовала, как нож в спине с хрустом входит глубже и перед глазами расцветает океан боли. Толстые кожаные доспехи не выдержали, разрезанные острием черного ножа, и пропустили лезвие не только в кость и плоть, но и дальше, к уязвимым артериям и венам, до самого лёгкого, почти до самого сердца.

— Лаитан! — рык Морстена смешался с возгласом Замка. Время вокруг замерло, когда властелин, одеваясь в спавший было с него покров темноты, преодолел расстояние до сцепившихся златокровых. Удар ноги, отшвырнувший Киоми прочь, был так силен, что она врезалась в скалу, за которой располагался лагерь горцев, и сползла по ней, как тюк с тряпьем.

— Прекратить! Оружие наземь! — руки долинцев разжимались сами собой, роняя мечи и топоры на камень под ногами. Некоторые Безымянные падали на колени, зажимая кровоточащие уши, и трясая головой от оглушительного голоса Тёмного Властелина.

Верные ему тхади тоже опустили клинки. Тяжело дышащие, покрытые ранами и кровью — в основном, чужой — северные бойцы не стали пользоваться случаем, и прекратили сражаться. Невелика честь в убийстве оглушённых и безоружных. Шаман, громко ругаясь на своем языке, вытащил из трещины в скале шкуру с врачебными принадлежностями, и, преодолевая разлившуюся, как колеблющаяся вода по каменной площадке, темноту, живую и дышащую, побежал к скорчившейся на земле Лаитан.

Морстен обвёл налитыми темнотой глазами поле сражения, и под его взглядом долиницы задрожали.

— Вас предал ваш господин, — так, чтобы слышали все безымянные, произнёс Гравейн, медленно опускаясь на колени рядом с Лаитан. Шаман одним движением вспорол кожаную куртку, голыми руками разорвав скрывавший броню балахон. — От моей гибели ничего не изменится, кроме того, что его больше никто не остановит. Он прикрылся нуждами народа, вашего народа, чтобы получить власть. Но даже она ему нужна не ради вас.

Разорванные барабанные перепонки не были преградой для его голоса, который звучал в сознании варваров. Морстен, помогая шаману и появившейся подле Медноликой Надире, продолжил. По камню зазвенел вытащенный из спины Лаитан нож, и брызнула тёмная кровь, светившаяся тенью золота.

— Задумайтесь... Зачем Ветрису еще больше власти, если для спасения вас и империи нужна Лаитан? Совращённая его речами служанка, — он указал на лежавшую у скалы Киоми, — нанёсшая предательский удар в спину последней надежды этого мира, действовала по его подсказке. Если мир погибнет, то только по их вине. И по вашей. Подумайте, хотите ли вы взвалить на себя этот груз...

Гравейн сбросил тьму, как рваный плащ, и придержал края раны, в которой копошился короткими металлическими штырями его шаман. Пахло грозой, кровью и смертью, но алая жидкость уже не выплёскивалась из раны, остановленная инструментами тхади.

Камень неприятно холодил зад Морстена. Северянин сидел на краю каменной площадки, выдававшейся в этом месте над отвесными скалами, и делал вид, что ему ни до чего нет дела. Ни до горцев, пересидевших в укрытии короткую ночную стычку, занявшую вряд ли дольше получаса, ни до Гурруна, который проспал всё, пригревшись после южного

вина у костра. И тем более, до раненых, которых, по его приказу, шаман и травница лечили, не делая различий ни по крови, ни по стороне вчерашнего конфликта.

Солнца, поднявшись над противоположной стороной ущелья, резали взгляд яркостью своих лучей, в разреженно мгорном воздухе особенно ощутимо и неприятно. Ночь без сна не добавила Гравейну оптимизма и жизнерадостности, а Ветрис и Киоми умудрились пасть в его личной табели о рангах ниже самого последнего черпальщика выгребных ям, и стояли только чуть выше слуг Посмертника и самого Кирина. Чей гнилостный дух явственно чувствовался в происходящем.

«Чересчур. Слишком вовремя, излишне прямо, без путей к отступлению, без надежд и особенных приобретений даже для победившей стороны, — подумал он, прищуриваясь, и стараясь не клевать носом. — Очень похоже на Пеленгаса». Морстен вспомнил те несколько встреч с Властелином Ничего, которые случились в его жизни, и всякий раз оказывалось, что, даже вырвавшись из теней его мертвенных планов, ему не удавалось приобрести ничего очень уж ценного. «Кроме свободы, которую, к примеру, утратили Киоми и Коэн. Если Колосс и Сердце поражены заразой Кирина, ничего удивительного в том нет».

Сзади послышался тихий скрип камней под подошвами сапог, а по коротким промежуткам между шагами Гравейн узнал Гурруна. Старый дварф с несвойственным ему тактом предупредительно покашлял, и после кивка Властелина Севера встал рядом с ним. Их головы оказались примерно на одном уровне, и Гуррун, нервно сжимая руками свой пояс, проговорил:

— Я обещал поддержать тебя, повелитель Тьмы, но не сдержал обещанного. Мне нет прощенья...

— Перестань, — Морстен прервал его, ничуть не заботясь о приличиях. Склонность дварфа к самоуничтожению и приписыванию себе вины, проявившаяся после пещер его народа, не способствовала соблюдению вежливости. — Твоей вины тут нет. Поможешь в другой раз.

— Южное вино коварно, — пробормотал испытывающий неловкость, и покрасневший от того дварф. — Выпил всего-то полбочонка, а сморило, как от полной.

Красный нос и слабый запах хмеля свидетельствовал, что Гуррун уже лечил совесть с утра, но Гравейн не стал заострять на этой детали внимания. Он кивнул, покосившись на вышедшего из-за скалы, где размещался маленький полевой лазарет, тхади в кожаном фартуке.

— Впредь будет тебе наука, дварф, — Морстен почувствовал, как тхади качает головой. Еще одна жрица империи умерла после удара Тьмы. Еще один изменник, если смотреть с другой стороны. — А пока у нас другие цели.

— Я хотел спросить, Морстен, — Гуррун повернулся, уходя, и понимающе ухмыльнулся. — Кто эта женщина, и где ты ее прятал до того?

Гравейн рывком поднялся с камня, и подхватил лязгнувший по скале меч. Дварф знал, куда и как нанести удар своим невинным вопросом, но северянин ожидал его, и ответил правду.

— Она прокралась за мной Темным Путём, и догнала нас после подземной крепости. Мора — из северных племён, и лучшая ученица Замка.

— Ведьма, — сплюнул Гуррун. — Северная ведьма.

— Пусть так, — пожал плечами Морстен, вспоминая остаток ночи. Поспать ему не удалось не только потому, что приходилось заботиться о раненых. Некоторые женщины

привыкли получать своё тогда, когда им того хотелось, а Мора была своенравна. — Зато с ее помощью удастся довести всех раненых до Отца. Женщины Тьмы лечат лучше мужчин.

— Кому суждено умереть под завалом, тому не утонуть, — высказал точку зрения своего племени на судьбу, предназначение и прочую метафизику везения дварф.

— Лаитан очнулась, — подошедший тхади поклонился повелителю, склонив перевязанную голову.

Последний раз она чувствовала себя настолько омерзительно и невыносимо только в день вступления в возраст совершеннолетия. Конечно, в Империи это называлось как-то иначе, и под этот день даже, вроде бы, собралось немалое количество послов и народа во дворце, но для едва вылупившееся в большой мир Лаитан это был праздник принятия нового имени, как объяснила ей нянька.

«Мать, — поправила себя Меднолика, — она была моей матерью, пусть и в довольно извращённой форме этого понимания». Тогда же Лаитан победила всех Мастеров и снова доказала своё право быть лучшей из лучших. Прекрасно ощущать себя неуязвимой, находясь под охраной служанок и буквально купаясь в силе источника. Сейчас от бывшего ощущения остались только побочные проявления. Головная боль, слабость, скованность половины тела и тошнота, грозящая перерасти в неукротимую рвоту. Образы и знания, стройными рядками плывущие в одурманенном снадобьями сознании, поддерживали ощущение тошноты, усугубляя ее до омерзения.

Перед мысленным взором скользнул исполинский зверь. Покрытый серебристо-медной чешуёй от морды до хвоста, он задевал брюхом плывущие под ним облака, поднимаясь к солнцу, блестящему на его змеиной шкуре тысячами отражённых лучей.

Не зверь, корабль. Исполинский ковчег «Заговорённый», поднимающийся с гибнущей планеты прочь, чтобы скрыться в дрожащем небе и потемнеть за долгие десятки лет пути к тому миру, где сейчас была Лаитан. Рубка управления, похожая на круговую залу дворца, украшалась звёздными картами и пунктирами траекторий движения, от заданной точки до места назначения. Стоящие в ней люди, молча смотрящие на свой родной мир, выглядели живыми мертвецами. Каждый из них не раз представлял себе, что случится с их планетой, но никто не желал видеть этого лично.

За обзорными иллюминаторами, пока еще позволяли скорость и тяга, проплывали бездонные дали облаков, которым вскоре предстоит распасться на составляющие их молекулы и сгинуть прочь, оставаясь лишь следами в безжизненных камнях планетоида или пояса астероидов, в который превратится целая живая планета.

В центре рубки возвышался капитанский трон, парящий над площадкой, вокруг которой тянулись толстые кабели и провода работающих пультов и контроллеров. Техники даже не успели до конца прибраться, а ковчег уже потребовался для побега.

Невысокий мужчина в безупречно чёрной форме без знаков отличия повернулся к Лаитан и молча посмотрел в глаза. Лаитан открыла рот и услышала совсем чужой, мужской голос:

— Надеюсь, мы не пожалеем о том, что делаем.

— У нас не было иного выбора, капитан, — отозвался другой человек. Высокий, светловолосый Ветрис, занимающий уже кресло навигатора. Он был собран и спокоен, и его выражение скорби на лице казалось, по сравнению с остальными лицами, немного наигранным. Роль скорбящего уже явно начала раздражать навигатора, и потому он

поспешил заняться своими обязанностями, хотя до момента, когда бы они действительногодились, оставалось еще много времени. Сначала ковчег выйдет на околопланетарную орбиту, зависнет на ней на долгие недели, поджидая всех, кто еще сумеет до него добраться на шаттлах и прочих транспортниках, а затем уже они все пройдут процедуру криосна, очнувшись в месте назначения.

— Мне льстит твоя попытка снять с меня ответственность, Ветрис, — сказал капитан, — но я не нуждаюсь в утешении.

Ветрис только пожал плечами и отбросил со лба светлые волосы.

Лаитан очнулась, и ее все же стошнило. Желудок был пуст, и спазмы, скрутившие его, едва не выворачивали наизнанку органы. Шаман дал ей простой воды, и Лаитан успокоилась, забывшись тревожными видениями, состоящими из памяти и невозможных событий.

Пять тысяч лет — это много. Слишком много, чтобы что-то загадывать и слишком мало, чтобы обосноваться и прожить на планете достаточно. Со временем накапливаются ошибки. Процент критических разрушений и износа материалов заложен в каждом приборе и кристалле, но и они имели свои сроки эксплуатации.

Если кристаллы треснули или потемнели, данные не проскользнут из них и не потекут по их малым частичкам, передаваясь на реактор. Он не включится и не разбудит сердце ковчега, который останется мёртвым посреди океана, как выпотрошенная туша животного посреди поля боя. Вороньем над ним будут кружить птицы, могильными плитами ему станут океанские камни и далёкое дно, памятными цветами станут водоросли, и последними живыми существами останутся рядом только обитатели глубоких вод.

Темные волны будут вечно качать наросшие плети растений и скрестись сквозь плотный слой ракушек и кораллов, а пёстрые рыбки устроят гнезда в расширяющихся дырках корпуса.

Ни одна броня не вечна, всё однажды пропадает в ветрах времени и песках памяти.

Лаитан поднялась на кровати. Спина была туго перетянута какими-то тряпками, и она могла только надеяться, что они чистые. Вокруг колыхался полог перегородок, за которыми постанывали люди. Медноликая не сразу поняла, кто она теперь и где находится. Отголоски данных, струящихся перед мысленным взором, перекрывали пережитые здесь две сотни лет. Люди в нелепых одеждах и с примитивным оружием вызвали улыбку и едва заметное покачивание головой.

Потом голова раскололась от приступа боли, который был такой силы, что в глазах потемнело, а в висках застучали молотки. Лаитан застонала, падая обратно на ложе из досок и чьей-то одежды, но через несколько минут метаний и бестолковых стенаний боль отступила.

Она вышла прочь, кутаясь в разорванную одежду и набросив на плечи кожаную куртку, распоротую на спине.

Вперёд ее гнало чувство уходящего времени. Она должна была оказаться в другом месте и как можно скорее. Приложить ладони к выпуклым кристаллическим панелям, позволив системам считать ее генокод, и включить последний рубеж между умирающими солнцами и живыми народами этой планеты. А потом она должна была отдать жизненные силы для пробуждения систем корабля. Вся ее память, опыт и прожитые воплощения, очистившись в

фильтрационных системах и разбившись на спирали ДНК, окажутся принятыми и пересмотренными в банках данных, чтобы капитан стал первым глотком материнского молока для новорождённого судна.

Лаитан пошатнулась, удержалась за что-то и только теперь вышла из лазарета.

Невдалеке мелькнула тёмная тень. Гибкая невысокая фигурка женщины, возникшая из темноты камней, оглянулась и расплылась в белозубой улыбке. Тёмная броня, состоящая из элементов блестящей кожи и серебристых заклёпок, облегла фигуру, не стесняя движений. Длинные чёрные волосы были заплетены в две тугие косы, оканчивающиеся звенящими бубенцами на заколках. Женщина оказалась рядом с сидящим на камне властелином, нагнулась, припадая на оба колена, что-то горячо зашептала, бросая на идущую к ним Лаитан озорные взгляды. Морстен пока не смотрел на Лаитан, явно пребывая в дурном расположении духа. Потом он положил ладонь на голову женщины, стоящей перед ним на коленях, провёл по кудрявым волосам пальцами и улыбнулся.

Лаитан подошла совсем близко, чтобы расслышать ее слова перед тем, как она скользнула прочь:

— Ты забыл ночью нательную рубашку, я принесла.

Бросив на колени Морстена его вещь, черноволосая женщина, самодовольно поглядывая на Лаитан, как на побеждённую в поединке охотницу, удалилась, покачивая бёдрами.

Медноликая закусил губу. Значит, звуки, раздававшиеся полночи неподалёку от ее места, ей не слышались. Что же, судя по ним, эти двое давно знали друг друга, прекрасно наловчившись доставлять удовольствие даже в полевых условиях.

Лаитан посмотрела на Морстена, и их взгляды встретились. Чувства, которые внезапно охватили ее, отразились на лице. Она молча стояла, глядя в глаза властелину севера, пытаясь унять дрожащие руки, и то и дело закусывая губы, которые тоже предательски дрожали. Во взгляде Лаитан читалась обида. Острая, как южный перец, и горькая, как недозревшая ягода севера. По-детски глядя на Морстена, как на предавшего ее чувства старшего брата или отца, Лаитан сама не понимала, что происходит.

«Никогда не признался бы, что способен чувствовать себя неловко, но это так», — Морстен встретился взглядом с Лаитан, и почувствовал, что эта неловкость имеет под собой все основания. Медноликая была слаба, словно ребёнок, и встала на ноги после тяжёлого даже по меркам властителей ранения. Можно было ждать затаенной боли в этом чистом взгляде, или мути от лекарств и перенесённых страданий. Можно было ожидать озлобленности и ненависти к тем, кто ранил, и к тем, кто не помог...

Но вот чего никак не надеялся увидеть в глазах Лаитан Морстен, так это обиды. Непонимания. Наивной веры, которая только что потерпела бесшумный крах. «Любви? — темный властелин против воли ощутил, как его брови дрогнули и приподнялись вверх от удивления. — Я действительно не понял, что это было... чувство?»

И он сам разрушил все это своим коротким свиданием с Морой. Но ученица Замка, которая за прошедшие годы привыкла считать Морстена своим ненаречённым мужем, мужчиной и повелителем, привыкла к нему, а он — к Море. Она время от времени пропадала, отправляясь в странствия, иногда он оставлял твердыню на годы, но место встречи не менялось.

Смотря на Лаитан, Гравейн вспоминал, как понемногу, с момента первой личной встречи, нарастало некое притяжение меж ними. Не понимая его источника, властелин вел себя, как обычно, но сближение не прекращалось, и от их воли ничего не зависело. Потом, когда Морстен увидел память Замка, и узнал обрывки истории прошлого, стало ясно многое, хоть и не всё. Литан, первая из Матерей, давших память нынешней Медноликой, и Крес... были близки. Крес ушёл в нерушимый покой Замка, а Лаитан взошла на золотой трон. Или это сделала ее дочь?

Но Мора оставалась для Гравейна якорем, сшившим его распоротую реальность, и Замок не оставил на нем такого отпечатка, как память Матерей — на Лаитан. Она продолжала оставаться в плену чувств Литан к Варгейну, и перенесла эти эмоции на него, властелина Севера. Потому что он был похож на Креса. Потому что в нем была частица памяти Варгейна. Но только частица.

Морстену стало жалко Медноликую. Израненную, смертельно обиженную, потерявшую свою силу и верность своих людей. Он понял, что сейчас Медноликая, разминувшись со смертью на три шага, может рассчитывать только на него и дварфа. И на двух своих жриц. Жалость, забытая, как и стыд, Властелином Тьмы, сейчас показались ему внове. Неожиданный привет от оставленной много столетий назад человечности и условностей, связывающих жителей нынешнего мира.

Лаитан просто смотрела на Морстена, а он ощущал себя, словно ребенок, замерший с рукой, запущенной в вазу со сладостями, застуканный строгим воспитателем. Или, что было ближе, словно подросток, застигнутый родичами на разбитной девахе из соседнего квартала.

Если бы он умел краснеть, несомненно, кожа щек бы приобрела багровый оттенок. Но Гравейн смог только отвести взгляд от пылающих глаз Лаитан, пробормотав что-то неразборчивое.

— Как ты себя чувствуешь? — попытался сделать вид, что интересуется состоянием Медноликой, сказал он. Получилось слишком натянуто, но, если не разорвать гнетущую тишину, то она обещала стать гробовой.

Лаитан ответила не сразу. Пересилить боль в теле было легко. Труднее пришлось с болью в сердце. Затопившее все нутро жжение от увиденного сковало лицо и тело так сильно, что она с трудом разжала губы и произнесла:

— Я должна продолжить путь. Надеюсь, мы выдвинемся как можно скорее.

Голос у нее оказался слабым, подрагивающим, и она надеялась, что Морстен спишет это на ее ранение. Лаитан хотелось поджечь хвост и скрыться на сотни лет в глубокой темной пещере, где можно было бы скулить и жалеть себя, отгородившись от внешнего мира, в котором все оказалось не просто иначе, а поставленным с ног на голову. Но в то же время она понимала, чувствовала на своих плечах, как вес огромной чаши, ответственность. Как Медноликая правительница Империи Маракеш, как капитан ковчега, как дочь капитана и тайная любовница безопасника Варгейна Креса, как единственный человек, способный попытаться не допустить стычек и драк между навигатором и безопасником. За ней осталась целая Империя, перед ней лежал гибнущий мир, а внутри осыпались вулканическим серым пеплом глупые человеческие надежды.

Трудно было сказать, чего она ждала от Гравейна. Милости, понимания, привязанности? Скорее, да. И нет одновременно. Ее дурацкая память, так невовремя показавшая ей Замок при жизни, сыграла плохую шутку. И если бы Лаитан сейчас могла

улыбаться, она бы это сделала. Грустно и медленно, но сделала бы. Увы, боль на время лишила ее эмоций и их проявлений. Оставила только после себя эхо хрустящего на морозе наста, какой бывает только на севере, и по которому однажды шла ее мать, чтобы убить своего слугу, не зная об этом. След ошибочного удара до сих пор темнел на груди властелина черным пятном выскобленного знака, чернотой отметки на сердце, или том, что там от него осталось.

Внутри Лаитан поднялось мелочное чувство обидной мести. Она представила себе, как ее предшественница заканчивает дело, а Замок остаётся в стороне, и тогда Морстен, став куклой Пеленгаса, прыгает под его дудку и выполняет приказы.

Видение вызвало у Лаитан отвращение. Ни один человек, пусть и северянин с сотней Замков, не стоят такой доли. Это не уменьшало обиды Лаитан, но успокаивало ее душу тем, что она бы не пожелала такой доли Гравейну. А вот смерть от руки Медноликой...

Сейчас бы не было этой боли, не было бы ран, обид, преданных надежд и воздушных Замков, сминающихся под давлением умирающей родины их праотцов и праматерей. Не было бы разочарований, пустоты и жуткого звериного одиночества, от которого лесные волки были на луну, а преданные любовники таились в темных чащах после того, как их оставили любимые.

В ушах стучало сердце. Как-то неровно, пропуская удары и замирая, но все еще упрямо продолжая жить и биться, будто ее крик, похороненный внутри, терзающий нутро и ломающий крылья о рёберную клетку, старался вырваться наружу, царапая стены тюрьмы из плоти и крови. Лаитан шепнула ему, успокаивая, что осталось недолго. Осталось совсем немного, и она выпустит его на волю, позволив метаться по миру в тщетных поисках милосердного забвения.

«А чего ты ждала от него, девчонка? Что он заплачет и откроет тебе объятия? Прижмёт к груди и скажет, будто ждал только тебя? Чего ты хотела от властелина севера, чья душа замёрзла пять сотен лет назад, чтобы только не достаться мне? Он пойдёт на любые жертвы, на любые гнусности, на все уловки и все средства, лишь бы уничтожить меня. Он плевать хотел на тебя, глупая ты маленькая девочка со своей наивной детской привязанностью к вездесущему безопаснику и притягательно опасному тёмному защитнику. На всех вас он плевал изначально, а еще меня называл гнусью! Кхе-кхе... теперь ты поняла, что я был прав? Теперь ты видишь грандиозность моих планов? Смерть — это единственное нерушимое состояние, которое дарует забвение и покой. А жизнь полна боли и разочарования. Во всяком случае, мелкая ты змейка, у тебя».

Голос Посмертника пропал так же быстро, как и появился. Лаитан даже не шелохнулась. По коже пробежался ветерок от дыхания Пеленгаса, но Медноликая смотрела вперёд пустыми глазами. Сейчас ее не испугал бы и Посмертник лично. Ее теперь вряд ли могло испугать хоть что-то — самое страшное случилось.

И глупо было бы думать, что это невозможно.

Не сам ли Морстен подтвердил ее догадки о том, что он вполне себе жив и здоров? Не он ли сказал ей, что ему не чужды радости и развлечения? Так чего она ждала, что он не отыщет себе на севере способную, умную и уж точно не такую трусливую и неумелую, как царица Империи, жену?

Лаитан молча отвернулась и зашагала прочь, не разбирая дороги. К ней подбежала Тайрат и Надира, всплеснувшая руками и едва не уронившая свою похудевшую за время похода сумку с травами.

— Я рад, что ты жива, — запоздало сказал Гравейн в спину удалявшейся Медноликой. Он принюхивался, стараясь понять, почудилось ли ему присутствие Посмертника, или он действительно дотянулся до них снова. Опять.

Лаитан не ответила, но Морстен и не ждал ответа. Он понимал, хотя и очень примерно, что творится внутри нее. Это было странно, словно вскрылась новая, неожиданная сторона личности Матери Матерей. Такая, о которой она сама не слышала ранее.

Северянин прошёлся между импровизированными постелями. Все, кто мог умереть, уже умерли, остальные шли на поправку. Свита Киоми поредела, из жриц Лаитан на ногах остались только Надира, Тайрат и Галан. Последняя щеголяла плотной повязкой на голове, сползавшей на глаза, и выглядела немного зеленоватой. Варвары-Безымянные, потеряв троих в ночном сражении, выглядели подавленными, но их раны затянулись полностью. Тхади, обильно смазавшись вонючими мазями и приняв внутрь грибные настойки, лучились здоровьем и энергией. Наименее пострадали горцы, занявшие во вчерашней стычке позицию невмешательства, и отделавшись только двумя ездовыми козлами, погибшими от случайных стрел.

Предводитель их отряда, которого звали Семь Стрел, сейчас как раз мялся у входа, удерживаемый одним из тхади. Заметив взгляд Морстена, горец вскинул подбородок и махнул рукой. Тхади заворчал, обнажая острые зубы, но слышал беззвучный приказ своего господина, и отступил в сторону.

— Твои слуги очень преданны тебе, владыка Севера, — проговорил Семь Стрел, разминая плечо, за которое его легонько держал тхади. Всего минутой, а левая рука горца до сих пор подергивалась от памяти прикосновения рослого охранника.

— Они не слуги мне, — пожал плечами Гравейн, изучая бледного и осунувшегося звездочета, прошедшего бессонную ночь, и наверняка испытывавшего немалый страх за провал своей миссии. — Они мои братья, пусть и не по крови. А братья всегда помогают друг другу, пусть со стороны это выглядит, как преданность и услужливость. У каждого — своя роль и свой путь. Скажи, у тебя есть братья?

— Нет, — слабо улыбнулся горец, непонимающе взглянув на властелина Тьмы, походившего сейчас на поседевшего, но еще крепкого и сильного солдата или наемника. — В горах сложно выкормить много детей, и не всем разрешается увеличить семью. Только лучшим. Но я пришел говорить не о семье.

— Дай угадаю, — неприятно дернул губами Морстен, настроение которого, немного улучшившееся к утру, сейчас стремительно приближалось к отметке «отвратительное», когда он представил себе сложности транспортировки раненых сестер и Киоми с Ветрисом. — Ты пришел ко мне с предложением о дальнейшем пути и способах организации перевозки людей.

— Не совсем, — блеснул взглядом Семь Стрел, и убрал прядь волос, упавшую на лоб. — Я предлагаю отправить наиболее тяжелораненых обратно в пещеры моего народа, выделив провожатых и уккунов. Дорога прямо и ровна, и за пару дней они доберутся обратно.

— И не будут задерживать нас на пути к Океану, — кивнул Морстен. — Твои слова звучат здраво. Возиться с ними в дороге некому, у меня осталось всего пять тхади. Шаман истратил почти все лекарства, но клянется, что выжившие к утру — выживут и дальше. Хотя, разве это жизнь...

На самом деле, Гравейн предполагал, что горец хочет избавиться от большей части

имперцев, чтобы уменьшить вероятность повторения ночного боя. Лишившись поддержки жриц, сестры-охотницы вряд ли осмелятся на нападение, а варвары-долинцы, зерна сомнения в душах которых, заронённые Морстеном, успешно прорастали и колосились, опасности почти не представляли. «С какой бы радостью я отправил назад Киоми и Ветриса, перевязав их ленточкой, — мрачно подумал северянин. — Но нельзя. Без Ветриса ничего не получится. Он должен выполнить свое предназначение, как и Лаитан».

Мысль о Медноликой и произошедшем утром заставили его снова пережить легкий укус стыда и услышать шепоток совести, но что он мог поделать? Завязать себе корень темным узлом, и заняться духовными практиками монахов Цынь? «В вулкан всех, в лаву и на хрен, — решил для себя Гравейн. — Хотя бы избавлюсь от угрозы бунта. Даже ослабив защиту и силу отряда. Мне кажется, что сражаться уже не с кем, большую часть противников мы банально перебили».

— Хорошо, Семь Стрел, — кивнул он. — Я со своей стороны не против твоей идеи, но было бы неплохо узнать мнение Лаитан. В конце концов, она — владетельница Империи, трона ее никто не лишал. А это ее люди, пусть и неверные.

Лаитан стояла и смотрела вдаль, на предстоящий путь, который, скрываясь за последними камнями, должен был развернуться полотном широкого спуска к океану. Где-то там лежал мост, или своеобразный переход, о наличие которого говорил властелин в начале пути.

Медноликая вспомнила другой мост, другие события и взгляд северянина, которому она протянула руку тогда. Его удивление, замешательство и недоверие во взгляде, которое смешивалось с чувством и желанием поверить хотя бы раз. Один раз и без обмана.

Лаитан невесело улыбнулась своим мыслям.

Останься она тогда с Ветрисом, поверни назад, откажись она тогда от безумной идеи спасти Морстена из лавы, что было бы сейчас? И было бы это сейчас, или та же Киоми зарезала бы ее еще раньше? Возможно, да. А возможно, что не будь Морстена, это не вызывало бы такой реакции у царя Долины, и конфликта не произошло бы вовсе. Ни тогда, ни сейчас. Лаитан дошла бы до Отца, выполнила свой долг и умерла.

Последнего ей, как ни странно, хотелось не сильно. Медноликая сдвинула брови, размышляя над новой мыслью, пробившейся сквозь туман безразличия к себе. Северянин сделал своей новой целью месть. А что может сделать она, рождённая для смерти?

Пожалуй, только оставить в покое сложившийся уклад севера. Оставить в покое их представителей и прекратить думать о том, чего она, по сути, даже не представляла себе чётко.

— Змея, твоя рана сложна и серьёзна. Не следует стоять тут на ветру, — послышался ворчливый голос шамана тхади. Лаитан против воли улыбнулась. Тхади стоял позади неё, сдвинув брови и неодобрительно поглядывая на Медноликую. По всему выходило, что он не для того полночи сшивал ее тело, чтобы его работа сейчас получила простуду и умерла от такой мелочи.

— Тебя хочет видеть господин, — продолжил шаман. Лаитан напряглась. Ей уж точно не хотелось встречаться с Морстеном еще раз за этот день. — Но я бы на твоём месте не пошёл, — хрюкнул шаман, сложив на груди татуированные руки. Лаитан присмотрелась и с удивлением заметила, что оскаленные клыки тхади — это улыбка, а не угроза.

— Почему? — спросила она.

— Обойдётся, — проворчал шаман. После этого он развернулся и пошёл прочь. Лаитан какое-то время ещё постояла на том месте, а затем отправилась в свой лагерь.

— Тайрат! — позвала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Собирай раненых и готовь долговременную стоянку, — приказала Лаитан. Подоспевшая жрица посмотрела на свою госпожу.

— Мы оставляем их? — недоверчиво спросила она. Лаитан кивнула.

— Семь Стрел предложил сопроводить раненых обратно, — косясь на подходящего к ним злого и плюющего ядовитой слюной властелина, тихо сказала Тайрат.

— Да? — приподняла брови Лаитан, бледная и слабая, — зачем? Чтобы запереть их у себя и обменять на то, что мы отыщем? Или на нашу смерть? Нет уж, мои люди, пока я ещё их госпожа, останутся тут. Все вместе, — надавив тоном на эти слова, сказала Лаитан, кивая на долинцев. — Вместе были заговорщиками, вместе и помогут друг другу, случись что. Горы — удел звездочётов. А здесь ни у кого нет преимущества. Если мы не вернёмся, они уйдут окружными путями. Если мы отыщем Отца и пробудим его, мы вернёмся за ними.

— Лаитан, — Морстен подошел к Медноликой, и посмотрел на ошетинившихся жриц. — Нам нужно поговорить, — коротким взмахом руки он остановил взвившуюся было Тайрат. — Наедине. Мне кажется, нужно объяснить. Многое.

Медноликая смерила его взглядом. Бесстрастным, безнадежным и отрешённым.

— Тайрат, займись лагерем, — приказала она. — Хорошо, если ты желаешь разговора, идём. Здесь люди заняты делом, нам не стоит им мешать.

Она пошла прочь, прихрамывая и покачиваясь, то и дело осторожно переставляя ноги, словно плохо видела дорогу под ними.

Осознанно, или нет, но Лаитан пришла к тому самому камню, на котором сидел и шурился этим утром Морстен. Северянин подождал, пока Медноликая устроится на нагретом кусачим горным солнцем валуне, и проговорил:

— Почему ты против идеи отправить раненых назад в пещеры горцев? — он решил сначала закрыть текущий вопрос, хотя и слышал отрывки ее объяснений чуть раньше. Следовало завершить одно дело, прежде чем приступать к другому, менее приятному и непривычному. — Они замедлят нас, и отвлекут. А оставаться здесь, когда до цели пути осталось всего ничего — неразумно. Но, может быть, ты знаешь что-то, что сокрыто от меня, Лаитан?

— Я знаю не больше твоего, северянин, — качнула она головой. — Но я видела, как звездочеты относятся к имперцам. И мне кажется, что идея сопровождения больше похожа на мягкое подталкивание в ловушку. Кто сказал тебе, что их отпустят? Или вообще довезут? С ранеными в дороге может случиться всякое.

Она старательно не поднимала на Морстена взгляд, да и не было у неё сил на это. Жизнь утекла по каплям, отнимая последние вспышки энергии.

— Если нам придётся встретиться с тем, через что мы не пройдем, от нас останутся хотя бы эти люди. А у звездочётов такой гарантии нет. Им ничего не стоит вырезать их всех, а потом ударить в спину. Так есть шанс, что нам подадут сигнал и предупредят об опасности. Ты не забыл, что за нами должны идти дварфы, каменные феи и элементалы? И что-то я пока не видела признаков, по которым спокойно могла бы сказать, будто с ними все в порядке в гостях у гостеприимного горного народа.

По лицу северянина скользнуло выражение скепсиса. Весь его вид говорил: не письма же ты ждешь ототставших людей, что с ними все в порядке? Она предпочла не заметить этого.

Внутри Лаитан поднималась волна острого отторжения всего, что связано с Морстеном. Ей так хотелось избавиться от его компании, что это было почти физически ощутимо. Оказаться подальше от него, его запаха и его взгляда, спрятаться среди своих людей и воздвигнуть вокруг нерушимую стену безразличия и злости, в которую понемногу начинало перерастать это самое безразличие. Ей было неприятно все, от своего поведения до его поступка. И фанатичное желание превратить себя в золотую статую, которой чужды любые чувства, крепло в Лаитан с каждой минутой, проведенной наедине с властелином.

Но она понимала, что бег и прятки — забавы детей. И ей давно уже пора было вырасти из хрупкого возраста куклы на троне Империи, чье присутствие являлось значимым только в пределах этой Империи. За ее границами дела шли иначе, и бежать от разговоров, как и от людей — значило бегать от себя до самого конца дней.

— То есть, ты уже решила, — кивнул Гравейн, глядя в потемневшие и безжизненные глаза Лаитан. — Что же, это вполне разумно, и я услышал твой взгляд на вещи. Не могу сказать, что горцы показали себя такими уж радушными хозяевами, хотя и предателями их назвать сложно. Но и предсказать их действия я не возьмусь. Особенно — учитывая их тайны и их пути.

Морстен присел на корточки, чтобы не возвышаться над Лаитан, которой приходилось неудобно глядеть вверх. С ее ранами это было неприятно, должно быть. Властелин чувствовал, что есть еще кое-что, что нуждалось в прояснении, но не находил верных слов для того, чтобы высказать это, четко и ясно. Впервые, пожалуй, за много лет. И, да, он чувствовал себя слишком живым, обычным человеком сейчас.

— Я очень благодарен тебе за то доверие, что возникло между нами, — медленно сказал он, наблюдая за лицом Медноликой. Ее губы подрагивали, но что готово было сорваться с них, проклятие или благословение, Морстен сказать не мог. «В последние дни она стала слишком непредсказуемой, — подумалось ему. — И резкой. Но тому тоже есть причины. Память. Как бы ты вел себя, пробудись в тебе воспоминания всех родичей по мужской линии до самого первого дня, когда люди ступили на поверхность земли?» — И за то, что ты единственная из всех не относилась ко мне, как к выползшему из тьмы чудовищу. Это редкость и тем ценно.

Медноликая зябко передёрнула плечами, не зная, что ответить на слова властелина. Ей хотелось сказать что-то такое, в его духе, чтобы неприятно задело его, оскорбило или больно ударило. Например, о том, как она жалеет, что ее предшественница не убила его до конца. Наверное, это отразилось во взгляде, и она, стиснув зубы, попыталась взять себя в руки. «Как он похож на Креса, — подумала она, — особенно, взглядом и глазами. Такие же черные, будто равнодушная тьма небес».

— Не единственная, — не смогла сдержаться Лаитан, имея в виду его женщину. И эти слова принесли ей больше боли, чем самому северянину. — Но я, как и ты, думала о том, что мы должны дойти до океана. Решила, что так будет вернее, чем устраивать ссоры, как глупые варвары, на пустом месте.

Морстен открыл рот, чтобы ответить, но неожиданно почувствовал присутствие в сознании Замка. Но тот, против обыкновения, не стал выдергивать северянина в свое

пространство разума, где время замирало и останавливалось, или иным способом вмешиваться в разговор. Вместо этого Варгейн Крес просто тихо шепнул своему воспитаннику: «Не будь с ней слишком жесток. Она многое пережила, и многое пережила несколько раз. Память ранит ее сильнее оружия, а излечить ее разум мы не в силах». Голос Креса рассеялся, словно дым, и Гравейн проглотил начало фразы, на ходу перекраивая резкий ответ во что-то более спокойное.

— Извини, — произнес он непривычные слова, отдававшие металлом и солью. — Я не подозревал, что она окажется здесь, — «и испортит... Что?» — северянин тихо вздохнул. — И ситуация изменится так сильно. Я знаю, что тебе сейчас тяжело, и не только из-за ран. Память может ранить сильнее, — повторил он слова Замка, — и это я понять в силах. Потому мое предложение о сотрудничестве и взаимопомощи остаётся в силе. Все еще в силе. Я не привык бросаться словами и потом забирать их, как некоторые варвары.

Лаитан опустила плечи. Сейчас ей не хотелось говорить ни о чём. Нужно было отгоревать свою память, вытащить из себя образ чужого человека, когда-то давно любившего не ее. И не ей дано право думать о нем и помнить его. Не она должна быть с ним, не ее дело вспоминать случившееся и пытаться делить неделимое. Не она — и все. Без продолжения и жалости к себе. Именно это стоило пережить в одиночестве, смириться и успеть принять до того, как она потеряет рассудок окончательно.

— Не извиняйся. Ты уже однажды показал мне, что ты человек. И глупо было бы думать, что нечто человеческое тебе чуждо. Мы остаёмся союзниками, я тоже держу своё слово. Ты достоин быть с тем, кто тебе дорог и близок. Не волнуйся, я не собираюсь строить вам подлости и ловушки.

Лаитан поднялась на ноги, махнула рукой в сторону дороги и сказала:

— Нам пора. Нас ждёт смерть и слава, — ее губы тронула лёгкая тень улыбки, — слышишь меня, Замок? — обратилась она к нему через Морстена. — Скоро я вернусь домой...

Лаитан пошатываясь побрела прочь, оставив властелина одного. То, что было внутри, должно было остаться внутри.

Перевал остался позади, оставив после себя воспоминания о пронизывающем ветре и снеге, и внизу расстелились зелено-серые равнины, окутанные туманом. Пахло морем, и, чем ближе становились его тяжёлые тёмные волны, тем сильнее становился запах. Дорога, вившаяся по склону горы, скоро стала прямой и ровной, и летела, как стрела, к горизонту, где из дымки вырастал странный круглый остров.

Лаитан остановилась на последнем возвышении. После этого дорога уходила вниз, теряясь в липком тумане, из которого острыми клыками выпирали арочные своды узкого моста, тянувшегося к округлому горбу в океане. Мокрые щупальца туманной дымки хватили ее за ноги в стремянах, скрывая уккуна, на котором она сидела, до самого брюха. Животное фыркало и пятилось назад. Лаитан прислушалась к себе и своим ощущениям. Никакой опасности рядом не было. Поблизости, перестав сохранять обиженное молчание, резко и надрывно перешёптывались Ветрис и Киоми.

— Там нас точно ждёт смерть, царь! — горячечно шептала жрица, дёргая повод своего животного. Ветрис, сидевший позади неё и крепко привязанный к седлу хитрым узлом горцев, только распалялся.

— Если там что и есть, оно спит. Или умерло. Чего ты боишься? Я справлюсь со всеми.

— Ты говорил это и в прошлый раз, — ядовито шепнула жрица. Варвар замолчал и засопел.

Лаитан мысленно махнула на них рукой. Они будут браниться до скончания времён, которые, если она правильно понимала, должны были сгинуть скорее, чем хотелось. К Лаитан подошла Тайрат и заговорила:

— Госпожа, ты не поверишь! Я и еще две охотницы прошли до самой воды. До тех пределов, где должна была плескаться вода Отца-Океана. И мы не слышали ни звука. Ни единого всплеска, госпожа!

Голос Тайрат был тревожным, и Медноликая видела, что ее воительница в ужасе от узнанного.

— И это мы еще не ступили на мост, госпожа. Что же тогда нас там ждёт?

— Ничего, Тайрат, — спокойно ответила Лаитан.

— Что ты говоришь, моя госпожа? — отпрянула женщина. В ее голосе слышалась тревога за разум своей госпожи. Лаитан вздохнула. Кажется, вокруг не осталось ни единого человека, кто не воспринимал бы ее сумасшедшей или блаженной.

— Нас ничего не ждёт на мосту, кроме плохой видимости и скользких от тумана камней. Посмертник превосходно сыграл свою партию, загнав нас сюда.

— Ты хочешь сказать, что все это время... — голос Тайрат дрогнул.

— Мы всего лишь следовали его замыслу, — кивнула Лаитан. — Он хотел, чтобы мы пришли сюда. Изрядно потрёпанные, далеко не все, но живые и способные действовать. Он сам привёл нас к этому месту. Выгнав из Империи, сыграв на моей надменности и самолюбовании силой Мастера Мастеров, Посмертник загнал нас сюда. И теперь ему нет смысла мешать нам. Одни пойдут из упрямства, другие — из-за долга, а я пойду потому, что больше мне идти некуда. У меня остались силы только дойти до этой цели, Тайрат. Остальные могут повернуть обратно.

— Мы не бросим тебя, госпожа, — твёрдо сказала Тайрат. — Не для того мы так долго

сюда шли, чтобы теперь повернуть обратно.

Морстен слушал разговор жрицы и Лаитан, ощущая отголосок сознания Моря рядом, и совсем не чувствуя Замка. Тот после последнего разговора с Медноликой словно пропал, а призывать Варгейна просто так северянину мешала гордость... и здравый смысл. Вокруг было что-то не так, но Темный никак не мог понять, что именно. Мысль беспокоила, словно насекомое-кровосос, что вьется над ухом, но не кусает, а только надоедливо зудит и зудит.

«Они боятся, — подумал он, рассматривая тонкие опоры, блестящие от кристалликов соли, отложившихся на них из морской влаги. — Боятся того, что ждет их на мосту и за ним. В скале. Или из чего там состоит этот треклятый остров, в котором находится Отец. Они опасаются неизвестности».

— Пожалуй, ждать тут еще более бессмысленно, чем идти вперед, — буркнул он, и спрыгнул с уккуна. По мосту мог пройти человек, и еще осталось бы небольшое расстояние до краёв. Но животное явно никак не влезло бы на узкую длинную металлическую тропу, украшенную потемневшей золотой и серебряной насечкой. Что-то подобное, только без золочения, делали в Замке, на извилистых наружных переходах из тёмного металла, чтобы не скользили ноги.

Властелин Тьмы спокойно шагнул вперед, ощущая, как на его спине скрестились десятки взглядов — от наполненных тёплой верой тхади до ненавидящих Ветриса и Киоми. Пожалуй, он ожидал какого-то сигнала или знака, но мост оставался мёртвым сооружением из камня и металла, только издалека слышалось слабое поскрипывание. Словно железом скребли по железу. Поёрзав сапогом по материалу моста, Морстен сделал несколько шагов по лишённому поручней пути, и повернулся к оставшимся на скале людям.

И понял, что именно обеспокоило его. Вокруг не было ничего живого. Не кричали птицы, не жужжали насекомые. Только люди и уккуны на скале издавали какие-то звуки и запахи, все остальное пахло морем и солью.

Лаитан спешила и ступила на шершавую поверхность моста. Ноги скользнули в стороны, и она испытала животный страх перед падением. Будь у неё чуть больше сил и мастерства, ей ничего бы не стоило просто перелететь этот мост по воздуху. Но здесь, словно нарочно, висел туман и тяжёлое марево от сгустившегося морского воздуха, не пропускающее ни слабого солнца, ни света луны или звёзд.

Лаитан осторожно пошла дальше, слыша, как за ее спиной на мост спешно ступают варвары и ее жрицы. Морстен, окончательно пропавший в тумане впереди, растворился в нем полностью. Густой воздух скрадывал шаги и звуки от них, но кое-что привлекло внимание Лаитан. Движение воздуха совсем рядом. Будто некто нырнул в туман и скользнул совсем близко. Узкий мост позволял пройти рядом только по самому краю, но для призраков такие условности были лишними. Лаитан остановилась. Позади слышалось чье-то дыхание, гулкие, словно отдалённые шаги. Но вот воздух снова двигался рядом, и до ушей Медноликой донёсся короткий звук, напомнивший крик, но излишне короткий для этого. Сзади снова раздались шаги, и чья-то рука крепко схватила ее за запястье. Лаитан удержалась от того, чтобы вскрикнуть. Шёпот тхади-шамана прозвучал на удивление тихо:

— Ты знаешь, что внизу?

— Нет, — дрогнувшим от страха голосом ответила Лаитан. Шаман отпустил ее, давая понять, что вовсе не собирался сталкивать Меднолику вниз. Он встал и прислушался. Движение воздуха снова повторилось, и на сей раз шаман выбросил вперед руку,

ухватившись за что-то, тут же выскользнувшее из пальцев.

Лаитан успела только увидеть, как тхади на секунду вытащил из разлитого вокруг молока нечто чёрное, блестящее и скользкое.

Тхади заворчал. Сзади снова заторопились шаги, вязнувшие в тишине тумана, скрадывавшего все звуки.

Медноликая открыла было рот, догадавшись, что вытащил тхади, но тот уже пропал, рядом не оказалось ничего, кроме гулкой тишины изапаха моря. Потеряв направление, сбившись с шага и запаниковав, Лаитан пыталась унять колотящееся от страха сердце и, пересилив себя, сделать следующий шаг к цели.

Через три шага перед ней снова появился шаман тхади. Лицо его было окровавлено, кожа свисала с него лохмотьями, а крупные капли крови залили всю одежду и грудь.

— Вода стала стеклом, — сказал он, падая на Лаитан. Медноликая удержала его, дрожащими руками пытаясь поставить на ноги. Откуда он узнал про то, что творилось внизу, она даже не хотела думать. Остановившись на середине моста, Лаитан крутила головой, в надежде отыскать идущего первым Морстена, но ничего не было видно и слышно.

Только туман, морось и тишина мёртвой зоны с ребристым мостом, напомнившим Лаитан пол в рубке судна, привидевшегося ей во сне.

Ощущения были такими явными и сильными, что теперь Медноликая уже сама начала сомневаться в своей нормальности. Ей то казалось, что из тумана протянется рука Креса, то виделась она сама, одинокая и тащившая на плече не то труп, не то бессознательного тхади, то снова разум подбрасывал ей игру картинок, приводя в чувства и давая понять, что мост — это только похожее сооружение.

Все, о чём она думала, пока на неё не упал тхади, это доспехи северянки.

Мора была именно в том, что вытащил шаман. Черные, блестящие, облегающие кожаные доспехи с мехом на накидке, крепившейся к плечам. — Мой господин и муж увидит, что я для него совершила, и тогда у Замка не будет выбора, он сделает меня его полноправной хозяйкой и слугой, — возникнув перед Лаитан, сказала Мора. Лаитан поняла. Эта женщина, путешествуя путями Тьмы, тихонько избавлялась от лишних людей, сталкивая их с моста. И теперь Медноликой приходилось только гадать, сколько уже погибло и сколько осталось в живых.

Морстен шел вперед. Его интересовал Отец, о котором всегда говорили с недомолвками и писали намеками, не допуская ни единого цельного описания. Словно те, кто что-то знал, не могли сказать правды, а все остальные ее не знали. Даже Замок в кипе переданных знаний пропустил многое, связанное с этим островом. И Гравейн понимал, почему. Чтобы хранить и защищать, не обязательно знать досконально принцип действия того, что охраняешь. И даже, если разобраться, вредно обладать такими знаниями, потому что начинаешь испытывать соблазн исправить, подчинить себе или направить на достижение неких, возможно даже высших, целей.

То, что Варгейн знал и умел, оставалось его тайной и его грузом — памяти, совести, долга. То, чем обладал Морстен — принадлежало только ему самому. «Узнай я суть Отца полностью, смог бы удержаться от этих искушений? — задал себе вопрос властелин Тьмы, и сам себе ответил: — Да, смог бы. Не без борьбы». И разве не подвергся такому испытанию Посмертник, как Ветрис?

Интерес. Вот что двигало Морстеном на пути к острову. Густой туман, заволокший все

вокруг своим склизким телом, погасил звуки и ограничил видимость. Холодная струйка влаги, скользнувшая за шиворот, отрезвила, и Гравейн остановился, прислушиваясь. Кто-то из тхади получил раны, и потерял сознание. Но врагов он не чувствовал, это место было едва ли не единственным после Замка, где не ощущалась даже тень присутствия Посмертника и его гнилостного дыхания, заполнившего весь мир, кроме крайнего Севера.

«Что это может быть? — властелин потянулся к рукояти меча, и его рука схватила пустоту. Черный меч Тьмы остался на берегу, притороченный к седлу уккуна, а тяжелый клинок тхади он не надевал с самого перевала. — Кто?»

Морстен обернулся назад, вглядываясь в тяжелые космы тумана. Тхади слышали своего повелителя, и отвечали ему таким же непониманием происходящего. Имперцы и долиинцы слабо сияли серебряными и золотыми звездочками в серой мгле. Неожиданно одна из искорок погасла, упав вниз и разбившись у подножия моста. Но Гравейн не услышал и звука, только свое тяжелое дыхание. В носу свербило, и воздух казался липким и разреженным.

Мора. Он не ощущал Моры, хотя и знал, что она где-то рядом. Морстен сплюнул за пределы моста, и пошел обратно, пытаясь нащупать сознание проклятой соплячки, которой Тьма затуманила разум настолько, что она стала считать себя высшим существом.

— Ты должна умереть, змея, — схватив Лаитан за горло, приподняла ее над мостом северянка. — И я сама позабочусь об этом, если мой муж зачем-то сохранил тебе жизнь, я исправлю его доброту.

— Отпусти, трахнутая уккуном, — хрипло выдала Лаитан, когда ноги ее соскользнули с моста. В сердце поднялась иррациональная волна страха. Еще полчаса назад она готова была умереть. Полдня назад жаждала смерти. А теперь, ощутив под ногами пустоту, готова была драться за жизнь до последнего. Инстинкты самосохранения и древнейший из них, по имени страх.

— Я не убью тебя здесь, — презрительно сказала Мора, — ты нужна моему господину живой. Но я лично прослежу за тем, чтобы все твои люди, как и варвары, остались здесь, на застывших остриях стеклянных волн океана.

Мора отпустила Лаитан, и та, заскользив мысками сапог по мосту, поехала с него вниз, уцепившись руками за арочный выступ, едва показавшийся над дорогой. Куда делся раненый тхади, Лаитан не знала. Долго провисеть на двух руках, чувствуя, как рана на спине снова открылась и начала кровоточить, ей не удастся. Скоро кровь вытечет в таком количестве, что она, обессилев окончательно, отпустит жалкую гребёнку арки и полетит вниз, к замершим навеки водам океана, заколдованного невидимой силой. Что и как могло заставить отца уснуть? И не в этом ли была причина того, что он не подавал признаков жизни последние сотни лет? Или это случилось недавно, и пока еще только Посмертник извлёк из этого выгоду?

Лаитан слышала, как бьётся ее сердце, заглушая тишину тумана. По спине стекала струйка теплой крови, пропитывая одежду.

— Крес, ты меня слышишь? — в ужасе зашептала она. — Замок, ты слышишь меня?

Увидев то, на что была способна любимая жена Морстена, звать его Лаитан даже не пришло в голову, и ее сознание вытолкнуло наружу только то, что виделось ей из прошлого. Она понимала, что никакой Варгейн или Замок не придут ей на помощь, но не произнести эти слова она не могла. Обязана была, должна, будто родилась только для того, чтобы в этом месте и в этом времени повторить их вслух, оживляя тени прошлого хотя бы на мгновение.

Вдыхая в них жизнь, делясь своими силами и отдавая им часть себя, чтобы те, напившись, стали материальными на несколько долгих секунд.

Искушение разжать пальцы и разом покончить со всеми неприятностями и набирающим силу сумасшествием было настолько сильным, что Лаитан ощутила, как они скользят, разжимаясь, повинуюсь неосознанным командам разума.

Гравейн, скрипя кожаными подмётками сапог по металлу и камню, побежал, возвращаясь по своим следам. Замок, заботливо передававший ему слова Моря и ответ Лаитан больше не сказал ни слова, а Властитель Тьмы не стал задавать вопросов, вспоминая нехитрую науку тхади.

Орки умели бегать в полной боевой броне абсолютно бесшумно. Толика силы Тьмы, направленная определённым образом, немного природной хитрости, и навык — все, что требовалось для этого. Никакого хождения по теням, ничего, кроме тишины — до той поры, пока не ворвёшься в ряды врагов, сея разрушения и смерть.

Но сейчас он бежал не карать. Предотвратить. Исполнить обещание. Спасти? Да, определённо. Кого? Возможно, свою честь.

Мора закрыла свой разум, и достучаться до неё сейчас представлялось невозможным. Смерть Лаитан перечёркивала все планы, взлелеянные пятью тысячелетиями вырождения, то есть, развития расы. И Гравейн сделал все, что мог, чтобы остановить ослеплённую властью, местью, или силой женщину.

На бегу он нащупал канал силы Тьмы, проходивший через него к Море, и коротким усилием воли перекрыл его полностью, не оставив ей даже минимума способностей. Этой привилегией Властелина он не пользовался никогда, но вот пришлось.

«Свет меня обожги, ты почти уничтожила всё, что Тьма должна была сберечь к этому моменту, — хлестнул он по открывшемуся сознанию Моря, наполненному неподдельной обиды и непонимания происходящего. — Глупая девчонка!»

Еще один рывок, и туман распался, образуя каверну в своём призрачном теле. Лежащий на узком мосту окровавленный шаман, стоящая на коленях Мора, растерявшая свою спесь и утирающая липкую рвоту — и пальцы, побелевшие от напряжения, скользкие по тёмному металлу края моста.

Морстен, не задумываясь, прыгнул вперёд. Еще в полёте он увидел, как пальцы Лаитан разжимаются, но успел, ударившись грудью о металл мостового полотна, схватить её за запястья. Сила инерции швырнула его следом за Медноликой, но лодыжку Властелина сжала до хруста широкая ладонь окровавленного шамана. Тхади мог удержать на весу целого уккуна, и Морстен, почувствовавший себя канатом, который перетягивают два великана, громко выругался, чтобы не лопнуть от накатившей злости.

— Это все было ради тебя! — обиженно выкрикнула Мора. — Я не собиралась её убивать, только остальных, которые нам не нужны! Я знаю все о великом ковчеге, о предназначении тебя и остальных глупцов, созданных, чтобы ты взошёл на трон отца нового мира, мой господин! — вскочила на ноги северянка. — Никто не будет любить и почитать тебя так, как я!

Лаитан, в последний момент вырванная из мыслей о скорой смерти, слышала слова Моря, но ей казалось, что такими благими поступками обычно мостила себе дорогу только Империя. До этого момента. Сейчас, ошалевшая и потерявшая направление, она пыталась

понять, когда же наконец ей дадут спокойно умереть и перестанут мучить ранами, проклятиями, дележом и постоянным использованием, будто старую тряпку.

— Отпусти, — спокойно сказала она властелину. — Пусть все кончится здесь.

Её не послушали, вытаскивая обратно под отборные ругательства северянина. Его ученица и женщина молча скрылась в тумане, наверняка намереваясь вернуться с новой порцией добра и обожания. Лаитан взяла такая злость, что она лично готова была откусить руки Морстену, а потом забить ими его до смерти, окончив начатое ее предшественницей дело.

— Как же вы мне все надоели, — выбравшись на мост, зарыдала она, размазывая по лицу горячие стыдливые слезы. — Как же вы все мне надоели со своими предназначениями. Каждый из вас, ленивых, самодовольных, требовательных и эгоистичных идиотов, пинающих меня к моему концу. Как будто я сама не знаю, для чего рождена! — зло закричала она, разрезая туман голосом. И он, казалось, отступил в ужасе, когда с губ Лаитан сорвались эти слова, полные обиды, ненависти, злости на судьбу и жалости к самой себе. — Оставьте вы меня в покое, деритесь за власть сами, сидите на тронах, спасайте все это, — она махнула рукой в сторону, едва снова не свалившись вниз. — Ненавижу! Ненавижу все это!

Лаитан закрыла лицо руками и разрыдалась. Истерика от пережитых событий, свалившийся на неё груз ответственности и осознания себя вещью в руках тех, кто сильнее и умнее, настолько допёк ее душу и сердце, что сдерживать в себе это стало невозможным. Она могла бы простить себе свою судьбу, свой статус и своё незнание мира за пределами Империи. Она могла бы простить Тьму, ее не нужно было прощать за то, для чего она была создана, простить использование и глупые рухнувшие мечты маленькой девчонки, какой ее и считал Посмертник. Но простить себе себя же она не могла. Подчиняться, годами, сотнями лет жить в иллюзиях и даже не пытаться их разрушить. Счастливо упиваться своей гордыней и силой, не замечая подлости и лжи за спиной. словно юная дурочка, увидеть в лице единственного и первого человека противоположного пола своё спасение, увидеть интерес к себе, а не к власти и силе — этого она простить себе не могла никогда.

— Лучше бы мне умереть под горой, — раскачиваясь из стороны в сторону и сидя на мосту, шептала она, стирая слезы обиды. — Чем умереть сумасшедшей седой старухой ради тех, кто готов сам по кускам швырять меня на алтарь своих амбиций и желаний. Лучше бы мне умереть еще пять тысяч лет назад, чем жить и видеть, во что превратилась мечта о новом доме...

— Встань, Лаитан, — протянул ей руку Морстен, скривив губы. Нет, он не испытывал презрения, понимая, пусть и не полностью, состояние Медноликой. Но молчание Замка и действия Моря не оставили выбора. Пожертвовать остальными он еще мог, но не ею. — Вставай. Осталось немного. Я удержу эту дикарку, которая решила, что знает, как лучше.

«Даже я не знаю, как лучше, — подумал он, замерев с протянутой рукой. — Даже Замок и сама Тьма, хоть некоторые думают, что ее не существует, и те не знают этого. А какая-то девчонка — знает. Свет ей в дышло!»

Морстен прислушался к звукам в тумане. Кажется, Мора оставила попытки убивать остальных, и туман редел. Стекло бывшей влаги внизу блестело все сильнее, и сквозь белые полотнища дымки проступали кровавые пятна упавших вниз и разбившихся насмерть.

— К дьяволу ненависть, — воспользовался старым словом, всплывшим из памяти Варгейна-Замка, Гравейн. Кажется, оно означало какого-то зловредного духа или бога. «Почти как я, — подумал он, но поправился: — Нет. Я справедливее и мне не нужна чужая

свобода». — Слышишь, Литан? Тут речь идёт уже не о власти или тронах, будь они прокляты. Дело в спасении всех этих бесконечных полчищ людей, которые даже не знают о том, что их ждёт. А когда узнают, будет поздно. Но я не взываю к твоей жалости, потому что сам ее не испытываю...

В сознание попытался ворваться голос Креса, но Морстен, сжав губы на мгновение, выкинул его из головы. И продолжил, глядя горящими глазами на затихшую Лаитан.

— Я прошу пройти путь до конца. Как его прошёл бы я, или Замок, или твой отец, — слова выстраивались сами по себе, гладко и красиво, чего от себя Тёмный не ожидал. Но если от этого она встанет, перестанет плакать, и пойдёт дальше, сойдя с чёртова моста, то оно и к лучшему. — Мне жаль тебя. По человечески жаль.

Тёмный властелин сделал шаг, приблизившись к Медноликой, и наклонился к ней, чтобы помочь подняться на ноги.

— Опять ты, господин, удумал какую-то несусветную чушь, — проворчал шаман, сплёвывая на камень моста кровавую слюну. Посмотрев на кровь, тхади усмехнулся. — Не видишь, ей и так плохо.

«Морстен, мать твою солеварку, — пробился сквозь все заслоны Замок, и в его голосе звучали неподдельные злость и страх. Или ненависть? — Что ты творишь, незаконнорождённый плод союза тхади и уккуна?»

«Отстань, — коротко ответил Гравейн. — Если ты пришёл разыгрывать из себя любящего папочку, то опоздал, моим воспитанием нужно было заниматься раньше. Лет так четырёхста назад. Лучше найди и заблокируй Мору. Пока она не разнесла мост и не угробила остатки наших сил».

«Откуда ты... — Замок сделал паузу, и спокойно продолжил: — Времени почти не осталось. Ты прав, в кои-то веки, сынок, с родство можно обсудить и потом. Надеюсь, ты не хочешь поместить свою шрамированную задницу в трон, о котором говорила Ли... Лаитан?»

«Обсуди это с ней, если очень хочется, — Гравейн утёр слезы с лица Медноликой, несмотря на ее слабое сопротивление. — Но у меня уже есть один трон. Больше мне не нужно».

«Ты-то и в него садился два раза, — кисло усмехнулся Крес. — Ладно. Вижу, что не ошибся в тебе».

Лаитан опустила голову, втянув ее в плечи, которые мелко подрагивали от сдерживаемых рыданий. Она рассматривала покрытие моста невидящим взглядом, а внутри билась такая горечь и обида на все, что случилось задолго до ее рождения, что это чувство разрывало душу на мелкие части. Одиночество, глубокое и постылое, как ветры Замка в ночные часы, выхолаживало сердце, замедляя его стук. Оно переполняло ее, разбиваясь огромными волнами о скалы рёберного каркаса, будто океан, застывший внизу, подарил ей свой отголосок рёва внутри. Хотелось встать на четвереньки и завывать на луну, словно бродячая сука шакалов юга, а потом начать рыть лапами землю до тех пор, пока злость и страх не уместятся в этой яме, чтобы потом можно было закопать их и улечься сверху, дожидаясь своей смерти.

Слова северянина резанули по каркасу льда, будто острый луч оружия в руках Креса, когда тот сжёг лианы на теле Литан. Разлетевшись в стороны, сверкающие осколки зазвенели вокруг, обнажая нечто глубоко спрятанное, тщательно оберегаемое от чужих взглядов и настолько личное, что оно казалось комком новорождённого дитя в руках матери.

Дрожащее, нежное и беззащитное, что отчаянно хотелось укрыть его, спрятать снова и защищать своим телом от любых попыток даже взглянуть на это.

Медноликая утёрла остатки слез тыльной стороной ладони, отодвинув руку Морстена в сторону, а потом, не поднимая взгляда, чтобы снова не разреветься, на сей раз уже от облегчения, тихо сказала:

— Я бы все равно дошла до конца. У меня нет выбора, северянин.

Стараясь не показать, как сильно ее задело упоминание Литан из прошлого, она неуклюже поднялась на ноги, ухватившись за руку Морстена, в последний момент успевшего схватить Лаитан за запястье и не дать ей упасть с моста, оступившись снова.

Она мельком взглянула на лицо Гравейна, уже не напоминавшее ей Креса ничем, кроме взгляда таких же черных глаз и линии скул на усталом лице, опустила плечи и пошла вперёд, пошатываясь и тихо всхлипывая. Впереди ждала участь, отведённая ей еще до рождения. Горькая и ясная, как рассветное небо летом. Смерть или жизнь, долг или честь, совесть или бессовестное предательство — все потеряло смысл уже давно. Остались только надобность и цель. Даже если бы Лаитан сейчас хотела что-то изменить, у неё бы это не вышло. Люди надеялись на своего капитана в прошлом. Люди смотрели на неё с надеждой в настоящем.

Позади тихо шёл кто-то еще, шаги были лёгкими и почти неслышимыми.

— Госпожа, — раздался голос Надиры, — я хотела сказать... — она запнулась на некоторое время, подбирая слова. Лаитан ей не препятствовала, хмуро поглядывая на блестящее стекло океана внизу, отражавшее тусклый солнечный свет, пробившийся сквозь отступающий вокруг туман. Блики играли на застывших водах великого отца, словно море света, в котором сгорали судьбы и отдельные жизни, чтобы потом выползти в темноте ночи и завывать в небо от тоски и одиночества. Лаитан понимала их, как никто другой.

— Госпожа, мне очень жаль вас. Ваш путь безмерно скорбен и тяжёл, но я сделаю все, чтобы облегчить его, насколько смогу, — выдохнула на одном дыхании Надира. Медноликая вздохнула и сказала, не поворачиваясь:

— Знаешь, как мне себя жаль, Надира? Пожалуй, мне жаль себя куда больше, чем кому-либо еще. Только у каждого своя дорога. И моя оказалась короткой и одинокой.

— Вы про эту чернявую дурочку? — не сдержала смехок Надира. Лаитан подумала, что ей в пору было бы покраснеть.

— Не такая уж и дурочка, если сумела нас обмануть в тумане, — передёрнула плечами Лаитан.

— Госпожа Лаитан, — придвинувшись поближе и взяв за руку свою госпожу, зашептала Надира, — если женщина уверена в себе и в том, что ее выбрали, она никогда не станет пытаться уничтожить ту, к кому не ревнует, — со смешком сказала травница. Лаитан почувствовала, как щеки стали горячими. Слышать это было, как ни странно, приятно.

Полукруглый холм-остров, казалось, вырос из замершего в стекле моря по мере приближения к нему. Туман рассеялся почти полностью, оставив только тонкую молочно-белую взвесь в воздухе. Словно туман был живым, и не ушел прочь, а затаился, поджидая удобного случая, чтобы накинуться на беспечных путников.

Но беспечностью больше не страдал никто из решившихся на этот переход. Варвары, горцы и имперцы догнали ушедших вперёд Морстена и Лаитан, и смотрели на них с мелькающими во взглядах ненавистью, уважением и страхом. Демон, нападавший из тумана, унес несколько жизней, но, судя по всему, Тёмный и Меднолика как-то смогли с ним справиться. Как именно — осталось скрытым туманом и неверными звуками в нем.

Поросший лесом остров казался Морстену ненастоящим. Искусственным. В знаниях отсутствовали упоминания о строительстве чего-то подобного, но, зная Замок, северянин предположил, что тот не передал эту информацию, чтобы не портить предстоящего действия. Внутри у Тёмного что-то сжалось, словно от волнения. Он впервые соприкоснулся с чем-то грандиозным, непонятным и древним, оставшимся в наследство от тех, кто привел его народ в эти земли. Но благоговения Морстен не испытывал. Вспоминая то, что насовал в голову Крес, властелин Севера мог только беззвучно ругаться, и сдерживаться от плевков, понимая, как много лишнего наворотили их предки. Лишнего, ненужного и, чего уж там, откровенно глупого.

А еще он понял, что чувство сжатости возникает от ожидания удара в спину, нападения или какой-то иной подлости Посмертника. Присутствие повелителя смерти ощущалось как никогда сильно. И Лаитан... «Я не знаю, как ей помочь, да и не знаю, хочу ли я этого, — признался себе Морстен. — И, кажется, никто не знает. Даже Крес».

Мост впереди упирался в сплошную скалу, на которой были вырезаны символы двойного солнца и луны, обведённые залитым темной краской кругом. Внизу, на уровне груди человека среднего роста, выделялись три небольших углубления, напоминавших следы ладони, если надавить ею на застывающий строительный раствор или размягчившийся камень, обработанный зельями дварфов.

Вход окружали узловатые корни деревьев, пробившиеся сквозь толстый слой почвы, и напоминавшие клубки змей. Высохшие, они были мертвы, как и засохшие стволы над скалой. С искривлённых ветвей давным-давно осыпались листья, хотя в нескольких десятках шагов деревья выглядели здоровыми и полными сил, несмотря на условия жизни и морской климат.

— И что дальше? Выломать ее не смогу даже я, — обернулся к Лаитан Морстен. Шаман, которому он помогал идти, глухо кашлянул, но смолчал, внимательно смотря на дверь. Гравейн нахмурился, поглядев на углубления с недоверием. Слишком просто все было.

Меднолика подошла ближе, покачиваясь. На ее бледном лице, замершем, словно маска, была написана решимость.

Упругая волна сжатого воздуха мягко толкнула ее в грудь, словно ладонь, не преграждающая путь, но остановившая шаги на время. Чужие голоса стали невыносимыми, заполнив голову полностью и создав неразбериху в ней. Они звучали все сразу, перебивая

друг друга, перекрикивая слабеющий голос разума самой Лаитан. Она сжала зубы до скрипа, зажмурившись и с усилием делая последний шаг за черту, у которой остановился северянин. «Заткнитесь, — приказала Лаитан мысленно, — замолчите!» — и голоса унялись, послушавшись. Разум стал чист и пуст, и внутри головы разорвался пузырь безмолвия. Медноликая подошла вплотную к скале и посмотрела по сторонам.

Ветрис тоже подошёл ближе, оскалив зубы в вызывающей улыбке. Знаком он приказал Киоми оставаться на месте, и та беспрекословно послушалась беловолосого варвара. На лице Коэна проступали выражения насмешливой злобы и темного вызова. Лаитан обратила внимание, что Безымянные, прежде везде сопровождавшие своего лидера, сейчас остались позади, вместе с горцами и их предводителем, который не стал соваться вперед, предпочитая позицию наблюдателя.

Лаитан приложила ладонь к углублению посередине, резко мотнув головой в сторону.

— Встаньте рядом и сделайте так же, — глухо сказала она. Голос был сосредоточенным, ладонь замерла, едва не касаясь углубления. Морстен с просветлевшим от понимания лицом разгадки, и Ветрис, напрягшийся так, что вздулись вены на его висках, шагнули вперёд синхронно, вытянув ладони вперёд. А Лаитан вдавила свою в углубление.

Кожу пронзила резкая боль, словно ее сначала опалило огнём, а потом залило кислотой. Лаитан едва не отдернула ладонь, но удержалась, чувствуя, как боль перешла в покалывания сотнями иголок. Скала вздрогнула, сверху посыпались камешки и листья сухих деревьев. Выемки под ладонями окутались светом. Серебристый и золотой мерцали ярко, тогда как тёмный оставался непроницаемым пятном, расползающимся вокруг руки Морстена. По лицу варвара скатились капли пота, он прикрыл глаза, и что-то прошептал. Северянин стоял спокойно, только его пальцы на скале мелко подрагивали. Лаитан закусила губу.

И тут скала вздрогнула, мягко расходясь в стороны и обнажая зев темноты, откуда дохнуло затхлостью. Воздух с шипением всосался внутрь, заполняя собой пространство, и чей-то безликий голос сказал оттуда:

— Приветствую капитана и первых помощников на борту ковчега. За время вашего отсутствия происшествий нет. Системы готовы к запуску.

Мужчины рядом сначала отпрянули от звуков, но после ступили один за другим в темноту, оставив Лаитан позади. И Медноликая, глядя, как они пропадают в зеве скалы, где уже зажигались крошечные светлячки огней по стенам, подумала, что все вышло слишком просто. Чересчур просто после того, как они претерпели столько трудностей на пути. Она оторвала ладонь от выемки с некоторым усилием, недоумевая, почему у других это вышло проще и быстрее. Лаитан посмотрела на свою кожу и в ужасе шагнула назад. Кожа на ладони была покрыта кровоточащими язвами, в которых виднелись тёмные пятна, исчезающие под взглядом, всасываясь в кровь. Рука начала пульсировать, когда по ней растекался яд.

«Яд Посмертника», — догадалась Лаитан. Осторожно натянув перчатку на руку, она пошла вслед за остальными, кивком приказав людям и тхади двигаться за ней.

Лаитан решила промолчать о том, что произошло. До цели оставалось несколько шагов, и тогда последняя шутка Посмертника уже не будет такой весёлой. Умирать все равно придётся, но пугать своих жриц для этого не обязательно.

А тем временем правая рука уже повисла плетью, теряя чувствительность и нагреваясь, словно по ней растекалось расплавленное золото. Антитела в крови Лаитан пытались избавиться от заразы, но безуспешно. По лицу покатился пот, шаг стал нетвёрдым, взгляд затуманился.

Мысли, однако, стали наоборот ясными и чистыми. И одна из них, пробившись через другие, чётко и безупречно встала на свои места.

Посмертнику не нужно было препятствовать последним шагам Лаитан и остальных. Он и сам хотел убраться подальше отсюда, но без потомков капитана Литана и других у него бы это никогда не вышло. Загнав их в это место, он лишь подстраховался, отравив систему распознавания и встроив в идентификатор ядовитые субстраты. Иглы, кольнувшие кожу, чтобы собрать генетические метки с Лаитан, впрыснули отраву сначала в кожу, а затем и в кровь. Теперь у Посмертника был ковчег спасения, навигатор и тот, кого не сложно будет устранить, посулив власть и кресло капитана Ветрису.

Лаитан даже не задумалась, как легко перешла на мысленный ряд, свойственный ее далёкому предку. Но больше ее эти изменения не волновали. Впрочем, ее больше ничего не волновало, кроме цели: дойти до мостика и запустить систему подготовки к эвакуации, развернув над планетой щит против убийственного света умирающего солнца. Тысячи законсервированных спутников на орбите планеты проснутся и создадут единую сеть, формирующую прочный щит, послав сигналы на древние устройства под поверхностью планеты. Он просуществует достаточно, чтобы собрать на борт все разумные формы жизни и погрузить их в долгий анабиоз перед стартом и выходом из системы....

Лаитан прислонилась к стене, слушая, как мимо проходят остальные, испуганно и недоверчиво оглядываясь по сторонам и тихо переговариваясь друг с другом. Она закрыла глаза, левой рукой поглаживая жёсткую шерсть огромного черного зверя, улёгшегося у ног и тихо поскуливающего от скорби и боли. Замок оплакивал её, как когда-то оплакал и оставил свою Улу Литан Варгейн Крес.

Морстен осознал, что отравлен, не так быстро. Уколы в ладонь были частью мудреной системы распознавания генетического кода, бравшими образцы кожи и крови для установления родства с экипажем. Это он понял, опираясь на знания Креса. Подозрения, плававшие в его разуме, теперь оформились в окончательный вывод чуть раньше болезненных ощущений, охвативших предплечье.

«Да, папа, — сардонически усмехнулся он, представляя себе Замок, точнее — Варгейна Креса, в его человеческом обличье, — ты оберегал меня все эти годы, учил и, наверное, наслаждался этими очень человеческими ощущениями. Система признала меня, пропустив внутрь приемного зала Ковчега. Как пропустила Ветриса и Лаитан. И это стало доказательством моего родства с одним из тех, кто затеял всю эту чехарду с прятками в темноте. Вырви мне глаза, но Посмертник, кажется, переиграл нас всех».

После того, как Кирин впервые запустил невидимые когти своей болезни в его тело, Морстен ни разу не ощущал такой отвратительной слабости. Сейчас его металлическое сердце колотилось, словно им забивали сваи в чистый лед старых ледников, от которого отскакивали порой даже самые твердые стальные крючья. В груди что-то лопалось, кровь стучала короткими тугими толчками в висках, и подступала тошнота. Мельчайшие живые клетки в крови боролись с заразой, и побеждали. Замок умел учиться на ошибках, в том числе и на тех, что допускали его противники.

Гравейн чувствовал, что в скором времени сможет перебороть болезнь, которая сломила Ветриса почти сразу, словно он уже был заражен, и не доставало лишь мельчайшей малости до полного подчинения. Лаитан тоже досталось, как он мог судить — Меднолика выглядела живым трупом, и только яркие глаза на ее лице говорили, что она жива и в своем

уме. Самого же Морстена задело только краешком. Краем отвратительно воняющего разложением и трупным ядом сознания Пеленгаса Кирина, Владыки Ничего.

«Кажется, ты не ожидал от меня такого тонкого расчёта, малыш? — издевательский шепот возник в разуме Морстена, заставив его сбиться с шага, и едва не уронить шамана. — Нет, признайся, ты же восхищаешься мной. Ну, не ты, так твой опекун. Через ворота нельзя не пройти, не коснувшись углублений, в которых таится множество тонких игл... Достаточно смазать десяток-другой моей замечательной сывороткой, которую я разрабатываю всю свою, кхе-кхе, жизнь — и даже сильнейшие из сильных подчинятся моей воле. Рано или поздно и ты тоже станешь мне служить. Гордый, неприступный и холодный Темный властелин. Знаешь, я доволен собой. И даже те фаги, что сейчас пытаются в твоей крови сожрать всех моих маленьких посланцев, не расстраивают меня. Кресу все равно не понять этой сферы знания, как ни старайся, тут нужен талант. Но я отвлекся. Слушай меня внимательно. Теперь твоя задача...»

Голос Посмертника потонул в бульканье и шуме, заглушившем его шепот так же верно, как скрип несмазанных петель делает неслышным грохот телег с камнем, проезжающих через ворота большого города.

«Увы, он прав, — услышал он Замок. — Пеленгас, старый ублюдок, действительно оказался хитрее всех, и почти въехал в рай на чужом горбу. Этого выражения ты не знаешь, но это неважно. Но и делать то, что он хочет, тоже не следует. У тебя еще есть время, и прошу, воспользуйся им с умом. Лаитан должна передать информацию и запустить Щит. После этого она будет свободна. И от чумы Кирина тоже. Ты должен...»

«Я буду поступать так, как сочту нужным, — Морстен с трудом распрямился, вдыхая прохладный воздух, пахнувший солью, металлом и почему-то листвой. Тонкая нотка тлена только оттеняла эту смесь, придавая ей тошнотворность. — Клянусь Тьмой. Дальше я должен сам. Хотя и выслушаю твои советы, и приму помощь. Но остальное — я сам. Кирина должен явиться сюда, чтобы насладиться плодами победы и произнести речь перед своими новыми слугами. Но его ждет некоторая неожиданность».

«Слышишь, мальчик? — скрипучий и одновременно булькающий голос Пеленгаса стал сильнее и приобрел звучность, словно его хозяин стоял за спиной Морстена. — Не забудь. И тогда я буду выпускать тебя погостить на, кхе-хе, травке во время путешествия. Не бойся. Это только сначала больно».

Гравейн распрямился, почувствовав, как его рука пульсирует. Вены вздулись, потемнев, и кожа посерела, начиная с ладони. Он сжал пальцы в кулак, и тихо выпустил воздух между зубами. Бросив взгляд назад, в золотистые тени высокого коридора, он заметил Лаитан, молча стоящую возле самой стены, и подошел к ней, намереваясь помочь идти. Выносливости северянина хватило бы и на троих Змей.

— Помоги мне добраться до командного центра, — увидев перед собой размытую фигуру северянина, произнесла Лаитан, протягивая руку. — Сейчас же.

Она отёрла пот со лба, поджав бескровные губы.

Морстен приоткрыл было рот, чтобы спросить, что такое командный центр, но потом ненадолго замер, и кивнул в ответ. Теперь он вспомнил, получив доступ к памяти Замка, расположение всех помещений внутри огромного корабля, спящего в толще скал и превращенных в стекло вод. Пять тысяч лет брошенный у побережья скелет прежнего ковчега медленно обрастал сначала броней, потом и внутренностями из металла. Машины

размером от пылинки до Замка тратили свои жизни и силы на то, чтобы создать простирающийся на десятки лиг корпус судна, способного оторваться от поверхности планеты, и, танцуя на огненных столпах, прорваться сквозь небеса, унося к новому дому всех жителей этого обреченного мира. Полусфера острова Отца-Океана была всего лишь шлюзом, теперь Морстен это понимал. Мост, по которому они с такой опаской шли, мог раздвинуться в стороны, и пропустить одновременно пять повозок в ряд, а площадка, к которой сходились все коридоры этого уровня, проваливалась вниз, доставляя людей и грузы в непредставимые объемы трюмов и помещений для холодного сна. Он отогнал горькие воспоминания Креса, связанные с покрытым инеем телами, и четко представил путь своего следования.

Гравейн подхватил было ее на руки, но потом чуть не уронил на металл пола, когда пальцы разжались. С трудом удержавшись на ногах, Лаитан бросила взгляд на злого властелина, так напоминавшего сейчас Креса, и не сдержала улыбки. Ответом ей стал тяжелый, почти ненавидящий взгляд. Вторая попытка стала удачей. Он приобнял ее за талию и повлек прочь, по тускло освещенным коридорам и гулким переходам. Нижние уровни упирались в подъёмники, оживавшие перед ними, будто ожидая гостей. Свет, разливавшийся по темноте, выдавливал ее в стороны, загоняя в тёмные углы до очередного случая, когда ей будет чем поживиться. Лаитан перебирала ногами, ощущая растущий внутри ком бурлящей лавы, сжигающей мозг и клетки тела. Морстен упрямо тащил ее вперёд, откуда-то зная дорогу. Впрочем, если его готовил Замок, в этом не было ничего удивительного.

Лаитан старалась помогать, как могла, но толку от неё было все меньше и меньше. За ними следовали остальные, сбившись в кучу, и уже не деля людей и тхад на своих и чужих. Опасность и угроза объединили всех, заставив наконец-то забыть о вражде и сделать выбор в пользу общего выживания. Лаитан с горечью подумала, что для такого простого шага потребовалось уничтожить две трети отряда, выбравшегося в долгий путь изначально.

Морстен остановился только один раз, перед широкими дверями, за которыми оказался последний подъёмник до верхних ярусов. Масштабы ковчега до сих пор оставались для Лаитан скрытыми, но она предполагала его размеры. Исполинские, невообразимо огромные и раскинувшиеся на долгие мили под толщей почвы, они пустили корни и ждали ее возвращения целых пять тысяч лет. И теперь она не могла предать это ожидание, цепляясь за жизнь из последних сил.

Двери мягко скользнули в стороны, пропуская их двоих в широкую кабину лифтового механизма. Яркий свет больно резанул по глазам, на которых тут же выступили слезы. Морстен крепко прижимал ее к себе, хотя у него уже дрожали руки, а по лицу катились крупные капли пота.

— На верхнем ярусе ты усадишь меня в кресло на возвышении, — сказала она, пока лифт неслышно поднимал их на невероятную высоту. — Затем ты и Ветрис откроете контейнеры в соседнем помещении, где находятся лекарства. Но перед тем, как ты уйдёшь, ты должен выполнить обещание.

Морстен моргнул, не понимая, чего хочет от него эта женщина. Лаитан скрипнула зубами от невыносимой боли в костях, которые, казалось, просто плавились под действием яда Посмертника.

— Через две минуты с половиной по корабельным часам ты убьёшь меня, если я до сих пор буду жива, — закончила Лаитан. — Не хочу умирать долго и стать игрушкой Посмертника, — пояснила она. В глазах северянина что-то опасно блеснуло. Их взгляды

встретились, и Морстен упрямо качнул светлой головой.

— Я все сделаю быстро, — произнес он. Иногда обещания утрачивали свою актуальность, если менялись обстоятельства, но некоторые клятвы оставались навсегда. — Это все, что я могу для тебя сделать.

— Спасибо, — на ее губах появилась нерешительная улыбка. — Этого времени хватит, чтобы произвести идентификацию моих клеток. Пожалуйста, — добавила она с мольбой в голосе. Северянин отвернулся. Лифт как раз остановился, и двери разошлись, выпуская их в огромный светлый зал, две стены которого занимали черные, будто ночное небо, поблёскивающие стеклом экраны. Лаитан не сразу поняла, что это и есть обзорные иллюминаторы. Сейчас затемнённые, укрытые под толщей почвы и щитов внешнего сегмента судна, они отражали их двоих, шагнувших вон с площадки лифта. Бледная, с сероватым оттенком кожи, помятая и покрытая ссадинами Лаитан, под глазами которой залегли черные тени, казалась призраком самой себя, дрожащей куклой замерев в руках упрямого Морстена, чьей фигуре придавало внушительности одеяние и кольчуга под ним. Сам Гравейн смотрелся мёртвым рыцарем, тащившим в свой замок очередную добычу.

Связь Морстена с Замком прервалась, и он перестал слышать даже ту тонкую песню, неслышно звучащую на границе сознания, которая сопровождала его всю жизнь. В черных стёклах отражались бледная Лаитан, едва стоящая на ногах, но неуклонно движущаяся к моменту своей гибели, и он сам. Черные глаза, покрытые плёнкой фагоцитов, справлявшихся с последними остатками болезнетворных агентов Посмертника, не добавляли ему шарма или привлекательности, и превращали лицо в подобие маски демона имперского праздника Всех Предков.

Гравейн понимал, что Лаитан, при всей возникшей к ней у него симпатии, уже не свернёт со своего пути. И заканчивался он на золотом троне капитана. Хотя, согласно задумке создателей ковчега, последний потомок Литана должен был не только запустить систему старта, но и управлять кораблем в последующие годы, но Лаитан не годилась на эту роль. Слишком сильно исказился генетический код, слишком много поколений давило на ее сознание, и передавшаяся по наследству от первого капитана болезнь, поражающая мозг, не позволяла ей выжить. В любом случае. Теперь убийство казалось даже благом. «Мне не нужно оправдывать себя, — подумал он, — но понимать необходимо. Иначе я был бы просто слепым орудием в руках Империи, Ветриса, Посмертника... А это мне отвратительно».

Лаитан напомнила себе крошечную птичку, взмокшую и растрёпанную после встречи с хищником и побывавшую под дождём. Морстен шагнул вперёд, но тут же Лаитан отбросило в сторону, и она покатилась по полу, ударившись лбом об угол лифтовой шахты. Из рассечённой брови закапала кровь. Странно густая и тёмная, вымаравшая лицо и одежду. Перед ней, когда она подняла взгляд, по полу катались две фигуры. Светлые волосы Ветриса растрепались, лицо его было искажено злобой и ненавистью. Морстен казался тенью самого себя, и от того еще более злым, чем обычно. Привычная сосредоточенность и отрешённость слетели с него, уступая место тупой злобе и решимости если не убить, то сильно покалечить навигатора.

— Пеленгас даст мне вакцину, если я помогу ему избавиться от тебя и этой мерзкой вырожденки, — хрипел варвар, трясущимися руками пытаюсь затянуть на напрягшейся шее Морстена обрывок серого жгута. — Он сделает меня капитаном, и от вас ему не придётся

искать помощи. Оба станете игрушками в его руках...

— Ты умрёшь, — прошипел Гравейн, подсунув пальцы под необычно прочный серый жгут, топорщившийся на концах разноцветными жилами проводов. «Кажется, этот идиот вырвал откуда-то кабель, — всплыло в сознании Морстена, вместе с разноцветными кругами перед глазами. — Коэн ополоумел». — Пеленгас не из тех, кто оставляет таких ненадёжных слуг в живых. А ты ведь раб, Ветрис. И всегда им был. Крес рассказал мне о твоих планах по захвату власти.

Потрясённый навигатор на секунду ослабил хватку, или, может быть, чума Кирина нанесла удар — но результат устраивал Морстена в любом случае. Разжавшиеся пальцы Коэна позволили сделать ещё один вдох, и северянин, проклиная про себя так не вовремя подвернувшегося Ветриса и овладевшую им болезнь, нанёс короткий и мощный удар под ребра варвару. Тот дернулся, и отпустил жгут. Последовавший прямой удар в челюсть, сопровождаемый лязгом зубов, отбросил его назад, и Морстен не удержался от того, чтобы пнуть врага ногой. К сожалению, удар пришелся в бедро. Ветрис застонал, зажимая разбитый рот.

Лаитан попыталась подняться на ноги. Впереди, за мечущимися фигурами дерущихся мужчин, она видела высокое кресло на возвышении. Кажется, оно осталось прежним с тех пор, как первые поселенцы ступили на эту планету. Вера в это была наивной и детской, но Лаитан представляла его себе именно таким. Высокая спинка должна была мягко опуститься, чтобы сидящий в кресле человек принял лежачее положение. Затем кресло скользнёт вниз, ремни безопасности спеленают ее тело, и над головой выдвинется прозрачная крышка, образуя из места капитана герметичный саркофаг. Десятки иголок вопьются в тело Лаитан, опробуя ее на вкус и с урчанием скрытых механизмов высосут последние капли жизни. Ее память, мечты, наивное представление о мире и людях, прошлое и настоящее, чужая любовь и своя боль утонут в бесстрастном и независимом анализе ее клеток, которые дадут жизнь ковчегу. Золотая кровь потечет по трубкам, распадаясь на плазму и эритроцитарную массу, напитывая жизнью ожидавшие тысячи лет внутренности корабля. Каждая ее клеточка станет строительным материалом для последующих жителей судна. Память вольётся в банки хранилищ, чтобы воскреснуть в кристаллах корабельного искина, а ткани будут уничтожены, как не выдерживающие долгих перелётов и вахт. Судно учло ошибки прошлого, и теперь три фигуры, мерцающие по углам комнаты с креслом, шагнувшие из стен гигантскими образами двигались к Лаитан, намереваясь огородить ее от глупых человеческих проблем. Она отползла в сторону, ужаснувшись увиденному. Образ Ветриса, Креса и сияющего золотом колосса Империи с лицом Сэла Литана протянули к ней руки.

Лаитан осторожно ползла прочь, двигаясь по стенке, помогая себе одной рукой и стараясь убраться подальше от всех, включая Морстена и даже Надиру. Она приближалась к трону в середине помещения.

Темный поднялся на ноги, потирая разодранные костяшки. Ветрис, корчившийся на золотистом металле, остался позади, когда Гравейн, протянув руку в воздух, достал оттуда черный меч. Теперь, обладая нужными знаниями, он полностью контролировал это оружие, не позволяя клинку овладеть разумом, и даже подарить ложную уверенность в неуязвимости. В чем-то меч превосходил излучатели экипажа, один из которых сейчас поднимал свой тупой серебристый ствол, дрожа в неверных окровавленных руках Ветриса, в чем-то был

хуже, но все равно оставался всего лишь инструментом.

Луч, вырвавшийся из излучателя, протянулся к шагнувшему в сторону и выставившему перед собой клинок Морстену. Дальнейшая траектория выстрела пролегла через голову Лаитан и золотой капитанский трон, грозя разрушить весь план спасения. Противоречивый, безумный — но допустить его срыв не мог позволить себе никто. Даже Посмертник.

Гравейн скривился, когда меч в его руках раскалился, вбирая разрушительную энергию выстрела, окутываясь темнотой. Соблазн обратить силу древнего оружия против навигатора был велик, но Морстен поступил проще, выбив излучатель коротким ударом без замаха. Ветрис отлетел назад, проехав по скользким плитам пола, и замер, словно сломанная кукла.

Морстен повернулся к замершей Лаитан, которая со страхом смотрела на него, и кивнул.

— Делай, что должна, а я выполняю, что обещал.

И в этот момент свет, мигнув сотнями ламп, погас. Тишина, навалившаяся на капитанский мостик, отсекала все звуки. Три светящиеся фигуры по углам задрожали, пошли рябью и пропали из видимого спектра.

— Литан! — пронесся над головой крик северянина, в чьем голосе прозвучало отчаяние и злость. — Литан!

Она хотела что-то ответить, крикнуть, позвать его, но сильный удар под ребра вышиб из нее все слова и голос. Удар последовал снова. Потом еще и еще один, они посыпались на Медноликую с такой частотой и проворством, что ей не оставалось ничего иного, как попытаться спрятаться хоть где-то. Пытавшийся уничтожить ее противник ничего не говорил. Просто бил ее, старательно метя в голову и уязвимые части тела, вышибая дух и разрывая ткани точными болезненными тычками. Во рту стало солоно от крови, в ушах звенело. Лаитан слепо шарила пальцами по скользкому полу, на котором оказалась, в тщетных попытках отыскать хоть что-то, способное ее спасти. Пальцы с обломанными ногтями, покрытые рваными ранами и синяками скребли пустой пол, не находя ничего, способного помочь или защитить. Лаитан выставила вперед руки, скрестив их, закрывая лицо, и следующий удар пришелся в предплечья, покрытые оставшимися браслетами. Те вздрогнули и раскололись, осыпаясь вниз.

— Отдай мне пусковой ключ, — зашипел в самое ухо неприятный голос, преследовавший ее в кошмарах. — Ключ старта системы, тварь!

Сам Пеленгас пожаловал за тем, в чем нуждался больше всего. Лаитан, ошеломленная, дезориентированная, избитая до полусмерти, совершенно не представляла, о чем он говорит. Какой ключ, если ключом была она сама? Что еще ему от нее может быть нужно, когда ей оставалось два шага до саркофага капитана, чтобы все, включая и Пеленгаса, смогли убраться отсюда подальше?

Пальцы Посмертника сомкнулись на ее шее, поднимая вверх, заставляя ноги оторваться от пола. Лаитан вцепилась в корявые ладони Пеленгаса, затрепыхавшись в его хватке, как пойманная добыча в ядовитых силках. Но Посмертник держал крепко.

— Ключ на старт, выродок Сэла! — заорал он в самое лицо Лаитан, обжигая ее зловонным дыханием, от которого хотелось долго и не переставая блевать.

— Не... знаю... — выдавила она из себя, когда он чуть ослабил хватку. Из глаз текли ручьями слезы удушья, сломанные кости терлись друг о друга, причиняя нестерпимую боль, страх и ужас, нахлынувшие на нее в первые секунды драки, уступили место слабости и

панике.

— Свет! — рывкнул голос Варгейна Креса, и рубка озарилась ярким свечением. Хватка Пеленгаса ослабла, и Лаитан, как бы сильно ей не хотелось сейчас оказаться подальше, зажмурилась от яркости, и что есть силы пнула Посмертника ногой. Пальцы разжались, и она упала на пол. Она судорожно вздохнула, закашлялась и начала быстро отползать прочь, стремясь укрыться за большим ящиком оборудования поблизости от капитанского кресла. Стоящий перед ней Пеленгас резко обернулся, и Лаитан успела заметить только дернувшиеся на нем полы длинной одежды, рваной и перепачканной гнойнными выделениями. Проморгавшись, Медноликая посмотрела в спину Посмертника, перед которым тенью возник Морстен, резко вогнавший меч в живот врага.

— Мальчишка, — презрительно сплюнул на пол Пеленгас, отпихивая северянина с такой силой, что тот отлетел на десяток шагов. — Да если бы эти глупые игрушки Креса могли мне навредить, — он рывком достал из себя оружие властелина, отбросив его подальше, — разве стал бы я столько лет жить в этом дряхлом обличье!? — заорал он, вихрем проносясь по помещению. Удар ноги отбросил поднимавшегося Морстена еще дальше. — Разве стал бы я искать способ владеть этим гребаным ковчегом?! — Пеленгас ударил ногой в лицо противнику, и Лаитан услышала отчетливый хруст костей. — Разве не принял бы я смерть еще тогда, когда меня предал сам капитан? — уже спокойней сказал он, сгребая за шиворот оглушенного Морстена и начав колотить им о стену, будто куклой. — Не без твоего участия, конечно, сукин выродок!

По стене за Морстеном протянулись длинные кровавые мазки, а Пеленгас все долбил и долбил телом Морстена обо все, что попадалось на пути, отбивая его, будто кусок мяса. Последний раз шмякнув им о какой-то прибор, он отбросил его прочь, развернулся на пятках и размашисто зашагал к Лаитан, приросшей к полу от увиденного. Оставшийся лежать Морстен не шевелился, под ним расползлась кровавая лужа.

— Ключ! — рывкнул тщедушный старичок с искаженным отгнева серым лицом, вытянув вперед руку. Лаитан поняла, что это конец.

— Я не знаю, о чем ты! — со слезами в голосе крикнула Лаитан. Пеленгас остановился так резко, будто напоролся на невидимую стену. Потом он запрокинул голову и расхохотался. Через непродолжительное время смех перешел в хриплый кашель, и на пол полетели склизкие комки мокроты, смешанные с гноем и кровью.

— Тупая мелочь, ты даже не знаешь, что носишь на себе с рождения! Вообразила, поди, что тут нужна ты? — он решительно подошел к ней и бесцеремонно попытался снова ухватить ее за шею. Лаитан взвизгнула и забилась дальше под приборы, отпихиваясь и отбиваясь. — Тупая дура, я сам найду ключ на тебе. Ты вообще не нужна здесь. Подойдет любой твой близкий родич, если у него есть ключ. Достаточно просто золотой крови, идиотка! — рывкнул Пеленгас в лицо Лаитан, ухватив ее за ногу и выволакивая на яркий свет. Он встряхнул ее и потащил к креслу капитана, срывая куски одежды и обшаривая руками тело. Лаитан трепыхалась и пыталась вырваться, но иссушенные пальцы Посмертника оказались такими сильными, что с тем же успехом можно было бороться с твердостью камня или остротой стали Империи. Сорвав с Лаитан промокшую от крови куртку, он рванул рукава ее рубахи. Белесые, затянутые морочной пленкой глаза Посмертника алчно блеснули, когда он увидел тонкий золотой браслет на запястье Лаитан. Тот самый, с которым она не пожелала расстаться в пути, подаренный ей в день рождения, закрепленный на ее руке с первой минуты жизни. Крючковые пальцы Пеленгаса сгребли

браслет и рванули его на себя. Лаитан закричала, когда золотая цепочка резанула ей кожу. Кровь закапала на пол, сделав браслет скользким и юрким.

— Ты все равно не получишь желаемого! — крикнула Лаитан. — Крес не даст тебе уйти отсюда! Он живет в этом судне, у тебя ничего не выйдет!

— Он тебя не слышит, девчонка, — отмахнулся от нее Пеленгас. — Он уже никого не слышит, — гнусная улыбка Посмертника стала широкой и самодовольной. — Поверь, у меня была масса времени обдумать все это. Когда мое убежище, мой дом, мой мир умерли, я не уснул. Я выбрался, выжил, чтобы найти себе новых носителей. Примитивные — они не могут долго удерживать меня, но системы ковчега, пожалуй, подойдут мне. Я хочу жить! — закричал он, почти срывая голос. — Хочу жить сейчас, как хотел всегда! Но кто-то... Кто-то решил, будто я не достоин этой мелочи. Твой отец и его верная шавка, Варгейн Крес, любовничек Улы. Они договорились уничтожить мое хранилище, похоронить меня заживо. Только вот просчитались в этом. Я оказался умнее их всех! Поняла, бесполезная ты вырожденка?

Он снова поймал браслет пальцами и попытался сорвать с руки Лаитан.

— Я всегда ее слышу, Кири́н, — разнесся голос позади Пеленгаса. Тот выпустил Лаитан, оглянулся и тут же отлетел в сторону от удара кулаком Морстена в лицо. Лаитан хватило одного взгляда, чтобы понять: перед ней не совсем Гравейн. Черные глаза не поменялись, изменился их взгляд. И голос... словно бы звучащий через века, сдвоенный, натужный и немного чужеродный. Губы Морстена открывались, но слова были не его. Острый и внимательный взгляд, брошенный на Лаитан помятым и окровавленным человеком принадлежал Кресу. Его губы тронула едва заметная улыбка, но в ту же секунду он развернулся к ней спиной и схватил Пеленгаса за запястье, с хрустом выламывая руку из сустава. Посмертник не издал ни звука. Тогда морстен, чью голову полностью занял образ Креса на время, вывернул ему вторую руку, почти оторвав ее вовсе.

— Убить нельзя, расчлени́ть можно, — с холодной логикой в голосе произнес Крес. Пеленгас только сплюнул отвратительным комком слюны.

— Хочешь разобрать меня на части? — с издевкой в голосе спросил Посмертник. — Давай, вперед! Я все равно останусь жить в каждом кристалле, в каждой клеточке, в каждом микроне этого судна! Здесь все принадлежит мне! Уничтожь мою оболочку, и я скажу тебе только спасибо! Меня ты все равно не уничтожишь.

— Не в этом цель, — ответил Крес в теле властелина. Он дернул головой в сторону, и Лаитан, проследив его взгляд, увидела Мору, стоящую у дверей лифта. Рядом с ней сгрудились остальные, не решаясь вступить в схватку. Или просто охваченные ступором и страхом. В руках северной ведьмы что-то мелькнуло. Через секунду это оказалось в руке северянина, блеснув в ярком свете острием серебряного наконечника пики. Лаитан поняла, зачем Замок позволил Море следовать за Гравейном. Она принесла ту самую пику, смазанную ядом ледяных скорпионов, и кто его знает, чем еще с подачи Креса. Морстен перехватил пику поудобней и с силой всадил ее в грудь Пеленгаса. Тот закричал. Впервые за все время схватки. Закричал от всей души, от боли, от невыносимого страдания. Тогда Крес медленно вытащил пику из тела Пеленгаса, уронив его на пол, и пригвоздил ею снова, ударив в глаз Посмертника. Тот дернулся несколько раз, но острие пробило даже покрытие пола, что дало Лаитан понять — сплав был сделан вовсе не из серебра, что бы там не утверждал в свое время Морстен. Пеленгас затих и обмяк.

Крес отошел от него на шаг, продолжая буравить взглядом ненавистного врага, и только

потом перевел его на Лаитан.

Они смотрели друг на друга долгих несколько секунд, а затем Морстен мигнул, избавляясь от непрошеного союзника в голове, и взгляд его стал диковатым. Он непонимающе посмотрел на тело Посмертника, слабо подергивающегося и пытавшегося что-то булькать в адрес Креса, посмотрел на стоящих у лифта людей, от которых уже отделился Семь Стрел, намереваясь подойти ближе, а после посмотрел на Лаитан.

— Пора, — выдавила она, когда он оказался совсем рядом. — Давно было пора прощаться.

На губах Лаитан заиграла безумная улыбка, и в груди Морстена прокатилась жгучая волна сожаления и осознания — он не властен над этим мигот.

Она ухватила за него, и он помог ей добраться до трона посреди рубки.

— Что с Ветрисом? — спросила она, усаживаясь на свое место. Морстен пожал плечами.

— Был жив, когда я его видел в последний раз, — в свойственной ему манере отозвался он, стараясь не смотреть на Лаитан.

— Я позабочусь о том, чтобы его голову почистил его создатель, — сказала она, чувствуя, как на нее накатывают волны слабости, холодные и вязкие, как смертные ветра.

— Литан, мне жаль, что я... — торопливо начал Морстен, но она закрыла глаза, не в силах видеть его чужое лицо после того, как только что видела Варгейна.

— Мне тоже жаль, что это ты, — перебила его она и позволила креслу принять свое тело в мягкие объятия.

Смерть всегда отвратительна. Даже без физиологических подробностей, вроде расслабления мускулатуры и посмертного испражнения жидкостями тела из всех отверстий, о которых, конечно, не пишут в героических сагах и балладах. Смерть отвратительна самому естеству человека, как нечто чужеродное, пугающее своей завершенностью и последней точкой жизни. Именно потому смерть изображают так, чтобы она пугала, вызывала ужас и острое желание никогда не встречаться с ней раньше положенного срока.

Смерть несет в себе мерзость и отторжение, страх и иррациональный ужас перед ней, как перед тем, что невозможно познать на чужом примере. Застывшие маски мертвецов, отвратительные, искаженные лица мертвых, гниющие трупы и детские страшилки — все в природе кричит о том, что смерть есть последнее, что видит перед собой живое.

Крайняя степень безумия, шок, углубленное путешествие по своему разуму помогают людям пережить этот момент, даже не замечая случившегося. Но не даром мудрецы твердят о том, как нужно встречаться со смертью. Не даром, не даром они учат людей спокойствию. Познанию смерти при жизни посвящено множество трудов, и каждый из них, на самом деле, направлен на то, чтобы подготовить человека к неизбежному, приучить к мысли о своей кончине, успокоить и заставить принять факт своей смертности.

И каждый человек, пусть на краткий миг, пусть на долю секунды, но боится момента смерти. Состояния умирания, того краткого периода, длиною в несколько минут, когда душа покидает тело путем остановки всех жизненно важных функций организма.

О смерти слагают стихи и поэмы, ее воспевают в сагах и балладах, приукрашивая ее величие и добавляя изрядную порцию героизма, чтобы глупые мальчишки на поле брани не обгадились в доспехи, когда копьё входит в кишки и выходит со спины. Когда ты понимаешь — это конец. И выхода нет, выбора нет, ничего больше нет. А есть только она, грязная и глупая, неожиданная и коварная, обманувшая надежды и подкравшаяся из-за угла. Смерть приходит к каждому, и каждый выбирает путь подготовки к ней.

Но смерть всегда была и будет отвратительной. Пусть и в своей красоте, доблести и героизме. Пусть и на гравюрах, картинах и в устах поэтов. Пусть на поле брани, в своей теплой постели, в объятиях любовника. Она отвращает от себя живое, отталкивает его, облакаясь этими живыми в несуразные образы масок и рваных одеяний. Такова ее роль и участь: оттолкнуть и отогнать глупцов и наивных романтиков.

Тонкий браслет на запястье, разомкнувшись под защитным полем капитанского кресла, превратился в узкую золоченую проволоку. Подвешенные на ней значки с гравировками вытянулись в прямую линию, образовав подобие ключа с бороздками. Символы Долины, Замка, Империи и даже Пеленгаса торчали под прямым углом к основанию ключа. Один из подлокотников кресла выдвинулся, в нем открылась панель, которая притянула к себе стартовый ключ, щелкнувший в углублениях, когда в них вошли вытянутые на браслете символы правителей. Ключ на старт, запуск системы был активирован.

Сознание Лаитан испытывало жесточайшую нагрузку и панику. Она смутно ощущала, как истекают мгновения с тех пор, как Морстен положил ее на кресло. Широкие ремни захлестнули истерзанное тело, прижимая к плотной поверхности трона. Она вытянулась, прижав руки к телу, голову стянул ремень, и над ней выдвинулся купол саркофага. Словно во

сне, она смотрела, как прозрачная преграда наползает сбоку, закрывая ее от прочих взглядов. На середине движения, замерев в самой высокой точке, купол дернулся и остановился. Лаитан смутно поняла, что что-то пошло не так. Но широкие фиксирующие захваты уже прижали тело к креслу, податливо начавшему опускаться в лежачее положение, и Медноликой оставалось только смотреть на происходящее.

«Попытка входа в систему. Активация модуля распознавания генотипа. Процесс идентификации запущен», — мягко шептал голос из подголовника, не слышимый никому, кроме Лаитан. Секунды потекли медленней. Сбоку, змеясь и дергаясь, показались прозрачные трубки с острыми иглами на концах. Они тоже конвульсивно сжимались, пытаясь отыскать вены на руках Лаитан. И когда первые уколы разорвали кожу, она лишь стиснула зубы. Кто знает, чего еще напихал в систему Посмертник? Теперь ей придется узнать это на своем опыте.

«Генетический материал распознан. Приветствую вас, капитан Литан. Ковчег готов начать процедуру расконсервации. Данные биоматериала отправлены в хранилище, имеющиеся образцы будут заменены на новые...»

— Нет... — прошептала Лаитан потрескавшимися губами. — Нет. Не надо замены.

Она представила себе, как умное судно сейчас качает в банки данных ее генокод, и ужаснулась. Пять тысяч лет ее род любовно пестовал все отклонения капитана Литана, передавая их по наследству от матери к дочери, оплодотворенным их единственным отцом, который был носителем заболевания. И теперь, скачав в банк данных свой материал, Лаитан должна была обречь целый народ на органическое поражение мозга в будущем.

Система замерла. По развернувшимся над головой экранам поползли столбцы данных и схематические графики вычислений. Лаитан, мотнув головой, еще раз подтвердила отмену замены материала.

Скосив взгляд, она заметила подошедших к ней аватаров системных управителей. Искин навигатора был искажён черными полосами, словно по экрану ударили чем-то, и он пошел трещинами, теряя функциональность. Золотой колосс Империи, их невидимый искин, управляющий целым царством пять тысяч лет, имел на лице золотую маску в виде двойного солнца, чьи лучи расходились неровными стрелками, обязательно пропоровшими бы кожу любому человеку. Но голограмма искина с лицом и фигурой Сэла Литана не была живой, и острые сверкающие иглы, погружаясь в тело, проходили насквозь, не причиняя вреда. Из носового отверстия у золотого исполина тоже сочилась чернота, стекающая, словно кровавые струи до подбородка, и придавая колоссу сходство с бородатым жителем юга.

Последним оказался Варгейн Крес. В черных, словно светящихся этой чернотой, глазах искина не было ничего, кроме сожаления. Он выглядел похожим на человека куда больше остальных. Даже волосы будто бы трепал невидимый ветерок, а тронувшая губы улыбка вышла чересчур тёплой для информационной копии некогда живого человека.

Лаитан понимала остатками воспалённого разума, чья кора уже перегревалась до смертельного состояния, что ей только кажется это. Она видела в Кресе, в аватаре искина, то, что ей хотелось, а вовсе не то, чем он был. Взгляни на него любой другой, он увидел бы только голограмму, антропоморфную форму цифрового содержания и недюжий искусственный интеллект, способный рассчитать переход в соседнюю систему.

— Ты меня слышишь? — одними губами обратилась она именно к Варгейну. — Отмени замену материала судном.

Мольба иотчаяние во взгляде Лаитан не произвели бы впечатления на искина, но мир

сумасшедших тем и привлекателен, что в нем все происходит по велению большого разума. Кресс едва уловимо кивнул, и его губы раскрылись, пропуская слова, которых Лаитан не слышала или не поняла. Но ей это было уже не нужно. Она слышала то, что хотела: я всегда тебя слышу, Литан.

«Капитан Литан, судно готово к использованию на сорок процентов. Энергоячейки придут в полную готовность через четыре часа. Распоряжения предварительного списка остаются в силе?» — снова зашуршал голос системы из подголовников. Лаитан не знала, что это за предварительные подготовки.

— Первый пункт списка? — уже не в силах открыть глаза, спросила она.

«Первый пункт — подготовка судна к автономному использованию. Второй пункт — инициация работы планетарных щитов. Третий пункт — подготовка к старту с планеты», — начала перечислять система. Лаитан плыла куда-то далеко, голоса отдалялись и отдалялись. Руки и ноги онемели от боли, кровь загустела в жилах, разум уже не видел границ между вымыслом и реальностью.

Но то, что произнесла система дальше, заставило ее вернуться обратно. Ухнуть в раскаленную лаву мучений и криков. Открыв глаза, она поняла, что это ее крик.

«Внесённые изменения аннулируют протоколы консервации и инициации работы планетарных щитов. Новые инструкции: уничтожить все живые организмы на борту судна, поместить генетические пробы навигатора Ветриса в банк данных, отобрать пригодный для строительства цепочек генокода материал и поместить в банк данных, стереть матрицу кристаллов искинов первого и второго порядков, уничтожить информацию о капитане Сэле Литане, уничтожить любые сходные генетические пробы капитана Сэла Литана, уничтожить генетический материал и информацию в кристаллах главы системы безопасности Варгейна Кресса, уничтожить...»

Лаитан задержалась в ремнях. Судно предлагало уничтожить все. Стереть кристаллы, заменить их новыми, подготовленными для этой процедуры, избавиться от всех данных, оставив только искин навигационной системы и навыки личности Ветриса для путешествий между планетами системы. Судно желало захлопнуть все двери, вымарав, вычистив из себя, а потом и с поверхности планеты, все живое, впуслав на борт формы новой жизни, внесенные в каталог разрешённых к допуску биоформ.

Посмертник предлагал уничтожить каталоги, по которым сверялся биоматериал, чтобы заменить их новыми, где будут существовать только его новые потомки. Бессмертные, потому что уже мертвые. Он хотел жить, и эта жажда, пронесенная им через тысячи лет, привела их всех на ковчег, должный стать его новым телом. Вместилищем разума Пеленгаса, инкубатором для создания физического тела для него. Сильного, выносливого, способного существовать почти вечно. Банки данных ковчега давали широкие возможности клепать себе тела, созданные прочными, способными нести внутри личность Посмертника. А пока процесс будет калиброваться и дополняться модификациями, он проживет в настоящем исполине — ковчеге спасения, с именем «Безупречный». Отличное новое тело для такого амбициозного, хитрого и, к несчастью, талантливого существа.

Лаитан снова хотела закричать, но из горла вырвался только протяжный стон. В мыслях поплыли картины прошлого. Все ее матери, которыми теперь была она сама, убивали, пировали, совокуплялись друг с другом и со слугами, казнили, воевали, праздновали, правили, отравляли конкурентов, плели интриги и вели сражения за территории.

В пестрой мешанине запахов, лязга, музыки и цветов Лаитан зацепилась за образ Замка.

Знакомые стены были черны от пожаров, оборванные знамена и сгоревшие гобелены свисали лохмотьями отовсюду. Черный железный трон, как остов сгнившего зуба, возвышался в отдалении. И на нем, словно памятник безумству и горечи, сидел, сросшись с ним, скелет черного правителя севера.

И перед взглядом Лаитан возникла фигура наемника в потрепанных доспехах. Светлые волосы еще не тронуты сединой, лицо искажено злобой и яростью, в руках простой меч, на коже порезы и глубокие раны. И ее рука, направившая в грудь острие черной алебарды, с неумолимой скоростью приближавшегося к податливой человеческой плоти.

— Госпожа! — недоуменно кричал наемник с черными глазами, увидев в последний момент руку с оружием.

— Наследник гнилого семени не должен выжить!

«Святые небеса, — в ужасе ощущая, как колотится сердце, пропуская удары, подумала Лаитан, — моя праматерь знала тайну Морстена. Они все знали. Знали о неукротимых попытках Креса обзавестись потомством. И уничтожали их всех, пока он не спрятал Гравейна в отдалении от Замка. Они все знали. Всегда знали и уничтожали всех его потомков. Только я одна не знала правды. Не нужно мне было ее знать».

Время остановилось и кончилось. Черное лезвие легко вспороло доспехи и защиту наемника, проникая в сердце. Тот упал к ногам праматери Лаитан, и она перешагнула через него, как через мусор, двинувшись к железному трону властелина.

Лаитан осталась стоять бестелесной душой, покинувшей тело, и смотреть вслед своей предшественнице. Губы искривила гримаса отвращения ко всему своему роду, руки силились нащупать оружие и ударить в спину бывшей царице Империи.

Но тут наемник встал, вытащил из груди лезвие и одним ударом вогнал его в сердце Лаитан.

Она дернулась, приходя в себя. Перед ней, мигая всеми тревожными огоньками, до сих пор дергался прозрачный купол так и не закрывшегося саркофага. А перед самым лицом мутной картиной осталось в памяти лицо Морстена, чья рука до сих пор сжимала острый меч, кончик которого глубоко вошёл в грудь Лаитан.

Смерть всегда отвратительна. Даже без подробностей. Разум мечется, пытаюсь осознать неизбежное, ища выход там, где его нет и больше не может быть. Последние минуты, когда тело уже конвульсивно дернулось и замерло, сознание еще теплится где-то в глубине мозга, сужая зрение до туннельного, а слух превращая в искаженную мешанину звуков вокруг. Разум Лаитан тоже метался. Ужас и страх, охватившие рассудок, сломали границы искаженного болью и болезнью мозга, на краткий миг вернув четкость восприятия и осознания. Но тут же вместо Морстена рядом встал Крес. Он опустился на колени, словно зверь, и положил косматую голову на грудь Лаитан, слушая, как из нее выходит жизнь.

Звуки аварийной системы разорвали замершее стеклянное пространство, расколов его на острые осколки звуков и цветов. Разлетевшиеся во все стороны, они градом осыпались под ноги выживших и собравшихся в зале управления, заставив пригнуться и даже закрыть уши руками. Лампы мигали всеми цветами, пол задрожал и закрипел, а саркофаг с телом Лаитан разом захлопнулся, потемнев и ухнув в пол, провалившись куда-то вниз.

Оставшийся стоять Морстен глупо смотрел на окровавленное лезвие оружия в своих руках, словно не мог поверить в содеянное. По его лицу трудно было что-то прочесть, но

руку он опустил не сразу. Системы взорвались оглушительным ревом, когда из динамиков послышался каркающий смех Посмертника. Он вещал что-то о своем величии, разуме и порядке, пока Гравейн медленно шел прочь, намереваясь покинуть это место. Искусственное сердце стучалось о ребра, едва не ломая их, но он упорно переставлял ноги по направлению к шахте лифта. Остаться здесь было для него совершенно ненужно. Перед ним возник Кресс, и Морстен с такой ненавистью уставился на него, что искин даже отступил. Морстен сделал шаг к нему, сжимая бесполезный против искина меч. На третьем шаге он запнулся, осознавая, что сердце работает неровно. Пропустив удар, оно замерло, и Морстен потерял сознание, не добравшись до Креса всего один шаг.

— Я переиграл вас всех! — громоподобным голосом орал Посмертник. — Я переиграл даже великого Варгейна Креса!

Голограмма безопасника, подёргиваясь от черных всполохов огня, пробегающих по его изображению в реальном времени, пожала плечами и отошла в сторону.

Посмертник заткнулся на полуслове, когда энергия ковчега разом перестала поступать на все системы...

«Зафиксирована смерть капитана Литан, — сообщила система в пустоту саркофага. — Смерть капитана... смерть капитана... внимание! — возвысился голос системы. — Нарушение первичного протокола формирования! Смерть капитана не допустима! Система перезагружается в автоматическом режиме. Извлечь запасные копии информационных блоков, стирание имеющихся матриц в задействованных кристаллах, загрузка новых данных, загрузка новых данных, загрузка новых протоколов, загрузка новых протоколов... загрузка завершена. Система включается в тестовом режиме».

Истекающий гнилью Посмертника золотой колосс дёрнулся, распадаясь на миллиарды искр, и сформировался снова через минуту реального времени. Серебристый навигатор тоже последовал его примеру. Новое изображение Литана, уже без любых поражений, повернуло исполинскую голову к аватару навигатора. Тот согласно кивнул. Искины пропали из реального пространства, уходя в цифровые копии и начав процедуру новой загрузки из запасников системы. Кресс, запрокинув голову, смеялся. Его беззвучный смех продолжался даже тогда, когда он распался на составляющие цифровые обрывки, мигнувшие в свете включившихся панелей зеленоватым светом. Варгейн больше не появился. Валявшийся на полу Ветрис, дёрнувшись, обмяк. Его тело тут же подхватили манипуляторы судна, унося в медблок, где ему предстояло снова воскреснуть через некоторое время. Новая копия клона навигатора будет очищена от скверны Посмертника-Пеленгаса. Система учтет данные, собранные в процессе пути до ковчега.

Варгейн Крес, сумевший вытащить запасные данные и кристаллы, в которых они были, подготовил в ковчеге последний шанс избежать захвата, запрограммировал систему таким образом, чтобы та после физического прекращения жизнедеятельности Литан запустила общую перезагрузку систем в безопасном и тестовом режимах. Тогда не включались основные, готовые к работе, хранилища данных, а сами данные подгружались с новых носителей, любезно собранных и убережённых от Посмертника и его порчи Варгейном.

Лаитан умерла. И едва система пискнула прямой линией сердцебиения, как ковчегу не оставалось ничего иного, как перезагрузить систему. И тогда вся игра Пеленгаса перестала иметь значение. В новой системе судна больше не было порчи и изменённых кристаллов, а с таким трудом вырванные и спасённые данные встроились в кристаллы из других

источников.

Крес смеялся в цифровом пространстве, когда тело Морстена укладывали на стол в автоматическом отделении медблока. Живое сердце самого Креса, до сих пор хранящего своё тело в глубокой заморозке после последней попытки оставить потомков, должно было оказаться в груди его сына через несколько часов. Сам Крес знал еще пять сотен лет назад — ему больше не надеть белковую оболочку, изношенную и потерявшую связь с реальностью окончательно.

Крес смеялся, наслаждаясь бешенством исчезающего из системы Посмертника, и утирал слезы, которых не могло быть в его виде, но которых ему так не хватало все эти годы.

Безопасник принял привычную для себя при жизни форму, облачившись в черные одежды, и молча наблюдал за подготовкой к операции своего потомка. Гравейн Морстен думал, что его лишили возможности чувствовать, избавив от настоящего сердца, заставив демонстрировать всем кусок железа в груди. Как будто бы отсутствие какой-то мышцы в теле могло помешать ему чувствовать привязанность или глубокое уважение!

Он не понимал этого. Так что пусть теперь он проживёт остаток дней с тем куском плоти, о котором так скучал. Это все равно не изменит его отношения к себе, Лаитан, миру и новой дороге. Впрочем, такое жестокое разочарование ему только предстоит. А пока... пока Крес сделает все возможное, чтобы его живое сердце послужило еще немного. Хотя бы затем, чтобы Морстен понял: для того, чтобы слышать — не нужны уши, а для того, чтобы жить, не нужно сердце. Поделиться душой Варгейн Крес не мог.

По его сигналу горцы ловко и стремительно подходили к собравшимся людям и с силой нажимали на точки на их телах. Люди начали падать вниз, оседая на пол и оставаясь на нем без сознания. Некоторые, включая и дварфа, попытались сопротивляться, но горцы знали свое дело. Пока одни выключали сознание людей, не разбираясь, у кого какая кровь, другие, повинаясь приказу Семь Стрел, шагнули к панелям в стенах, активируя скрытые резервные контуры энергии. Запасные батареи дали поток силы, и уже через несколько минут всех унесли в располагавшиеся ниже отделения медчасти. Там людям предстояло подождать, пока система сделает свое дело, подлечит их и погрузит в милосердный сон без сновидений. Очнувшись, они не вспомнят последних мгновений перед тем, как оказались в новом месте.

Объяснения воспоследуют, но позже. Сейчас не до них.

Семь Стрел сощурился, вглядываясь в прямую линию на небольшом мониторе капитанского пульта, отражавшем состояние Лаитан. Линия дернулась. Раз, другой... брови горца поползли вверх от удивления, на губах появилась легкая улыбка.

— Давай, сестренка, борись до конца, — шепнул он. Потом, отвернувшись, чтобы не видеть исхода дела, он решительно сдернул с себя длинную куртку и закатал рукав рубахи на правой руке. Сунув ее до самого плеча в углубление рядом с креслом для второго пилота, он четко произнес:

— Системе принять пробы. В ответ его кожу пронзили иглы, вгрызавшиеся в плоть с таким остервенением, будто желали сожрать горца до последней косточки.

— Капитан Литан, ваш код принят, — оповестила система. Ноа Литан улыбнулся шире, рывком вытаскивая руку из ложбинки, и обводя взглядом рубку. Его люди, посвященные в тайну его происхождения, молча смотрели на него, ожидая приказов. За спиной мигала красными и оранжевыми всполохами линия жизни Лаитан.

— Состояние второго помощника? — непривычно жестким тоном осведомился Ноа у

системы. Его руки уже нашарили стерильные салфетки в выемке рядом с его креслом, и теперь он протирал места уколов от сканирующей системы.

— Второй помощник, Лаитан, находится в коме. Шансы на выздоровление ноль целых две сотых. Шансы на реабилитацию ноль целых две сотых, шансы на...

Ноа нетерпеливо махнул рукой, прекращая поток информации. Если Медноликая и выживет, она останется в коме, в плену своих видений и нереалистичных снов. Но это вряд ли случится, и Ноа Литан от всей души пожелал своей сводной сестре покоя и забвения.

Народ звездочетов, отколовшийся от Империи на заре формирования, сумел сохранить не только память о начале времен, но и пронести через тысячи лет устойчивый генокод, взявший начало от первой Литан, Улы, но уже без участия в проекте замороженного семени ее ненормального отца. И теперь Ноа Литан, Семь Стрел, по праву являлся капитаном ковчега «Безупречный». Он стоял лицом к своим людям, готовым приступить к реанимации судна, выросших сосознанием предстоящей миссии, не несущим на себе бремя незнания и готовыми приступить к трудной и долгой работе.

— Развернуть щит над планетой, — сухо отдал приказ Ноа, повернувшись к экранам у пульта капитана. Он обошел появившееся из пола кресло, на котором до него лежала Лаитан, и сел в него, жестом отправив своих людей заниматься их работой. Каждый из них знал, что ему делать. Каждый получил инструкции перед выходом. Каждый нес в себе часть устойчивой к мутациям и болезням крови всех изначальных отцов этой эпохи.

Темные глаза Ноа смотрели на экраны, пальцы легко вдавливали клавиши запуска систем тестирования, а мысли были заняты предстоящей эвакуацией организмов с поверхности планеты.

Остальное не волновало Ноа Литан.

Больше книг на сайте - Knigolub.net